

Г.Ф. Габдрахманова

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
2010

УДК 008:394/395:334
ББК 60.54:65.011.3
Г 12

*Печатается по рекомендации
Ученого Совета Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Монография подготовлена и издана при поддержке
Российского гуманитарного научного Фонда (проект №08-03-00087а)

Научный редактор –
ведущий научный сотрудник Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук **Р.И. Мусина**

Редакционный совет:
Р.С. Хакимов, Р.Р. Хайрутдинов, Ф.М. Султанов

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Г.Р. Столярова**,
кандидат социологических наук **С.В. Рыжова**

Габдрахманова Г.Ф.
Г 12 **Этнокультурные ресурсы экономического развития / Г.Ф. Габдрахманова.** – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 370 с.

ISBN 978-5-98180-868-5

Монография посвящена анализу процесса адаптации русских и татар Республики Татарстан к рыночной экономике. На основе анализа данных официальной статистики, репрезентативных опросов, интервью раскрываются социально-экономические установки представителей этнических групп. Большое внимание уделяется изучению ресурсов, которые аккумулируют народы в новой рамке экономических отношений. Данная проблема рассматривается в широком контексте социально-экономического развития Российской Федерации, в аспекте ее влияния на межэтническую и социальную интеграцию нашей страны.

Книга может быть полезной для социологов, социальных психологов, антропологов, культурологов, сотрудников органов государственного управления, а также для тех, кто интересуется этническими проблемами.

УДК 008:394/395:334
ББК 60.54:65.011.3

ISBN 978-5-98180-868-5

© Габдрахманова Г.Ф., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретико-методологическое обоснование исследования ..	31
§ 1. Этничность на экономическом поле: основные исследовательские направления	31
§ 2. Теории рационального выбора и капитала: перспективы использования при изучении адаптации этнических групп	46
ГЛАВА II. Исторические предпосылки и особенности современного социального развития татар и русских в Республике Татарстан	77
§ 1. Роль образования и этнодемографических процессов в этносоциальной стратификации	78
§ 2. Социальная структура и трудовой статус: наследие и современность	100
§ 3. Социальные перемещения этнических групп в 1990 – 2000-е гг.	140
ГЛАВА III. Этнические особенности экономических ориентаций ...	156
§ 1. Восприятие социально-экономических реформ среди представителей этнических групп	156
§ 2. Этносоциологический и кросс-культурный анализ социального капитала	191
§ 3. Экономические установки этнических групп в параметрах Ш. Шварца	221
ГЛАВА IV. Культура как ресурс адаптации этнических групп	241
§ 1. Татарский язык на современном рынке труда Республики Татарстан	242
§ 2. Особенности социально-экономических взглядов верующих	274
§ 3. Понятие и основные принципы исламской экономической модели ..	307
§ 4. Рынок мясных халяль-продуктов: символизация, акторы, дискурсы, стратегии	326
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	354
ПРИЛОЖЕНИЕ	356

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «ресурс», или, как иногда говорят, «капитал», вынесенное в название книги, наверняка вызовет у читателей, родившихся в эпоху развитого социализма, целый ряд ассоциативных образов: К. Маркс и его одноименный фундаментальный труд, обязательно входящий в фонды государственных и личных библиотек, прибавочная стоимость, В.И. Ленин, большевистская партия, обязательный выпускной экзамен в высших учебных заведениях и т. д. К. Маркс — основоположник трудовой теории — считал, что капитал включает в себя накопленный овеществленный и живой труд. У современного молодого российского поколения главными элементами матрицы «капитала» являются хорошее образование, деньги, связи с «нужными людьми», имущество. По сути, и те и другие правы в понимании сущности капитала. Капитал — это то, что обеспечивает социальный успех и может стать основой идеологии целого государства, ресурсом отдельного поколения, социальной группы или личности. Это сила, вписанная в объективные или субъективные структуры, а также принцип, лежащий в основе имманентных социальному миру закономерностей. Это то, на чем основаны игры общества¹.

Всеобщий экономический кризис, стартовавший в конце первого десятилетия XXI века, спровоцировал обсуждения принципов современного мира. Лидеры ряда государств стали настаивать на изменении старой, неэффективной экономической системы зависимости всех стран мира от одной державы. Эта идеологема поддерживается и российским правительством. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев настаивает на необходимости разработки новой системы мирового порядка и включения в нее нашей страны. Среди ученых-обществоведов актуализировались дискуссии о выборе ресурсных основ государственного развития. Одни призывают учитывать западные опыты — позитивные и негативные — и на их основе выстраивать внутреннюю социально-экономическую политику Российской Федерации. Другие предлагают использовать этнокультурные особенности человеческих ресурсов в России, их инновационный потенциал. Масштабные социологические исследования демонстрируют

рост поддержки второй позиции на массовом уровне. В последние годы в российском обществе формируется неоконсервативная волна: «в массовом сознании постепенно крепнет уверенность, что западный путь для России не так уж и хорош, а ее культурно-историческое своеобразие нужно хранить и развивать»². В научном дискурсе это своеобразие часто связывается с действием цивилизационно-экономического (экстенсивный путь развития русского этноса, русские традиции политических институтов и т. д.), геоклиматического, этноэкологического (среда формирования русского этноса) и этноконфессионального (православный) факторов. При этом «неудачи российских реформ стереотипно объясняются российской ментальностью. Но саму Россию «каршином общим не измерить»»³. Наша страна — это не только русские, но и народы, численность которых насчитывает миллионы или сотни и десятки тысяч. У каждого из них не только специфическая среда обитания, но есть и образы желаемой ими страны, государства. Все они не забывают о своей национальности⁴.

Социальная трансформация всего российского общества, наблюдавшаяся в последние десятилетия XX столетия, сопровождалась актуализацией этнических чувств и интересов населения нашей страны. На большое разнообразие этносоциальной фрагментации России накладывается социальная неоднородность российского общества, сопровождающаяся крушением прежних единых коллективных представлений и ряда социальных институтов. Последнее способствовало тому, что часть общества опустилась на адаптационный уровень социальности, главной движущей силой которой является выживание

² Путь на Запад и обратно. Интервью с М. Горшковым // Российская газета. 2008. 5 марта.

³ Дробижеева Л.М. Этносоциология перед вызовами XXI века // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26 – 28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 23.

⁴ По данным репрезентативных этносоциологических исследований, проведенных под руководством Л.М. Дробижеевой, на рубеже 1990 – 2000-х гг. более половины русских, татар и якутов, присоединились к мнению, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа». И доля людей с такими установками растет. См.: Дробижеева Л.М. Потенциал интеграции в условиях возрастающего социального многообразия национальностей // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проректа и отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.: Academia, 2002. С. 447.

¹ Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 519.

(Т. Парсонс⁵, В. Федотова⁶). У этнических групп адаптация зачастую сопровождается «потерями из резервуаров собственного культурного наследия»⁷. Обвал экономики обострил социальную ситуацию как в мировой системе в целом, так и в ее отдельных регионах и группах. Снижение уровня материального благосостояния, ситуации конкурентности за рабочие места, участие во власти, а также угрозы личной безопасности и потери культурной самобытности являются зонами потенциальных социальных и межэтнических конфликтов, могут восприниматься этническими группами как намеренная дискриминация. Проблема адаптации населения, социальных и этнических групп к новым экономическим и социальным условиям становится одной из центральных проблем в современном российском обществе. Во имя стабильности страны, предупреждения конфликтов и межэтнического противостояния важно своевременно выявлять ситуации возможных напряжений на этносоциальных полях действительности.

Основоположниками изучения взаимосвязей культуры и экономических отношений являются М. Вебер⁸ и В. Зомбарт⁹. Вебер объясняет генезис современного капитализма, связав эту проблему с протестантизмом. Он усматривает связь между этическим кодексом протестантских вероисповеданий и духом капиталистической экономики, основанной на идеале предпринимателя-рационалиста. По мнению Зомбарта, изучившего экономическую историю Западной Европы, главной предпосылкой капитализма стало проникновение еврейской субкультуры.

В отечественной науке пионерами в изучении этнических аспектов социально-экономических процессов стали этнографы. М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров еще в 1930 – 1940-е гг. показали, как, вопреки советской идеологии унификации национальных различий, среди народов СССР сохранялась связь между материальной культурой и ти-

⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

⁶ Федотова В. Модернизация «другой» Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997.

⁷ Губогло Н.М. Адаптация и адаптации: универсальные параллели и локальные практики // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / редакторы-составители Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. Общая редакция М.Н. Губогло. М., 2008. С. 6.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

⁹ Зомбарт В. Буржуа. Еврей и хозяйственная жизнь / пер. с нем. М.: «Адир-пресс», 2004.

пом хозяйствования. Эта мысль легла в основу концепции «хозяйственно-культурных типов»¹⁰.

В советский период этническую специфику экономического поля в нашей стране фиксировали и этносоциологи. В 1967 – 1968 гг. под руководством Ю.В. Арутюняна был реализован первый в СССР масштабный этносоциологический исследовательский проект «Оптимизация социально-культурного развития наций». Исследование осуществлено сотрудниками сектора конкретно-социологических исследований Института социологических исследований. Задачей проекта, наряду с изучением культуры и семейного быта, языковых процессов и национальных отношений, стало выявление социальной структуры и социальных перемещений этнических групп Татарской АССР. По результатам исследования была издана монография¹¹. Проблема социальной структуры этнических общностей оставалась центральной для отечественных этносоциологов до конца 1980-х гг.¹², а сам подход к изучению этносоциальной стратификации стал доминирующим в этносоциологических исследованиях.

Другим направлением изучения экономического поля для советских этносоциологов стал анализ трудовых ресурсов народов. Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан обнаружили, что в послевоенный период темпы прироста основных производственных фондов в среднеазиатских республиках были существенно выше, чем в СССР в целом. В то же время темпы роста производительности труда и объема продукции были за тот же период ниже общесоюзных. Ситуацию усиливала высокая текучесть кадров. Все это стало причиной неосвоения в срок проектной мощности 30% новых предприятий в среднеазиатских республиках¹³. Позже, в конце 1980-х гг., О.И. Шкаратан впервые в отечественной науке выдвинул мысль о необходимости выделения этноэкономики в качестве самостоятельного исследовательского направления.

¹⁰ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3 – 17.

¹¹ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М.: Наука, 1972.

¹² Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Наука, 1971; Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М.: Наука, 1986.

¹³ Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национальные традиции в социалистической экономике // Вопросы экономики. 1983. № 4. С. 38 – 47; Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национальные трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования. 1983. № 2. С. 43 – 54.

Одной из ее задач должна стать фиксация тех этнических образцов поведения, которые способны оказывать влияние на производственный процесс и учитывая которые можно смоделировать этнокультурное разделение труда¹⁴.

Этнические особенности социально-экономических процессов выявлялись и на материалах Татарской АССР. Выше мы упомянули научное исследование «Оптимизация социально-культурного развития наций», реализованное московскими этносоциологами на татарстанском поле. Исследователи обнаружили различия в социально-профессиональной структуре русских и татар республики, показали культурные и межэтнические установки различных профессиональных групп. Эту тему разрабатывали и республиканские ученые. Социальную биографию нефтяников-татар юго-восточной зоны ТАССР изучала Р.К. Уразманова. В ее работах раскрываются этнические особенности формирования отряда рабочих и их бытовая культура¹⁵. Я.З. Гарипов в 1985 г. провел исследование на заводе «КамАЗ» и выявил социальную структуру татар и русских, работающих на предприятии¹⁶. В 1989 – 1990 гг. было проведено этносоциологическое исследование «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР». Исследователей интересовали новые социально-экономические аспекты этносоциального поля: этносоциальная стратификация, трудовые ценности и экономические ориентации: отношение к новым для того

¹⁴ НТР и национальные процессы / под ред. О.И. Шкаратана. М., 1987.

¹⁵ Уразманова Р.К. Быт нефтяников-татар юго-востока Татарии: дис... канд. ист. наук. М., 1968; *её же*. Особенности формирования и основные черты быта рабочих нефтяников-татар юго-востока Татарии // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. М.: Наука, 1968. С. 96 – 118; *её же*. Формирование рабочего коллектива нефтяников юго-востока Татарии // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань, 1965. С. 23 – 30.

¹⁶ Гарипов Я.З. Некоторые особенности воздействия НТР на социальное развитие населения национальных районов // Научно-производственные и социально-экономические проблемы производства автомобилем «КАМАЗ». Тез. докл. V республиканской научно-практической конференции. КАМАЗ-КАМПИ. 6 – 7 июня 1986 г. Н. Челны, 1986. С. 281 – 282; *его же*. К проблеме совершенствования социально-профессиональной структуры трудящихся (на материалах Татарской АССР) // Проблемы совершенствования социально-классовых отношений в советском обществе. Тез. Всесоюзной научной конференции. Харьков, 22 – 24 сентября 1987 г. Раздел VII. Вып. I. М., 1987. С. 53 – 55; *его же*. Социально-этническая структура работников и межнациональные отношения на КАМАЗе // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С. 65 – 82.

времени экономическим явлениям – кооперативному движению, арендному подряду; выявлялась трудовая мотивация русских и татар. Результаты проекта отражены в монографиях¹⁷ и публикациях¹⁸ участников. Внимание республиканских ученых было направлено и на изучение этнических особенностей социально-профессиональных групп. В рамках проекта «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» в 1990 г. проведен опрос татарской научно-творческой интеллигенции. Его результаты представлены в работах М.Н. Ганиева¹⁹, Р.Н. Мусиной²⁰, Л.В. Сагитовой²¹.

1990-е гг. – период падения интереса отечественных этносоциологов к проблеме «этничность и экономика». На то были объективные причины. В тот период этничность не просто заявляла о себе через рост этнического самосознания, но и приобретала форму «лающих национализмов» и, зачастую, выступала в виде вооруженных конфликтов. Этносоциологи изучали межэтнические отношения.

В начале 2000-х гг. в России стали обсуждаться проекты инновационной экономики. Одновременно изменила свое выражение и этничность: «на протяжении 90-х гг. интересы этнических общностей смещалась из сферы поначалу символической, культурной и психологической (принятие Декларации о суверенитете, провозглашение языков народов, дающих название республикам, государственным, сохранение ценностей культуры, групповой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем и социально-экономичес-

¹⁷ Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1991; Современные национальные процессы...; Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1994.

¹⁸ Ахметов Р.М. Социально-профессиональная мобильность городского населения Татарстана. Этнический аспект // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 116 – 142; *его же*. Татары и русские: трудовая мобильность // Татарстан. 1997. № 2. С. 17 – 21.

¹⁹ Ганиев М.Н. Социально-этническая структура научных кадров Республики Татарстан и некоторые проблемы ее оптимизации // Современные национальные процессы... С. 91 – 99.

²⁰ Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары. М.: Наука, 2001. С. 507 – 519.

²¹ Сагитова Л.В. Татарская интеллигенция и ее роль // Там же. С. 522 – 531.

кую»²². Российских этносоциологов стали интересовать вопросы, связанные с встраиванием народов в новые экономические отношения. Одним из первых проектов этого периода стало исследование «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции Российской Федерации», реализованное в 1999 – 2001 гг. исследовательской группой Л.М. Дробижевой. Основой изучения и анализа стали представления этнических групп о богатстве, достатке и нищете, о значении труда и способах накопления богатства – все то, что задает мотивационный импульс разворачивающемуся институализированному экономическому поведению²³. В данном ключе в России работают также В. Магун²⁴, Л.В. Остапенко и А.В. Юраков²⁵, О.И. Шкартан и В.В. Карачаровский²⁶.

В отечественной науке лидером этносоциологического подхода к изучению современных социальных адаптаций, в понимании их сути и содержания на конкретных примерах образовательной, профессиональной и культурной карьеры этнических групп, несомненно, является Центр по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН, руководимый М.Н. Губогло. Сотрудниками Центра по итогам ряда научно-исследовательских проектов подготовлена серия публикаций, в которых демонстрируются вариации адаптационных процессов в национальных регионах России – республиках Кабардино-Балкария, Тыва, Хакасия, Татарстан – и в постсоветских государствах – республиках Молдова, Кыргызстан, Казахстан²⁷.

²² Дробижева Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации. Ракурс изучения // Социальное неравенство... С. 5.

²³ Результаты исследования изложены участниками проекта в коллективной монографии «Социальное неравенство...».

²⁴ Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260 – 275; *его же*. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47 – 62.

²⁵ Остапенко Л.В., Юраков А.В. Социально-экономические аспекты адаптации татар и русских к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Татарстане). Информационный бюллетень №1. М., 2006.

²⁶ Шкартан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 3 – 56.

²⁷ Гастарбайтерство. Факторы адаптации / ред. М.Н. Губогло. М., 2008; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русская диаспора Республики Молдова: социально-демографические процессы и новая этносоциальная политика // Республика Молдова: современные тенденции развития. Под общей ред. Е.М. Кожо-

В современной мировой науке накоплен значительный объем исследований по изучению взаимосвязей культуры и экономических отношений. Можно выделить несколько направлений научных исследований. Это, прежде всего, кросс-культурные исследования в психологии (Г. Хофштед²⁸, С. Шан²⁹, Ш. Шварц³⁰, Н. Латова и Ю. Латов³¹, Н.М. Лебедева, Е.В. Павелко, А.Н. Татарко и Е.Г. Ясин³², А. Наумов³³, В.А. Ядов³⁴); культурно-антропологические и социологические исследования этнической экономики (Э. Боначич³⁵, И. Лайт, С. Караре-

кина. М., 2004; Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Этносоциологические очерки / отв. ред. М.Н. Губогло, Л.В. Остапенко. М., 2005; Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М., 2007; Этнорегиональные модели адаптации...

²⁸ Hofstede G. Cultures and Organization. – London: Harper Collins Business, 1994; *idem*. Cultures consequences. International differences in work-related values. London: Sage Publications, 1984.

²⁹ Shane S., Venkatarman S. & Mac-Millan I. Cultural Differences in Innovation Strategies // Journal of Management. 1995. Vol. 21. № 5. P. 931 – 952.

³⁰ Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Orlando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65; *idem*. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. № 50. P. 19 – 45; Schwartz S.H. & Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. № 32. P. 268 – 290.

³¹ Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 80 – 102.

³² Лебедева Н.М. Кросс-культурные особенности отношения российской молодежи к инновациям // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008. С. 9 – 40; *её же*. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре XX века // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26 – 36; Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследования преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4. Вып. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. С. 99 – 100; Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007; Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 16 – 26.

³³ Наумов А. Хофштедтово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.

³⁴ Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004.

³⁵ Bonacich E.A. Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 547 – 559; *eadem*. Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review. 1973. Vol. 38. P. 583 – 594.

оргис³⁶, Р. Уолдинггер, Х. Олдрич и Р. Уорд³⁷, Р. Миллер³⁸, Л.М. Гонин³⁹, В. Воронков, О. Паченков и О. Бредникова⁴⁰, В.В. Радаев⁴¹, Е.Ю. Фирсов⁴²), социально-экономические исследования этнических особенностей потребительских предпочтений (А. Аппадурай⁴³, О. Губницына⁴⁴, О. Вендина⁴⁵, С.Ю. Рычков⁴⁶, Н.В. Рычкова и Г.Р. Столярова⁴⁷).

³⁶ Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб., 2000.

³⁷ Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 341 – 363.

³⁸ Miller R.K. Jr. Patterns of Emploment Difficulty among European Immigrant Workers during the Great Depression: Local Opportunity and Cultural Heritage / Berg I.(ed) Sociological Perspectives on Labor Markets. New York: Academic Press, 1981.

³⁹ Гонин Л.М. Семейный бизнес как технология развития и сохранения удмуртского народа // Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации / науч. ред. Н. Леонов; сост.-ред. А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черешня. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 332 – 337.

⁴⁰ Этничность и экономика...

⁴¹ Радаев В. Сектора хозяйства // Российский экономический журнал. 1995. № 4. С. 82 – 89.

⁴² Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Т. 5. №3. С. 66 – 76.

⁴³ Appadurai A. Introduction: Commodities and the Politics of Value // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. New York: Cambridge University Press, 1986. P. 3 – 63.

⁴⁴ Губницына О. Религия и современное общество потребления: введение в проблему // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. Спецвыпуск. С. 77 – 86.

⁴⁵ Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 13. М., 2008. С. 30 – 52.

⁴⁶ Рычков С.Ю. Этнокультурная составляющая конкурентоспособности города // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1 – 5 июля 2009 г. / ред.: В.А. Тишков [и др.]. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 74 – 75.

⁴⁷ Рычкова Н.В. Этнокультурная среда потребительских рынков // Этнологические исследования... С. 142 – 151; Рычкова Н.В., Столярова Г.Р. Этнокультурная специфика региональных потребительских рынков // VIII Конгресс этнографов и антропологов России... С. 75.

Целый ряд ученых проводят исследования, выполненные в русле культурной антропологии, истории, культурологии. Своеобразие российской и русской трудовой культуры раскрывается в работах Е.С. Балабановой⁴⁸, В.И. Верховина⁴⁹, Г.А. Гольц⁵⁰, Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева⁵¹, В.М. Кудрова⁵², Н.И. Лапина⁵³, Н.В. Латовой и Ю.В. Латова⁵⁴, В. Магуна⁵⁵, Б.Н. Миронова⁵⁶, Ю.Н. Попова⁵⁷, Г.С. Солодовой⁵⁸, А.А. Сусоколова⁵⁹, В.С. Тяжелниковой⁶⁰,

⁴⁸ Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/89891.html> (дата обращения: 12.10.2007).

⁴⁹ Верховин В.И. Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре // Мир России. 2001. № 1. С. 106 – 124.

⁵⁰ Гольц Г.А. Культура и экономика: поиск взаимосвязей // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 23 – 34.

⁵¹ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономическая глобализация и постмодерн // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 5 – 14.

⁵² Кудров В.М. Советская модель экономики: тяжелое наследство // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 100 – 113.

⁵³ Лапин Н.И. Ценности населения и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17 – 28; *его же*. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 3 – 8; *его же*. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28 – 36.

⁵⁴ Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 31 – 43.

⁵⁵ Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260 – 275.

⁵⁶ Миронова Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 99 – 108.

⁵⁷ Попов Ю.Н. Цивилизационные основы и историческая эволюция трудовой этики // Современная экономика и социология труда: Учебное пособие. М., 2003. С. 148 – 215.

⁵⁸ Солодова Г.С. Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2006.

⁵⁹ Сусоколов А.А. Культура и обмен...; *его же*. Влияние религиозной принадлежности на установки в сфере предпринимательства (на примере современной России) // Этносоциология в России... С. 246 – 252.

⁶⁰ Тяжелникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой; сер. «Научные доклады». Вып. 13. М., 2001. С. 99 – 123.

О.И. Шкаратана⁶¹. В работах выделяются несколько пластов ценностных ориентаций, влияющих на формирование современных стратегий экономического поведения россиян. Это особенности материально-технологической среды, хозяйственная этика русского православия, советский и досоветский патернализм, исторические формы социальной организации русского народа и др.

Что касается изучения экономического сознания и поведения татар, то следует отметить немногочисленность корпуса работ. В основном это исторические, этнологические и этносоциологические работы сотрудников Института истории Академии наук Республики Татарстан, посвященные экономическому строю тюркско-татарских государств XV – XVI вв. (Д.М. Исхаков⁶²), развитию предпринимательства в конце XIX – начале XX вв. среди татар (Р.Р. Салихов⁶³, Р.М. Мухаметшин и Р.Р. Хайрутдинов⁶⁴), трудовым традициям татар Урала и Поволжья (Н.И. Воробьев⁶⁵, Р.Н. Мусина⁶⁶, Л.В. Сагитова⁶⁷, Р.К. Уразманова⁶⁸, Н.А. Халиков⁶⁹), экономической ситуации среди них в советский период (З.Г. Гарипова⁷⁰), проблемам модернизации

⁶¹ Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004.

⁶² Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.

⁶³ Салихов Р.Р. Татарская буржуазия российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006.

⁶⁴ Мухаметшин Р.М., Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Общественная жизнь и культура // Татары. М.: Наука, 2001. С. 404 – 436.

⁶⁵ Воробьев Н.И. Казанские татары: Этнографическое исследование дооктябрьского периода. Казань, 1953.

⁶⁶ Мусина Р.Н. Этнокультурные ценности и социальные ориентации в условиях социально-экономической трансформации общества: пример Татарстана // Социальное неравенство... С. 348 – 359.

⁶⁷ Сагитова Л.В. Региональные и локальные аспекты ислама в Поволжье: социальные основания различий // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 125 – 162.

⁶⁸ Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Казань, 2001.

⁶⁹ Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995.

⁷⁰ Гарипова З.Г. Социально-экономические аспекты положения татар средне-вожского края (1920 – 1930-х гг.) // Общественно-политическая мысль

ТАССР (А.Г. Галлямова⁷¹), анализу связей национальной и экономической политик в Республике Татарстан⁷². Кроме того, исследователями освещаются вопросы экономической ситуации в Татарии в годы НЭПа (И.А. Гатауллина-Апайчева⁷³), социальной структуры татар в конце XIX – XX вв. (К. Ноак⁷⁴), некоторые аспекты функционирования финансово-экономической литературы на татарском языке и специальной лексики в советский период (Г.Ф. Калганова⁷⁵). Отдельным блоком выступают работы, в которых анализируется экономическая политика и ситуация в постсоветском Татарстане (Д. Бари⁷⁶, А. Бахтияров, Р.М. Айзатуллин и Р.С. Курчаков⁷⁷, Л.В. Гейл⁷⁸, М.Г. Галеев⁷⁹, В.В. Коротеева⁸⁰, М.А. Нугаев и Р.М. Ну-

и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX – XX вв.). Проблемы изучения: Сборник статей и сообщений научной конференции, посвященной памяти профессора С.М. Михайловой / под ред. Г.П. Мягкова, Р.А. Набиева. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. С. 276 – 280.

⁷¹ Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010.

⁷² Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008.

⁷³ Гатауллина-Апайчева И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально-экономические процессы и современность. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.

⁷⁴ Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. №5. С. 147 – 158.

⁷⁵ Калганова Г.Ф. Финансово-экономическая литература на татарском языке в 1940 – 80-е гг. и особенности специальной лексики // Научный Татарстан. 2009. №4. С. 80 – 87.

⁷⁶ Бари Донна. Переосмысление асимметричности федерализма // Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. Казань, 2001. С. 273 – 284.

⁷⁷ Айзатуллин Р.М., Курчаков Р.С. Актуальные вопросы социально-экономического развития регионов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 80 с.; Бахтияров А., Курчаков Р. Татарстан имеет шанс показать России «третий путь» стратегического развития // Время и деньги. 1997. 25 марта; их же. Беседы о национальной экономике // Крис. 1997. 12 марта; Курчаков Р., Хакимов Р. Проблемы экономической самостоятельности автономной республики // Вопросы экономики. 1989. №12. С. 20 – 25.

⁷⁸ Лапидус Гейл. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Федерализм в России... С. 285 – 294.

⁷⁹ Галеев М.Г. Проблемы и перспективы интеграции регионов в мировую экономику // Казанский федералист. 2008. №1 – 2 (25 – 26).

⁸⁰ Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2000.

гаев⁸¹, М. Сафиуллин⁸², Р.С. Хакимов⁸³, В.В. Хоменко⁸⁴ и др.). В первой половине 1990-х гг. вопросы экономического возрождения Татарстана обсуждались Аналитическим Центром журнала «Идель»⁸⁵. Анализ социально-экономической ситуации в Республике Татарстан представлен в монографиях и сборниках научных трудов Института социально-экономических и правовых наук АН РТ⁸⁶. Исламскую экономическую модель изучают Р. Беккин⁸⁷, А. Журавлев⁸⁸, творческая группа экономистов под руководством В.В. Хоменко⁸⁹.

В ряде публикаций освещаются социально-экономические процессы среди народов России и постсоветских государств: башкир⁹⁰, уд-

⁸¹ Нугаев М.А., Нугаев Р.М. Концептуальные основы исследования татарстанской модели социально-экономического развития. Казань, 1997.

⁸² Сафиуллин М.Р. К решению некоторых экономических проблем суверенитета Республики Татарстан // Идель. 1994. № 3 – 4. С. 58 – 61; *он же*. Разработка модели развития Республики Татарстан / М.Р. Сафиуллин, О.В. Демьянова, Л.М. Давлетшина; Акад. наук Респ. Татарстан, Центр перспектив. экон. исслед. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007.

⁸³ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации // Федерализм в России. Казань, 2001. С. 266 – 272; *его же*. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань: Институт истории АН РТ, 2009; *его же*. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань: Таткнигоиздат, 1993; *его же*. Федерализация через стабильность // Панорама форум. 1995. № 1.

⁸⁴ Хоменко В.В. «Договор РТ и РФ...» от 15 февраля 1994 г. и экономическое развитие Татарстана // Казанский федералист. 2002. № 2. С. 12 – 21; *его же*. Дифференциация в экономическом и социальном развитии регионов Российской Федерации // Политико-правовые ресурсы федерализма в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. Казань, 2006. С. 287 – 298.

⁸⁵ Сможет ли Татарстан стать Японией? Беседы о модели экономического развития Татарстана // Идель. 1995. № 3. С. 2 – 3, 52.

⁸⁶ URL: <http://www.isepn.antat.ru/deyat.html> (дата обращения: 10.08.2010).

⁸⁷ Беккин Р.И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008.

⁸⁸ Журавлев А. Православная экономическая концепция – недостающее звено хозяйственных преобразований в России // Русский предприниматель. 2004. № 1 – 2 (19).

⁸⁹ Панасюк М.В., Мифтахова М.Э., Сабитов Р.М., Афанасьев Р.Ю. Мировая экономика (с углубленным изучением истории и культуры ислама): Курс лекций. Казань: ТГТУ, 2007.

⁹⁰ Галлямов Р.Р., Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: ООО «Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2004.

муртов⁹¹, чувашей⁹², якутов⁹³, живущих в национальных республиках РФ, титульных этнических групп и русского населения Южной Сибири⁹⁴, эстонцев и русских Эстонии⁹⁵ и др.

В последние годы среди отечественных исследователей актуализировался интерес к изучению влияния религий на экономическое сознание людей. Отдельную группу составляют исследования предпринимательского потенциала русского православия (И.В. Забаев⁹⁶, Н.Н. Зарубина⁹⁷, Т.Б. Коваль⁹⁸), ислама (А.Ю. Журавлев⁹⁹, А.А. Сусоколов¹⁰⁰). Проводятся компаративные исследования (М.В. Ефремова¹⁰¹, А.Д. Ко-

⁹¹ Поздеев И.Л. Социальные связи как ресурс адаптации современной молодежи (на примере Удмуртской республики) // Связующая нить этнокультуры: сб. ст. / отв. ред. А. Загребин; УИИЯЛ УрО УдГУ. Ижевск, 2009. С. 147 – 157.

⁹² Волков Г.Н. Трудовые традиции чувашского народа. Этнопедагогический очерк. Чебоксары, 1970.

⁹³ Подойницына И.И. Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства: на примере Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995; *её же*. Общество открытых классов: Очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999; Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы / В.Б. Игнатьева, С.В. Абрамова, Л.А. Павлова и др. Новосибирск: Наука, 2000.

⁹⁴ Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период) / под ред. Н.М. Горбуновой. М.: Интер-Принт, 2008.

⁹⁵ Неэстонцы на рынке труда новой Эстонии / отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.

⁹⁶ Забаев И.В. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: анализ социально-экономических доктрин РПЦ и хозяйственной практики монастырских общин: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.

⁹⁷ Зарубина Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М., 2004.

⁹⁸ Коваль Т. «Духовные христианы» религиозное своеобразие и этика труда // Мир России. 1993. № 1. С. 20 – 30; *её же*. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55 – 70.

⁹⁹ Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики // Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / под ред. Р.И. Беккина. М., 2004.

¹⁰⁰ Сусоколов А.А. Ислам и предпринимательство в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1. С. 32 – 51.

¹⁰¹ Ефремова М.В. Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2010.

ростылев¹⁰², А.В. Переведенцева¹⁰³, Г.С. Солодова¹⁰⁴, А.А. Сусоколов и О.С. Четырчинская¹⁰⁵).

Важным направлением, позволяющим глубже понять специфику адаптационных процессов, являются работы отечественных социологов, изучающих современное российское общество и трансформационные процессы, происходящие в нем. Это работы Е.М. Авраамовой¹⁰⁶, Л.А. Беляевой¹⁰⁷, Л.А. Гордона¹⁰⁸, М.К. Горшкова¹⁰⁹, Т.И. Заславской¹¹⁰, П.М. Козыревой¹¹¹, М.В. Ромма¹¹², Л.А. Хахулиной¹¹³, В.А. Ядова¹¹⁴.

¹⁰² Коростелев А.Д. Религиозность в контексте межэтнических отношений // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1998. С. 194 – 228.

¹⁰³ Переведенцева А.В. Религиозность и ориентации на достижительность // Социальное неравенство... С. 256 – 271.

¹⁰⁴ Солодова Г.С. Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2006; *её же*. Религиозные основы экономической культуры (общность социально-экономический представлений православия и ислама) // Вопросы культурологии. 2008. № 6. С. 13 – 15.

¹⁰⁵ Сусоколов А.А., Четырчинская О.С. Влияние религиозной принадлежности на установки в сфере предпринимательства (на примере современной России) // там же. С. 32 – 36.

¹⁰⁶ Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / ред. И.Е. Дисклин. М.: ИСЭПН РАН, 1998.

¹⁰⁷ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М: Academia, 2001.

¹⁰⁸ Гордон Л.С. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. № 9. С. 3 – 15.

¹⁰⁹ Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 110 – 114; Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007.

¹¹⁰ Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 1; *её же*. Российское общество на социальном изломе. Взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, 1997; *её же*. О социально-трансформационной структуре российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 15 – 19.

¹¹¹ Козырева П.М. Адаптационные процессы в сфере труда: формирование рыночных качеств и отношение к труду // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 12 – 32; Козырева П.В., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова Д.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994 – 2001) // Россия реформирующаяся. М. Academia, 2002. С. 161 – 163.

Изучая влияние адаптационных процессов среди этнических групп на интеграцию общества, мы не можем обойти вниманием работы исследователей, занимающихся изучением межэтнических отношений в Республике Татарстан и Российской Федерации. Это публикации Е.М. Арутюновой, И.М. Габдрафикова, Р.Р. Галлямова, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, Р.И. Зинуровой, Э.А. Ивановой, Т.Г. Исламшиной, Д.М. Исхакова, Г.А. Комаровой, А.Д. Коростелева, В.В. Коротеевой, И.М. Кузнецова, И.Б. Кузнецовой-Моренко, Л.В. Лучшевой, Г.И. Макаровой, В.К. Мальковой, В.И. Мукомеля, Р.Н. Мусиной, Л.М. Мухарямовой, Л.Р. Низамовой, Л.В. Остапенко, Э.А. Паина, С.В. Рыжовой, Н.В. Рычковой, Л.В. Сагитовой, А.Л. Салагаева, Ф.Г. Сафина, И.А. Снежковой, Г.У. Солдатовой, Г.Р. Столяровой, И.А. Субботиной, Т.А. Титовой, В.А. Тишкова, Р.С. Хакимова, Е.А. Ходжаевой, В.А. Шнирельмана, Е.Ю. Щегольковой и др.

Несмотря на существенный объем научной литературы, проблема социологического анализа адаптации этнических групп к рыночным условиям и влияния адаптационных этносоциальных процессов на социальную и межэтническую интеграцию российского общества осталась недостаточно изученной. К сожалению, остаются единичными компаративные исследования адаптаций представителей разных народов.

В предлагаемом исследовании объектом научного внимания являются две этнические группы – русские и татары Республики Татарстан. Выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, выбор региона связан с тем, что, как известно, на рубеже 1980 – 1990-х гг. среди субъектов Российской Федерации Татарстан был в числе пионеров формирования внутрирегиональной социально-экономической политики. Кроме того, нам было важно посмотреть, каким образом обретение татарами статуса титульного народа в Татарстане повлияло на социально-экономи-

¹¹² Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002.

¹¹³ Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2; *её же*. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1 (51). С. 30 – 38; *её же*. Субъективные оценки социального неравенства: результаты сравнительного международного исследования // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 46 – 51.

¹¹⁴ Россия: трансформирующееся общество / отв. ред. Ядов В.А. М.: ИС РосАН, 2001.

ческое поведение самих татар, стимулировало ли эти явления русское население, а также установить, есть ли различия во влиянии статусного фактора в сравнении с другими российскими областями и регионами.

Во-вторых, для нас важны историко-этнографические различия народов. Русские – представители православного христианства и с практически потерянной для большинства традиционной культурой, татары – представители ислама с его безусловным влиянием на повседневную жизнь. Это позволяет нам рассмотреть, как адаптируются этнические группы с разными культурами и как особенности культуры влияют на адаптационные процессы.

В-третьих, учитывалось длительное взаимодействие татарского и русского народов, позволяющее понять механизмы, способы взаимоприспособления этнических групп друг к другу на различных полях действительности, включая поле экономических интересов.

Предметом анализа являются адаптационный процесс и ресурсы адаптации этнических групп в контексте межэтнической и социальной интеграции российского общества. Хронологические рамки исследования – 1990 – 2000-е гг.

На примере русских и татар Республики Татарстан мы стремились познакомить читателя с особенностями и ресурсами социально-экономической адаптации этнических групп в контексте экономических преобразований современной России и выяснить, каким образом адаптационные стратегии этнических групп связаны с интеграцией полиэтнического общества – межэтнической и социальной.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Определить основные методологические подходы для анализа адаптации этнических групп к новым экономическим отношениям, препятствующей или стимулирующей интеграцию как в обществе в целом, так и в отдельных его секторах, в том числе и в этнической сфере. Изучить возможности интеграционного взаимодействия этнических групп в процессе адаптации.

2. На основе анализа статистики и репрезентативных опросов раскрыть особенности социального развития татар и русских Республики Татарстан на рубеже XX – XXI вв. Через анализ этнодемографических показателей выявить экономические, физические и человеческие ресурсы народов, понять, насколько обладание данными капиталами влияет на конкурентные отношения между этническими общностями и интеграцию общества.

3. Содержательно описать процесс формирования стратегий экономической адаптации татар и русских Татарстана на этапе формирования рыночной экономики в российском обществе. Раскрыть особенности ценностных ориентаций и их взаимосвязь с экономическими представлениями и установками этнических групп, различающихся по характеру модернизации и культурного наследия. Установить, насколько сходства/различия в социально-экономических стратегиях этнических групп влияют на интеграционные процессы.

4. Определить, насколько этническая солидарность в группах с разной этнокультурной составляющей влияет на процесс адаптации и мобилизации членов этнических общностей в решении социально-экономических проблем, понять, насколько этническая идентичность одной группы согласуется с экономическими интересами соседствующих этносов.

5. На примере татар изучить процесс коммодификации¹¹⁵ этнической культуры в контексте капитала народов. Рассмотреть влияние татарского и русского языков на социальную стратификацию и социальную мобильность в Республике Татарстан; показать, как татарский язык в 1990-х гг. стал базой воспроизводства новых социальных групп; выявить особенности формирования исламской экономической модели в России, изучить современный рынок халяль-продуктов. Понять влияние коммодификации этнических культур на социально-экономическое развитие и интеграционные процессы в Республике Татарстан и Российской Федерации в целом.

В работе мы попытались синтезировать ряд теоретических подходов. Во-первых, мы опираемся на *социокультурный подход* (М. Вебер, Фр. Тенбрук¹¹⁶, А.С. Ахиезер¹¹⁷, Л.Г. Ионин¹¹⁸, Н.И. Лапин¹¹⁹). Здесь делается акцент на совокупности значений и смыслов, культур-

¹¹⁵ Коммодификация – процесс обретения формы товара. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь / пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 235.

¹¹⁶ История социологии в Западной Европе и США. Учебник для вузов. Ответственный редактор – академик ИС РАН Г.В. Осипов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА – М), 2001.

¹¹⁷ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

¹¹⁸ *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004.

¹¹⁹ *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000. 230 с.; *его же.* Ценности и знания. Мониторинг // Социология. 2004. № 1.

но-нормативных схем, помогающих оценивать и переоценивать ресурсы, сценарии действий, вырабатываемых идентичностей. Все они привязаны к конкретным сообществам и временным контекстам, а сама рациональность действия выступает как локальная культурная форма.

В этот подход логично вписывается *теория глокальности* (П. Бергер¹²⁰, А.Ю. Согомонов¹²¹), в которой подчеркивается своеобразие развития и стремления к позиционированию приверженности традиционным культурам среди современных сообществ вопреки глобальным процессам унификации. Большое значение теория придает ценностным ориентациям и традициям, формирующим своеобразие экономического развития современных государств, и акцентирует внимание на культуре, являющейся ресурсом для выстраивания альтернативных глобализаций и трансформирующейся под требованиями рынка. Здесь же интерес для нас будет представлять концепция Ф. Барта о социальных границах культурных различий. Последние, по Ф. Барту, представляют собой не просто сумму объективных различий – учитываются лишь те, которые признаются значимыми с точки зрения людей и наполняются специфическими формами и содержанием в разных культурных системах¹²². Для нас было важно понять, на какой социальной и культурной основе возможно конструктивное развитие социально-экономической дифференциации и интеграции этнических групп в российском государстве.

Во-вторых, мы используем *теорию рационального выбора* Дж. Коулмана¹²³ и *концепцию капитала* П. Бурдьё¹²⁴. Теория рационального выбора постулирует тезис о том, что социальная среда, социальная ситуация структурируют альтернативы, стоящие перед акторами (индивидами или группами), и оказывают решающее влияние на принимаемые ими решения. Концепция капитала основывается на

¹²⁰ Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.

¹²¹ Согомонов А.Ю. Глокальность // Глобализация и постсоветское общество // Серия: Аспекты / под ред. С.Е. Кухтерина, А.Ю. Согомонова. М.: Издательство ООО «Стрив», 2001. С. 60 – 80.

¹²² Bart F. Introduction // Ethic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference / ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1996.

¹²³ Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология... С. 159 – 179.

¹²⁴ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris: Éditions du Seuil, 1994; Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология... С. 519 – 536.

активной роли самого индивида, самостоятельно и ответственно вырабатывающего различные стратегии экономического поведения на основе имеющихся у него ресурсов. Эти два подхода позволят понять, какие ресурсы аккумулируют этнические общности в процессе адаптации к новым экономическим отношениям; как происходит взаимная конвертация ресурсов; каким образом матрица ресурсов этнических групп будет влиять на межэтническую и социальную интеграцию российского общества. Для изучения форм капитала (физический, человеческий, экономический, политический, социальный, культурный, символический ресурсы) мы используем подходы П. Бурдьё и В.В. Радаева¹²⁵. При изучении социальных ресурсов полезными для нас оказались *сетевой подход* (Дж. Коулман¹²⁶, Ж. Нахапет и С. Госал¹²⁷, П.М. Козырева¹²⁸, А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева¹²⁹, П.М. Найденова и Л.Н. Федотов¹³⁰, В.В. Радаев¹³¹, Н.Е. Тихонова¹³², Ф. Фукуяма¹³³, П.И. Шихирев¹³⁴), *ресурсная теория* (Н. Лин, Х. Флэп, Н. Де Граф¹³⁵), *теория ресурсной конкуренции* между этни-

¹²⁵ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20 – 32.

¹²⁶ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122 – 139.

¹²⁷ Nachapiet J. Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organization Advantage // Academia of Management Review. 1998. Vol. 23.

¹²⁸ Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43 – 54.

¹²⁹ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009.

¹³⁰ Найденова Л.И., Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 84 – 95.

¹³¹ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

¹³² Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24 – 35.

¹³³ Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda // SAIS Review. 2002. 22(1). P. 23 – 37; *idem*. Social capital // Culture matters: How values shape human progress / eds. L.E. Harrison, S.P. Huntington. New York, 2000. P. 98 – 111.

¹³⁴ Шихирев П.И. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17 – 31.

¹³⁵ Коньков А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического действия: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006.

ческими группами (Ф. Мэйер, А. Коэн, К. Митчелл). В этих подходах раскрываются формы капитала, структура социального капитала, инструментарий для изучения форм капитала, причины и последствия рекрутирования ресурсов этническими общностями.

В-третьих, мы синтезируем в известной мере *этносоциологический и этнопсихологический подходы*. С одной стороны, мы пытаемся выявить специфику экономического сознания и установок этнических групп, с другой – применить *деятельностный подход*, который позволяет понять способы существования этнических групп, проявления в их жизни социальных законов. Деятельность этнических групп на поле экономических интересов реализуется через экономические действия – ненасильственное использование ограниченных ресурсов, имеющих различное употребление, для достижения количественно определенной цели. Здесь для нас полезными являются подходы М.Н. Губогло¹³⁶, Л.М. Дробижевой¹³⁷, В.В. Коротеевой¹³⁸, И.М. Кузнецова¹³⁹, С.В. Рыжовой¹⁴⁰, Г.У. Солдатовой¹⁴¹, В.А. Тишкова¹⁴², в которых раскрывается специфика российского этносоциального поля: этнокультурная политика России и ее регионов, проблемы жизнедеятельности и особенности взаимодействия народов, этническое и гражданское самосознание, этнолингвистическое поведение, религиозные процессы.

Эмпирическую базу монографии составил широкий корпус источников:

¹³⁶ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

¹³⁷ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

¹³⁸ Коротеева В.В. Теория национализма в зарубежных социальных науках. М.: Российск. гос. ун-т, 1999.

¹³⁹ Кузнецов И.М. Тип экономических ориентаций и дифференциация этнических групп // Социальное неравенство... С. 160 – 190.

¹⁴⁰ Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: дис... канд. соц. наук. М., 2008.

¹⁴¹ Солдатова Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 296 – 366.

¹⁴² Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003; Российская нация. Становление и этнокультурное разнообразие / под ред. В.А. Тишкова. М.: Министерство регион развития РФ, Институт им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008.

1. Результаты ряда этносоциологических исследований, в которых автор принимала участие в качестве руководителя, исполнителя или аналитика. Это следующие научно-исследовательские проекты.

1) Региональный проект «Экономические практики народов в рыночных условиях: этнокультурный базис и стратегии целенаправленности» – 2008 – 2010 гг. («ЭП»-2009 г.; грант Российского гуманитарного научного фонда, рук. Г.Ф. Габдрахманова). В рамках проекта проведен этнопсихологический опрос студентов Казанского государственного университета, Казанского химико-технологического университета и Казанского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса: разработаны программа, инструментарий, при участии автора проведена математическая обработка результатов. Опрошено 146 человек.

2) Авторский региональный проект «Рынок мясных халяль-продуктов среди татар-мусульман Поволжья» – 2008 – 2010 гг. («ХР»-2008 – 2009 гг.). Совершен ряд экспедиционных выездов в места компактного расселения поволжских татар – города и районы Республики Татарстан, Пензенскую область (г. Пенза, с. Ср. Елюзань), Удмуртскую Республику (г. Можга). Автором проведено 28 полуформализованных интервью с производителями, потребителями, экспертами, связанных с рынком мясных халяль-продуктов. Велось наблюдение за процессом производства и реализации мясной халяль-продукции. Проведены наблюдения во время праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам. Собран фотоматериал. По итогам работы подготовлено три доклада¹⁴³ и опубликовано две статьи¹⁴⁴.

¹⁴³ Габдрахманова Г.Ф. Этноориентированное хозяйство в современной России // Россия: общество, власть, государство (Вторые казанские социологические чтения): материалы Всерос. науч. конф.; Казань, 22 – 23 мая 2008 г.: в 4 т. Казань, 2008. Т. 4. С. 187 – 193; *её же*. Халяль – как фактор современных идентичностей в России // Этносоциология в России... С. 194 – 201; Габдрахманова Г.Ф., Уразманова Р.К. Ислам в социально-экономических процессах: халяль – как альтернативная модель современности // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии: Тематический сборник / ред. Ю.В. Попков и А.П. Коновалов. Новосибирск-Семей, 2008. Вып. 9. С. 605 – 609.

¹⁴⁴ Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. Казань: Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2009. С. 101 – 124; *её же*. Халяль – как экономический ресурс российских татар в условиях глобализации // Время длиною в жизнь. Па-

3) Международный проект «Этнические и религиозные идентичности у татар и русских» – 2008 г. («ЭРИ»-2008 г., грант фонда «Ай-рекс», рук. С. Каплан). Автор принимала участие в разработке программы и инструментария исследования, проводила интервью в г. Пензе и Пензенской области (10 интервью), выступала в качестве медиатора одной фокус-группы. В рамках проекта проведено 61 интервью.

4) Региональный проект «Межнациональные отношения в Республике Татарстан» – 2007 г. («МО»-2007 г., по заказу и инициативе Кабинета Министров РТ, рук. А.Л. Салагаев, Р.Н. Мусина). Автор принимала участие в разработке программы и инструментария исследования, анализе его результатов. В рамках проекта опрошено 1 079 человек, из них 431 русский и 559 татар. По итогам работы подготовлен научный отчет (в соавторстве).

5) Международный проект «Технологии системных и региональных адаптаций к социально-экономическим и этнокультурным трансформациям» («ТАТ»-2006 г., рук. Л.В. Остапенко). Автор приняла участие в анализе результатов этносоциологического опроса в Республике Татарстан. В рамках проекта опрошено 657 человек, из них 339 русских и 318 татар. По результатам работы опубликованы две статьи в коллективной монографии¹⁴⁵.

6) Региональный проект «Государственные языки в школьном образовании» («ГЯ»-2006/2008 гг.¹⁴⁶, рук. Р.Н. Мусина). Проект осуществлен по инициативе и при финансовой поддержке Комитета по реализации Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» при Кабинете Министров РТ. Автор принимала участие в разработке программы и инструментария исследования; массовом опросе школьников, родителей; проводила интервью с учителями татарского языка и литературы, экспертами в области национального образования (г. Казань, г. Арск, с. Лаишево); принимала участие в математической обработке результатов, их анализе. В рамках проекта опрошено в г. Казани 360 учащихся, 158 родителей, 142 преподавателя татарского языка

м. Р.Б. Тагирова / под ред. Н.М. Мухарямова, Р.Н. Мусиной, О.Б. Януш. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2008. С. 63 – 76.

¹⁴⁵ Габдрахманова Г.Ф. Имеет ли значение религия? // Этнорегиональные модели адаптации... С. 83 – 96; *её же*. Исторические предпосылки формирования современной социальной структуры поволжских татар // там же. С. 207 – 227.

¹⁴⁶ В рамках проекта проведено две волны: в 2006 г. – опрос в г. Казани, в 2008 г. – в средних городах и районных центрах Татарстана. Соответственно при анализе мы выделяем два отдельных массива.

и литературы; по республике 323 учащихся, 169 родителей, 188 учителей. По итогам работы автором подготовлены три доклада (один в соавторстве)¹⁴⁷, две статьи (одна в соавторстве)¹⁴⁸ и два раздела в коллективных монографиях¹⁴⁹.

7) Всероссийский проект «Новая миграционная политика России и права мигрантов» – 2004 г. («МПР»-2004 г., Фонд Дж. и К. Мак-Артуров, рук. Ж.А. Зайончковская). Автор принимала участие в интервьюировании мигрантов (112 чел.), местного населения (107 чел.), студентов (100 чел.) в Республике Татарстан и подготовке аналитического отчета. По итогам работы подготовлен доклад (в соавторстве)¹⁵⁰ и две статьи¹⁵¹.

¹⁴⁷ Габдрахманова Г.Ф. Проблемы качества преподавания языков в средних школах г. Казани // Современные языковые процессы в Республике Татарстан и Российской Федерации: законодательство о языках в действии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 15-летию принятия Закона о языках. Казань, 2007. С. 267 – 275; *её же*. Система образования с этнокультурным компонентом в постсоветском Татарстане: проблемы и перспективы // Казанский федералист. 2006. №4. С. 45 – 59; Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Макарова Г.И., Мусина Р.Н., Сагитова Л.В. Опыт реорганизации языкового плюрализма в системе школьного образования Татарстана // Теории и практики языкового плюрализма и билингвизма: междисциплинарный подход: Материалы Поволжской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов 7 декабря 2006 г. / под ред. В.З. Гарифуллиной. Казань, 2007. С. 52 – 54.

¹⁴⁸ Габдрахманова Г.Ф. Система образования с этнокультурным компонентом в постсоветском Татарстане: проблемы и перспективы // Казанский федералист. 2006. №4. С. 45 – 59; Проблемы трудовой мотивации учителей татарского языка средних школ Татарстана: этносоциологический аспект // Научный Татарстан. 2009. №1. С. 138 – 143; Хасанова Г.Ф., Исхаков Д.М., Гибадуллин М.З., Мусина Р.Н., Давлетшина Г.Ф., Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. Этнокультурные основы национальной политики. Этнокультурная и языковая сферы // Особенности современной межнациональной... С. 126 – 146.

¹⁴⁹ Габдрахманова Г.Ф. Учительский корпус и проблемы качества преподавания языков в средней школе // Государственные языки в школьном образовании: информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г. Казани / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 50 – 61; *её же*. Проблемы качества национального образования в Республике Татарстан (принята в печать).

¹⁵⁰ Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Шумилова Е.А. Мигрантофобия в масс-медийном дискурсе и массовом сознании: пример Татарстана. Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». (Первые казанские социологические чтения). Казань, 15 – 16 ноября 2005 г. Т. 1. Казань, 2006. С. 295 – 299.

8) Международный проект «Проблемы диаспоры и миграционного обмена национальных республик России: реальность и перспективы» – 1998 – 2000 гг., («Д»-1999 г., грант Российского гуманитарного научного фонда, рук. Я.З. Гарипов). Автор принимала участие в разработке программы и инструментария исследования; проводила массовый опрос вынужденных переселенцев (210 чел.), брала интервью (12), участвовала в обработке результатов и анализе. По итогам работы подготовлена и издана авторская монография¹⁵².

2. Архив этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан за период 1989 – 2002 гг., хранящийся в отделе этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ. Материалы являются уникальной информационной базой для изучения этносоциальных процессов в постсоветском Татарстане. Это научно-исследовательские проекты:

1) «Этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» – 1989 – 1990 гг. («ЭПТ»-1989/1990 гг.¹⁵³; рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина). Опрошено 4000 респондентов (по 1000 в городской и сельской средах татар и русских).

2) «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» – 1993 – 1996 гг. («НИК»-1994 г., рук. Л.М. Дробижева, рук. по РТ – Р.Н. Мусина). В Татарстане опрошено 1017 человек, из них 589 татар и 428 русских.

3) «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» – 1997 – 1998 гг. («ЭГ»-1997 г., рук. Л.М. Дробижева, рук. по РТ – Р.Н. Мусина). В Татарстане опрошено 1000 человек, из них 500 татар и 445 русских.

4) «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» – 1999 – 2001 гг. («СЭН»-1999 г., рук. Л.М. Дробижева, рук. по РТ – Р.Н. Мусина). В Татарстане опрошено 1000 человек, из них 339 татар и 341 русских.

¹⁵¹ Габдрахманова Г.Ф. Миграция в зеркале общественного мнения // Гастарбайтерство. Факторы адаптации / сост. Н.А. Дубова. Общ. ред. М.Н. Губогло. М., 2008. С. 318 – 348; *её же*. Мы – они: отношение к мигрантам в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 66 – 75.

¹⁵² Габдрахманова Г.Ф. Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. Монография. Казань: Институт истории АН РТ, 2003.

¹⁵³ В связи с тем, что проект был крупномасштабным, этносоциологический опрос осуществлялся в течение двух лет.

5) «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» – 1999 г. («СМ»-1999 г., рук. Р.Н. Мусина). Опрошено 1000 человек, из них 495 татар и 416 русских.

Описание выборок этносоциологических исследований представлено в монографиях участников проектов¹⁵⁴.

3. Вторичный анализ этносоциологических и социологических исследований, проведенных в Российской Федерации и Республике Татарстан. Это материалы ВЦИОМ, получаемые автором по электронной рассылке, аналитические монографии и публикации ведущих российских и региональных научно-исследовательских центров (Институт социологии РАН – Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, исследовательский Центр «Демоскоп», Центр по изучению межэтнических отношений; Институт этнологии и антропологии РАН – Центр исследования межнациональных отношений и др.).

4. Данные официальной статистики: текущей по РФ и РТ за период 1990 – 2009 гг.; результаты переписей – Всесоюзные переписи населения 1920, 1926, 1939, 1959, 1979, 1989 гг. (ВСПН-1920, 1926, 1939, 1959, 1979, 1989 гг.), Всероссийские переписи населения: микроперепись 1994 г. (ВРПН-1994 г.) и перепись 2002 г. (ВРПН-2002 г.).

5. Интернет-ресурсы, публикации и сообщения в российских и республиканских СМИ.

Работа состоит из четырех глав. Первая глава посвящена теоретико-методологической базе исследования. Во второй раскрываются экономические, физические и человеческие ресурсы татар и русских Татарстана. В третьей показывается восприятие этническими группами экономического реформирования российского общества, демонстрируется влияние этнической идентичности, уровня этнической мобилизации на адаптационный процесс, исследуются реальные и воображаемые представления об этнических сетях. В четвертой исследуется влияние татарского и русского языков, религии – как культурных ресурсов – на социальные биографии татарстанцев. На примере исламской экономической модели и особенностей ее развития в российских регионах раскрывается социально-экономическое измерение современных процессов рекрутирования традиционных культур. Завершает работу приложение, представляющее собой визуальный ряд процесса рационализации традиционных культур на примере халяль-рынка (IV глава), сформирован-

¹⁵⁴ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р. и др. Демократизация и образы национализма...; Социальная и культурная дистанции...; Социальное неравенство...

ный на базе фотоматериалов, накопленных автором в ходе экспедиционных выездов по Татарстану и российским регионам.

Эта книга не могла бы выйти в свет без поддержки моих коллег. Прежде всего хотелось бы выразить благодарность Л.М. Дробижевой, Р.Н. Мусиной, Л.В. Остапенко, предоставившим возможность безвозмездного использования архива этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан в течение двух десятков лет, а также Н.М. Лебедевой, любезно предоставившей мне право использования авторского инструментария. На высоком профессиональном уровне обработку результатов исследований провели И.Н. Исмагилов, А.Д. Коростелев, А.В. Махиянова, И.А. Субботина, Е.А. Ходжаева. Для меня очень важными были консультации Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова, А.А. Сусоколова, конструктивные замечания по тексту Л.М. Дробижевой, Д.М. Исхакова, Г.И. Макаровой, Р.Н. Мусиной, С.В. Рыжовой, Л.В. Сагитовой, Р.К. Уразмановой: Хочется также поблагодарить Г.А. Кулакову, Н.В. Рычкову, Г.Р. Столярову, оказавших мне помощь в сборе эмпирических материалов, а также всех экспертов и респондентов, принявших участие в исследованиях.

ГЛАВА I

Теоретико-методологическое обоснование исследования

Современная социология состоит из многочисленных научных направлений, описывающих и объясняющих социальность. Важное место занимает социокультурный подход. В рамках этого подхода особое внимание придается совокупности значений и смыслов, культурно-нормативных схем, помогающих оценивать и переоценивать ресурсы, сценариям действий, вырабатываемым идентичностям. Все они привязаны к конкретным сообществам и временным контекстам. Сама рациональность действия выступает как локальная культурная форма. Отталкиваясь от этой позиции, для начала нам важно изучить историю формирования и современное состояние научных знаний в области изучения концепта «этничность и экономика», показать перспективные и значимые в контексте нашего исследования итоги научных исследований. Кроме того, возникает задача раскрытия преимуществ теорий рационального выбора и капитала как нового методологического приема по изучению современных адаптаций этнических групп российского общества.

§ 1. Этничность на экономическом поле: основные исследовательские направления

Эволюция всей мировой системы во второй половине XX в. привела к усилению социальных и культурных различий. И. Уоллестайн считает, что сегодня процессы дифференциации стали затрагивать не только индивидов, корпорации, классы, но и целые государства¹. Меняющаяся природа времени и пространства привела, как пишет А. Согомонов, к формированию устойчивой метафазы «сжатия времени и пространства». Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется. Глобальное и локальное становятся наиболее фундаментальными проявлениями современной социальности, и знаковым процессом становится глокальность². П. Бергер

¹ Теория И. Уоллестайна раскрыта в работе И. Девятко. См.: *Девятко И. Понятие мир-системы и микросистемный анализ современности // История теоретической социологии*. СПб.: Канон, 2000. Т. 4.

² *Согомонов А.Ю. Глокальность // Глобализация и постсоветское общество // Серия: Аспекты / под ред. С.Е. Кухтерина, А.Ю. Согомонова. М.: Издательство ООО «Стлови», 2001. С. 6.*

отмечает, что альтернативная глобализация демонстрирует, как к модернизации может вести не одна дорога, а несколько. Альтернативные глобализации означают возможность существования альтернативных моделей современности³. А.Ю. Согомонов удачно раскрывает смысл глокальности и ее возможности. «Территории (и даже группы и индивиды!) отныне отличаются друг от друга не только историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью» по воображаемой модернизационной шкале, а своими неповторимыми рисунками того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование местным культурным традициям, социальным устоям. По глокальному критерию разнятся страны, города, регионы, организации и отдельные индивиды. Анализируя их, конечно же, можно говорить о неравномерности их статусов, но такое сравнение сегодня уже не образует символического капитала и вряд ли может использоваться солидаристически – в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития»⁴. Тенденция к локализации экономических и культурных процессов не является попыткой выйти из глобальных рынков. Сегодня мы являемся свидетелями «рационального патриотизма» – попытки использовать глобальные рынки в интересах локальных и/или этнических общностей⁵ и выстроить собственные модели развития. Благодаря таким фундаментальным процессам, по И. Уоллерстайну, в современной мир-экономике, как социальной системе, обеспечивается единство всего мира.

В мировом обществоведении осмысление феномена «этничность и экономика» началось с изучения системы ценностей, доминирующей в том или ином обществе. До сих пор этот подход в гуманитарной науке остается краеугольным камнем в осмыслении сущности культурно-институциональных трансформаций, которые в истории возвещают новую парадигму любой экономической организации. Как известно, пионерами в изучении вопроса о воздействии ценностей на экономические отношения были М. Вебер и В. Зомбарт. М. Вебер, рассматривая мировые религии, выделял «коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы

³ Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 21.

⁴ Согомонов А.Ю. Указ. соч. С. 63.

⁵ Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.: SPSL-Русская панорама, 2006. С. 207.

к действию»⁶. Вебер показал, что важные для хозяйственной этики черты религий могут интересоваться с определенной точки зрения, а именно по их отношению к экономическому рационализму, причем из-за того, что это понятие не равнозначно экономическому рационализму, который господствовал на Западе с XVI – XVII вв. в качестве компонента укоренившийся там буржуазной рационализации жизни⁷. Это явление Вебер именовал «протестантской этикой» и оценил ее как один из факторов становления эффективной капиталистической экономики. По его мнению, центральное для протестантского мировоззрения понятие «призвание» дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству как богоугодному делу. Идеал протестантизма – кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого – рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Что касается рабочих, то «призвание» делает их приверженным идее «долга по отношению к труду», восприятию труда как самоцели, оцениванию «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью» – и все это в надежде на загробное воздаяние⁸. И у работодателей, и у наемных рабочих ценности протестантской этики формируют мотив достижения, чувство самостоятельности и личной ответственности. С точки зрения В. Зомбарта, главной предпосылкой возникновения капитализма стало проникновение еврейской субкультуры⁹.

К настоящему времени накоплено множество исследований, демонстрирующих особенности экономического развития современных государств и его связь с ценностями и ценностными ориентациями. Доминируют исследования, выполненные в русле кросс-культурной психологии. Ученые указывают на то, что базовые ценности культуры влияют на экономическое развитие, изобретательность и инновационные диспозиции личности, состояние здоровья популяции, продолжительность жизни, ощущения благополучия и счастья. С. Шан показал, как культура влияет на структуру и стратегии развития

⁶ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религий / Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43.

⁷ Там же. С. 65 – 66.

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 73, 83.

⁹ Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / пер. с нем.. М.: «Адир-пресс», 2004.

фирм¹⁰. Г. Хофштед на основе собственной методики выявил, как единые know how, принятые транснациональной корпорацией, по-разному адаптируются в разных культурах¹¹. Ш. Шварц на основе авторского инструментария выявил не только различия в ценностях людей, принадлежащих к разным социальным культурам, но также значительное сходство в проявлениях базовых ценностей в разных странах¹². Методики Г. Хофштеда и Ш. Шварца используются и на российской почве. По подсчетам Н. Латовой и Ю. Латова, к настоящему времени в России проведено девять исследований с использованием инструментария Г. Хофштеда¹³. Это исследование А. Наумова среди слушателей бизнес-школ¹⁴, коллективное исследование, проведенное под руководством В.А. Ядова¹⁵, и др. Синтезируя методики Г. Хофштеда и Ш. Шварца, адаптируя их под исследовательский интерес и вводя собственный инструментарий, многочисленные этнопсихологические опросы в российских регионах проводит Н.М. Лебедева¹⁶.

¹⁰ *Shane S., Venkatarman S. & Mac-Millan I. Cultural Differences in Innovation Strategies // Journal of Management. 1995. Vol. 21. № 5. P. 931 – 952.*

¹¹ *Hofstede G. Cultures and Organization. London: Harper Collins Business, 1994; idem. Cultures consequences. International differences in work-related values. London: Sage Publications, 1984.*

¹² *Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // In M.P.Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Orlando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65; idem. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. P. 19 – 45; Schwartz S.H. & Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. P. 268 – 290.*

¹³ *Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 93.*

¹⁴ *Наумов А. Хофштедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.*

¹⁵ *Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.; Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3 (65). С. 53 – 64.*

¹⁶ *Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI в. // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73 – 87.; её же. Кросс-культурные особенности отношения российской молодежи к инновациям // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008. С. 9 – 40; Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10) С. 16 – 26.*

Её апробированная методика изучения связей между экономическим развитием и ценностями общества представляет для нас большой интерес. Методика Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой была использована нами в эмпирическом исследовании.

Кроме того, в контексте нашего исследования методологический интерес представляют следующие выводы исследователей, работающих в области кросс-культурной психологии.

Во-первых, ценности, превалирующие в обществе, – это сердцевина культуры. Ценностные приоритеты индивидов представляют центральные цели, которые связаны со всеми аспектами их поведения. Во-вторых, ценности испытывают прямое влияние повседневного опыта в изменяющемся экологическом, социально-политическом, экономическом контексте. Поэтому ценности являются хорошим индикатором для отслеживания процессов социального и индивидуального изменения, возникающего в результате исторических, социальных и личных событий. Кроме того, они могут быть положены в основу изучения различий между социальными культурами и субкультурами, которые появляются по мере того, как социальные общности развиваются в определенных направлениях в результате их уникального опыта. И, наконец, необходимо различать ценности на уровне личности (индивидуальных различий) и на уровне культур (различий в социальных культурах – различий в социальных нормах, обычаях и традициях социальных групп). В нашем случае единицами анализа становятся культурные ценности этнических групп. Такой «уровень исследования имеет место тогда, когда ценности характеризуют социальную культуру общества или группы людей, а также при рассмотрении того, что является общим для всех людей, составляющих данную культуру, когда анализируются абстрактные идеи о том, что хорошо, правильно и желательно в обществе или другой ограниченной социальной группе»¹⁷. В этом контексте понятие культура сходно с понятиями национальности, этнической или религиозной группы, субкультуры и понимается как определенная социальная группа, характеризующаяся определенными социальными нормами, обычаями, традициями. Этнические различия – это, прежде всего, исторически сложившиеся различия в схемах восприятия и оценивания повседневных ситуаций, в системах повседневных социальных практик (или «габитусе», в терминологии П. Бурдьё).

¹⁷ *Карандашов В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.*

В последние десятилетия в социальных науках утвердилось мнение, что этничность носит гибкий, изменчивый, зависимый от социального контекста характер. Процесс постоянного движения этничности ярко описывает А.В. Головнев: «... человек тестирует свою культуру как инструмент мотива-действия и собирает эти тексты в персональный «этнический опыт». Каждое мгновение этничность претерпевает подвижки – на уроке истории, в религиозной церемонии, в межнациональном браке, в выборе карьеры, в переписи населения, в восприятии телевизионных новостей. Поток событий обновляет этничность, которая не существует вне движения в его различных измерениях – череде поколений, отношениях полов, принятии решений, контактах и конфликтах. Ее проявления многообразны в меняющихся ситуациях и репертуарах разных людей»¹⁸. Понимание того, как этническая культура/группа изменяется, модифицируется под влиянием новых экономических отношений, входит в предмет нашего исследовательского интереса.

Проблемы связей этничности и экономики стали привлекать все большее внимание и социологов – этносоциологов и экономосоциологов. Отечественные исследователи подчеркивают, что культурный фактор влияет на экономические процессы по многим направлениям. Тематически можно выделить следующие блоки исследований:

1. Современные проблемы социального неравенства этнических групп и связанные с ними национальные и религиозные особенности трудовой и деловой культуры.
2. Этническая экономика.
3. Этнические особенности потребительских предпочтений.

Изучение проблемы социального неравенства этнических групп в нашей стране предпринято в крупномасштабном проекте «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации», реализованном в 1999 – 2001 гг. под руководством Л.М. Дробижевой. На основе принципа многомерного иерархического исследования стратификационных моделей с комбинацией объективных и субъективных индикаторов, количественных и качественных измерителей объективных и субъективных показателей были выявлены различия в социально-профессиональном составе национальностей, вариативность мотивов трудовой деятельности, профессиональных ориентаций этнических общностей. Было показано, как фикси-

руемая социальная дифференциация народов задается культурой, разделяемой членами этнических групп»¹⁹.

Одним из показателей степени равенства этнических групп в социальной сфере, принятым в проекте «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации», стали социальные позиции контактирующих этносов. Напомним, что основателем подхода к изучению этносоциальной стратификации в нашей стране является Ю.В. Арутюнян. Под социальной структурой исследователь понимает образующие целостность устойчивые совокупности людей, функционально взаимосвязанные производственными отношениями и присущие данному конкретно-историческому способу производства. При этом основой социальной квалификации наций является «качество труда, меняющегося по континууму «физический – умственный труд, простой труд – сложный, исполнительский – управленческий». Однако в современных условиях, как подчеркивает далее исследователь, важно дополнять традиционную структуру общества его социально-функциональной границей, связанной с распределением власти»²⁰. Такой подход поддерживается рядом российских ученых. О.И. Шкаратан отмечает, что «... в современной России сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящейся в течение последних лет»²¹. Под классами стали пониматься работники, наниматели, самозанятые. Эти три группы занятых, в свою очередь, делятся по характеру занятости и по типу заключенных контрактов работающих»²². Такой подход применяется Л.В. Остапенко, анализирующей тенденции и итоги социальной динамики этнических групп с конца 1950-х до конца 1980-х гг.²³

¹⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

²⁰ Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 8, 10 – 11.

²¹ Шкаратан О.И., Иванов И.М., Иняевский С.А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6. С. 24.

²² Там же. С. 29.

²³ Остапенко Л. В. Динамика социально-профессионального состава этнических групп и проблемы интеграции // *Социальное неравенство... С. 25 – 60; еѐ же. Социальная мобильность в этнических группах: шансы на равенство // там же. С. 61 – 104.*

¹⁸ Головнев А.В. Дрейф этничности // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 4 (25). С. 53.

Национальные особенности трудовой и деловой культуры населения раскрываются в целом ряде работ. Актуализация исследовательского интереса связана с тем, что транснациональные корпорации при организации производств все чаще стали обращаться к социологам, заказывая исследования об этнокультурных особенностях будущих работников. Из отдельных характеристик специалисты синтезируют обобщенные портреты «типичного работника»: японца, китайца, мусульманина и т. д. В соответствии с этими данными планируется вывоз капитала, проектируется система трудовых стимулов, конструируется оптимальная отраслевая структура. В этом ключе для нас большую ценность представляет работа О.И. Шкаратана и В.В. Карачаровского. Исследователи, анализируя зарубежную литературу и обзоры отечественных авторов, выявили те компоненты культуры этноса (связанные преимущественно с традиционной этнической культурой), которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве, на меру и структуру ее эффективности (т. е. на качество продукции, готовность к нововведениям, стабильность и текучесть кадров, удовлетворенность трудом и т. д.). К ним относятся:

1. Система общих ценностей культуры.
2. Традиционные ценности и нормы трудовой деятельности и связанная с ними структура мотивов трудовой деятельности.
3. Иерархическая модель престижности профессий и участия в профессиональных занятиях.
4. Характер профессионально-статусных и образовательных притязаний.
5. Принятое в культуре распределение ролевых функций, закрепленных за половыми, возрастными и другими группами населения²⁴.

Этническая экономика – научное направление, которое активно развивается в зарубежной науке. В российской науке нам известно лишь несколько работ, выполненных в рамках этой темы. Это сборник «Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве», подготовленный в Центре независимых социологических исследований (С-Петербург)²⁵, публикации Л.М. Гонина²⁶, Е.Ю. Фирсо-

²⁴ Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 9.

²⁵ Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб., 2000.

²⁶ Гонин Л.М. Семейный бизнес как технология развития и сохранения удмуртского народа // Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях

ва²⁷, диссертационное исследование Э.А. Сагдиевой²⁸, студенческая работа Л. Мулуковой²⁹. Объектом исследований по этноэкономической тематике являются мигранты (этнические предприниматели), предметом – социальные и этнические сети, образуемые переселенцами при организации и ведении бизнеса в странах и регионах приема³⁰. Сторонники одной позиции минимизируют роль этничности в экономических стратегиях мигрантов (Э. Боначич, В. Воронков, О. Бредникова, О. Паченков), а представители другого лагеря считают, что на развитие этнического предпринимательства оказывают влияние два фактора: структура возможностей и характеристики этнических групп (И. Лайт, С. Карагеоргис, Р. Уолдинггер, Х. Олдрич, Р. Уорд, В. Радаев, Р. Миллер).

Эдна Боначич считает, что расколотовость рынка труда по этническому признаку является в большей степени следствием асимметрии информации и различия в торговой власти между нанимателями и работниками-иммигрантами, чем специфических характеристик этнических образований – подобное явление вполне может возникнуть и при найме арестантов или женщин³¹. Отечественные социологи В. Ворон-

глобализации / науч. ред. Н.И. Леонов; сост.-ред. А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черешня. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 332 – 337.

²⁷ Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Т.5. №2. С. 66 – 76.

²⁸ Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов: дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2010.

²⁹ Мулукова Л. Феномен этнического предпринимательства на примере татар города Ижевск // Российская социология завтрашнего дня: сб. студ. работ / под ред. Г.В. Иванченко; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: ТЕИС, 2006. С. 389 – 410.

³⁰ Другой смысл в понятие «этническое предпринимательство» вкладывает отечественный этнолог В.А. Тишков. Он рассматривает этнических предпринимателей с точки зрения политики и их конструктивистской роли в мобилизации членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров. Этнические предприниматели преследуют сугубо политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или «волю народа». См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 107.

³¹ Bonacich E.A. Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 547 – 559; eadem. Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review. 1973. Vol. 38. P. 583 – 594.

ков, О. Бредникова и О. Паченков придерживаются мнения, что ориентация на этничность носит ситуативный характер и не является определяющей в выборе жизненных (в том числе трудовых) стратегий. В обыденной жизни, бизнесе, считают они, мигранты не используют свою этничность как необходимый ресурс для выживания, а чаще помогают и доверяют друг другу не «со-ethnics», а мигранты, часто принадлежащие к различным этническим группам. Значительно чаще в мигрантской среде помогают друг другу «друзья», «коллеги», «соседи» и т. п.

Авторы выделяют пять основных факторов, влияющих на организацию социальных сетей мигрантов:

- легкость (простота, беспроблемность),
- рациональность (выгода),
- доверие,
- давление извне (вытеснение),
- пространство.

По мнению авторов, именно эти факторы структурируют деятельность мигрантов, ложатся в основу формирования и использования мигрантами социальных сетей³².

Противоположную идею высказывают И. Лайт и С. Карагеоргис. Эти авторы не исключают использования традиционных объяснений, связанных с рекрутированием этнических ресурсов. По мнению данных исследователей, на формирование этнических и социальных (экономических) сетей оказывает влияние доверие, основанное на разделенной этнической идентичности, которое сокращает возможные транзакционные издержки, связанные с недоверием (например, излишним станованием посредников, выступающих гарантом в бизнесе)³³.

Близкую позицию занимают Р. Уолдинггер, Х. Олдрич и Р. Уорд. Они считают, что этнические стратегии возникают вследствие адаптации этнических предпринимателей к доступным им ресурсам и основываются на характеристиках групп. Эти авторы выделяют три причины использования этнических сетей. Во-первых, в сколь бы уязвимом и невыгодном положении ни находились иммигранты, при помощи своих связей и взаимной поддержки они могут создавать ресурсы, которые защитят их от суровости принимающей среды. Во-вторых, социальные структуры сообществ иммигрантов порождают формальные

и неформальные организации в контексте, который в противном случае мог бы вести к аномии. В-третьих, подобные неформальные организационные ресурсы могут обеспечить иммигрантам преимущество в конкуренции с коренным населением, если институциональные механизмы, связывающие индивидов с организациями в нормальных условиях, недостаточно развиты или плохо функционируют³⁴.

В. Радаев пишет о неодинаковой адаптации этнических мигрантов к одним и тем же условиям труда. Например, выходцам с мусульманского Востока труднее приспособиться к жесткому ритму промышленного конвейерного производства, но зато многие из них при первой возможности стремятся завести свое маленькое дело (торговое, ремесленное). Он пишет, что «очень трудно, порой, пожалуй, даже невозможно резко порвать с традиционными занятиями, с выработанными обычаями и ритмами»³⁵. Синонимично выступает Р. Миллер. Он пишет: «Иммигранты приносят с собой различное понимание труда и того, что является подходящей и желаемой работой; разные трудовые мотивы и ценности; разные ориентации по отношению ко времени, к оценке будущего, к уровню производительности; целостную систему значений и трудовых диспозиций – т. е. совершенно различную культуру труда»³⁶.

В нашей работе мы предпримем попытку синтезировать подходы к изучению этнических сетей в этнических экономиках. Для нас важными являются выводы исследователей о влиянии на формирование этнических сетей ситуативного фактора и фактора рационализации среды и окружения, когда этничность рекрутируется наравне (или в меньшей степени, или не используется совсем) с другими ресурсами, с одной стороны, и со структурой возможностей и характеристики этнических групп, доверия, с другой. Эти идеи органично вписываются в теории капитала и рационального выбора, которые мы будем использовать.

³⁴ Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 352.

³⁵ Радаев В. Сектора хозяйства // Российский экономический журнал. 1995. №4. С. 86 – 87.

³⁶ Miller R.K. Jr. Patterns of Employment Difficulty among European Immigrant Workers during the Great Depression: Local Opportunity and Cultural Heritage / Berg I.(ed) Sociological Perspectives on Labor Markets. New York: Academic Press, 1981. С. 298.

³² Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб., 2000. С. 47 – 54.

³³ Там же.

В последнее время в науке все больше внимания стало уделяться особенностям потребления. А. Аппадурай утверждает, что предметы обладают «социальной жизнью»: с течением времени они конструируются как товары, затем присваиваются и в процессе использования персонализируются. Эти процессы обусловлены культурой³⁷. Идея о том, что потребление становится «мотором» социальной жизни, демонстрируется в исследованиях постмодернистской культуры. Ученые говорят об обществе потребления. Для нас важен вывод исследователей о современном конструировании товаров и услуг. Культурные продукты также все чаще приобретают форму товара или услуги и выставляются на рынок.

Как видим, в гуманитарной науке накоплен внушительный теоретический и эмпирический материал, фиксирующий взаимосвязь этничности и экономики. Эти исследования показывают наличие/отсутствие конституирующего и регулятивного влияния культуры. На основе представленного анализа научной литературы можно выделить следующие составляющие этой связи:

– культура формирует экономических акторов – эти атомы хозяйства;

– идеи, когнитивные технологии и аналогичные институты культуры создают благоприятные условия для экономических действий;

– при помощи культуры люди интерпретируют экономические институты и отношения, а также приспосабливаются к ним (например, за счет рекрутирования этнических сетей), используют их при выработке жизненных и потребительских практик.

В рамках нашего исследования эти обобщения требуют методологического уточнения. Чтобы говорить о наличии или отсутствии влияния культуры, необходимо четко очертить границы явления, к которому относится данное утверждение. «Влияние культуры можно показать, только если оно имеет вариации в рамках изучаемой группы населения»³⁸. Культурные особенности этнических групп в этносоциологии изучаются через взаимодействие этнических групп. Как известно, «предметом этносоциологии является изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их

³⁷ Appadurai A. Introduction: Commodities and the Politics of Value // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / A. Appadurai (ed.). New York: Cambridge University Press, 1986. P. 3 – 63.

³⁸ Димаджио Пол. Культура и хозяйство // *Западная экономическая социология...* С. 473.

коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды»³⁹. Помимо культурологического подхода, позволяющего понять господствующие в той или иной культуре ценности и правила поведения на экономическом поле, мы должны привлечь деятельностный подход, а также подход, который выявляет взаимоотношения этнических групп.

С точки зрения социологии деятельность рассматривается как способ существования человеческого общества, как реализация социальных законов, которые и проявляются через деятельность людей. Деятельность реализуется через социальное действие, основными чертами которого являются его внутренняя мотивация и ожидание субъектом от других людей определенной ответной реакции (последняя выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия)⁴⁰.

Если применить принцип деятельности к изучению личности, включенной в этническую группу, продуктивным представляется подход, который выявляет взаимоотношения социальных групп. Проблема взаимоотношений этнических групп очень актуальна для России не только потому, что наша страна полиэтнична и поликонфессиональна, но и потому, что сохраняется этническое самосознание и интересы этнических групп. Экономическая сфера является одним из фрагментов жизнедеятельности представителей разных этнических общностей. Именно здесь может находиться зона потенциальных конфликтов. Л.М. Дробижева, опираясь на данные многочисленных репрезентативных этносоциологических опросов, приходит к выводу о том, что бизнес и экономические интересы этнических групп, наряду с властью и статусными позициями, являются доминирующими индикаторами на социальном поле конкурентных взаимодействий⁴¹. В нашем исследовании проблемы адаптации этнических групп к рыночным условиям подчинены цели выяснения того, как этот процесс связан с интеграцией полиэтничного российского общества – межэтнической и социальной. Автор солидаризируется с Л.М. Дробижевой, которая под интеграцией понимает «поддержание эффектив-

³⁹ Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 13.

⁴⁰ Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602 – 603, 625 – 626.

⁴¹ Дробижева Л.М. Потенциал интеграции в условиях возрастающего социального многообразия национальностей // *Социальное неравенство...* С. 448.

ного взаимодействия различных групп общества для достижения разделяемых всеми системных целей, процесс, в ходе которого этнические группы, социальные слои устанавливают между собой позитивные поведенческие, когнитивные и эмоциональные связи, взаимодействия, направленные на кооперацию, понимание и толерантность, обеспечивающие существование системы в стабильном равновесии. Стабильное равновесие и является приоритетной системной целью»⁴².

Проблему взаимодействия этнических групп нам помогает решить теория норвежского антрополога Федерика Барта. Исследователь считает, что взаимодействие в социальных системах является фундаментом культурных различий, способствует появлению этнических групп и поддерживает их сохранность⁴³. Границы между ними представляют собой не просто сумму «объективных» различий, а набор тех различий, которые сами люди считают значимыми и которые в разных социокультурных системах могут иметь различные формы и объемы. Этим образуется организационная оболочка группы, а ее устойчивость во многом определяется степенью, которой достигает межэтническая конкуренция.

Взаимозависимость этнических групп Ф. Барт анализирует с точки зрения культурной экологии: секторы активности, в которых задействованы другие культуры, могут мыслиться как ниши, к которым адаптирована группа. Там, где находятся в контакте две или более этнические группы, их адаптации могут принимать следующие формы:

1. Они могут занимать совершенно разные ниши в природной среде и в минимальной степени конкурировать за ресурсы. В этом случае их взаимозависимость будет ограничена, невзирая на совместное проживание на одной территории, взаимодействие будет происходить в сфере торговли, а также, возможно, в церемониально-ритуальном секторе.

2. Они могут монополизировать отдельные территории, и в этом случае начинается конкуренция за ресурсы, следствием которой станет взаимодействие в пограничных областях, а также, возможно, в других секторах.

⁴² Дробизева Л.М. Многомерный подход к изучению процессов социальной дифференциации и неравенства этнических групп // там же. С. 14.

⁴³ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. С. 10.

3. Они могут представлять необходимые товары и услуги, то есть занимать взаимообусловленные, а следовательно, разные, хотя и тесно взаимосвязанные ниши – политический, экономический или какой-то другой сектор.

4. Частичная конкуренция внутри одной ниши. Со временем можно ожидать, что либо одна такая группа вытеснит другую, либо они приспособятся друг к другу, постоянно развивая взаимодополняемость и взаимозависимость⁴⁴.

Применение представлений о ресурсной конкуренции между этническими группами прослеживается в работах антропологов «манчестерской школы» (Ф. Мэйер, А. Коэн, К. Митчелл). Исследователи считают, что в полиэтничных обществах она часто разворачивается вдоль условных линий этнического расселения. Выделяются четыре основных положения теории ресурсной конкуренции по отношению к феномену этничности. Во-первых, этническая мобилизация усиливается урбанизацией, инициирующей состязательность между целыми этническими популяциями. Во-вторых, ее интенсивность повышается за счет расширения индустриального и обслуживающего векторов экономики, углубляющего конкуренцию за рабочие места, которая обретает особую остроту, когда ослабляется этническая сегрегация, т. е. уменьшаются различия в уровне оплаты труда и постепенно исчезает национальная «окрашенность» определенных профессиональных и квалифицированных ниш. В-третьих, возрастанию этнической мобилизации способствует развитие периферийных районов и открытие естественных ресурсов на территориях дислокации этнических популяций, а это делает вероятным возникновение субнациональных движений, этнополитических партий и элит. И, наконец, этническая мобилизация сопровождает процессы государственного строительства: политические изменения воздействуют на этническое самосознание людей и сплачивают их⁴⁵.

Важную форму социальной организации, содействующую этнической конкуренции и вызывающую в том или ином виде этнический конфликт, образует «культурное разделение труда», понимаемое как система исторически установившихся паттернов политического господства, экономической эксплуатации и социального угнетения этни-

⁴⁴ Там же. С. 23 – 24.

⁴⁵ Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relation: An Overview // Competitive Ethnic Relations / Ed. by S. Olzak, J. Nagel. London: Academic Press Inc., 1986. P. 1 – 16.

ческих меньшинств одной или несколькими господствующими группами. Другим структурным фактором, стимулирующим конкуренцию, является «раскол рынка труда», при котором антагонизм поддерживается стараниями высокооплачиваемых рабочих не допустить на рынок труда, ограничить «этническую» дешевую рабочую силу⁴⁶.

Идеи Барта и представителей «манчестерской школы» являются для нас очень продуктивными. Принимая позиции «мягкого» конструктивизма, мы будем руководствоваться тезисом исследователей о том, что этнические границы, будучи формой социально-организационных различий, могут пронизывать не всю социальную жизнь, а функционировать только в отдельных «секторах действительности», создавая очаги этнокультурной конкурентности либо взаимной дополняемости⁴⁷. Наш анализ покажет, что в сфере экономического поведения этнические различия под влиянием политической, экономической, социальной инженерии, сложившейся конъюнктуры конструируются в отдельных «секторах действительности». Однако мы признаем, что некоторые объективные характеристики групп играют немаловажное значение на экономическом поле. Культура тоже имеет значение. Какое – нам помогут понять теории капитала и рационального выбора. В заключение отметим, что проблемы границ между этническими группами находятся в центре внимания и отечественных этносоциологов. Эта тема разрабатывалась в рамках научно-исследовательского проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», реализованного под руководством Л.М. Дробижевой. Результаты проекта представлены в монографии⁴⁸.

§ 2. Теории рационального выбора и капитала: перспективы использования при изучении адаптации этнических групп

В начале 1990-х гг. Россия вступила в полосу глубоких социальных трансформаций. Одной из важных проблем стало вхождение человека в рыночную экономику. Несмотря на кажущуюся много-

⁴⁶ Скворцов Н.Г. Этничность: социологическая перспектива // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 21 – 31.

⁴⁷ Bart F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1996. P. 30.

⁴⁸ Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

аспектность этого процесса, он, по сути, сводится к одной центральной теме – «адаптации человека к радикально обновляющейся социальной среде, в которой сфокусированы главные особенности повседневной жизнедеятельности людей, различные уровни трудностей реализации их социальных ориентаций, потребностей, жизненных планов»⁴⁹. Проблема становится особенно острой и в связи с тем, что знания и навыки, трудовые мотивации и модели коммуникаций, накопленные российским населением в дореформенный период, пришлось обновлять и вновь формировать. В этой связи задача адаптации связана с мобилизацией всех имеющихся ресурсов, которые могут рассматриваться как «основания для индивидуального самоуважения в связи с активностью, интенсивностью работы или иного достижения, предполагающего высокий доход, общественное признание и т. п.»⁵⁰.

В современной социологии накоплен внушительный объем материала по изучению адаптации как социального феномена. Анализ многообразия теоретических подходов и эмпирических исследований представлен в ряде работ⁵¹. Классические идеи выдвинули Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон. Г. Спенсер считал, что приспособление есть результат уравнивания организмов со средой⁵². С точки зрения Э. Дюркгейма, социальная адаптация – это реализация общих социальных норм⁵³. Р. Мертон сводит всю социальную действительность к различным формам организации, к социальным условиям существования: конформизм, ритуализм, отступление, бунт⁵⁴. Мы будем исходить из идеи Т. Парсонса, который утверждал, что адаптация – это вещественно-энергетическое взаимодействие с внешней средой, одно из функциональных условий существования

⁴⁹ Козырева П.М. Адаптационные процессы в сфере труда: формирование рыночных качеств и отношение к труду // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 12.

⁵⁰ Гудков Л.Д. Реформы и процессы общественной приватизации // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро- мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М: МВШСЭН, 2001. С. 283 – 297.

⁵¹ Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997; Шустова Н.Е. Социальная адаптация личности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 1999.

⁵² Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876 – 1877. С. 127.

⁵³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991. С. 35.

⁵⁴ Merton R. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, 1957. P. 73.

социальной системы, наряду с интеграцией, достижением цели и сохранением ценностных образцов⁵⁵. В качестве рабочего определения под *адаптацией* мы будем понимать взаимодействие адаптант – среда, ведущее к сохранению и интеграции социальной системы, с одной стороны, и воспроизводству культуры, с другой. А само взаимодействие будем рассматривать как один из ресурсов адаптации.

Адаптация может происходить в разнообразных сферах социальной действительности. В центре нашего внимания – социально-экономическая адаптация. Наиболее удачный методологический подход, описывающий специфику социально-экономической адаптации россиян, на наш взгляд, разработан Е.М. Авраамовой⁵⁶. Исследовательница сформировала ряд типобразующих характеристик социально-экономической адаптации жителей России. Это конечный результат адаптации (формирование новых моделей социально-экономического поведения, включение в старые стереотипы поведения новых элементов, сохранение старых моделей социально-экономического поведения), отношение к переменам в обществе (положительное, отрицательное, нейтральное), способы осознания социально-экономической реальности (идеолого-мифологический, рационально-праксиологический, ситуативно-прагматический), реакция на изменения социально-экономических условий, типы используемых социально-экономических ресурсов. Целями адаптации, по мнению Авраамовой, являются либо достижение более высокого уровня жизни, либо поддержание сложившегося уровня жизни и статуса, либо выживание. Изучение обозначенных характеристик социально-экономической адаптации этнических групп является предметом нашего исследовательского интереса. В дальнейшем мы покажем разнокачественные стратегии социально-экономического поведения⁵⁷, когда народы не только производят и потребляют экономические блага, но и ищут информацию, передают накопленный опыт, зараба-

⁵⁵ Парсонс Г. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменений / Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 448 – 481.

⁵⁶ Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / ред. И.Е. Дискин. М.: ИСЭПН РАН, 1998. С. 47 – 48.

⁵⁷ Как известно, стратегии – это устойчивый, последовательный выбор способов деятельности по пути к достижению фиксированной цели в условиях ограниченного набора ресурсов. См.: Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 3 – 14.

тывают авторитет и конструируют новые значения хозяйственного процесса, основываясь на собственной культуре и своих представлениях о желаемом и важном. Действия народов на экономическом поле порождаются социальными структурами, и они сами, в свою очередь, «творят» эти структуры.

Особое внимание нам необходимо уделить социально-экономическим ресурсам, которые используются этническими группами в адаптационном процессе. Эта необходимость связана с тем, что изучение адаптации населения в трансформирующемся обществе предполагает обращение к методологическим подходам, которые учитывают, прежде всего, активную роль самого индивида, самостоятельно и ответственно вырабатывающего различные стратегии экономического поведения на основе своего ресурсного капитала. Такой подход отождествляют с деятельностно-активистской парадигмой, где на первый план выходит понятие «социальный капитал», или «социальный ресурс», а «движителем» выступают социальные субъекты, которые, в зависимости от наличия у них достаточного социального ресурса, способны изменить правила социальных взаимоотношений. Для россиян проблема социальных ресурсов является жизненно важной. Накопленный ранее или обретенный в новой России капитал знаний, нормативных поведенческих практик и сетей связей либо девальвируется, либо идет в рост, дает приращение уже имеющемуся социальному ресурсу⁵⁸.

Концепции рационального выбора и социального капитала представляют собой самый современный подход к социологии экономического развития. Многочисленные социологические исследования демонстрируют, как в реализации своих предпочтений современные люди действуют рационально. В общественном сознании сегодня стала доминировать исключительно высокая оценка социальных организаций, социальных институтов и социальных отношений, обуславливающих горизонтальную и вертикальную мобильность. Необходимо оговориться: мы исходим из специфичности культур. Для нас разделение рационального и нерационального действий относительно, границы между ними подвижны и способны со временем радикально изменяться в рамках одной культуры. Хозяйственное действие выступает как сложное сочетание рациональности и нерациональности, при этом и та, и другая обладают специфическим социально обу-

⁵⁸ Дробизева Л.М. Введение // Россия реформирующаяся... С. 3.

словленным характером. И поэтому нам вместо одной линейки необходим сложный набор измерительных инструментов.

В общем виде сущность подхода, предлагаемого теорией рационального выбора, состоит в том, что социальная среда, социальная ситуация структурируют альтернативы, стоящие перед акторами (индивидами или группами), и оказывают решающее влияние на принимаемые ими решения⁵⁹. В социологии теория рационального выбора наиболее ярко раскрыта в работах Дж. Коулмана. Исследователь стремится объяснить, как система (властные отношения, организационные структуры, нормы) влияет на индивида, что происходит на индивидуальном уровне и как действия людей влияют на уровень всей системы. Базовая идея Коулмана заключается в том, что культура порождает конкретные специфические ценности у своих членов, которые заставляют их действовать в поисках этих ценностей, а делая это, они влияют на общество⁶⁰. Системный подход к изучению адаптационного процесса этнических групп является базовым в нашем исследовании. Методологическая проблема, которая возникает в этой связи, – это поиск и замер элементов культуры этнических групп, которые актуализируются и рекрутируются в процессе адаптации к окружающим условиям, и изучение того, как внешняя среда меняется под влиянием выбранных стратегий. Представляется, что наиболее удачным методологическим решением этой проблемы является теория капитала.

Размышляя о перспективах экономического развития российского общества, мы не можем обойти вниманием концепции, в которых раскрываются движущие силы хозяйственных практик. Пожалуй, наибольший вклад в разработку этой проблемы внесла экономполитическая теория. Именно здесь термин «капитал» является одним из ключевых. Немецкий экономист К. Маркс под капиталом понимал накопленный овеществленный и живой труд (точнее способность к нему). Труд имеет двойственный характер: одновременно он может быть конкретным (труд, отличающийся определенной целью, навыками, организацией, профессиональным умением, направленный на создание какого-то конкретного продукта) и абстрактным (обще-

⁵⁹ Блестящий анализ теории рационального выбора сделал В.П. Кулыгин. См.: *Кулыгин В.П.* Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 27 – 36.

⁶⁰ *Коулман Дж.* Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология... С. 159 – 179.

ственный труд – затраты мускулов, энергии, мозга, отвлеченный от его конкретной формы). Благодаря абстрактному труду возникает прибавочная стоимость – разница между стоимостью рабочей силы и стоимостью, которую она может создать. Прибавочная стоимость может быть выражена в денежном эквиваленте. Итак, Маркс выделяет два свойства капитала – способность превращаться в денежную форму и иметь самовозрастающую стоимость. Эти конституирующие свойства капитала для нас являются методологически важными. В эмпирической части работы мы покажем, как ресурсы (и не только способность к труду) этнических групп обладают денежной ликвидностью, т. е. обладают способностью превращаться в денежную форму. Но, в то же время, капитал, как мы покажем ниже, может принимать не только овеществленные формы и приносить не только реальные денежные дивиденды. Поэтому теория Маркса для нас не может быть исчерпывающей при изучении исследовательской проблемы.

Идеи классических теорий о движущих силах экономического развития общества продолжили неомарксисты. Для нас большой интерес представляют работы немецкого экономиста Фридриха Листа. В основу своей концепции исследователь положил идею о том, что, поскольку уровень экономического развития разных стран различен, полная свобода торговли тормозит развитие производительных сил в отстающих странах. Понимая под производительными силами всю совокупность условий, необходимых для экономического развития и увеличения «богатства нации», Лист особо подчеркивал необходимость промышленного роста и предлагал стимулировать его мерами «воспитательного протекционизма», т. е. защиты от иностранной конкуренции. Кроме того, он считал, что любое экономическое решение следует принимать, не только исходя из его непосредственной эффективности, но и с учетом его долгосрочных и косвенных последствий⁶¹. Акцент на изучении экономического развития отдельно взятой страны для нас является принципиально важным.

Идея о дифференциации мира стала ключевой в теории американского исследователя Иммануила Уоллерстайна. Ученый проводит различие между традиционным типом интеграции локальных обществ – империями – и современным, возникшим в XV – XVI вв. типом –

⁶¹ *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. СПб., 1891; *Попов Г.Г.* Национальное развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 71 – 85.

капиталистической мир-экономикой. В рамках мир-экономики выделяются группы обществ, образующих центр, периферию и полупериферию системы. Группируются они не по географической близости, а по характеру связей. Внутри центра капиталистической мир-экономики устанавливаются отношения кооперации и конкуренции. Между центром и периферией – отношения эксплуатации и зависимости. Полупериферия, как явствует из названия, находится с центром и периферией в отношениях смешанного типа. Толчок к изменениям дают международные контакты, конкуренция, столкновения и конфликты в зонах взаимного влияния⁶². Методологические идеи теории Листа и Уоллersteйна представляют для нас большую ценность, поскольку позволяют понять место России в современной мир-экономике. Однако в рамках нашей работы эти теории не могут быть доминирующими, поскольку в них упускается из виду внутренняя логика развития Российской Федерации.

Идеи о движущих силах развития современного общества развил французский социолог Пьер Бурдьё. Как и марксисты, он считает, что основой современного мира является капитал. Однако трактовка капитала Бурдьё значительно шире. Для нас очень ценным является то, что исследователь выходит за собственно экономические рамки и отрывается от стоимостной основы в ее непосредственном экономическом смысле. Чрезвычайно важным является также и то, что капитал может принимать не только овеществленные, но также инкорпорированные формы, т. е. воплощаться в отдельных людях и отношениях между людьми. Капитал, по мнению Бурдьё, – это сила, вписанная в объективные или субъективные структуры, а также принцип, лежащий в основе имманентных социальному миру закономерностей. Это то, на чем основаны игры общества. Однако это не просто азартная игра. Капитал выступает как ограниченный ресурс, он способен производить прибыль, т. е. обладает свойством ликвидности, а значит, имеет стоимостное измерение (и в этом Бурдьё близок марксистам), обладает способностью к конвертации, т. е. постоянной смене своих форм, приносящей новую добавочную стоимость. Мы, вслед за В.В. Радаевым, под *капиталом* будем понимать накапливаемый хо-

⁶² *Уоллersteйн И.* Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или к объяснению истории современности // *Полис*. 1997. № 2. С. 5 – 13; *Wallerstein I.* Globalization or the Age of Transition? // *International Sociology*. 2000. № 2.

зяйственный ресурс⁶³, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм⁶⁴.

П. Бурдьё выделяет три формы капитала: *экономический* капитал, непосредственно конвертирующийся в деньги и институционализирующийся в форме прав собственности, *культурный* капитал, который при определенных экономических условиях конвертируется в экономический капитал, *социальный* капитал, образованный социальными связями. Культурный и социальный капиталы могут конвертироваться в экономический капитал при определенных условиях. По Бурдьё, существует три состояния капитала. *Инкорпорированное состояние* – это совокупность относительно устойчивых воспроизводимых диспозиций и демонстрируемых способностей, которыми наделен обладатель той или иной формы капитала. *Объективированное состояние* означает принятие капиталом овеществленных форм, которые доступны непосредственному наблюдению и передаче в их физической, предметной форме. *Институциональное состояние* может быть формализовано в виде прав собственности, рангов, сертификатов, но может выступать и в неформальном виде, который позволяет узнавать и признавать данный вид капитала⁶⁵. В.В. Радаев выделяет еще пять видов капитала – *физический, человеческий, административный, политический и символический*⁶⁶. Мы будем использовать общий подход к изучению капитала, принципы его классификации, однако, исходя из объекта и предмета нашего научного внимания – проблем социально-экономической адаптации этнических групп к рыночным условиям, авторская трактовка содержания отдельных форм капитала по некоторым позициям будет отличаться от позиций исследователей капитала.

Как известно, *экономический капитал* включает в себя доступ к финансовым средствам и средствам производства, размер доходов, материальное благосостояние, накопления, наличие собственности. Эти составляющие экономического капитала в соединении с живым трудом не только способны конвертироваться в деньги, но и, по уровню их мо-

⁶³ Понятие «хозяйство» используется в социологическом смысле, как совокупность эмпирических наблюдаемых объектов.

⁶⁴ *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 4. С. 20 – 32.

⁶⁵ *Бурдьё П.* Формы капитала // *Западная экономическая социология...* С. 519 – 520.

⁶⁶ *Радаев В.В.* Понятие капитала... С. 21.

биллизации, определять рисунок экономических классов, выстраивая стратификационную систему. Положение людей на социальной лестнице, в свою очередь, способно принести не только экономические, но и властные, социальные, политические дивиденды. Комбинации показателей (доход, имущественные характеристики, должность) используются нами как базовые для понимания адаптационных возможностей этнических групп и изучаются нами как элементы объективированного состояния экономического капитала народов.

В условиях этнокультурного разнообразия наряду с объективными показателями важно использовать субъективные оценки стратификационных позиций. На этот счет Л.М. Дробижева приводит интересный факт, обнаруженный в ходе этносоциологических исследований. В период хаотических трансформаций в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете. Исследовательница делает вывод о том, что метод самооценок чрезвычайно полезен, поскольку позволяет представить систему координат нового социального пространства, которую конструируют для себя люди разных национальностей. «Наложение социально-профессионального и стратификационного деления с учетом субъективного восприятия и характеристик групп с точки зрения их психологических ориентаций, стилей жизни, норм обыденной жизни, политических пристрастий и культурных интересов дает... наиболее адекватное отражение современной социальной реальности»⁶⁷. Этот подход к анализу российской стратификационной системы используют социологи Л.А. Беляева⁶⁸, З.Т. Голенкова⁶⁹, М.К. Горшков⁷⁰, Т.И. Заславская⁷¹,

⁶⁷ Дробижева Л.М. Многомерный подход... С. 22 – 23.

⁶⁸ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М: Academia, 2001.

⁶⁹ Голенкова З.Т. Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999.

⁷⁰ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007.

⁷¹ Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 1.

Ю.А. Левада⁷², Н.А. Тихонова⁷³, Л.А. Хахулина⁷⁴ и др., которые подчеркивают, что синтез объективных и субъективных показателей дает более реальное представление о состоянии общества.

Итак, под объективированной формой экономического капитала этнических групп мы будем понимать объективные позиции – доход, имущественные характеристики, должность – и субъективные оценки стратификационных позиций. Способность к производству добавленной стоимости от позиций на стратификационной лестнице в соединении с живым трудом определяют главную диспозицию, инкорпорированную в экономическом капитале этнических групп. Институциональное состояние экономического капитала наилучшим образом фиксируется через систему этносоциальной стратификации, которая определяется как реальные социально-экономические иерархии или воображаемые притязания на социальные позиции. Основным измерителем масштабов экономического капитала является оценка социальной структуры этнических групп через анализ экономических классов, которые дифференцируются по характеру и размерам собственности, уровню и источникам доходов, имущественной обеспеченности.

Экономсоциологи настаивают на отделении от экономического капитала особой части производительных сил – рабочей силы, благодаря которой и становится возможным производство добавочной стоимости. В отношении этнических групп их важной характеристикой является *физический капитал*. Он связан с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, а также с их внешними физическими данными, которые могут использоваться для мобилизации других видов ресурсов. Различия физического капитала определяются способностью к труду, инкорпорированной в теле потенциального или реального работника. Его объективированная форма представлена физическими и психическими качествами, позволяющими рабочей силе реализовать свое предназначение в трудовом процессе. Результат достигается путем соединения физических способностей

⁷² Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5 – 24.

⁷³ Тихонова Н.Е. Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 5 – 15.

⁷⁴ Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2.

человека с другими видами капитала, а также со средствами производства как важнейшей частью экономического капитала.

Здесь идет речь об особенностях этнодемографического развития народов, включая потенциал трудовых ресурсов, и характере протекания урбанизации. Мы не можем обойти вниманием концепции, объясняющие режимы естественного воспроизводства в разных странах и культурах. Концепция демографического перехода Дж. Хаджнела и З. Павлик позволяет связать сочетание динамики рождаемости и смертности с определенной системой хозяйствования и уровнем общественного разделения труда. Так, в странах Европы «постарение» первых браков и снижение в результате этого уровня рождаемости было вызвано возросшими требованиями к профессиональной подготовке работников, которые стали предпосылкой европейского капитализма⁷⁵.

Урбанизация – это процесс повышения роли городов в развитии общества, охватывающий изменения в размещении производительных сил, в населении, его социально-профессиональной демографической структуре, образе жизни и культуре. Для изучения функционирования социальных групп в городской среде для нас интерес представляет работа «Город» М. Вебера, в которой исследователь сформулировал проблему глубинных цивилизационных различий в функциях и структуре городов. Одно из исходных положений Вебера – различия «западного» и «восточного» типов городов, складывающиеся из-за особенностей их функциональной нагрузки. Межкультурные различия в социальных процессах, протекавших в городах, касаются и другого важного показателя урбанизационных процессов – структуры, связанной с концентрацией этнических групп в определенных отраслях городского хозяйства.

С социально-профессиональной стратификационной системой непосредственно связан *человеческий капитал*. Дж. Коулман – один из основателей изучения человеческого капитала – считает, что это явление определяется во многом образованием родителей и в совокупности формирует потенциал для когнитивной среды ребенка, помогающей обучению⁷⁶. В своем инкорпорированном состоянии чело-

веческий капитал представляет собой совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли. Иными словами, человеческий капитал – это психологическое качество рабочей силы⁷⁷. В вещной (объективированной) форме этот капитал существует в виде системы общего и профессионального знания, призванной транслировать специфические знания и демонстрировать процедуры выработки новых навыков. В институциональном состоянии человеческий капитал подкрепляется системой формальных сертификатов, включающих дипломы, разряды, лицензии, патенты, свидетельствующие о получении искомым знаниям и навыкам. Эти сертификаты открывают доступ к определенным видам хозяйственной деятельности. Измерителем человеческого капитала этнических групп являются данные об образовательном уровне, времени, затраченном на образование и повышение квалификации.

Концепция *социального капитала* получила широкое распространение на Западе. В самом общем виде под социальным капиталом понимается совокупность отношений, порождающих действия. А.Т. Коньков выделяет пять основных подходов к рассмотрению феномена социального капитала: сетевой подход, ресурсная теория, коммунитарный, институциональный и синергетический. По степени распространенности в социологии доминирует сетевой подход. В качестве социального капитала здесь рассматривается социальная сплоченность общества или групп. Социальная сплоченность – довольно широкая категория, охватывающая практически все сферы жизнедеятельности индивида и группы: на микроуровне – сферу межличностных отношений (внутрисемейные, внесемейные межличностные контакты), на мезоуровне – организации и ассоциации (социальная и политическая активность), на макроуровне – государственное обеспечение функционирования социальных институтов (образование, СМИ, политика и т. п.). Вариантом сетевого подхода является ресурсная теория, разрабатываемая американским исследователем Н. Лин и рядом европейских экономосоциологов – Х. Флэп, Н. Де Граф. С точки зрения исследователей, социальный капитал представляет собой инвестиции индивидов в социальные отношения, посредством которых они полу-

⁷⁵ Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 34 – 56; Хаджнел Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // там же. С. 14 – 70.

⁷⁶ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122 – 139; Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital, American Journal of Sociology. Vol. 94. Supplement, P. 95 – 120.

⁷⁷ Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 19.

чают доступ к укорененным в них ресурсам для повышения ожидаемых доходов от инструментальных и экспрессивных действий⁷⁸.

Специфика социологического подхода к изучению социального капитала заключается в том, что здесь способность к его накоплению рассматривается не в качестве индивидуальной характеристики, а признается особенностью той сети отношений, в которую включен индивид⁷⁹. На региональном и общенациональном уровнях социальный капитал порождает условия для экономического роста: облегчает создание новых предприятий, способствует развитию малого бизнеса и предпринимательства, повышает эффективность рынка⁸⁰. Предпринимаются первые попытки использования теории социального капитала в анализе российского общества⁸¹, демонстрируется использование россиянами неформальных социальных сетей, связанных с организационной неэффективностью, прежде всего с неэффективностью менеджмента государства⁸². Л.В. Стрельникова, проведя анализ многочисленных теоретических работ по изучению социального капитала, пришла к выводу о том, что наиболее целесообразно рассматривать это понятие с точки зрения источников формирования, целей использования и форм существования⁸³. С позиций источников форми-

рования социального капитала наибольшую популярность приобрело определение Дж. Тернера: «Социальный капитал – это те силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций». Социальный капитал формируется как: 1) объединение индивидов для решения фундаментальных вопросов, связанных с производством, воспроизводством, регулированием и координацией основных потребностей (макроуровень); 2) корпоративные элементы человеческого капитала и категориальные элементы, которые генерируют социальные различия, сказывающиеся на отношении к ним в обществе (мезоуровень); 3) непосредственные личные отношения в рамках корпоративных и социальных ячеек (микроуровень)». В соответствии с этими тремя уровнями целью использования социального капитала является экономический рост, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды (специфических социальных сетей и ресурсов, способствующих мобильности граждан).

Формы и составляющие социального капитала, на наш взгляд, наиболее удачно раскрыл Дж. Коулман. Определяя форму социального капитала в зависимости от ситуации, исследователь отмечает множество различных его составляющих, характеризующихся двумя общими свойствами: они состоят из нескольких структур, внутри структуры облегчают действия акторов. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно⁸⁴. Резюмируя вышеизложенное, под социальным капиталом мы, вслед за Ж. Нахпетом и С. Госалом, будем понимать «определенную сумму фактических и потенциальных ресурсов, доступных через сети взаимоотношений, принадлежащих индивидууму или какой либо другой социальной единице. Таким образом, «социальный капитал включает как определенную сеть связей, так и определенные активы, которые могут быть мобилизованы посредством этой сети»⁸⁵. Социальный капитал обладает такими характеристиками, присущими любому другому ресурсу, как: ограниченность, способность к накоплению, ликвидность, конвертируемость, способность к самовозрастанию. Этот мето-

⁷⁸ Коньков А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического действия: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006. С. 19.

⁷⁹ Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В.В. Радаева. М., 2002. С. 157 – 208.

⁸⁰ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

⁸¹ Найденова Л.И., Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 84 – 95; Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43 – 54; Красилова А.Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. № 4. С. 160 – 180; Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24 – 35; Шихирев П.Н. Природа социального капитала... С. 17–31.

⁸² Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 23 – 38.

⁸³ Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 33 – 41.

⁸⁴ Коулман Дж. Капитал социальный... С. 129, 126.

⁸⁵ Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organization Advantage // Academy of Management Review. 1983. Vol. 23.

дологический подход широко используется при изучении проблем трудоустройства этнических мигрантов (см. Главу I, § 1).

Исходя из обозначенных уровней социального капитала, в нашем исследовании мы учитываем три формы включенности в социальные сети. Первая – это шкала включенности в институциональные сети. Вторая – статус и восприятие статусов этнических групп. Третья – шкала включенности в сети повседневных контактов и поддержки. В последнем случае для нас обязательным было изучение вопроса о том, воспринимается ли национальность в общественном сознании как категория жизненного успеха, важна ли для людей этничность «другого». Для изучения этой проблемы мы привлекли данные этносоциологических исследований, в которых респондентам задавался три вопроса. Первый был направлен на изучение того, как часто люди используют категорию национальности в своих объяснениях социальной жизни. Второй – на понимание того, какое место представления о равенстве этнических групп занимают среди общих идей о равенстве. И, наконец, в третьем случае нас интересовали мнения людей о возможностях социального успеха представителей разных национальностей. Именно представлениям мы уделяем особое внимание. «Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и, соответственно, относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам»⁸⁶. Это, в свою очередь, определяет состояние межгрупповых отношений и социальную обстановку.

Общий подход к изучению социальных сетей – как объективированной форме социального капитала этнических групп – мы сочли необходимым дополнить социально-психологическим подходом. Сотрудниками лаборатории социально-психологических проблем ГУ-ВШЭ был проведен ряд исследований по изучению социального капитала россиян и этнических групп нашей страны⁸⁷. На основе полученных результатов исследователи пришли к мнению о том, что в

⁸⁶ Дробижсва Л.М. Многомерный подход... С. 15.

⁸⁷ Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре века // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26 – 36; Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007; Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009.

структуру социального капитала важно привлечь показатели доверия, общности ценностей, сплоченности группы, позитивности и силы групповой идентичности, взаимной толерантности. Нам такой подход представляется продуктивным по следующим причинам.

Объектом нашего научного внимания являются татары и русские, живущие в Республике Татарстан. Поскольку в РТ проживает лишь часть татарского и русского народов, то, на наш взгляд, наиболее адекватным понятием, отражающим объект исследования, является «этническая группа». Это понятие используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу самоотнесения с ней на основе тех или иных признаков. Эти самоотнесения или связи, благодаря которым люди объединяются в этнические группы, могут самыми разнообразными. Данную идею хорошо выразил Дон Хандельман⁸⁸. По мнению Ф. Фукуямы, через эти связи, вне зависимости от того, каким образом люди объединяются в группы (социальные, этнические и др.), проявляются способности индивидов образовывать друг с другом определенную общность и работать ради достижения общей цели. В результате формируется социальный капитал. Результатом появления общих целей, норм и ценностей выступает доверие, которое, по мнению Фукуямы, представляет собой возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами⁸⁹. Таким образом, доверие, выступающее необходимой предпосылкой социального капитала, возникает в обществе как выражение ожиданий нормального, честного поведения и взаимодействия на основе общих ценностей, норм, традиций, обычаев⁹⁰. Группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна по сравнению с группой, не обладающей данным качествами, совершить намного больше⁹¹. При этом, чем сильнее развита социальная сеть личных отношений, тем выше шансы воспроизводства экономического капитала. Важно также отметить, что на межличностном уровне доверие выполняет две функции. Во-первых, доверие создает коммуникацию и активизирует взаимодействие. Оно позволя-

⁸⁸ Handelman D. The Organization the Ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1.

⁸⁹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 52.

⁹⁰ Козырева П.М. Межличностное доверие... С. 43.

⁹¹ Коулман Дж. Капитал социальный... С. 127.

ет людям действовать более активно, ускоряет процессы социального обмена. Во-вторых, доверие интегрирует группу. Доверие в обществе инициирует совместные действия, то есть воспроизводит корпоративные отношения: сотрудничество, взаимопомощь, поддержку, участие, согласие⁹². Однако для нас важно не ограничиваться доверием как категорией, характеризующей общество в целом. Стремясь понять влияние социально-экономических адаптаций этнических групп к рыночным отношениям на интеграцию российского общества, мы должны изучить и то, как взаимоотношения представителей разных народов, или, по сути, межгрупповые социальные сети (включенность в межгрупповые контакты, статус и восприятие соседствующего этноса), основанные на межгрупповом доверии, могут стать особым социальным капиталом, определяющим развитие общества в целом. Кроме того, для нас важно понять, какое место занимает национальность среди доверительных социальных отношений. Влияет ли этническая принадлежность партнера на формирование доверительных отношений с ним, или успешность и достижительность зависят от степени сети личностных, внеэтнических отношений? И здесь нам может помочь категория «радиус доверия».

Категорией, определяющей круг социальных групп, входящих в единую систему доверительных отношений, является радиус доверия. Ф. Фукуяма отмечает, что хотя некоторым запасом социального капитала обладает любое общество, однако значительные различия между ними обусловлены именно радиусом доверия. На этот счет исследователь сравнивает Японию и Китай. Интенсивное развитие Японии он связывает с более широким кругом доверия у японцев, которых с детства воспитывали в духе сотрудничества с «чужаками», в то время как у китайцев наблюдался недостаток доверия за пределами семейного круга⁹³. Фамилизм – акцент на семейных связях – приводит к деградации экономики. Общества с высоким уровнем доверия склонны к образованию различных добровольческих ассоциаций, что позволяет им гибко реагировать на изменения на рынке. Правда, экономическое чудо Китая, свидетелем которого мы являемся в последние годы, наводит на мысль о том, что радиус доверия не может быть единственной универсальной меркой.

⁹² Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал... С. 38.

⁹³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.

Наиболее популярные в социологии шкалы для оценки доверия содержит инструментарий «Мирового опросника ценностей» (World Values Survey). Замер ценностей ведется на двух уровнях – межличностном (вопросы «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» и «Нужно ли быть осторожными с людьми?») и институциональном (доверие людей к различным институтам – власти, СМИ, общественным организациям, армии, образовательной системе и т. п.). Респонденту предлагается по 5-балльной шкале оценить степень своего доверия к каждому институту. Это подход используется при проведении Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. В наше исследование были включены вопросы о межличностном и институциональном доверии.

Идентичности – этническая и гражданская (без этого мы не можем говорить об интеграции российского общества в целом) – являются важными факторами экономического развития общества. По свидетельству специалистов, «огромную роль в экономических отношениях стран Восточной Европы играет чувство национальной гордости и патриотизма. Во всех странах региона экономические реформы проводятся исключительно под патриотическими лозунгами... Китайское самосознание и гордость за страну растут с экономическими успехами этой державы»⁹⁴. Экономические успехи СССР строились на огромной силе патриотизма. Движение страны к коммунистическому строю строилось на сознательном отношении к труду, включающем его проявления во всех сферах повседневной жизни⁹⁵. В нашей работе мы попытаемся показать, каким образом гражданская идентичность жителей постсоветской России связана с экономическим развитием нашей страны. Исходя из исследовательского поля – Республики Татарстан, нам также будет важно проследить влияние республиканской идентичности на экономические успехи региона.

Каким образом можно оценить групповую идентичность изучаемых нами этнических групп? Доминирующим методологическим и методическим основанием к изучению этнических чувств россиян является подход, разработанный творческой группой этносоциологов под руководством Л.М. Дробижевой. Идентичность изучается с помощью по-

⁹⁴ Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004. С. 30.

⁹⁵ Тяжельникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой; сер. «Научные доклады». Вып. 13. М., 2001. С. 115.

пулярного теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?». В качестве главного индикатора этнического самосознания выбрана субъективная значимость для человека его этнической принадлежности и ее интенсивность. Первый параметр теста – частота актуализации национальной принадлежности как социального статусного маркера. Отвечая на вопрос «Какое суждение соответствует Вашему мнению?», респондент может выбрать два варианта ответа: 1) редко задумываюсь о том, кто я по национальности; 2) никогда не забываю о том, что я русский (татарин). Второй параметр этнической идентичности – потребность в этнической аффилиации, т. е. потребность ощущать себя частью этнической общности. Отвечая на вопрос «Какое суждение соответствует Вашему мнению?», респондент может выбрать два варианта ответа: 1) современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа; 2) современному человеку необходимо чувствовать себя частью своего народа»⁹⁶. Для изучения гражданской и республиканской идентичностей респондентам задается вопрос «Кем Вы чувствуете себя в большей степени?». Варианты ответов: только россиянином; только татарстанцем; и тем и другим в равной мере; больше россиянином, чем татарстанцем; больше татарстанцем, чем россиянином.

Ощущение единства с этнической общностью, степень актуализации этнических чувств, признание важности сохранения культурной идентичности, способность к мобилизации – все это входит в инструмент, влияющий на единение членов этнических групп в целях решения возникающих проблем на экономическом, политическом, социальном полях и сохранения этнических общностей в условиях межэтнического взаимодействия⁹⁷. В ином случае группа либо ассимилируется, либо маргинализируется, либо подвергается сепарации⁹⁸. Эти три модели, выделенные Дж. Берри, для этнических групп не являются конструктивными. Представляется, что успешная адаптация этниче-

⁹⁶ Вопросы сформулированы С.В. Рыжовой.

⁹⁷ Справедливости ради надо заметить, что уровень этнической солидарности не всегда может влиять на решетку ресурсов группы. Например, лишь 9% евреев, живущих в РФ, считают родным один из еврейских языков (идиш или иврит), 30% среди них находятся в национально-смешанных браках. При этом уровень этнических сетей и внутриэтнической поддержки является одним из самых высоких. См.: *Сусоколов А.А.* Культура и обмен... С. 338. Этот пример нам демонстрирует, как капиталы этнических групп имеют специфическое звучание и у одних народов адаптация может происходить с опорой на одни ресурсы, у вторых – на другие.

⁹⁸ *Berry S.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario, 1996.

ских групп к новым экономическим отношениям должна строиться на сохранении этнических чувств народов полиэтничной России.

Для нашего исследования полезно различие «номинальной» и «действительной» идентичностей, разрабатываемое британским антропологом Ричардом Дженкинсом. Реальная идентичность имеет практические последствия для ее носителей. Выступая инкорпорированной формой социального капитала этнических групп, реальная идентичность реальна по своим последствиям. Номинальная, как институциональная форма социального капитала, является результатом процесса социальной категоризации – приписывания извне и идентификации изнутри – и выражается в ассоциации с коллективным именем. При одной и той же номинальной идентичности степень влияния ее на жизненный опыт индивидов может сильно различаться. Инкорпорированная форма социального капитала этнических групп может не совпадать по объему с институциональной формой. Благодаря советской и постсоветской практике фиксации национальностей в официальных документах институциональная форма социального капитала (номинальная идентичность) является достаточно актуальной. Политика деления населения на титульное и нетитульное в ряде национальных субъектов РФ усиливает внимание к этническим категориям. Стремление понять, насколько самоотнесения к этническим категориям и реальные этнические чувства людей влияют на процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям, является одной из задач нашей работы.

Проводя компаративный анализ социально-экономической адаптации русских и татар, изучая влияние этого процесса на межэтническую и социальную интеграцию и социально-экономическое развитие российского общества, мы не можем обойти вниманием проблему толерантности в межгрупповых отношениях. В нашем исследовании толерантность будет означать принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними⁹⁹.

Итак, инкорпорированной формой социального капитала этнических групп являются совокупность отношений, порождающих социальные связи, и реальная этническая идентичность, объективированной – социальные (включая этнические) сети, институциональной – сетевая система и номинальная этническая идентичность. Инструментом измерения социального капитала этнических групп выступает

⁹⁹ *Дробижеева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости / От толерантности к согласию. М., 1997. С. 52 – 53.

уровень солидарности и доверия, включенность в сети поддержки, статус и восприятие группы (своей и «другой»), толерантность, ценности. Как известно, в структуру этнического самосознания входят осознание принадлежности к этнической группе, «образ мы» и этнические интересы¹⁰⁰.

П. Бурдьё рассматривает *культурный капитал* как богатство в форме знаний или идей, которое узаконивает обладание статусом и властью. Исследователь считает, что усвоенный язык, знания, умения – как инкорпорированная форма культурного капитала – способствуют достижению их обладателями привилегированного профессионального положения и узаконивания своих претензий на большую долю экономического капитала (объективированная форма культурного капитала). Поэтому господствующий класс имеет символы (язык, культуру и механизмы), посредством которых может устанавливать гегемонию. «Культурный капитал существует... в борьбе, в которой агенты наделены определенной силой и получают прибыль пропорционально своему мастерству владения этим объективированным капиталом, а следовательно, пропорционально объему своего инкорпорированного капитала»¹⁰¹.

Бурдьё доказывает, что школа через процесс присуждения удостоверений и дипломов членам общества (институциональная форма культурного капитала) становится главным учреждением, служащим поддержанию установленного социального порядка. Язык, ценности, суждения, модели успеха и неудач, принятые в школе, принадлежат господствующей группе. Следовательно, успех личности в образовании в значительной степени продиктован той мерой, в какой она усвоила господствующую культуру, и тем, каким культурным капиталом обладает господствующая группа.

П. Бурдьё выделяет еще один вид капитала – *символический капитал*. Исследователь считает, что этот вид капитала необходимо выделить в качестве самостоятельного. Его аргумент заключается в следующем. В отличие от культурного капитала, значительная часть которого воплощена в нерелексируемом практическом знании и телесных навыках, схватываемых общим понятием *габитуса*¹⁰² Бурдьё,

в случае с символическим капиталом мы имеем дело с рефлексивным знанием, имеющим логическую структуру. В социологии понятие символический капитал означает способность человека к владению символами своей культуры, адекватному выражению культуры общества в отдельном человеке. Бурдьё определяет символический капитал как любую собственность, любую разновидность капитала, воспринимаемую социальными агентами, категории восприятия которых таковы, что позволяют им знать о ней, замечать ее, придавать ей ценность¹⁰³. По нашему мнению, для российского этносоциального поля границы между культурным и символическим довольно размыты. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример. Как известно, в советское время татарский язык был практически вытеснен из сферы государственного управления, образования, СМИ, и его использование ограничивалось лишь семейно-бытовой сферой. На рубеже 1980 – 1990-х гг. на волне борьбы за суверенитет в Татарской АССР татарский язык стал выполнять символическую функцию сохранения и поднятия престижа татарской культуры в целом. Для закрепления этой функции 8 июля 1992 г. был принят специальный Закон «О государственных языках народов Республики Татарстан», согласно которому татарский язык был объявлен, наряду с русским, государственным языком Татарстана. Однако, как мы покажем в Главе IV, по истечении двух десятков лет татарский язык, несмотря на его государственный символический статус, так и не стал фактором социального успеха татарстанцев. Не возникла ситуация, когда татарский язык, как культурный капитал, «способствует достижению его обладателем привилегированного профессионального положения и узаконивания своих претензий на большую долю экономического капитала». Этот пример показывает, как культурный и символический капиталы зачастую взаимосвязаны и не могут рассматриваться друг без друга. Поэтому в нашем исследовании мы не будем разделять эти две формы капитала и будем использовать только термин «культурный капитал».

Напомним, что для нас понятие культура сходно с понятиями национальности, этнической или религиозной группы, субкультуры и понимается как определенная социальная группа, характеризующаяся определенными социальными нормами, обычаями, традициями. В этой связи при изучении культурного капитала мы не можем обойти вниманием нормы, обычаи, традиции этнических групп – по сути,

¹⁰⁰ Этносоциология... С. 166.

¹⁰¹ Бурдьё П. Формы капитала... С. 527.

¹⁰² Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. Т. 4 / отв. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. СПб.: РХГИ, 2000. С. 395 – 396.

¹⁰³ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action, Paris: Éditions du Seuil, 1994. P. 116.

все то, что составляет объект внимания этнологической (или, как раньше было принято говорить, — этнографической) науки. Сама этносоциология в нашей стране родилась в этнографической среде, а этнографический метод получает все большую популярность среди этносоциологов.

Особое внимание мы уделяем религии, как объективной характеристике этнических групп. Наш акцент связан с тем, что сегодня именно религия становится одним из главных водоразделов современного мира. Западный политолог и социолог Самуил Хантингтон объясняет современные конфликты неспособностью жить в мире «соприкасающихся цивилизаций». Их Хантингтон выделяет семь — восемь, в основном связанных с мировыми религиями¹⁰⁴. Несмотря на справедливое обвинение этой теории в этноцентризме, существуют, тем не менее, представления о совместимости — несовместимости «цивилизаций», культур при объяснении конфронтационности этнических групп, поэтому мы считали важным включить в программу исследования религиозный индикатор, предоставляющий возможность рассмотрения влияния религии на адаптационный процесс и интеграцию общества. Мы уделяем особое внимание религии еще и потому, что в сознании современных россиян наблюдается очень четкая связь между этническим сознанием и религией: последняя воспринимается как обязательный маркер этничности, а этничность, в свою очередь, подразумевает обязательность конкретной религии. Поэтому очень важно изучить влияние этой ситуации на социально-экономические процессы в нашей полиэтничной и поликонфессиональной стране.

Итак, мы рассматриваем культурный капитал с двух позиций. В первом случае мы, вслед за Бурдьё, рассматриваем культуру как объективную, примордиальную характеристику этнических групп, некое качество рабочей силы. Обладание таким капиталом способно приносить его носителям реальные дивиденды. Так, если, вслед за Бурдьё, взять в качестве примера язык, то его усвоение в рамках системы образования, семьи приводит к достижению его обладателем привилегированного профессионального положения и узаконивания его претензий на большую долю экономического капитала. Важно подчеркнуть отличия культурного капитала от человеческого. Последний рассматривается нами через систему общего образования. Куль-

турный — через этническую культуру и, соответственно, через национальный язык, национальное и религиозное образование. И здесь наша задача заключается в том, чтобы понять, каким образом национальный язык, национальное и религиозное образование способствуют социальному успеху этнических групп.

Во втором случае мы рассматриваем культуру как товар. Исследователи этнических экономик показывают, как мигранты в местах вселения через организацию производств этнических товаров и услуг выживают, развиваются и адаптируются к новым условиям. В теории общества потребления показывается, как коммодифицируются товары и услуги. На наш взгляд, прибавочная стоимость возникает и в процессе коммодификации традиционной материальной (пища, одежда, декоративно-прикладное искусство, интерьер) и духовной (религия, обряды и праздники) культуры. Передается данный вид капитала, прежде всего, в процессе этнической социализации в семье. Однако в условиях современного открытого коммуникационного пространства приобретение знаний о традиционных культурах становится доступным через Интернет, СМИ, мобильную связь.

Итак, в объективированном состоянии культурный капитал этнических групп включает в себя язык, религию, традиционную культуру. В инкорпорированном — практические знания языка, религии, традиционной культуры, позволяющие человеку распознавать стратегии и принципы действия других людей. Институциональное состояние культурному капиталу придают сертификаты, патенты, признающие данный вид капитала. Они могут выдаваться образовательной системой, специальными структурами. Измерить культурный капитал можно через выявление «моделей социальных организаций» (Дж. Тернер), образованных на основе рекрутирования этничности (социальные слои и группы, социальные институты, занимающиеся производством этнических товаров и услуг, структуры, их курирующие, и т. п.) и приобретающих на этом экономическую прибыль. Кроме того, на наш взгляд, измерить культурный капитал этнических групп можно через уровень сохранности, престижа, использования и огосударствления национального языка, религии, культуры, через национальную и религиозную образовательную систему, оценки реального и публичного влияния традиционной культуры. Важно отметить, что экономическую прибыль культурного капитала мы рассматриваем не только как реальные денежные дивиденды, но и как повышение социальных позиций. В эмпирической части работы мы покажем, как национальный

¹⁰⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33 — 48.

язык, религия и традиционная культура могут быть социальным лифтом вертикальной восходящей мобильности (П. Сорокин).

Важной составляющей капитала этнических групп является *политический капитал*. В гуманитарной литературе сложилось самостоятельное направление, изучающее процесс мобилизации экономико-политического фактора этническими группами. Исследователи говорят об экономическом национализме. Этой проблемой занимается ряд ученых. Э. Геллнер связывает действия государств по кодификации языка исключительно с промышленными интересами, с достижением культурной однородности как индустриального императива. Для Геллнера неравномерность развития государств рассматривается лишь как побочное явление. Т. Нэйри, напротив, считает, что экономическое превосходство центров развития над другими странами, несущее угрозу для запаздывающих обществ – прежде всего для зарождающихся в них средних классов, является дилеммой, порождающей национализм¹⁰⁵. Другой аспект экономического национализма изучает Л.М. Дробижеева. В центре ее научного внимания – доминирующие в декларациях и действиях идеологемы самостоятельности в экономической сфере. А эта самостоятельность рассматривается элитой как путь к возможному суверенитету¹⁰⁶. Проблемы государственного строительства имеют первостепенное значение для этносоциологии, поскольку наличие собственной государственности, хотя бы в рамках федерации, значительно расширяет возможности самоорганизации этноса, предоставляет лидерам информационные каналы и дополнительные организационные возможности¹⁰⁷.

Независимо от позиций исследователей все они рассматривают инкорпорированную способность ключевых фигур к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях. Партии, движения, этнические лидеры (националистическая интеллигенция средних классов – по Т. Нэйри), готовые к совершению коллективных действий, составляют объективированную форму политического капитала этнических групп. Признанные экономические идеологемы институционализируют экономико-политический капитал. Измерение политического капитала возможно через выяснение включенности в мобилизованные коллективные действия и степень активности в ини-

циации этих действий¹⁰⁸. Такой подход был использован в научно-исследовательском проекте «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации. 1993 – 1995 гг.», проведенном под руководством Л.М. Дробижеевой. На основе анализа официальных документов, выступлений руководителей, республиканской прессы в республиках Татарстан, Саха (Якутия) участники проекта описывают декларируемые и подразумеваемые цели экономической политики (цели, связанные с национальным развитием, с положением республик в федерации и межэтническим взаимодействием внутри них). Анализ идеологем подкрепляется данными о восприятии реформ на массовом уровне. Исследование охватывает первую половину 1990-х гг. В дальнейшем проблемами экономического национализма занимались Д. Бари, Л.В. Гейл, Р.С. Хакимов, В.В. Хоменко, Ф. Хэнсон и др. Тема представлена обширной литературой (экономическим аспектам построения Республики Татарстан как национального образования посвящена отдельная книга В.В. Коротеевой¹⁰⁹, сравнительному анализу статусов субъектов федераций, включая и Россию, – монография М.Х. Фарукина и А.М. Фарукина¹¹⁰), поэтому мы не сочли необходимым выносить тему политического капитала этнических групп в поле нашего внимания. Эта проблема фиксируется нами лишь для объяснения возможностей использования тех или иных ресурсов этническими группами.

По П. Бурдые, все виды капитала обладают способностью перераспределения. Одним из способов является взаимная конвертация. С точки зрения экономсоциологов, доминирующие позиции имеет экономический капитал. Правда, исследователи оговариваются, что при «сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным»¹¹¹. Выделенные нами формы капитала этнических групп (физический, человеческий, социальный, культурный, политический) могут в той или иной форме конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Социальный капитал облегчает способы экономической и этнической мобилизации членов этниче-

¹⁰⁸ Радаев В. Понятие капитала... С. 28.

¹⁰⁹ Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.

¹¹⁰ Фарукин М.Х. Субъекты федераций: сравнительное исследование. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.

¹¹¹ Радаев В. Понятие капитала... С. 29.

¹⁰⁵ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. С. 35 – 50.

¹⁰⁶ Этносоциология... С. 49.

¹⁰⁷ Там же. С. 58.

ских групп. Культурный капитал коммодифицирует этническую культуру, и благодаря этому процессу появляются реальные возможности получения денежных доходов и социальных дивидендов. Политический дает возможность побороться за экономические, политические и культурные ресурсы и источники. Человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие выгоды. В свою очередь, экономический капитал делает его обладателя более весомым в глазах окружающих, открывает доступ к образованию, престижным сферам занятости. Иными словами, все капиталы обладают способностью взаимной конвертации. «Все они – наличие социальных связей и властных полномочий, способность действовать по правилам и производить оценку ресурсов, высокий профессионализм и повышенная работоспособность – способствуют взаимному накоплению»¹¹². Конвертация форм капитала – это не автоматический процесс. Всякая конвертация связана не только с затратами времени и сил, но и с определенными рисками потери некоторых форм капитала, их неадекватностью, экспроприацией. «Широкие возможности конвертации капиталов ставят человека в ситуацию выбора – во что вкладывать время и силы. А зачастую устойчивые ориентации на накопление определенного вида капитала становятся объектом стратегического выбора, определяя действия человека на длительную перспективу»¹¹³. В этой связи трудно не согласиться с Е.М. Авраамовой и Д.М. Логиновым, подчеркивающими равновесность адаптационных ресурсов. При разработке универсальной методики интегральной оценки ресурсной обеспеченности *a priori* нецелесообразно придавать больший вес какому-либо показателю. При формировании адаптационных стратегий ресурсы могут замещаться. К тому же изначально трудно отдать предпочтение какому-либо из них¹¹⁴. Наша задача – выявить ресурсы социально-экономической адаптации этнических групп, исследовать, какие формы капитала становятся более актуальными, а какие – менее значимыми, изучить ресурсную конкуренцию между народами, а также понять, как эта матрица в ближайшей перспективе будет определять

¹¹² Там же. С. 30.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 25.

социально-экономическое развитие народов, межэтническую и социальную интеграцию российского общества.

ВЫВОДЫ

1. Альтернативой глобализационным процессам унификации культурных различий становятся глокальные формы современности. Народы и целые государства опираются на внутреннюю логику развития, следуют местным социальным и культурным устоям. Каждая модель рациональна. Признание сохранности этнокультурных различий и стремления к их воспроизводству является базовой идеей нашего исследования.

2. Методологическим инструментом исследования является деятельностный подход. С точки зрения социологии деятельность рассматривается как способ существования человеческого общества, как реализация социальных законов, которые проявляются через деятельность людей. Деятельность реализуется через социальное действие, основными чертами которого являются его внутренняя мотивация и ожидания субъектом от других людей определенной ответной реакции (последнее выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия). Применяя принцип деятельности к изучению личности, включенной в этническую группу, продуктивным мы считаем подход, который выявляет взаимоотношения. Проблема взаимоотношений этнических групп очень актуальна для России не только потому, что наша страна полиэтнична и поликонфессиональна, но и потому, что сохраняются этническое самосознание и интересы этнических групп.

3. Сохраняющаяся российская полиэтничная и поликонфессиональная мозаика актуализирует поворот ракурса исследования на поиск функционирующих культурных различий между взаимодействующими этносами на экономическом поле, значимых с точки зрения людей и имеющих разные формы и содержание в разных социокультурных системах. Такое взаимодействие подразумевает формирование экологических секторов взаимодействия (Ф. Барт), влияющих на межэтническую и социальную интеграцию российского общества. Изучение ресурсной конкуренции между этническими группами является важным направлением нашего исследования. Само межгрупповое взаимодействие рассматривается нами как ресурс адаптации, определяющий социально-экономическое развитие общества в целом.

4. Понятие «этническая группа» используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу самоотнесения к ней на основе тех или иных признаков. Другим основным понятием, используемым в работе, является «адаптация». Социально-экономическая адаптация этнических групп, как часть социальной адаптации, представляет собой взаимодействия «этническая группа – среда» и «одна этническая группа – другая этническая группа», ведущие к сохранению и интеграции социальной системы, с одной стороны, и воспроизводству моделей поведения в новых социально-экономических условиях внутри групп – с другой. Модели поведения включают в себя формирование таких типов социально-экономического поведения, которые могут включать в себя как новые элементы, так и опору на старые компоненты, – это отношение к переменам в обществе, способы осознания социально-экономической реальности, реакция на изменения социально-экономических условий, типы используемых социально-экономических ресурсов. Итогом социально-экономической адаптации является обеспечение: на уровне групп – сохранения этнических общностей, на уровне общества – его позитивного и конструктивного развития.

5. Теории рационального выбора Дж. Коулмана и капитала П. Бурдье составляют методологическую базу исследования. Теория рационального выбора позволяет понять, как качество уровня системы влияет на этнические группы, что происходит на групповом уровне и как действия этнических групп влияют на уровень всей системы. Теория капитала Бурдье позволяет нам изучить аккумулируемые ресурсы и понять механизмы их использования этническими группами. Модель «капитал этнических групп» и инструментарий для его замера представлены в табл. 1.1. Мы выделяем шесть форм капитала, которые релевантны для анализа социально-экономической адаптации этнических групп с точки зрения этносоциологического подхода. Считаем, что обладание и реальное использование того или иного актива способно принести экономические дивиденды, как этническим группам, так и обществу в целом, обеспечивая поступательное экономическое развитие и укрепление интеграции российского общества.

Модель «капитал этнических групп»

Формы капитала	Состояние капитала			Способы измерения
	Инкорпорированное	Объективированное	Институциональное	
<i>Политический</i>	Способность к мобилизации коллективных действий этнических групп	Партии, движения, этнические лидеры	Признаваемые идеологии и реальные последствия этно-эконом-политик	Степень включенности в мобилизованные коллективные действия и степень активности в инициации этих действий.
<i>Экономический</i>	Способность к воспроизводству добавленной стоимости	Доход, имущество, должности, субъективные оценки	Система этносоциальной стратификации	Социальная структура этнических групп
<i>Физический</i>	Состояние здоровья, работоспособность	Физические и психические качества рабочей силы	Сценарий этнодемографического поведения, урбанизация	Уровень здоровья и работоспособности
<i>Человеческий</i>	Совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков	Система общего и профессионального знания	Дипломы, разряды, патенты, лицензии	Образовательный уровень, время, затраченное на образование и повышение квалификации
<i>Социальный</i>	Совокупность отношений, порождающих социальные связи, реальная этническая и гражданская идентичности	Социальные и этнические внутригрупповые и межгрупповые сети	Сетевая система, номинальная этническая и гражданская солидарности	Уровень этнической и гражданской идентичностей, доверие, включенность в сети поддержки – повседневные и институциональные, статус и восприятие этнической группы (своей и другой), межгрупповая толерантность, ценности

Культурный	Знания языка, религии, знания о традиционной материальной и духовной культуре	Национальный язык, религия, традиционная материальная и духовная культура	Статусы национального языка и религии, удостоверения, дипломы, идеологии, сертификаты, лицензии, закрепляющие обладание культурным капиталом	Уровень сохранения, престижа, использования и огосударствления национального языка, религии, культуры, система национально-го и религиозно-го образования, оценка реального и публичного влияния традиционной культуры, объединения, фирмы, клубы, образованные на основе использования элементов традиционной культуры в экономических целях
------------	---	---	--	---

ГЛАВА II

Исторические предпосылки и особенности современного социального развития татар и русских в Республике Татарстан

Трансформация российского общества привела к серьезным переменам в политической, экономической, социальной сферах жизни ее населения и социальных групп. Произошли изменения и у российских народов. Осмыслить трансформацию постсоветских наций не просто. Тем не менее динамизм происходящих перемен в национальном развитии органически связан с системой социальных индикаторов, среди которых особое место занимает модернизация социальной структуры наций¹. Актуальность проблем этносоциальной стратификации связана с ее конфликтогенным потенциалом, поскольку «...сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице»². Для полиэтничной России и ее регионов это важно. Понимание этносоциальной стратификации – путь оптимизации интеграционных процессов. Поэтому мы уделяем первостепенное внимание проблемам социальной стратификации русских и татар Татарстана, учитывая качественные преобразования их социальной структуры, ее сущностную трансформацию, связанную с утверждением новых имущественных отношений и новой социальной дифференциацией российского общества. Другим важным аспектом адаптационных процессов среди этнических групп являются этносоциальные и этнодемографические явления, которые «...служат приводными ремнями преобразований, происходящих в этнокультурной сфере, а также в сфере этнического и гражданского самосознания»³.

¹ Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. М.: Наука, 2003. С. 3, 5.

² Дробижева Л.М. Многомерный подход к изучению процессов социальной дифференциации и неравенства этнических групп / Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 21.

³ Губогло М.Н. Адаптация и адаптации: универсальные параллели и локальные практики // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / редакторы-составители: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. Общая редакция М.Г. Губогло. М.: ООО Интер-принт, 2008. С. 7 – 8.

§ 1. Роль образования и этнодемографических процессов в этносоциальной стратификации

Расселенческие и демографические проблемы являются базовыми для понимания этносоциальной стратификации. Этническая эволюция, социоприродная адаптация и вовлеченность этноса в глобальные процессы составляют основу выстраивания социальной иерархии этнических групп⁴.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, в 2007 г. в РТ проживало 3760534 чел. Это соответствует двукратному увеличению численности населения республики в течение прошедшего столетия. Численность татар, по данным переписи 2002 г., составила 2000116 чел. (52,9%), русских – 1492602 чел. (39,5%) (табл. 2.1). Удельный вес татар в общей численности населения по сравнению с 1989 г. возрос на 4,4% (234712 чел.). Доля русских в республике сократилась на 3,8% (82429 чел.). Несмотря на миграционный прирост русских в 1990-е гг., численное увеличение татар, как и изменение соотношения татарского и русского населения в Татарстане, были обусловлены как значительным превалярованием татар среди мигрантов, так и несколько более благоприятным, по сравнению с русскими, уровнем естественного воспроизводства у них⁵.

Таблица 2.1

Динамика национального состава населения Республики Татарстан, ВСПН–1920 – 1989 гг., ВРПН–2002 г.

Национальности	Абсолютная численность (тыс. чел.) и доля в населении республики по годам переписей							
	доля в населении республики по годам переписей							
	1920	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Татары	1324,8	1265,1	1421,5	1345,2	1536,4	1641,6	1765,4	2000,1
%	45,3	48,9	48,8	47,2	49,1	47,8	48,5	52,91

⁴ Гаяльмов Р.Р., Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: ООО «Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2004. С. 59 – 60.

⁵ Необходимо отметить, что приведенные далее в тексте данные о естественном и механическом приросте татар и русских в Республике Татарстан, суммы этих показателей, основанные на материалах текущей статистики 1990 – 2002 гг., не совпадают с показателями прироста/убыли этнических групп между 1989 г. и 2002 г., полученными в ходе Всесоюзной (1989 г.) и Всероссийской (2002 г.) переписей. Это, в свою очередь, в очередной раз ставит под сомнение качество переписи 2002 г., на которое неоднократно уговаривало научное сообщество. Тем не менее тенденции численного увеличения татар и сокращения численности русских в РТ в 1990 – нач. 2000-х гг. подтверждаются.

Русские %	1205,3 41,2	1118,9 43,2	1251,3 42,9	1252,4 43,9	1328,7 42,4	1516,0 44,1	1575,4 43,3	1492,6 39,5
Чуваши %	173,9 5,9	125,8 4,9	139,4 4,8	143,6 5,0	153,5 4,9	147,1 4,3	134,2 3,7	126,5 3,4
Мордва %	40,2 1,4	34,6 1,3	35,5 1,2	32,9 1,2	31,0 1,0	29,9 0,9	28,9 0,8	23,7 0,6
Удмурты %	19,0 0,6	26,3 0,9	26,0 0,9	22,7 0,8	24,5 0,8	25,3 0,7	24,8 0,7	24,2 0,6
Марийцы %	22,5 0,8	12,8 0,5	14,0 0,5	13,5 0,5	15,6 0,5	16,8 0,5	19,4 0,5	18,8 0,5
Башкиры %	121,3 4,1	1,8 0,04	0,9 0,03	2,1 0,07	2,9 0,1	9,3 0,3	19,1 0,5	14,9 0,4
Прочие %	18,2 0,6	4,9 0,3	25,6 0,9	38,0 1,3	38,6 1,2	59,4 1,7	74,5 2,0	78,4 2,1

Рассмотрим особенности развития естественно-демографических процессов среди этнических групп республики с 1990 г. по 2007 г. Динамика рождаемости по национальности родившихся в Татарстане представлена в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Родившиеся по национальности, 1990 – 2007 гг., чел.⁶

Годы	Всего	в том числе:										Национальность не указана
		Татары	Русские	Азербайджанцы	Башкиры	Марийцы	Мордва	Удмурты	Украины	Чуваши	Прочие	
1990	56277	31295	19331	57	*	*	*	*	454	*	5138	2
1991	50160	28033	17252	63	*	*	*	*	387	*	4419	6
1992	44990	24909	15687	53	350	325	317	387	383	2078	477	24
1993	41144	22674	14443	57	283	310	306	400	297	1952	403	19
1994	41811	22845	14951	59	298	309	274	404	367	1839	446	19
1995	39070	21314	14047	73	279	251	242	349	346	1757	410	2
1996	38080	20618	13742	91	264	285	239	380	302	1704	452	3
1997	37268	20024	13677	112	229	250	212	355	285	1625	498	1
1998	37182	19751	13758	139	267	282	226	327	287	1672	457	16
1999	35073	18333	13333	162	253	274	199	291	247	1514	443	24
2000	35446	18546	13383	151	243	262	199	296	265	1579	501	21
2001	35877	18210	13766	103	219	265	176	259	247	1441	617	574
2002	38178	18260	14559	216	177	217	150	247	197	1023	536	2596
2003	38461	15269	10826	181	103	132	110	212	84	786	443	10315
2004	38661	15008	10056	162	84	128	91	166	104	604	450	11808
2005	36967	16491	12191	170	113	153	75	181	118	672	438	6365
2006	37303	17136	12489	155	127	177	95	193	126	704	453	5648
2007	40892	19564	13746	169	137	168	75	235	122	973	476	5227

* Нет данных.

⁶ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Проведенный анализ показателей динамики рождаемости выявил следующие тенденции:

1. С 1990 по 2007 г. число ежегодных рождений в Татарстане сократилось на 16,3 тыс. чел. – с 56,3 тыс. чел. до 41,0 тыс. чел. Падение рождаемости было связано с тремя группами факторов. Во-первых, вследствие радикального реформирования и социальных коллизий (войн, наркомании, алкоголизма, суицидов, психических расстройств и т. д.) многократно увеличилась смертность населения, особенность в молодом возрасте. Во-вторых, резкое ухудшение материального уровня большинства граждан страны, усиливаемое муссированным внедрением в массовое сознание западных стандартов жизни, привели к сознательному ограничению рождений детей среди россиян. И, наконец, старение населения и снижение доли женщин фертильного возраста привели к спаду репродуктивного потенциала. Начиная с 2007 г. в Татарстане наметилась благоприятная тенденция роста числа родившихся. Во многом это связано с реализацией российским правительством приоритетной национальной Программы рождаемости: увеличением пособий по рождению и уходу за ребенком, введением «материнского капитала», льгот на приобретение жилья и т. д.

Основной вклад в рождаемость в Татарстане вносит доминирующая группа республики – татары (55,6% от всех рождений в республике в 1990 г. и 47,8% в 2007 г.). Эти показатели достигаются за счет более высокой численности татар в населении республики. Кроме того, более высокая рождаемость у татар была достигнута за счет преобладания молодого поколения татарского народа в городе и проживания в деревне в основном лиц старшего поколения, а также вследствие сохранения традиционных ориентаций на многодетность. Как известно, татары отличались высоким уровнем рождаемости. Но в сравнении с соседними и некоторыми другими народами России уровень рождаемости у татар был ниже. Так, в течение второй половины XIX в. в Казанской губернии на один брак в течение десятилетия приходилось рождений: у татар – 3,8; кряшен – 4,38; мордвы – 4,43; удмуртов – 4,23; русских – 4,7 (казенных крестьян) и 5,2 (помещичьих). По рождаемости Казанская губерния занимала 35-е место среди губерний европейской России. Для крестьянской семьи были характерны не только высокая рождаемость, но и не менее высокая смертность, особенно среди детей младшего возраста. В сравнении другими народами детская смертность среди татар была несколько ниже: в

1927 г. она составляла у татар 340 промилле; у русских (европейская часть РСФСР) – 405⁷. В Республике Татарстан эти тенденции сохраняются и сегодня. Рождаемость у татар высокая, однако она ниже, чем у русских. По данным переписи 2002 г. коэффициент рождаемости на 1000 человек у татар составил 9,1, у русских – 9,7 промилле. А смертность у татар, напротив, ниже. Коэффициенты смертности будут представлены ниже.

В 1950 – 1960-х гг. татарская семья тяготела к традиционной среднедетной семье с 3 – 4 детьми. К 1980-м гг. наметился спад, хотя в татарских семьях в этот период насчитывалась в среднем около 3 детей, что было ниже, чем среди русских. В 1990-х гг. процесс падения рождаемости у татар продолжился. Особенно сильно рождаемость упала среди городских татар. В результате показатели рождаемости среди татар и русских стали сближаться. В 2002 г. на 1000 женщин-татарок приходилось 1690 рожденных детей, русских – 1447. Однако у татар и сегодня сохраняются семьи с большим числом детей (табл. 2.3), сохраняются традиционные взгляды на рождение детей. Как показало исследование Г.И. Галиевой, при равном распределении репродуктивных ориентаций у студенческой молодежи (и татар, и русских) на двухдетную семью (55,8%) у представителей титульного этноса практически на одну треть выше ориентация на многодетность (30,1% среди татар и 19% среди русских) и практически в два раза ниже ориентация на однодетность (5,2% у татар, 9,8% у русских)⁸.

Таблица 2.3

Доля женщин в возрасте 15 лет и более по национальности и числу рожденных детей, ВРПН–2002 г., %⁹

Женщины	Число рожденных детей							
	0	1	2	3	4	5	6	7 и более
Татарки	24,9	21,3	33,0	11,8	3,7	3,0	1,2	1,2
Русские	23,5	29,5	34,4	8,4	2,1	1,1	0,5	0,1

⁷ Мусина Р.Н. Дети в татарской сельской семье // Историческая этнография татарского народа. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1990. С. 112.

⁸ Галиева Г.И. Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2010. С. 17.

⁹ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

2. В настоящее время не происходит естественного воспроизводства народов. Так, в 2002 г. доля родившихся детей-татар «отстаёт» от доли этой этнической группы среди населения РТ на 5,1%. У русских – на 5,9%.

3. Наиболее высокие показатели рождаемости наблюдаются в сельской местности. Так, в 2002 г. в городах на 1000 женщин фертильного возраста родился 1681 ребенок, на селе – 2490. Однако именно на селе фиксируется наиболее высокое падение темпов рождаемости. Так, в 2002 г. число родившихся в городах Татарстана упало на 13,1%, в селах – на 19,8%¹⁰. Среди татар основной вклад в рождаемость вносит село: по данным переписи 2002 г., 42,2% детей-татар родилось в городах республики, 63,8% – в сельской местности. В сельской местности особенно низкая рождаемость наблюдается среди русских.

4. Одной из главных причин снижения числа родившихся среди народов РТ является снижение числа браков, рост разводов и рост межнациональных браков. Число браков в г. Казани с 1988 по 1999 гг. сократилось вдвое, в сельской местности на 60%. В остальных городах республики (суммарно) заключается на 7% браков больше, чем в г. Казани, но ситуация там хуже, поскольку суммарная численность населения в других городах на 60% больше, чем в столице. Доля межэтнических браков в общем числе заключаемых браков составляет треть. На селе – 15,8%. Несомненное лидерство среди межэтнических браков принадлежит бракам между русскими и татарами. В 1999 г. на них пришлось: в Казани – 68,2% от всех межэтнических союзов, в остальных городах – 56,5%, селах – 49,2%¹¹. В 2002 г. треть всех младенцев в республике родились в смешанных семьях. Рождаемость от смешанных браков компенсирует низкую рождаемость прежде всего среди русского населения. Это связано с тем, что в браках поволжских народов с русскими большинство потомков определяется русскими¹².

5. Данные Госкомстата РТ свидетельствуют о росте числа детей, рожденных вне брака (четверть от общего числа рождений в 2002 г.). Современная семья часто создается без официального оформления.

¹⁰ Зиятдинова Ф.Г. Российское село в рыночных условиях: монография / Ф.Г. Зиятдинова, Е.И. Кучаева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 43.

¹¹ Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 237, 242 – 243.

¹² Там же. С. 224.

В Татарстане в 2002 г. русских, состоящих в гражданском браке, оказалось 9,2%, татар – 6,6%. Среди русских число незарегистрируемых браков выше в селах, у татар – в городах. Русские женщины чаще русских мужчин вступают в подобные семейные союзы. У татар это сельские мужчины и городские женщины (табл. 2.4). В республике все большее распространение получают браки, официально не регистрируемые, но созданные по религиозным канонам через совершение обрядов «никах», «венчание» и т. п.

Таблица 2.4

Доля незарегистрированных браков среди русских и татар, ВРПН–2002 г., %*

Национальности	Город		Село	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Русские	8,9	8,9	10,8	11,2
Татары	7,2	7,3	5,3	5,2

- Указавшие состояние в браке.

6. В последние годы наблюдается значительное число ранних родов. Эта ситуация чаще фиксируется среди русских женщин. На 1000 русских женщин в возрасте 15 – 17 лет приходится 12 рожденных детей (татарок – 7), 18 – 19 лет – 80 младенцев (татарок – 50). Татары вступают в брак в довольно зрелом возрасте. По данным Г.И. Галиевой, женщины-татарки вступают в брак в возрасте 21 – 25 лет (58%), а мужчины – в 26 – 30 лет (45,5%)¹³.

7. На рождаемость оказывает влияние половая структура народов. В городах Татарстана наблюдается более высокая доля лиц фертильного возраста у татар, чем у русских. В сельской местности ситуация противоположная: более высокая доля лиц фертильного возраста у русских, чем у татар (табл. 2.5). Перевес мужчин фертильного возраста фиксируется и у татар, и у русских. Особенно сильный перевес зарегистрирован у сельских татар и у городских русских.

¹³ Галиева Г.И. Указ. соч. С. 19.

Таблица 2.5
Доля лиц фертильного возраста у татар и русских, ВРПН-2002 г., %¹⁴

Национальности	Город			Село		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
Русские	54,4	57,3	52,0	46,6	51,5	42,2
Татары	58,9	60,1	57,8	45,7	50,7	41,1

На величину естественного прироста населения смертность оказывает более сильное влияние, чем рождаемость. Уровень смертности в республике в 2005 г. составил 13,8 промилле (число умерших на 1000 населения). Динамика смертности по национальности умерших в Татарстане представлена в табл. 2.6.

Таблица 2.6
Умершие по национальности, 1990 – 2007 гг., чел.¹⁵

Годы	Всего	в том числе:									Национальность не указана
		Татары	Русские	Башкиры	Марийцы	Мордва	Удмурты	Украинцы	Чуваши	Прочие	
1990	36219	16266	16703	*	*	*	*	346	*	2900	4
1991	37266	17124	16956	*	*	*	*	295	*	2875	16
1992	39148	17725	17892	105	185	430	311	377	1654	422	47
1993	44291	20136	20259	114	277	478	319	390	1799	407	112
1994	48613	21626	22444	124	304	514	335	435	2072	476	283
1995	48592	22002	22091	145	212	497	369	407	1986	459	424
1996	45731	20954	20367	149	249	490	346	422	1976	471	307
1997	46270	21371	20668	140	223	540	348	410	1819	438	313
1998	45153	20786	20286	138	176	482	298	423	1684	572	308
1999	46679	21566	20950	173	207	503	292	454	1783	439	312
2000	49723	22651	22481	183	233	562	379	459	1941	488	346
2001	50119	22817	22933	203	226	519	355	451	1857	495	263
2002	51685	23757	23700	186	262	505	333	419	1707	476	340
2003	52263	19595	18743	87	193	357	352	272	1538	347	10779
2004	51322	17403	16460	62	98	246	254	162	1180	248	15209
2005	51841	16233	14977	43	101	235	287	167	1113	223	18462
2006	49218	15640	13346	54	116	234	261	140	1140	183	18104
2007	48962	22107	19788	87	195	357	277	258	1670	380	3843

* Нет данных.

¹⁴ Посчитано автором по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: НИЦ «Статистика России», 2004 / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1. С. 473, 475.

¹⁵ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Проведенный автором анализ показателей динамики смертности выявил следующие тенденции:

1) в 1990 – 2000 гг. переход к естественной убыли населения в РТ обусловлен не только снижением рождаемости, но и значительным ухудшением состояния здоровья населения и ростом смертности;

2) смертность среди русского населения выше смертности среди татар. Так, в 2002 г. доля русских среди умерших составила 45,8% (при доле 39,5% среди всего населения), татар – 46% (52,9%). Коэффициент смертности на 1000 человек среди русских также выше, чем среди татар, – в 2002 г. 15,9 и 11,9 промилле соответственно;

3) особенно велика смертность в сельской местности. Здесь доля умерших татар (62,9% в 2002 г.) превышает долю умерших русских (26,3%). В городах доля умерших русских выше (в 2002 г. 55,4%), чем доля умерших татар (37,7%)¹⁶. Такое явление связано с численным преобладанием татар в селах, а русских – в городах;

4) в распределении основных причин смерти первое место занимают болезни системы кровообращения, второе – новообразования, затем следуют несчастные случаи, отравления и травмы, болезни органов дыхания. В настоящее время, в связи с опережающим ростом смертности от внешних причин, несчастные случаи переместились на второе место. Высокий уровень смертности населения выделяет проблему здоровья и продолжительности жизни народов в ранг общенациональных, в число тех, которые определяют перспективы развития и сохранения российской нации.

Результат действия процессов рождаемости и смертности на естественные процессы среди народов Республики Татарстан представлен в табл. 2.7. Наиболее высокие потери несут русские, затем следуют татары. Неблагоприятная ситуация наблюдается среди большинства коренных народов Татарстана.

Одним из главных последствий снижения естественного прироста русских и татар Татарстана является «старение» этнических групп. Это подтверждают данные о среднем возрасте представителей народов (табл. 2.8).

¹⁶ Исхаков Д., Мустафин М., Биктимеров Н. Татары к 2025 году: демографический прогноз. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 48.

Естественный прирост/убыль
отдельных национальностей, 1997 – 2007 гг., чел.¹⁷

Годы	Татары	Русские	Башкиры	Марийцы	Мордва	Удмурты	Украинцы	Чуваши	Прочие
1997	-1347	-7109	89	27	-328	7	-125	-194	173
1998	-917	-6528	129	106	-256	29	-136	-12	40
1999	-3233	-7617	80	67	-304	-1	-207	-269	190
2000	-4105	-9098	71	29	-363	-83	-194	-362	185
2001	-4607	-9167	14	39	-343	-96	-204	-416	122
2002	-5497	-9141	-9	-45	-355	-86	-222	-684	60
2003	-4326	-7917	16	-61	-247	-140	-188	-752	96
2004	-2395	-6404	22	30	-155	-88	-58	-576	202
2005	258	-2786	70	52	-160	-106	-49	-441	215
2006	1496	-846	73	61	-139	-68	-14	-436	270
2007	-2543	-6042	50	-27	-282	-42	-136	-697	96

Таблица 2.7

Таблица 2.9

Распределение народов РТ по возрастным группам, ВРПН–2002 г., %¹⁹

Возрастные группы	В целом по РТ	Татары	Русские	Украинцы	Чуваши	Мордва	Удмурты	Марийцы
0 – 14 лет	20,0	21,1	18,8	8,7	19,4	11,0	19,4	17,5
15 – 49 лет	60,1	59,3	60,7	65,8	59,4	61,2	58,9	66,8
50 лет и старше	19,9	19,5	20,5	25,8	21,2	27,8	21,7	15,7

Средний возраст татар и русских, ВРПН–2002 г., %¹⁸

Национальности	Город			Село		
	в целом	мужчины	женщины	в целом	мужчины	женщины
Русские	37,3	34,6	39,5	39,7	36,5	42,6
Татары	35,2	33,2	36,8	39,6	36,4	42,4

Таблица 2.8

Как показала перепись 2002 г., сельское население живет дольше горожан. У татар более низкий показатель среднего возраста, чем у русских. Имеют место этногендерные особенности. И у русских, и у татар женщины живут дольше мужчин. Дольше мужчин живут русские женщины, чем татарки в сравнении с мужчинами-татарами. Необходимо отметить, что возрастная структура татар является «прогрессивной», поскольку доля лиц до 16 лет выше удельного веса людей пенсионного возраста (табл. 2.9). У русских структура «регрессивная» (доля пенсионеров превышает долю молодежи). Такое явление у русских необходимо рассматривать как негативную предпосылку, определяющую дальнейшие изменения в численности лиц трудоспособного возраста, качественные и количественные подвижки в социальной структуре, а в дальнейшем – в формировании трудовых ресурсов, возможностей воспроизводства рабочей силы.

Другим важным фактором развития этнодемографических процессов является механическое движение населения. Прежде всего необходимо отметить, что миграция играла важную роль в татарстанском регионе. В послевоенный период ТАССР (как и многие советские регионы) стала экспериментальной площадкой массовых трудовых перемещений представителей разных этнических групп. Такие, по сути, насильственные перемещения в нашей стране привели как к позитивным, так и негативным последствиям. Позитивными были макроэкономические последствия: трудовая мобилизация способствовала гигантскому экономическому прорыву ослабленного войной СССР и его регионов. Негативными – социальные проблемы и «культурные потери» народов. Эту ситуацию в ТАССР исследовала А.Г. Галлямова, которая выявила, что «...интенсивные изменения в индустриальном облике республики сопровождались и серьезными проблемами. Ритмичной работе быстро растущих и совершенствующихся промышленных предприятий все более ощутимо мешали излишний централизм в управлении, параллелизм, региональные противоречия, неразбериха в установлении хозяйственных связей». И, как следствие, бесхозяйственность, обстановка бездумного растратывания материальных ресурсов, факты недоиспользования расширяющихся производственных мощностей в силу нехватки рабочих рук, отсутствие заинтересованности предприятий в каких-либо усовершенствованиях, огромная текучесть кадров, тунеядство, воровство и т. д. Серьезные потери несло и сельское хозяйство республики. Интенсивное развертывание нефтедобывающей промышленности в ТАССР привело к изъятию огромного массива сельскохозяйственных земель, причем наиболее плодородных черноземов, на юго-востоке респуб-

¹⁷ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

ки. Не менее плодородные земли попали под затопление в связи со строительством Куйбышевского водохранилища²⁰.

Вторая половина XX в. ознаменовалась в этнической истории России мощной деформацией сложившейся этнической палитры. Заметные подвижки произошли в численности народов отдельных территорий²¹. Их основным источником стали миграционные процессы. В ТАССР реализация государственной программы по созданию в республике Нижнекамского территориально-производственного комплекса (Камский автомобильный завод, Нижнекамская ГЭС, Нижнекамский нефтехимический комбинат), интенсивное строительство промышленных объектов машиностроения и нефтехимии обусловили массовый приток населения из национальных субъектов СССР на территорию республики. В 1980-е гг., обогнав по миграционному оттоку из села все российское Нечерноземье, республиканская миграция поглощала ежегодно население одного – двух сельских районов²². По оценкам специалистов, с 1970 по 1986 гг. в города Нижнекамского ТПК прибыло на постоянное место жительства около 500 тыс. человек, в том числе около 140 тыс. – из-за пределов республики. Причем основную группу среди внешних мигрантов на этом этапе составляли русские. По данным исследования «ЭПТ»–1989/1990 гг., среди опрошенных татар, имевших миграционный опыт, 78% прибыли из населенных пунктов Татарстана, 16,7% – из регионов России, 5,3% – из союзных республик. Тогда как среди русских переселенцев лишь половина (54,2%) перемещались на территории республики, остальные прибыли из-за ее пределов (41,7% – из регионов России, 4,7% – союзных республик)²³. Административные формы миграции – назначение, распределение, направление были актуальнее среди русских, чем среди татар. Особенно это характерно для юго-востока республики,

²⁰ Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. С. 90 – 98, 36.

²¹ Так, например, в Тюменской области, в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах за 1970 – 1989 гг. произошло увеличение численности татар почти в 3 раза. Татары и Татарстан. Справочник. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. С. 32.

²² Мустафин М.Р. Новые тенденции в расселении населения Татарии. Казань, 1982. С. 54, 57.

²³ Об этом подробнее см.: Габдрахманова Г.Ф. Роль миграции в преобразовании этнической структуры Татарстана // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 62 – 68.

где экономическая модернизация шла наиболее активными темпами. Русские мигранты характеризовались низким уровнем приживаемости. Это было связано с высокой миграционной подвижностью русских и отсутствием навыков межкультурного взаимодействия с татарской частью населения²⁴. Кроме того, в результате несовпадения советской высокой (по сути русской) культуры и традиционной культуры сельских татар, переезжающих в города, формировалось восприятие последних как отсталых и малоразвитых. Все это ослабляло интеграцию, а в городах ТАССР подспудно закипал, в качестве защитной реакции, национализм²⁵.

Кроме того, советская трудовая миграция деформировала естественные, апробированные многими веками механизмы трудовых традиций народов. Этнические группы, не имевшие опыта индустриального труда, были вынуждены осваивать новую деятельность. В результате внутри промышленных сфер происходило воспроизводство традиционной трудовой этики. Ежегодная миграция крестьян в города (по 1 млн. чел. с конца 1920 г.) приводила к переносу традиционных крестьянских представлений о трудовом ритме, буднях и праздниках, плохих и хороших хозяевах²⁶. Советская трудовая миграция породила неадекватную культуру индустриального труда.

В 1990 – 2000-е гг. миграция стала важным источником пополнения населения РТ. Миграционные перемещения татар и русских Татарстана заметно различаются. Это связано с соотношением числа прибывающих и выбывающих. Доля русских среди выбывших заметно превосходила долю выбывающих из числа татар (например, в 1993 г. – 29,3% и 47,9% соответственно; в 2002 г. – 24,4% и 46,5%). Последние более многочисленны в потоках прибывающих в республику (рис. 2.1, рис. 2.2).

²⁴ Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары. М.: Наука, 2001. С. 509.

²⁵ Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Издательство «Татполиграф», 1998. С. 152 – 154.

²⁶ Тяжельникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой; Серия «научные доклады». Вып. 13. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 104.

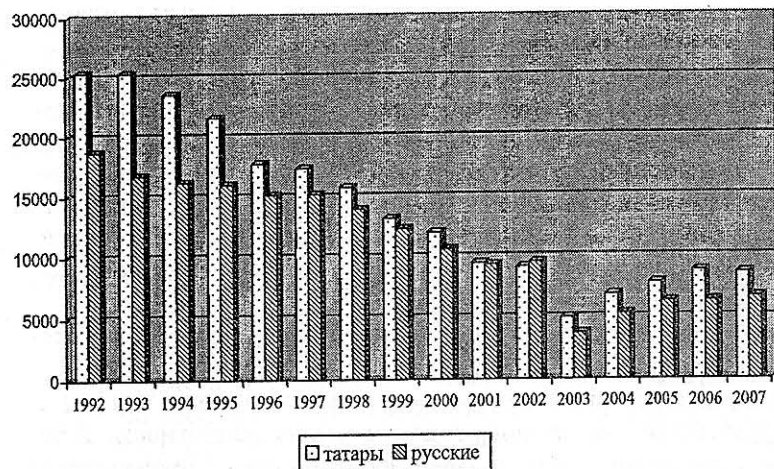

Рис. 2.1. Доля татар и русских в общем числе прибывших мигрантов, 1992 – 2007 гг., чел.²⁷

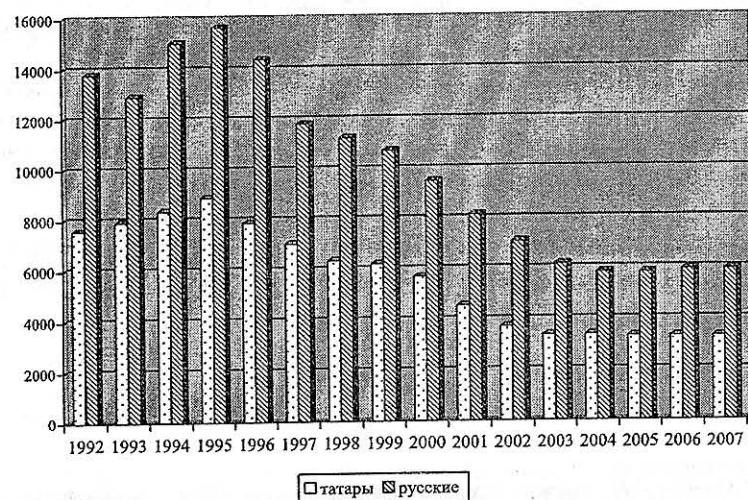

Рис. 2.2. Доля татар и русских в общем числе выбывших мигрантов, 1992 – 2007 гг., чел.²⁸

²⁷ Диаграмма составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

²⁸ Там же.

Особенности встречных потоков мигрантов среди татар и русских отразились на показателях миграционного прироста (табл. 2.10). У татар он выше, чем у русских. Среди последних в 2003 – 2004 гг. зафиксирована миграционная убыль. В миграции наиболее активно участвуют русские. Их суммарное миграционное сальдо превысило миграционное сальдо татар в 1995 г. на 3,9%, в 1999 г. – на 18,7%, в 2002 г. – на 28,8%. Это связано с отмеченным выше преобладанием русских в общем числе выбытий из республики.

О большей потенциальной территориальной мобильности русских в Татарстане свидетельствуют данные этносоциологических исследований, отражающих миграционные установки. По данным проекта «НИК», в 1994 г. 2,2% русских и 0,3% татар, проживающих в городах Татарстана, в ближайшее время планировали уехать из республики. Еще 7,4% и 3,8% соответственно подумывали об эмиграции.

Таблица 2.10

Миграционный прирост отдельных национальностей, 1992 – 2007 гг., чел.²⁹

Годы	Татары	Русские	Украинцы	Башкиры	Марийцы	Мордва	Удмурты	Чуваши	Евреи	Узбеки	Казахи	Грузины	Азербайджанцы	Таджики	Армяне	Немцы
1992	17806	4917	-72	491	232	155	190	840	-218	112	-40	-10	-4	71	41	-73
1993	17427	3842	61	540	61	154	219	349	-191	210	-	29	116	196	211	-82
1994	15228	1156	212	295	62	24	83	-217	-230	330	42	86	196	226	330	-104
1995	12715	351	252	211	31	30	54	164	-244	267	51	98	244	372	365	-94
1996	9854	750	263	212	171	123	22	727	-194	368	60	73	310	546	208	-71
1997	10315	3390	362	308	184	177	98	434	-132	360	132	54	249	376	107	-16
1998	9411	2732	77	164	77	46	68	226	-98	262	128	44	269	337	152	-35
1999	6994	1623	94	140	94	77	120	96	-157	251	71	49	158	169	87	-26
2000	6331	1179	42	102	42	7	59	51	-82	267	43	44	318	261	140	-47
2001	4947	1232	4	17	149	118	67	133	-53	54	15	8	119	90	17	-69
2002	5505	2509	-104	-60	-104	-15	38	-134	-21	200	29	37	73	85	5	-74
2003	1647	-2410	16	-94	-9	-1	67	-138	-15	166	14	12	41	62	46	38
2004	3515	-505	25	-19	-17	4	105	33	-9	68	2	10	25	15	57	-27
2005	6146	520	67	-11	33	8	23	58	0	148	17	0	51	31	48	-9
2006	5561	448	118	42	15	7	31	37	-4	334	40	22	126	148	139	8
2007	5049	1111	154	-2	18	14	75	-58	-3	744	26	50	452	450	287	28

Развитие миграционных и естественно-демографических процессов среди татар и русских привели в республике к деформации этнической структуры трудовых ресурсов. Как известно, в миграцию активнее вовлекаются люди молодого, трудоспособного возраста. Миграционные «потери» русских в Татарстане и миграционные

²⁹ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

«приобретения» татар в лице молодых переселенцев, а также сценарии демографического поведения оказали влияние на возрастную структуру этнических групп республики (см. выше).

Другим следствием влияния постсоветских миграций и естественно-демографических процессов стали изменения в расселении татар и русских в Татарстане. Если в период промышленной модернизации республики переселение русских привело к формированию городов и сельских районов с доминирующим русским населением, то в 1990-е гг. вследствие миграции в некоторых городах и сельских районах Татарстана стали преобладать татары. Особенно заметно этот процесс развивается в Казани, Нижнекамске, Набережных Челнах, Елабуге, а также в Сармановском, Альметьевском, Арском, Бавлинском районах. Причем в этих городах, а также в таких районах, как Верхнеуслонский, Зеленодольский, Лаишевский, традиционно преобладало русское население³⁰, однако миграционный прирост русских в анализируемый период на данных территориях уступал приросту татар (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Национальный состав мигрантов по городам и некоторым районам Республики Татарстан, 1995 г., чел.³¹

Территории	Миграционный прирост									
	Все-го	татары	русские	украинцы	башкиры	марийцы	мордва	удмурты	чуваши	другие
Всего по РТ, в т. ч.	15288	12715	351	124	61	20	41		383	911
Города										
Казань	5535	3788	1223	135	39	45	3	24	122	158
Азнакаево	220	242	-34	-4	13	-3	-	-	-3	9
Альметьевск	688	517	64	14	29	9	8	2	-	45
Бугульма	758	313	301	30	-1	2	31	2	13	67
Елабуга	828	583	187	-4	19	4	-1	1	-14	53
Занск	278	164	69	69	15	-2	13	-	8	9
Зеленодольск	612	340	265	12	1	-22	-1	2	10	5
Ленингорск	672	343	180	180	-3	1	3	36	-	51
Набережные Челны	-2841	1043	-3361	-149	-100	-48	-48	-18	-140	-20
Нижнекамск	2425	1825	124	53	38	9	-6	8	73	301
Чистополь	285	123	86	4	4	1	4	-1	32	32

³⁰ По данным переписи 1989 г., в г. Казани проживало 40,5% – татар, 54,7% – русских, в г. Нижнекамске – 46,5% и 46,1%, г. Набережные Челны – 40,6% и 48,7%, г. Елабуга – 34,3% и 58,7%, Верхнеуслонском районе – 20,5% и 70,6%, Зеленодольском – 43,5% и 51,4%, Лаишевском – 36,9% и 60,7%, соответственно. Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. Казань, 1997. С. 5, 7 – 9, 102, 136, 165.

³¹ Миграционные процессы в Республике Татарстан. Статистический сборник. Казань: Госкомстат РФ, Госкомстат РТ. Казань, 1997. С. 85 – 86.

Территории	Миграционный прирост									
	Все-го	татары	русские	украинцы	башкиры	марийцы	мордва	удмурты	чуваши	другие
Сельские районы										
Альметьевский	782	479	172	12	21	1	26	3	21	47
Арский	368	347	1	-	14	-6	-1	-	11	245
Бавлинский	439	258	65	41	1	5	-	-9	29	10
Верхнеуслонский	35	43	-20	6	2	-	3	5	-14	10
Высокогорский	453	349	68	6	-	3	-	1	-8	34
Зеленодольский	341	163	150	6	-2	3	-9	2	6	22
Лаишевский	386	226	103	-	10	2	-6	3	12	36
Мензелинский	266	148	62	11	3	-5	-6	-5	-5	39
Октябрьский	299	180	15	5	-2	-2	7	-3	74	25
Сармановский	531	404	68	4	16	6	-5	-	3	35
Тетюшский	323	170	54	2	7	2	-4	-	73	19
Чистопольский	297	123	152	-3	-5	-1	2	-	-	29

Для более глубокого понимания региональных особенностей естественно-демографического и миграционного поведения народов Татарстана проведем анализ данных по городам и районам республики. В Татарстане сложилось четыре типа этнодемографической ситуации³².

I тип – «удовлетворительная ситуация». Наблюдается в 10 районах республики. Это Балтасинский, Кукморский, Кайбицкий, Алексеевский, Аксубаевский, Черемшанский, Муслумовский, Актанышский, Менделеевский районы и г. Н.Челны. Во всех этих районах, кроме Тукаевского и Алексеевского, в 1989 – 2002 гг. наблюдался рост численности основных национальностей.

Практически во всех этих районах преобладает татарское население. Здесь высокая доля коренных народов. В районах сложилась самая высокая рождаемость и смертность в республике. Фиксируется высокий коэффициент сальдо миграции, в 2,9 раза превышающий средний по РТ. В Тукаевском районе этот показатель дошел до рекордной отметки 18,6%. В пределах данных районов можно наблюдать относительно небольшую младенческую смертность. Возрастная структура населения этих районов выглядит следующим образом: молодежь трудоспособного – 22,9%, трудоспособный возраст – 54,4%, старше трудоспособного – 22,7%. Данное распределение отражает практически полное совпадение групп населения молодежь и старше трудоспособного возраста.

II тип – «неблагополучная ситуация». Сложилась в Арском, Сабинском, Тюлячинском, Бугульминском, Альметьевском, Сарманов-

³² За основу взята методика, предложенная Н.М. Биктимировым. См.: Биктимиров Н.М. Этнические аспекты геодемографического развития населения Республики Татарстан в XX веке: дис. ... канд. геогр. наук. Казань, 2006.

ском, Алькеевском, Дрожжановском районах. Коэффициент динамики средней численности основных национальностей за 1989 – 2002 гг. отрицательный (–0,7%). Из всего населения 52,6% (130 тыс. чел.) составляют женщины и 47,4% (117,2 тыс. чел.) мужчины. Показатели рождаемости, смертности и, соответственно, естественного прироста одинаковы с аналогичными средними показателями I-го типа. Численность населения в Альметьевском и Бугульминском районах существенно пополняется за счет положительной миграции. Здесь разводимость в 1,6 раза ниже, чем в среднем по РТ. Число умерших детей в возрасте до 1-го года незначительно превышает средний республиканский показатель. Возрастная структура населения 22,9%, 53,2%, 23,9%, что свидетельствует о значительном превышении среднереспубликанской доли населения как моложе, так и старше трудоспособного возраста. В итоге доля населения трудоспособного возраста, наоборот, на 7,2% ниже среднереспубликанского показателя.

III тип – «предкризисная ситуация». Наблюдается на самой большой территории республики и охватывает 14 районов. Это – Лениногорский, Атнинский, Пестречинский, Чистопольский, Новошешминский, Апастовский, Камско-Устьинский, Нурлатский, Азнакаевский, Мензелинский, Мамадышский, Лаишевский, Рыбно-Слободский, Высокогорский районы. Здесь самый низкий коэффициент динамики средней численности основных национальностей за 1989 – 2002 гг. (–1%). В половой структуре населения 52,7% (210,6 тыс. чел.) женщин и 47,3% (189,3 тыс. чел.) мужчин. Опущается рост половой диспропорции по сравнению с предыдущими типами. Рождаемость оценивается как средняя по РТ, чего нельзя сказать о смертности (на 3,1% выше среднего по Татарстану). Коэффициент сальдо миграции равен нулю. Брачность на 2% меньше, а младенческая смертность, наоборот, на 7,5% выше средней сложившейся ситуации по республике, что позволяет судить об объемах этой разницы. В динамике наблюдается усиление несоответствия со среднереспубликанскими показателями. Обращает на себя внимание высокая доля лиц старше трудоспособного возраста.

IV тип – «кризисная ситуация». Наблюдается в 11 районах. Это Бавлинский, Елабужский, Верхнеуслонский, Зеленодольский, Буинский, Тетюшский, Нижнекамский, Заинский, Агрызский, Ютазинский районы и г. Булгар. Районы, отнесенные к данному типу, по многим демографическим показателям имеют наихудшую демографическую ситуацию в республике. Большинство из них относительно невелики по площади и расположены на периферии Республики Татарстан.

В них преобладает русское население. Из 296,2 тыс. чел. населения 52,9% (156,5 тыс. чел.) приходится на женщин и 47,2% (139,67 тыс. чел.) на мужчин. Агрызский и Ютазинский районы отличаются самой низкой долей мужского населения среди районов республики (по 46,1%). Несмотря на сложную демографическую ситуацию, связанную с отрицательной миграцией, в некоторых районах этого типа – Буинском (–9,2%) и Верхнеуслонском (–6,5%) – в целом средний показатель коэффициента сальдо миграции положительный (0,9%). Данные, характеризующие брачность, разводимость, младенческую смертность, подтверждают сложность демографической обстановки в изучаемых зонах. Возрастная структура населения 20,3%, 53,4%, 26,3%.

В отличие от динамики в развитии естественных и миграционных процессов, в характере размещения этнических групп в городах и селах Татарстана в постсоветский период наметилась стагнация. В 1989 – начале 2000 гг. в относительных значениях соотношение городских и сельских жителей среди народов республики не претерпело существенных изменений (табл. 2.12)³³. Среди чувашей и удмуртов традиционно преобладают сельчане. Треть татар, мордвы и почти половина марийцев живет в сельской местности. Русские в основном – горожане. Татары по-прежнему преобладают в сельской местности: среди сельчан их было 65,5% в 1989 г. и 67,8% в 2002 г. Рост численности татар среди горожан (с 42,2% в 1989 г. до 47,7% в 2002 г.) связан с сокращением численности русских (с 50,8% до 46,1% соответственно). Народы республики поддерживают традиционные ориентации на определенный тип экологической среды, заложенный в их многовековых традициях.

Таблица 2.12

Динамика соотношения городских и сельских жителей среди основных национальностей, ВСПН–1989 г., ВРПН–2002 г., %

Национальности	1989 г.		2002 г.	
	Население			
	городское	сельское	городское	сельское
Татары	63,4	36,6	66,5	33,5
Русские	85,7	14,3	86,2	13,8
Чуваши	43,1	56,9	43,5	56,5
Марийцы	57,3	42,7	56,2	43,8
Мордва	67,6	32,4	68,3	31,7
Удмурты	41,5	58,5	37,8	62,2

³³ Хотя в абсолютных значениях численность сельского населения в республике с 1989 по 2007 гг. сократилась на 21,5 тыс. чел. См.: Зиятдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 34.

Развитие урбанизационных процессов среди татар и русских имело немало особенностей. Исторически все группы татар имели значительное число горожан в период существования самостоятельных ханств. Однако после присоединения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств к Московскому государству городская прослойка татар резко сократилась, и из периода средневековья татары Поволжья и Урала выходили с незначительным городским населением. Наиболее активно урбанизационные процессы среди татар стали развиваться лишь во второй половине XIX в.³⁴, тем не менее в 1920 г. в городах Татарстана проживало 78,6% русских и 16,1% татар. В советский период урбанизация развивалась впечатляющими темпами (табл. 2.13, табл. 2.14). Численность горожан в республике в 1920 – 1989 гг. выросла почти в 8 раз.

Таблица 2.13

Удельный вес городского и сельского населения РТ,
ВСПН–1926 – 1989 гг., ВРПН–1994 – 2002 гг., %³⁵

Годы	Городское население	Сельское население
1926	9,5	90,5
1939	21,1	78,9
1959	41,8	58,2
1970	51,5	48,5
1979	63,4	36,6
1989	73,0	27,0
1994	73,5	26,5
2002	73,8	26,2

Таблица 2.14

Динамика распределения городского и сельского населения
Республики Татарстан по национальности,
ВСПН–1970 – 1989 гг., ВРПН–2002 гг., %³⁶

Годы	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
1970	49,1	42,4	36,8	57,9	62,2	26,0
1979	47,6	44,0	37,7	56,1	64,5	23,5
1989	43,5	43,3	42,1	50,8	65,5	22,9
2002	52,9	39,5	47,7	46,1	67,8	20,8

³⁴ Татары и Татарстан... С. 19.

³⁵ Республика Татарстан, 1990 – 2000: Статистический сборник. Казань // Госкомстат РТ, 2000. С. 17; Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 473, 475.

³⁶ Там же.

Урбанизация в современных условиях становится важным фактором социально-экономического неравенства народов, определяя качество их жизни. Республика Татарстан, являясь одним из стабильно развивающихся регионов РФ, где сложились относительно более благоприятные условия развития сельского хозяйства, тем не менее, не избежала неблагоприятных последствий реформирования, присущих российскому агропромышленному комплексу в целом. Сельское население значительно уступает городскому по продолжительности жизни, структуре доходов, обеспеченности бытовой техникой, одеждой, товарами длительного пользования. Отличаются друг от друга по уровню жизни и муниципальные районы республики. Однако говорить здесь об этнических аспектах достаточно сложно. Бюджетные расходы на душу населения выше среднереспубликанского уровня в 29 муниципальных образованиях, 2/3 из которых – районы с преобладанием татарского населения, пятая часть – русского. Ниже среднереспубликанского уровня доходы сложились в 16 регионах, из них половина – с преобладающим татарским населением. Бюджетные доходы не всегда подкрепляются реальным экономическим ростом. В 2006 г. индекс промышленного производства упал в 11 районах, в половине из них проживают татары³⁷. Этнические неравенства выстраиваются не внутри сельской среды, а между городом и селом.

В современных условиях образование является важным ресурсом социального успеха. До 1917 г. грамотность татар была почти исключительно связана с мусульманской системой образования. В русских школах татары почти не учились. Важную роль в этом играла политика российского самодержавия, сводившаяся к сознательному ограничению возможностей поступления татар в учебные заведения. Благодаря разветвленной системе школьного образования в виде мектебе и медресе уровень грамотности татар был довольно высок. Оценки грамотности татарского народа на этот период колеблются от 20 – 30%³⁸ до 80%³⁹. Высокое образование имели женщины-татарки.

³⁷ Закирова О.М., Зулькарниева Р.А. Современное социально-экономическое состояние системы Республики Татарстан // Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 90.

³⁸ Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. №5. С. 154.

В СССР образование было переведено на единый русский язык обучения. Такая система «обеспечила» к 1939 г. почти стопроцентную грамотность татарской молодежи⁴⁰. Однако по уровню среднего и высшего образования татары уступали русским. 4,41% татар, проживающих в РСФСР, имели среднее образование, 0,19% – высшее. У русских эти показатели были соответственно 7,68% и 0,58%⁴¹. В послевоенные годы уровень образования титульных этносов был близок к уровню русских или даже выше. Перепись населения 1989 г. зафиксировала такую ситуацию в 11 из 21 республики Советского Союза. В Татарской АССР, по материалам послевоенных переписей, доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди татар республики увеличилась в полтора раза (с 29,4% в 1950 г. до 43,8% в 1988 г.⁴²), среди городских татар – втрое. Однако в 1989 г. уровень образования татар уступал уровню русских на 1/3 – 1/5⁴³. Различия сохраняются и сегодня (табл. 2.15). Татары уступают русским по доле лиц с высшим и послевузовским образованием.

Таблица 2.15

Уровень образования основных национальностей,
ВРПН-2002 г.*, %⁴⁴

Националь-ности	Образование						
	После-вузов-ское	Высшее	Незакончен-ное высшее	Средне-профессио-нальное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Началь-ное
Татары	0,19	12,3	2,8	22,2	27,9	16,9	16,6
Русские	0,25	14,2	3,1	25,8	25,8	16,0	14,1
Украинцы	0,43	21,0	3,2	30,2	25,3	11,6	7,8
Чуваши	0,08	6,9	1,5	21,9	30,7	18,6	18,9
Мордва	0,08	6,5	1,4	25,8	27,8	18,9	17,5
Удмурты	0,06	6,1	1,2	19,1	34,1	20,0	18,3
Марийцы	0,01	7,06	1,8	22,8	34,1	18,1	15

³⁹ Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С. 45.

⁴⁰ В возрастной группе 9 – 19-летних уровень грамотности татарского населения составлял 96%, 20 – 49-летних – 78%, 50-летних и более старших возрастов – 48,3%. См.: Татары и Татарстан... С. 68.

⁴¹ Там же. С. 68 – 69.

⁴² Татары и Татарстан... С. 53.

⁴³ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 252.

⁴⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: НИЦ «Статистика России», 2004 / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 2. С. 1476 – 1477.

* В таблице не представлены лица, не имеющие начального общего образования и не указавшие образования.

Показатели образования связаны с особенностями расселения этнических групп. Народы, ориентированные на сельский образ жизни, имеют меньше возможностей получить высшее образование. Кроме того, место проживания определяет ориентации на различные типы высшего и среднего профессионального образования. Например, научная и художественно-творческая интеллигенция получает, как правило, пополнение из своей же среды. Выпускники сельских школ чаще становятся студентами сельскохозяйственных и педагогических училищ, ВУЗов. Происходит воспроизводство профессиональной и отраслевой специализации этнических групп. Важную роль играет качество получаемого образования. Сегодня сельская школа заметно отстает от городской по уровню подготовки педагогов, использованию инновационных приемов обучения и воспитания, компьютеризации и т. п. Все это препятствует поступлению сельских ребят в ПТУ и ВУЗы.

Современное высшее образование стало максимально доступным. В крупных и средних городах открыто множество коммерческих ВУЗов, поступить в которые при наличии финансовых средств не составляет особого труда. Администрация институтов вынуждена «держаться» за каждого студента, чтобы иметь доход. Ситуация с «всеобщим» высшим образованием спровоцировала целый ряд проблем: качество образования, избыточная подготовка специалистов отдельных специальностей (юристы, бухгалтеры, менеджеры) и, как следствие, – невостребованность работников на рынке труда, кризис среднего профессионального образования. Несмотря на обилие выпускников профессиональных учебных заведений, работодатели испытывают затруднения с подбором персонала, хорошо знающего свою профессию. Сложная ситуация возникла с отсутствием у работников среднего и нижнего звена (преимущественно рабочих специальностей) их соответствующей подготовки в стенах ПТУ. Уровень востребованности республиканской экономикой высокообразованных кадров заметно отстает от характера и темпов их подготовки. Проблема переизбытка выпускников ВУЗов возникла еще до распада СССР. Уже тогда несоответствие между образовательным потенциалом и долей специалистов с высокой квалификацией и руководителей высшего звена имело этнические особенности. В ТАССР этот разрыв

был сильнее у татар. С 1959-го по 1989 г., по данным соответствующих переписей населения, среди городских татар доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием увеличилась втрое, а доля специалистов и руководителей, т. е. людей, занятых на должностях, требующих такого образования, – в 2,3 раза. У русских жителей эти показатели увеличились соответственно в 2,4 и 2 раза⁴⁵. В рыночных условиях тенденция переизбытка лиц с высшим образованием сохранила этнические особенности. По данным переписи 2002 г., 86,2% занятых русских Татарстана имели дипломы о высшем или среднем профессиональном образовании, татар же с таким образованием было 79,6%. Заметно отстают в темпах роста численности среди занятых людей с высшим и средним специальным образованием марийцы – 58,3%, удмурты – 50,9%, мордва – 65,1%, чувашаи – 59,9%. Эти показатели отражают различные образовательные ориентации и возможности для их реализации среди народов республики.

Специалисты оценивают современные показатели урбанизации, образования, рабочей силы, занятой в промышленных секторах экономики, в России как достаточно «индустриальные». Однако эти показатели не обеспечивают стране конкурентных преимуществ. Причинами являются отсутствие необходимого числа рабочих мест, способного создавать объем стоимости, соответствующей их «цене», и непревращение образованности в должный набор квалификаций. Решение этих проблем требует создания «человеческого капитала», соответствующего социальной инфраструктуре⁴⁶. Сегодня среди этнических групп становится актуальной проблема качественной, конкурентоспособной рабочей силы. Она будет определять вектор их социально-экономической адаптации и развития.

§ 2. Социальная структура и трудовой статус: наследие и современность

Современная социальная структура этнических групп сложилась под влиянием исторических условий.

У татар истоки ее формирования были заложены в древних государствах – Казанском, Астраханском, Крымском, Шейбанидском

⁴⁵ Остапенко Л.В. Динамика социально-профессионального состава этнических групп и проблемы интеграции // Социальное неравенство... С. 49 – 50.

⁴⁶ Макаренко Б. Возможна ли в России модернизация? // Pro et Contra. 2008. № 5 – 6 (943). С. 37 – 38.

(Узбекском) и Тюменском (Сибирском) ханствах, образовавшихся на месте Золотой Орды и являвшихся, по мнению историков, частями единого тюрко-татарского мира позднезолотоордынской эпохи, давшими начало татарскому этносу, окончательное оформление которого произошло уже позднее, в рамках Русского государства. В средневековых тюрко-татарских ханствах наряду с высоким для того времени уровнем развития сельского хозяйства⁴⁷ имелись значительные слои городского населения. Так, в Казанском ханстве находился целый ряд городов и свыше 700 населенных пунктов. Города были центрами округов и являлись средоточием административной власти, торговли, ремесел и религиозной жизни⁴⁸.

После захвата Иваном Грозным Казани в 1552 г. татары были переселены с берегов Волги и Камы на 15 – 40 км и для них была определена «черта оседлости». Татарам запрещалось селиться в городах. Такие условия привели к тому, что среди татарского народа стало доминировать сельское население, преобладание которого сохранилось до середины XX в. У русских в сравнении с татарами не было препятствий селиться в городах. Кроме того, экстенсивный характер разви-

⁴⁷ Сельское хозяйство в казанском крае начало развиваться довольно давно. Полуоседлые ранние булгары и другие тюркоязычные племена в конце VII – начале X вв. пришли на берега Средней Волги и Нижней Камы, были преимущественно полукочевыми скотоводами. Но в условиях лесостепи Нижней Камы и Средней Волги круглогодичное пастушеское земледелие было затруднено, поэтому у них интенсивно развивается многоотраслевое хозяйство: земледелие, животноводство, ремесла и промыслы, начало которым было положено в салтовское время, а в некоторых случаях еще ранее. Булгары принесли в край настоящее плужное земледелие. Новый этап в хозяйственной жизни края начался с образованием в начале X в. Волжской Булгарии. Экономика государства базировалась на земледелии, животноводстве, ремеслах и торговле. Булгары практиковали пашенное земледелие с использованием пахотных орудий – плуга и сохи. Выращивались агрокультурные растения – пшеница, рожь, овес, горох, чечевица, лен, конопля и др. Основой животноводства было разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. См.: Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1995. 196 с., карт.; *его же*. Традиционное хозяйство // Татары... С. 162 – 193; *его же*. Традиционное хозяйство поволжских татар: истоки и развитие // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск II. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 35 – 45.

⁴⁸ Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. Казань – Москва – Санкт-Петербург: Издательско-Продюсерский Центр «Дизайн. Информация. Картография», 2006. С. 331, 367.

тия русского народа, предполагавший постоянное освоение новых ресурсов, потенциально доступных в каждый момент (леса, топлива, металлов и т. п.), приводил к более активному у них в сравнении с татарами освоению новых технологий. Татары же оказались в худших социально-экономических условиях, тормозящих развитие традиционного хозяйства и новых технологий⁴⁹. В результате у русских стали значительно раньше и более активно формироваться индустриальные социально-профессиональные группы. Под влиянием политических, экономических и социальных ограничений татары начали формировать альтернативную социальную систему внутри татарского общества. Наиболее яркими проявлениями этой системы стали народное образование, махалли⁵⁰, национальная экономика и др.

По мнению татарстанских историков, национальная экономика у татар сформировалась в конце XIX – начале XX вв. Этому способствовали тесные и глубокие экономические связи между районами компактного проживания татар-мусульман, сопровождавшиеся ак-

⁴⁹ Например, татарские крестьяне Казанской губернии в конце XIX в. имели наделы в 3,2 дес., тогда как русские – 4,6 дес. У татар губернии было и наибольшее количество общин (43%) и душ (43,5%) с наделом до 3 дес. земли. Среди русского крестьянства те же показатели составляли 16,2% и 10,7% соответственно. Русские хозяйства были лучше обеспечены землей и скотом. Не случайно источники отмечают, что «...татары вообще беднее, а оттого у них и сельскохозяйственные орудия и рабочие лошади хуже, нежели у других племен». В Казанской губернии в конце XIX в. безлошадные крестьяне составляли 34% татарского населения, а 27,9% хозяйств не имели пахотного инвентаря. См.: *Халиков Н.А.* Хозяйство татар... С. 19–23.

⁵⁰ Махалли – это организованные татарами на конфессиональной основе особые социальные сообщества, регулировавшие межличностные, межгрупповые взаимоотношения среди жителей кварталов деревень и городских слобод. Каждая махалля, или локальная мусульманская община, относилась к определенной мечети. Их структура, как правило, была однородной – во главе стоял приходской имам, однако чаще всего подлинным лидером являлся богатый купец-благотворитель или же влиятельный и многочисленный купеческий род. Благодаря родственным, клановым, профессиональным узам в махалле культивировались элементы соседского права, возводились в негласный закон общечития солидарность, взаимопомощь, местный патриотизм. Самоуправление локальной мусульманской общины обеспечивалось и крепкой системой финансирования, наличием общественной казны, управляемой специальными попечительствами, что позволяло содержать здания мечети и медресе, имамов, муэдзинов и мугаллимов, благоустраивать приходскую территорию, финансировать развитие образования.

тивным процессом концентрации капитала, освоением новых, передовых форм предпринимательства. Имелось и другое, глубоко историческое условие, способствовавшее формированию татарской буржуазии. Казанское ханство, как и другие восточнофеодальные государства, имело систему развитых товарных и денежных отношений, значительные накопления традиционных видов капитала – купеческого и ссудно-ростовщического. Если для русского населения переход от натурально-потребительского хозяйства к товарно-денежному произошел только в конце XIX в., то татарам достаточно было сохранить уже сложившиеся формы экономических отношений. Отличалась и база воспроизводства деловой культуры. У русских культура предпринимательства формировалась внутри этноконфессиональных групп (прежде всего, старообрядчества)⁵¹. Социальную базу татарской торговой буржуазии составляли практически все слои татарского общества: феодальная аристократия, служилые, ясачные крестьяне и ремесленники. По мнению Р.Р. Салихова, наиболее активно процесс возрождения глубоких корней экономических отношений у татар стал развиваться после принятия Манифеста 17 марта 1775 г. Татарское городское население получило возможность приписаться к новым сословным группам – купечеству и мещанству. Это давало серьезные льготы и открывало хорошие перспективы для коммерческой и промышленной деятельности.

Капиталистические отношения у мусульманской части Поволжья и Приуралья складывались на протяжении всего XIX в. и привели к формированию крупных центров татарского предпринимательства в Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Рязанской губерниях российской империи⁵². По данным Х.Х. Хасанова, в России действовало 154 татарских Торговых Дома, которые в 1914 г. имели общий основной капитал 4925282 рубля⁵³. Наряду с традиционными для татар производствами национальный капитал проникал и осваивал новые для себя отрасли промышленности: стекольную, нефтеперерабатывающую, химическую, металлообрабатывающую и дру-

⁵¹ *Сусоколов А.А.* Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.: SPSL-«Русская панорама», 2006. С. 182 – 188.

⁵² *Салихов Р.Р.* Татарская буржуазия российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006. С. 20, 19.

⁵³ *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. С. 223.

гие⁵⁴. Безусловно, абсолютная и относительная численность татар была слишком незначительной, чтобы они смогли добиться доминирующей роли в передовых для того времени экономических сферах. Между тем, по сравнению с другими автохтонными этносами Среднего Поволжья, Приуралья и степной зоны, структура деятельности татарского народа была дифференцирована более явно. В конце XIX в. 91,41% татар, живущих на Средней Волге и Северном Урале, работало в сельском хозяйстве (78,21% русских), 2,48% – в перерабатывающей отрасли (9,40%), 1,84% – торговле (1,62%), 0,54% – сфере услуг (2,02%), 1,37% – в качестве прислуги (3,04%), 2,35% – занимались прочими видами деятельности (5,71%)⁵⁵. В целом изменения в этносоциальной структуре к началу XX в. привели к формированию в России единой многонациональной российской буржуазии со значительной региональной, этнической, религиозной спецификой⁵⁶. В отличие от элит других национальных меньшинств российской империи татарские предприниматели не пытались войти в новый хозяйственный и гражданский высший слой путем русификации. Их столкновение с процессами модернизации общества и экономики России обогащало их новым опытом, который они затем вносили в мусульманские татарские институты. Мечети, мектебы и медресе являлись своего рода автономными внутриэтническими коммуникативными структурами, которые затем служили мультипликаторами для распространения светской и национальной мысли среди широких слоев татарского общества⁵⁷.

Наиболее сильная трансформация социальной структуры народов произошла с началом внедрения советской модели экономики в нашей стране. Именно тогда наиболее активно начинает разворачиваться политика индустриализации СССР, сопровождающаяся массовым ростом индустриальных кадров. Несмотря на видимые успехи, внедренная советская парадигма производственных отношений, выражавшаяся в патернализме государства по отношению к своим гра-

жданам, привела к нивелировке этнокультурной специфики экономической жизнедеятельности большинства российских народов. У жителей СССР выработывались сходные признаки образа жизни, ценностные регуляторы деятельности. В сфере труда это проявилось в установке на социальное иждивенчество, патерналистское восприятие государственной власти. Это была стабильная самовоспроизводящаяся система, значительное место в которой занимало следование традициям и ценностно-ориентированное действие.

На этническом поле необходимость роста индустриальных кадров советской властью объяснялась важностью и необходимостью «сближения наций». Однако первые этносоциологические исследования, проводившиеся в послевоенном СССР, показали, что хотя многие резкие, диссонирующие различия в социально-культурном облике населения разной этнической принадлежности в той или иной мере были сглажены, тем не менее говорить о завершении становления социальной однородности наций было нельзя⁵⁸. Сказывались длительные, зачастую многовековые, этностратификационные позиции народов в нашей стране. В Татарской АССР эту ситуацию довольно тонко обозначили авторы исследования «Оптимизация социально-культурного развития наций», проведенного в 1967 – 1968 гг.: «социальная эволюция населения Татарии в советский период шла по руслу ликвидации диспропорций, насаждавшихся на протяжении веков, – процесс, характерный для страны в целом»⁵⁹. Важно подчеркнуть и то, что в советский период, как показывали материалы исследований, в условиях сближения образовательного, социально-профессионального состава национальностей нередко происходило усиление составительных отношений между ними, обострение конкурентной ситуации и даже стимулирование межэтнических конфликтов⁶⁰.

Тенденция сближения советских наций выражалась в сокращении доли сельскохозяйственного населения, росте квалифицированных кадров, расширении сферы умственного труда. В городах Татарской АССР в межпереписной период 1959 – 1989 гг. произошло сближение относительной численности татар и русских, занятых умственным и физическим трудом средней квалификации, а также мало-

⁵⁴ Гибадуллин М.З. Предпринимательская деятельность среди татар в эпоху капиталистической модернизации российской экономики (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 62.

⁵⁵ Ноак К. Указ. соч. С. 153.

⁵⁶ Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 11.

⁵⁷ Ноак К. Указ. соч. С. 156.

⁵⁸ Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М.: Наука, 1986. С. 45 – 75.

⁵⁹ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М.: Наука, 1972. С. 22.

⁶⁰ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 440.

и неквалифицированным физическим трудом. К концу 1980-х гг. выравнивались доли работников высококвалифицированного физического труда и служащих. «Однако различия в темпах и масштабах этих общих процессов, а также в «стартовых» позициях этнических общностей привели к тому, что дистанция между титульными этносами и русскими по ряду показателей оставалась достаточно заметной и в разных республиках весьма неодинаковой»⁶¹.

Главным основанием различий социально-профессиональной структуры русских и татар Татарстана является место проживания. Ориентация татар на сельский образ жизни, русских – на городской сформировала две доминирующие среди них профессиональные группы: занятые в сельскохозяйственных сферах труда у первых и занятые в индустриальном секторе – у вторых. По данным Всесоюзной переписи 1979 г., среди татар, проживающих в городах и селах ТАССР, было на 14% меньше промышленных рабочих, на 11% меньше служащих и на четверть больше колхозников, чем среди русских⁶². Этнические доминанты проявлялись и в городской, и сельской средах (табл. 2.16).

Таблица 2.16

Распределение татар и русских по общественным группам, ВСПН–1979 г. (на 1000 человек соответствующей национальности)⁶³

Этнотерриториальные группы	Рабочие	Служащие	Колхозники
<i>Городское и сельское население</i>			
Татары	514	179	307
Русские	653	287	60
<i>Городское население</i>			
Татары	717	254	29
Русские	661	327	12
<i>Сельское население</i>			
Татары	313	105	582
Русские	621	124	255

Дистанция между татарами и русскими проявлялась и внутри социально-профессиональных групп. В 1939 г. татары составляли около половины среди членов сельскохозяйственных профессиональных групп – агрономов, зоотехников, агротехников, ветфельд-

⁶¹ Остапенко Л.В. Указ. соч. С. 32.

⁶² Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1991. С. 12.

⁶³ Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 6. Казань, 1981. С. 34.

шеров⁶⁴. В 1979 г. татары представляли значительное большинство среди колхозников. В группе служащих татары уступали русским почти в два раза. Русские доминировали среди рабочих (табл. 2.17).

Материалы переписи 1979 г. показывают, что отряд рабочих у татар чаще, чем у русских, формировался за счет женщин. У русских женщины преобладали среди служащих и колхозников.

Таблица 2.17

Распределение татар и русских по общественным группам с учетом пола, ВСПН–1979 г. (на 1000 человек соответствующей общественной группы)⁶⁵

Этнотерриториальные группы	Татары			Русские		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
<i>Городское и сельское население</i>						
Все общественные группы	476	475	478	440	438	441
в том числе:						
Рабочие	430	423	437	504	510	499
Служащие	375	382	370	556	536	569
Колхозники	720	733	711	130	114	142
<i>Городское население</i>						
Все общественные группы	377	373	381	561	559	562
в том числе:						
Рабочие	397	386	407	543	551	536
Служащие	320	327	316	615	596	628
Колхозники	557	613	538	333	214	374
<i>Сельское население</i>						
Все общественные группы	645	649	643	235	233	237
в том числе:						
Рабочие	533	538	528	385	381	388
Служащие	634	651	624	274	248	290
Колхозники	731	737	726	116	110	122

Заметная разница между татарами и русскими ТАССР складывалась и по уровню квалификации. Так, по данным переписи 1979 г., среди горожан-татар занятые преимущественно умственным трудом составляли 27,6%, а среди русских – 35,7%. В то же время среди первых доля занятых преимущественно физическим трудом равнялась 72,4%, а среди вторых – 64,3%. Можно привести еще некоторые цифры. Среди специалистов с высшим образованием доля русских в 1979 г. составляла 53,4%, татар – 38,9%, среди специалистов со средне-

⁶⁴ Татары и Татарстан... С. 89.

⁶⁵ Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г... С. 35.

специальным образованием – 54,7% и 38,5% соответственно. Среди специалистов – лиц, занятых преимущественно умственным трудом, – татар было значительно меньше (в 1,5 – 2 раза)⁶⁶. Татары чаще, чем русские, были заняты физическим трудом. Среди татар-горожан Татарской АССР доля занятых преимущественно умственным трудом составляла 27,6%, тогда как среди русских горожан – 35,7%, а доля занятых физическим трудом – 72,4% и 64,3% соответственно. Лишь в сельской местности татары преобладали среди работников умственного труда. Здесь разница между татарами и русскими была самой заметной (табл. 2.18).

Таблица 2.18

Распределение татар и русских по занятиям, ВСПН–1979 г.
(на 1000 человек соответствующего занятия)⁶⁷

Занятия	Татары	Русские
<i>Городское и сельское население</i>		
Все занятое население	462	454
Занятые преимущественно умственным трудом	389	537
Занятые преимущественно физическим трудом	490	423
<i>Городское население</i>		
Все занятое население	381	550
Занятые преимущественно умственным трудом	325	605
Занятые преимущественно физическим трудом	408	523
<i>Сельское население</i>		
Все занятое население	637	247
Занятые преимущественно умственным трудом	647	259
Занятые преимущественно физическим трудом	635	244

Различия в темпах роста квалифицированных кадров у татар и русских оказывали прямое влияние на ряд социально-экономических показателей этносоциальной ситуации среди этнических групп. Так, по данным исследования «Оптимизация социально-культурного развития наций», проведенного в 1967 – 1968 гг., средняя зарплата у русских работников, занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом в г. Казани, составила 160,4 руб., у татар – 130,3 руб. «Причина этого, однако, не в уровне профессиональной подготовки – он один и тот же, а в разном опыте и стаже русских и татар, занятых высококвалифицированным научно-производственным трудом. Татарские, сравнительно недавно сформировавшиеся,

инженерные кадры по составу значительно моложе русских (средний возраст татар 29,6 лет, русских – 34,9). Отсюда, естественно, меньший профессиональный опыт и, соответственно, относительно более низкая заработная плата»⁶⁸.

Это исследование выявило и еще один довольно интересный факт. Несмотря на тенденцию социального сближения татарского и русского населения, первые, даже переходя на высокостатусные позиции, сохраняли традиционный образ жизни. При анализе сельского массива был обнаружен целый ряд показателей, по которым во всех социально-профессиональных группах татары опережали русских. Это средний размер семьи, среднее число детей в семье, размер подсобного хозяйства. А по такому показателю, как «процент хозяйств с коровами», разница между татарами и русскими в группах специалистов среднего и высшего звена и руководителей среднего звена была четырехкратная (в пользу татар)⁶⁹.

К началу распада СССР тенденция сближения социальной структуры татар и русских ТАССР сохранялась. Однако различия, связанные с предпочтительными моделями расселения татар и русских, приводили к сохранению этнических особенностей социально-профессиональных групп. Как показала последняя советская перепись, к концу 1980-х гг. за счет преобладания татар в сельской местности их представительность в составе сельских социально-профессиональных групп имела трехкратное преобладание по сравнению с русскими. Наибольший разрыв сложился среди работников умственного труда. Доля русских среди горожан в 1989 г. составляла 49%, в составе же высшей интеллигенции – 57%. У татар соотношение этих показателей было обратным – 43% (в населении) и 37% (в интеллигенции)⁷⁰. В городах русские «обгоняли» татар по доле работников высококвалифицированного умственного труда⁷¹. Доля относительной численности высококвалифицированных специалистов и руководителей у русских превышала тот же показатель у татар в 1,4 раза⁷². Несмотря на то, что рост интеллигенции у татар с 1960 по

⁶⁸ Социальное и национальное... С. 26.

⁶⁹ Там же. С. 57.

⁷⁰ Остапенко Л.В. Указ. соч. С. 35.

⁷¹ Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары... С. 509.

⁷² Остапенко Л.В. Указ. соч. С. 34 – 35.

⁶⁶ Современные межнациональные процессы в ТССР... С. 14.

⁶⁷ Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г... С. 32 – 45.

1989 г. был двукратный⁷³, разница в стартовых позициях сохраняла этнокультурные различия в составе работников умственного труда среди доминирующих групп республики. Различия наблюдались и в составе интеллигенции. Среди русских горожан была значительной доля производственной интеллигенции (в 1989 г. 49,8% и 44,7% – у татар), но ниже доля так называемой массовой – учителя, врачи, библиотекари (20,3% и 24,8% соответственно) и художественно-творческой (1,7% и 2,1% соответственно). Доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была в полтора раза выше, чем у русских⁷⁴. К 1989 г. доля руководителей высшего уровня среди горожан у русских увеличилась вдвое, у татар – в 2,3 раза. Формирование политической и творческой элиты у татар происходило из сельской среды. В начале 1990-х гг. 73% руководителей республики были выходцами из сельской местности⁷⁵. По данным исследования татарской творческой интеллигенции 1989 – 1990 гг., из общего числа опрошенных писателей 56% – выходцы из села. Статистический анализ книги «Кто есть кто в Республике Татарстан?» показал, что научная и творческая интеллигенция к началу 1990-х гг. была представлена на 61% выходцами из села, на 39% горожанами⁷⁶.

Различия социально-профессиональных структур русских и татар были зафиксированы и в ряде этносоциологических исследований, проведенных в Татарстане в 1990-х гг. Как показали результаты проекта «ЭПТ»–1989/1990 гг., в этот период в городах среди русских были шире представлены руководители среднего звена, специалисты средней квалификации, квалифицированные работники немеханизированного физического труда, среди татар – высококвалифицированные работники преимущественно физического труда. На селе среди татар преобладали управленцы и специалисты всех уровней, русских – квалифицированные работники немеханизированного физического труда. Различия между горожанами (русскими и татарами) и сельчанами (русскими и татарами) были более существенными, чем межэтническая дифференциация (табл. 2.19).

⁷³ Дробизжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация... С. 254.

⁷⁴ Там же. С. 254, 286.

⁷⁵ Мансурова Г.М. Динамика ротации политических элит РФ и РТ (начало 90-х годов) // Республ. науч.-практ. конф. «Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия». Казань, 1995. С. 52; Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: Вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 76.

⁷⁶ Сагитова Л.В. Татарская интеллигенция и ее роль // Татары... С. 523.

Распределение занятых у татар и русских по социально-профессиональным группам, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %*

Социально-профессиональные группы	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Руководители высшего звена	6,4	6,4	2,2	3,2
Руководители среднего звена	6,6	4,8	5,5	6,3
Специалисты высшей квалификации	14,2	15,3	3,5	6,2
Специалисты средней квалификации	13,7	10,8	8,7	10,5
Прочие служащие	5,7	6,2	4,0	3,6
Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, аппаратах)	15,8	20,5	16,5	16,6
Квалифицированные работники немеханизированного физического труда	23,3	19,9	33,5	27,2
Неквалифицированные работники физического труда	7,9	9,4	23,1	24,9
Студенты вузов	4,4	4,7	0	0,2
Учащиеся училищ и техникумов	1,1	1,6	0,6	0,6
Прочие	0,9	0,6	0,3	0,4

* Сумма не равна 100%, т.к. не указана доля неответивших.

В целом необходимо отметить, что современная социально-профессиональная структура в Татарстане не адекватна запросам экономики. Ведущие отрасли экономики – промышленность, переработка – находятся в депрессивном состоянии в том числе и в связи с отсутствием квалифицированных промышленных кадров. Крайне низок престиж технических профессий. По таким специальностям, как энергетика, металлургия, машиностроение, авиационная, электронная радиотехника, и другим инженерным профессиям сегодня обучается только 20% студентов государственных вузов. По данным социологического исследования 2007 – 2008 гг., 70% учащихся старших классов в городах и 50% в сельских районах планировали получить высшее образование. Собирались поступить в профессиональные училища только около 5% школьников. Применить полученное высшее образование в сфере промышленного производства намерены лишь 2,3% школьников⁷⁷. Такая ситуация приводит к сокращению традицион-

⁷⁷ Мустафин М.Р., Габдулхаев И.И. Современный рынок труда и профессиональные предпочтения молодежи в Республике Татарстан // Современные проблемы географии населения и рынка труда: Сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию географиче-

го преобладания русских в промышленной сфере, нарушаются многопоколенные семейные традиции профессий, возникают ситуации дезадаптации.

Важным показателем особенностей социальной структуры татар и русских являются возрастные особенности социально-профессиональных групп. Как показало исследование «ЭПТ»–1989/1990 гг., к концу 1980-х гг. и в городах, и в селах у татар почти среди всех социально-профессиональных групп были выше, чем у русских, доля молодежи и доля лиц среднего возраста. Русские были шире представлены лицами старшего и пенсионного возраста. Исключение составила в городах группа специалистов и служащих, в селах – группа руководителей высшего уровня, где русские были шире представлены молодыми людьми, а татары, соответственно, пожилыми (табл. 2.20, табл. 2.21). Такая ситуация свидетельствует о том, что к началу 1990-х гг. в РТ возникла ситуация потенциальной перегруппировки татар и русских внутри социально-профессиональных групп за счет вливания молодых представителей татарского народа. Это связано с более благоприятной демографической ситуацией у татар (см. Главу II, § 1).

Таблица 2.20

Возрастные особенности социально-профессиональных групп татар и русских, «ЭПТ»–1989/1990 гг., город, %

СНП	1	2	3	4	5	6	7	8
18–19	0/0	0/0	0/0	6,6/2,0	6,6/1,6	1,1/2,3	1,9/2,9	1,4/1,6
20–24	12,5/0	6,1/0	5,1/3,1	6,6/13,9	6,6/4,8	11,5/9,0	9,3/9,3	3,5/2,4
25–29	12,5/0	15,2/10,9	16,1/19,4	11,5/10,6	11,5/16,1	18,1/18,1	15,2/14,3	5,7/5,7
30–39	37,5/33,3	36,4/21,7	32,2/24,5	31,1/31,1	31,1/25,8	29,1/27,7	32,0/30,1	10,6/8,9
40–49	25,0/50,0	3,0/23,9	26,3/26,5	9,8/9,9	9,8/21,0	17,6/14,1	14,9/14,0	11,3/10,6
50–59	12,5/0	24,2/28,3	10,2/9,2	21,3/13,2	21,3/8,1	15,4/14,7	13,4/14,7	24,1/32,5
60 и более	0/16,7	15,2/15,2	10,2/17,3	13,1/19,2	13,1/22,6	7,1/14,1	13,4/14,7	43,3/38,2

Таблица 2.21

Возрастные особенности социально-профессиональных групп татар и русских, «ЭПТ»– 1989/1990 гг., село, %

СНП	1	2	3	4	5	6	7	8
18–19	9,1/-	-	-	3,3/4,7	7,3/-	3,2/0,7	2,4/2,3	0,6/0,3
20–24	9,1/33,3	14,3/-	10,0/6,9	13,3/17,2	19,5/8,1	10,8/10,2	7,8/7,7	1,2/0,3
25–29	18,2/33,3	8,6/4,5	16,7/27,6	15,6/14,1	14,6/16,2	17,8/16,1	9,8/9,3	1,8/2,0
30–39	18,2/33,3	17,1/31,8	30,0/17,2	31,1/21,9	22,0/18,9	22,9/21,9	16,1/19,3	7,2/8,9
40–49	18,2/-	17,1/9,1	13,3/6,9	15,6/10,9	7,3/5,4	12,7/13,1	20,4/10,4	9,9/6,3
50–59	9,1/-	17,1/4,5	10,0/17,2	14,4/15,6	14,6/27,0	19,1/21,2	23,5/21,6	28,6/22,7
60 и более	18,2/-	25,7/50,0	18,3/24,1	6,7/15,6	14,6/24,3	13,4/16,8	20,0/29,3	50,6/59,5

ского образования ТГГПУ (КГПУ) (Казань, 4 – 5 декабря 2008 г.) / под ред. И.Т. Гайсина, М.Р. Мустафина. Казань: РИЦ «Школа», 2008. С. 153.

Социально-профессиональные группы (СПГ)⁷⁸

1. Руководитель высшего звена.
2. Руководитель среднего звена.
3. Специалисты высшей квалификации.
4. Специалисты средней квалификации.
5. Прочие служащие.

Физический труд:

6. Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, аппаратах).
7. Квалифицированный работник немеханизированного физического труда.
8. Неквалифицированный работник физического труда.

К началу 1990-х гг. имели место этнические особенности распределения социально-профессиональных групп по отраслям экономики. В городах татары были шире представлены среди руководителей высшего и среднего звена, специалистов высокой квалификации во всех экономических сферах. Очевидно, в этот период начался процесс замещения русских в сфере управления (за исключением науки). Многие русские руководители к этому времени стали пенсионерами. Русские сохраняли доминирующие позиции среди специалистов средней квалификации в промышленности, транспортной и социальных сферах; среди высококвалифицированных рабочих физического механизированного труда – в сфере обслуживания и кооперативах; среди квалифицированных работников немеханизированного физического труда – в промышленности, на транспорте. Татары преобладали среди специалистов средней квалификации, занятых в сфере обслуживания; среди высококвалифицированных рабочих физического механизированного труда – в строительстве, торговле; среди квалифицированных работников немеханизированного физического труда – в бытовом обслуживании (табл. 2.22).

Таблица 2.22

Социально-профессиональные группы татар/русских по отраслям экономики, «ЭПТ»–1989/1990 гг., город, %

Сферы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
СПГ	16,1/12,9	12,9/4,8	8,1/4,8	6,5/1,6	3,2/9,7	19,4/16,1	14,5/14,5	9,7/8,1	1,6/3,2	0/0	1,6/0	6,5/24,2

⁷⁸ Далее в тексте при анализе результатов исследования «ЭПТ»–1989/1990 гг. используется такая же градация социально-профессиональных групп.

2	39,1/ 31,3	13,0/ 4,7	0/ 7,8	4,4/ 3,1	17,4/ 12,5	4,4/ 4,7	4,4/ 4,7	2,2/ 1,6	2,2/ 0	0/0	6,5/ 3,1	6,5/ 26,6
3	19,7/ 19,7	4,8/ 0,7	3,4/ 2,2	3,4/ 2,9	0,7/ 0,7	15,0/ 13,1	30,6/ 29,9	9,5/ 14,6	4,1/ 0,7	0/0	0/ 0,7	8,8/ 14,8
4	9,6/ 15,0	2,9/ 5,3	1,0/ 1,5	1,9/ 2,3	11,5/ 7,5	7,7/ 6,0	41,4/ 44,4	4,8/ 2,3	0/0	0/0	1,9/ 0	17,3/ 15,8
5	28,3/ 29,1	3,3/ 9,1	1,7/ 0	1,7/ 3,6	15,0/ 10,9	18,3/ 10,9	6,7/ 3,6	3,3/ 1,8	3,3/ 0	0/0	0/0	18,3/ 30,9
6	41,1/ 40,3	8,1/ 9,7	10,7/ 7,8	17,3/ 13,0	3,6/ 5,8	1,5/ 1,3	1,0/ 1,3	0/ 0,7	3,1/ 0,7	0,5/ 0	1,5/ 3,3	11,7/ 15,6
7	26,0/ 31,1	12,0/ 10,2	13,0/ 7,1	2,6/ 6,7	17,2/ 14,7	0,5/ 1,8	1,6/ 0,5	0/0	2,6/ 2,2	1,0/ 1,8	2,6/ 4,4	20,8/ 19,6
8	8,7/ 9,1	7,7/ 7,8	1,0/ 2,6	1,0/ 1,3	14,3/ 10,4	1,0/ 2,6	9,9/ 13,0	0/0	0/0	0/ 1,3	0/0	56,0/ 52,0

В сельской местности наиболее заметные этнические различия сложились среди занятых в совхозах и колхозах. У русских была более внушительная представительность во всех социально-профессиональных позициях в совхозах, у татар – в колхозах (табл. 2.23).

Таблица 2.23

Социально-профессиональные группы татар/русских по отраслям экономики, «ЭПТ»–1989/1990 гг., село, %

Сферы СПГ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	0/0	0/ 5,3	0/0	3,1/ 0	6,3/ 10,5	25,0/ 21,1	21,9/ 15,8	0/0	3,1/ 5,3	34,4/ 15,8	0/ 5,3	6,3/ 21,1
2	0/0	4,8/ 0	0/ 4,2	3,2/ 0	9,5/ 6,3	15,9/ 14,6	11,1/ 4,2	0/0	6,4/ 16,7	27,0/ 12,5	1,6/ 0	20,6/ 41,7
3	1,6/ 0	0/0	0/0	1,6/ 3,2	1,6/ 0	4,8/ 9,7	45,2/ 51,6	0/0	6,5/ 3,2	14,5/ 3,2	0/0	24,2/ 29,0
4	1,0/ 0	0/ 4,0	1,9/ 0	0/0	4,8/ 1,3	13,5/ 9,2	42,3/ 47,4	1,0/ 0	1,9/ 1,3	18,3/ 5,3	0/0	15,4/ 31,6
5	5,6/ 2,9	8,3/ 5,7	0/0	2,8/ 8,6	13,9/ 5,7	16,7/ 11,4	0/ 5,7	0/ 2,9	0/ 14,3	33,3/ 8,6	0/0	19,4/ 34,3
6	4,3/ 5,6	4,3/ 4,9	1,8/ 6,3	5,5/ 3,5	1,2/ 3,5	1,8/ 0	0/ 2,8	0/ 1,4	10,4/ 22,4	52,4/ 29,4	1,8/ 0	16,5/ 20,3
7	2,6/ 1,7	1,5/ 3,1	1,9/ 1,7	1,5/ 1,0	10,0/ 10,9	0,4/ 0,7	2,6/ 2,7	0,4/ 0	6,7/ 16,7	41,3/ 28,7	2,2/ 0,3	29,0/ 32,4
8	0/0	0,4/ 3,0	0/ 0,5	2,9/ 2,0	1,2/ 3,0	0/ 2,0	4,1/ 4,0	0/0	2,4/ 4,5	27,2/ 10,4	0/0	61,8/ 70,8

Сферы деятельности⁷⁹

1. Ведущие отрасли промышленности (машиностроение, металлургия, приборостроение, химическая промышленность, нефтедобыча, нефтеобработка, полиграфия).
2. Промышленность (кроме ведущих отраслей).
3. Стройка.
4. Транспорт, связь.

⁷⁹ Далее в тексте при анализе результатов исследования «ЭПТ»–1989/1990 гг. используется такая же градация экономических сфер.

5. Сфера обслуживания (торговля, общественное питание, бытовое обслуживание и т.п.).

6. Сфера управления (органы государственной власти, партийные и общественные организации, министерства, ведомства, их учреждения).

7. Просвещение, медицина, библиотека.

8. Научные учреждения, творческие организации.

9. Совхоз и другие государственные с/х предприятия.

10. Колхоз.

11. Кооператив, аренда, индивидуальная трудовая деятельность.

12. Нахожусь на пенсии.

В 1990-х гг., как свидетельствуют материалы этносоциологических исследований, социально-профессиональная структура татар и русских Татарстана оказалась достаточно близкой внутри городской и сельской сред (табл. 2.24, табл. 2.25). Однако в современных условиях основным водоразделом социальных структур этнических групп все активнее становятся различия между городом и селом. Сегодня село в сравнении с городом находится в крайне плачевном состоянии. В этой связи перспективы социальных позиций татар и русских Татарстана будут определяться не столько межэтническими дистанциями, сколько экономическими границами между городской и сельской средами.

Таблица 2.24

Распределение занятых по социально-профессиональным группам, «НИК»–1994 г., %

Социально-профессиональные группы	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Руководитель	10,3	7,7	6,1	9,8
Специалист	25,8	25,3	21,5	19,0
Служащий	21,2	22,6	10,8	12,7
Работник физического труда квалифицированный	31,5	35,1	30,8	31,7
Работник физического труда неквалифицированный	11,2	9,2	30,8	26,8

Таблица 2.25

Распределение занятых по социально-профессиональным группам, «СЭН»–1999 г., город, %

Социально-профессиональные группы	Русские	Татары
Руководители предприятий	1,2	0,6
Руководители государственного аппарата	0,3	0,6
Специалисты, ИТР	9,1	12,4
Служащий	15,0	16,5

Неквалифицированные рабочие	4,1	3,5
Квалифицированные рабочие	19,1	20,1
Крестьяне	0,3	-
Предприниматели	2,0	3,8
Военные	0,3	0,3
Учащиеся	7,0	6,8
Домохозяйки	6,2	6,5
Пенсионеры	29,2	22,1
Безработные	5,3	5,6
Другие	1,2	1,2

Рассмотрим изменения в отраслевой структуре русских и татар в республике. Специалисты отмечают, что в 1960 – 1980-е гг. ускорившееся развитие промышленности Татарстана, быстрый рост крупных городов, в том числе и новых, повлекли за собой принципиальное изменение в отраслевой структуре занятости населения. Резко возросла численность занятых в промышленности, иных сферах деятельности, наиболее присущих городской среде. Сократилась численность занятых в сельском хозяйстве⁸⁰. Однако этнические особенности сохранялись. По данным переписи 1979 г., в сфере промышленности доля татар уступала доле русских на 13,9%⁸¹, в сельском хозяйстве доля первых была на 1/5 выше доли вторых. Русские были шире представлены в промышленности, строительстве, транспорте, социальной сфере; татары – в сельском хозяйстве, торговле и общественном питании. Заметные диспропорции сложились в сфере науки. По данным 1970 г., татары и русские составляли 29,3% и 59,4% научных работников ТАССР. В 1987 г. соответственно 34,9% и 56,2%. Среди аспирантов ТАССР татары в 1980 г. составляли 32,0%⁸². При этом доля русских и татар в составе занятого населения была соответственно 48,3% и

⁸⁰ *Ахметов Р.М.* О проблемах комплексного исследования социальных структур русских и татар Татарстана // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. Казань: ИЯЛИ им Г. Ибрагимова АНТ, 1994. С. 93.

⁸¹ Очевидно, татары преобладали в некоторых сферах промышленности, например – в нефтедобыче. Эта отрасль развивалась на юге-востоке республики, где традиционно проживают в основном татары. По подсчетам Р.К. Уразмановой, в 1963 г. 40% общего числа работавших на предприятиях объединения «Татнефть» составляли татары, а в нефтепромысловых управлениях «Азнакаевнефть», «Алькеефнефть» и некоторых других их численность достигала 70%. См.: *Уразманова Р.К.* Быт нефтяников-татар юго-востока Татарстана. Этносоциологическое исследование. Альметьевск, 2000. С. 24.

⁸² Татары и Татарстан... С. 56.

42,9%. Научные работники-татары преобладали в общественных и гуманитарных науках, значительно меньше их было в естественнонаучных и технических отраслях. В 1980 г. среди докторов технических наук доля татар составляла 27,0%, русских – 55,7%; физико-математических – 29,2% и 56,2% соответственно; естественных – 26,5% и 58,4%; общественных – 50,0% и 35,5%; гуманитарных – 51,0% и 41,2%⁸³. В предперестроечный период татары преобладали среди профессорско-преподавательского состава Казанского государственного медицинского института, Казанского государственного педагогического института, Казанского сельскохозяйственного института. Русские – Казанского государственного университета, Казанского авиационного института, Казанского химико-технологического института, Казанского инженерно-строительного института, Камского Политехнического института, Казанского филиала Московского энергетического института⁸⁴. Интересно то, что предпочтения абитуриентов – татар и русских – при выборе ВУЗа имели те же особенности. Абитуриенты-татары составили половину зачисленных студентов медицинского, педагогического и сельскохозяйственного институтов. Русские абитуриенты чаще выбирали КХТИ, КАИ, КФМЭИ, КамПИ⁸⁵.

Как показало исследование «ЭПТ»–1989/1990 гг., заметные особенности отраслевой структуры работающих русских и татар складывались между их городской и сельской средами (табл. 2.26).

Таблица 2.26
Доля татар и русских в отраслях экономики, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %*

Отрасли	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Ведущие отрасли промышленности (машиностроение, металлургия, приборостроение, химическая промышленность, нефтедобыча, нефтеобработка, полиграфия)	23,0	22,6	1,6	1,8
Промышленность (кроме ведущих отраслей)	6,3	7,5	3,2	1,8
Строительство	4,4	6,0	1,9	1,0
Транспорт, связь	4,8	5,7	1,8	2,5
Сфера обслуживания (торговля, общественное питание, бытовое обслуживание и т. п.)	8,1	8,6	5,8	5,1
Сфера управления (органы государственной власти, партийные и общественные организации, министерства, ведомства, их учреждения)	5,3	6,1	3,5	4,5

⁸³ *Исхаков Д., Гарипов Я.* Доктора наук в Татарстане. Опыт статистического изучения // *Нация.* 1991. № 22 (сентябрь), № 23 (октябрь).

⁸⁴ Татары и Татарстан... С. 56.

⁸⁵ Там же. С. 54.

Просвещение, медицина, библиотеки	12,7	12,0	9,0	10,3
Научные учреждения, творческие организации	3,2	2,8	0,3	0,2
Совхоз и другие государственные с/х предприятия	1,0	2,1	12,1	5,2
Колхоз	0,5	0,3	18,8	33,2
Кооператив, аренда, индивидуальная трудовая деятельность	1,9	1,4	0,2	1
Нахожусь на пенсии	21,8	18,9	39,6	31,7
Учусь	5,6	5,7	0,6	0,8
Занимаюсь домом, хозяйством	0,3	0,4	0,2	0,3

* Сумма не равна 100%, т.к. не указана доля неответивших.

В 1990-х гг. территориальные особенности отраслевой структуры русских и татар в РТ сохранились (табл. 2.27, табл. 2.28). В городах среди русских по-прежнему больше работников промышленности, транспортной сферы, то есть сфер, наиболее пострадавших от экономических трансформаций. 52,8% опрошенных работников промышленных предприятий Татарстана в 1997 г. оценили положение дел как «неудовлетворительное». На предприятиях машиностроения и ВПК уровень тревожности достигал 61,4% и 61,8%⁸⁶. Татары, проживающие в городах и селах, доминируют в сельском хозяйстве, торговле, общественном питании, органах управления. Новая тенденция проявилась в строительной сфере. Очевидно, в этот период доля татар здесь стала весомее, в отличие от предыдущих десятилетий.

Таблица 2.27

Отраслевая структура русских и татар, «НИК»–1994 г., %*

Отрасли	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Промышленность, строительство, транспорт, связь	50,4	49,7	2,1	5,8
Торговля, снабжение, общественное питание, бытовое обслуживание, ЖКХ	12,0	16,1	4,3	10,4
Сельское хозяйство	2,2	5,1	48,9	57,8
Образование, здравоохранение	13,8	13,4	27,7	14,9
Культура, искусство, наука, СМИ, спорт	2,5	6,8	–	5,8
Органы управления, кредитно-финансовая сфера, страхование	3,6	2,4	6,4	2,6
Армия, милиция	3,3	3,1	–	–
Другая отрасль	1,8	1,0	2,1	–

* Сумма не равна 100%, не указана доля неответивших.

⁸⁶ Исаев Г.А., Фатыхов Р.Г. Социальные проблемы промышленных предприятий Татарстана // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 33 – 34.

Таблица 2.28
Отраслевая структура русских и татар, «СЭН»–1999 г., %*

Отрасли	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Промышленность	34,6	25,9	10,2	9,4
Строительство	8,9	12,7	2,0	5,9
Транспорт, связь	8,4	5,6	6,1	2,4
Торговля, снабжение, общественное питание, сервисная служба, бытовое обслуживание,	9,5	13,7	16,3	10,6
ЖКХ	2,8	2,0	4,1	1,2
Сельское хозяйство	1,1	1,5	26,5	42,3
Образование, здравоохранение	21,2	23,9	22,5	23,5
Культура, искусство, наука, СМИ, спорт	5,6	5,1	–	–
Органы управления,	–	1,5	4,1	2,4
Кредитно-финансовая сфера, страхование	1,7	1,5	4,1	–
Армия, милиция	5,0	5,1	2,1	–
Другая отрасль	1,1	1,5	2,0	2,3

* Сумма не равна 100%, не указана доля неответивших.

На этапе суверенизации республики увеличилась доля татар во властных и управленческих структурах. В этот период их доля среди работников управления выросла более чем вдвое и составила 78,1% правящей элиты республики. Среди 663 руководителей предприятий Татарстана татары составляют 68,1%, русские – 30,2%, другие национальности – 1,7%. Среди аффилированных лиц и участников советов директоров государственных предприятий татары составляют 64,5%, русские – 34,1%, другие национальности – 1,4%⁸⁷.

В 1990-х гг. стало происходить сближение татар и русских в научной сфере: в 1999 г. среди докторов наук их было соответственно 38,2% и 46%⁸⁸. У татар все еще доля докторов отстает от доли татар в составе населения республики (в 2002 г. 51,4%). Сохранилась разница в научной специализации. Русские шире представлены в технических, физико-математических науках. Среди докторов технических наук доля русских составила 57,2%, татар – 32,2%, физико-математических наук – 55,0% и 33,3% соответственно. В естественных дисциплинах

⁸⁷ Сагитова Л.В. Интересы социальных групп в контексте этнокультурной и этнополитической интеграции татарстанского общества // Социальное неравенство... С. 326.

⁸⁸ Статистика по докторам наук и классификация научных специализаций приводится за 1999 г. по: Гарипов Я.З., Каримов И.Р. Тенденции воспроизводства научных кадров высшей квалификации // Научный Татарстан. 2004. № 1/2. С. 120 – 127.

разрыв между русскими и татарами сократился. Среди докторов естественных наук их доли стали равными (38,0%). Заметно увеличилось число татар – научных работников гуманитарных и социальных областей. Среди докторов гуманитарных и социальных наук доля татар увеличилась с 50% в 1990 г. до 60% в 1999 г. Это связано с активным развитием национально-гуманитарных направлений научных исследований в Республике Татарстан в 1990-х гг. и созданием для их реализации самостоятельных научных институтов и подразделений. Сегодня в Татарстане ведутся активные разработки в области научного изучения татар и тюркских народов – их истории, археологии, филологической и богословской мысли, татарского языка, литературы, искусства, современных процессов. Эти темы разрабатываются в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ, Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, Российском исламском университете, кафедрах ведущих ВУЗов Татарстана. Результаты научной работы включены в курсы лекционных занятий со студентами ВУЗов, в учебники и учебные пособия для средней школы. Специалисты отмечают особенность высшего научного корпуса у татар и русских – несколько более поздний возраст защиты докторских диссертаций у татар, чем у русских.

По данным послевоенных переписей, в Татарстане наблюдалось немало этнических особенностей среди работающих по уровню их квалификации по отдельным отраслям экономики. По данным переписи 1979 г., татары были шире представлены в тех отраслях, где было больше ручного труда и, следовательно, требовалась меньшая квалификация⁸⁹. Разница между долей рабочих-татар, занятых ручным трудом в сельском хозяйстве, торговле и общественном питании, лесном хозяйстве, ЖКХ, автомобильном транспорте, и долей русских рабочих такой же квалификации была трехкратная.

К началу перестроечного периода квалификационные особенности русских и татар в разных отраслях экономики стали сглаживаться. Наиболее активно этот процесс проходил в городах, где этнические особенности квалификаций работников в ряде отраслей не были зафиксированы (табл. 2.29). Это ведущие отрасли промышленности, сфера управления, обслуживания, образование, здравоохранение. Дистанции в городской среде сохранялись в других (не ведущих) сферах промышленности, строительстве, на транспорте, связи. Здесь татары были шире

представлены среди руководителей высшего уровня и высококвалифицированных рабочих, русские – среди специалистов, служащих и рабочих немеханизированного физического труда.

Таблица 2.29

Отраслевая специализация татар и русских в разрезе социально-профессиональных групп, «ЭПТ»–1989/1990 гг., город, %*

Сфера СПГ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	4,5/ 3,5	11,0/ 4,8	8,5/ 7,0	7,4/ 2,1	2,4/ 7,4	20/ 18,9	7,6/ 7,1	21,4/ 16,1	4,8/ 20,0	0/0	7,1/ 0
2	8,1/ 8,7	8,2/ 4,8	0/ 11,6	3,7/ 4,2	9,4/ 9,9	3,3/ 5,7	1,7/ 2,4	3,6/ 3,2	4,8/ 0	0/0	21,4/ 11,1
3	13,0/ 11,7	9,6/ 1,6	8,5/ 7,0	9,3/ 8,3	1,8/ 1,2	36,7/ 34,0	38,1/ 32,3	50/ 64,5	28,6/ 10,0	0/0	0/ 5,6
4	4,5/ 8,7	4,1/ 11,1	1,7/ 4,7	3,7/ 6,3	14,2/ 10,4	13,3/ 15,1	36,4/ 46,5	17,9/ 9,7	0/0	0/0	14,3/ 0
5	7,6/ 7,0	2,7/ 8,0	1,7/ 0	1,9/ 4,2	10,6/ 7,4	18,3/ 11,3	3,4/ 1,6	7,1/ 3,2	9,5/ 0	0/0	0/0
6	36,3/ 27,0	21,9/ 23,8	35,6/ 28,0	63,0/ 41,7	8,2/ 11,1	5,0/ 3,8	1,7/ 1,6	0/ 3,2	28,6/ 10,0	33,3/ 0	21,4/ 3
7	22,4/ 30,4	31,5/ 36,5	42,4/ 37,2	9,3/ 31,3	38,8/ 40,7	1,7/ 7,6	2,5/ 0,8	0/0	23,8/ 50,0	66,7/ 80,0	35,7/ 55,6
8	3,6/ 3,0	9,6/ 9,5	1,7/ 4,7	1,9/ 0,1	15,3/ 7,9	1,7/ 3,8	7,6/ 7,9	0/0	0/0	0/ 20,0	0/0

* Сумма не равна 100%, т. к. не указаны студенты вузов, учащиеся училищ и техникумов и группа «другие».

На селе квалификационные особенности татар и русских в отраслях экономики сохранялись более явно. В сферах промышленности, обслуживания, управления, образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве татары были шире представлены среди управленцев и служащих, а русские – среди рабочих всех уровней (табл. 2.30). Разница в ряде сфер была двукратная. Исключение составили сельское хозяйство, где татары были шире представлены среди неквалифицированных рабочих, а также неведущие отрасли промышленности, где доля татар – высококвалифицированных рабочих – в два раза превышала долю русских того же профессионального уровня. В строительстве русские были шире представлены среди руководителей среднего звена, высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих, татары – среди квалифицированных работников немеханизированного физического труда. В сфере транспортного обслуживания татары чаще выступали среди руководителей, русские – управленцев среднего уровня.

⁸⁹ Современные межнациональные процессы... С. 16 – 17.

Таблица 2.30

Отраслевая специализация татар и русских в разрезе социально-профессиональных групп, «ЭПТ»—1989/1990 гг., село, %*

Сфера СПГ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	0/0	0/ 3,6	0/0	4,0/ 0	3,9/ 3,9	17,8/ 12,9	6,8/ 3,8	0/0	2,0/ 0,9	3,3/ 1,8	0/ 50,0
2	0/0	16,7/ 0	0/ 11,8	8,0/ 0	11,8/ 5,9	22,2/ 22,6	6,8/ 2,5	0/0	7,7/ 7,6	5,1/ 3,7	10,0/ 0
3	5,6/ 0	0/0	0/0	4,0/ 6,3	2,0/ 0	6,7/ 9,7	27,2/ 20,3	0/0	8,0/ 0,9	2,7/ 0,6	0/0
4	5,6/ 0	0/ 10,7	20,0/ 0	0/0	9,8/ 2,0	31,1/ 22,6	42,7/ 45,6	50,0/ 0	3,9/ 0,9	5,7/ 2,4	0/0
5	11,1/ 7,1	16,7/ 7,1	0/0	4,0/ 18,8	9,8/ 3,9	13,3/ 12,9	0/ 2,5	0/ 33,3	0/ 4,7	3,6/ 1,8	0/0
6	38,9/ 57,1	38,9/ 25,0	30,0/ 52,9	36,0/ 31,3	3,9/ 9,8	6,7/ 0	0/ 5,1	0/ 66,7	32,7/ 30,2	25,9/ 25,6	30,0/ 0
7	38,9/ 35,7	22,2/ 32,1	50,0/ 29,4	16,0/ 18,8	52,9/ 62,8	2,2/ 6,5	6,8/ 10,1	50,0/ 0	34,6/ 46,2	33,4/ 51,2	0/ 50,0
8	0/0	5,6/ 21,4	0/ 5,9	28,0/ 25,0	5,9/ 11,8	0/ 12,9	9,7/ 10,1	0/0	11,5/ 8,5	20,2/ 12,8	0/0

* Сумма не равна 100%, т. к. не указаны студенты вузов, учащиеся училищ и техникумов и группа «другие».

Сегодня в некоторых отраслях экономики по-прежнему сохраняются квалификационные особенности татар и русских. Проследим это на примере ведущего промышленного предприятия Татарстана – ОАО «КамАЗ». В 1988 г. доля русских на этом предприятии составляла 68,7%, татар – 17,7%. Русские были чаще руководителями, ИТР; татары – рабочими неквалифицированного труда. По данным исследования Я.З. Гарипова, проведенного в 1985 г. на «КамАЗе», среди рабочих-татар высококвалифицированных (5 – 6 разряд) рабочих было почти в два раза меньше, чем среди русских (25,5% и 47,4% соответственно), а малоквалифицированных (1 – 2 разряд) в 1,8 раза больше⁹⁰.

⁹⁰ Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ СССР, 1991. С. 15.

В 1990 – 2000-х гг. этнические диспропорции в составе профессиональных групп предприятия стали сглаживаться: татары и русские были в относительно равных долях представлены среди рабочих и младшего обслуживающего персонала. Стали сближаться относительные доли татар и русских в сфере управления. Однако различия еще существенны (табл. 2.31).

Таблица 2.31

Этнический состав персонала ОАО «КАМАЗ»⁹¹

Дата	Рабочие и младший обслуживающий персонал				Руководители, специалисты и служащие			
	татары		русские		татары		русские	
	абс. числ. (чел.)	отн. числ. (%)	абс. числ. (чел.)	отн. числ. (%)	абс. числ. (чел.)	отн. числ. (%)	абс. числ. (чел.)	отн. числ. (%)
1.01.1987	*	40,0	*	45,6	*	23,1	*	64,5
1.04.1990	42048	41,8	44763	44,5	*	*	*	*
1.04.1995	32017	41,7	34201	44,6	7386	28,5	15520	60,0
1.01.1996	22371	41,4	24336	45,0	6354	28,3	13552	60,4
1.02.2002	*	*	*	*	10532	29	*	59
1.06.2003	*	42	*	45	*	30	*	60
1.02.2004	*	41	*	47	*	31	*	59

* Нет данных.

Другой особенностью отраслевой структуры татар и русских являются внутринациональные гендерные различия. Схожая ситуация складывалась в сельском хозяйстве, транспорте, строительстве, где и у татар, и у русских преобладают мужчины. Торговля, бытовое обслуживание, здравоохранение, образование и культура являются «женскими» сферами. В промышленности заняты преимущественно мужчины, а женщины – в управлении и науке. Исключение составили татары, среди которых в городах женщины преобладают в промышленности, мужчины – в управлении. У русских наблюдается сравнительно несколько более весомое присутствие женщин на транспорте, в образовании, культуре, науке, управлении. У татар здесь шире представлены мужчины (табл. 2.32). Эти данные свидетельствуют о том, что в республике сложилась ситуация разделения отдельных отраслей экономики между русскими и татарами, закрепляемая сложившимися гендерными особенностями экономического поведения.

Перейдем от реальной, фиксируемой на основе данных официальной статистики и этносоциологических исследований, социальной структуры татар и русских РТ к представлениям о ней на массовом

⁹¹ По данным официальной статистики.

уровне. Татары и русские – участники исследования «СЭН» – 1999 г., отметили, что сфера промышленности, образование, наука являются в основном «русскими», а торговля, сельское хозяйство, животноводство, управленческая деятельность – «татарскими». Одинаковые шансы на успех имеют представители обеих национальностей, по их мнению, в здравоохранении и предпринимательстве. Конкуренция прослеживается в финансовой и юридической сферах. Здесь более успешными русские считают татар, а татары – русских⁹². По данным проекта «ТАТ» – 2006 г., 57% русских и 42% татар г. Казани считают, что необходимо больше внимания уделять развитию промышленности. Татары чаще, чем русские, настаивают на принятии специальных государственных мер, направленных на поддержку сельского хозяйства. И эти настроения отражают взгляды россиян. Мировой финансовый кризис усилил озабоченность россиян по поводу состояния промышленности и сельского хозяйства⁹³.

Таблица 2.32

Гендерное распределение занятого населения татар и русских по отраслям экономики, ВПН–1979 г., %⁹⁴

Отрасли	Город				Село			
	татары		русские		татары		русские	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Промышленность	47,6	52,4	51,6	48,4	56,0	44,0	59,5	40,5
Сельское хозяйство	65,4	34,6	65,9	34,1	58,4	41,6	60,7	39,3
Транспорт	78,2	21,8	72,6	27,4	77,9	22,1	71,1	28,9
Связь	29,3	70,7	27,0	73,0	28,4	71,6	29,0	71,0
Строительство	68,3	31,7	69,8	30,2	82,2	17,8	80,4	19,6
Торговля и общественное питание	14,6	85,4	14,6	85,4	20,2	79,8	19,2	80,8
ЖКХ и бытовое обслуживание	37,6	62,4	34,7	65,3	47,4	52,6	50,7	49,3
Здравоохранение, социальное обслуживание	15,5	84,5	15,4	84,6	14,7	85,3	16,0	84,0
Образование	21,4	78,6	21,0	79,0	23,7	76,3	20,0	80,0
Культура	32,6	67,4	27,7	72,3	26,1	73,9	24,3	75,7
Наука	48,1	51,9	44,4	55,6	54,1	45,9	47,9	52,1
Управление	55,2	44,8	40,1	59,9	41,4	58,6	38,0	62,0

⁹² Мусина Р.Н. Этнокультурные ценности и социальные ориентации в условиях социально-экономической трансформации общества: пример Татарстана // Социальное неравенство... С. 354.

⁹³ Как свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ в 2008 г., 9% опрошенных отнесли проблему состояния промышленности и сельского хозяйства к числу национальных угроз России. В 2009 г. доля таких людей составила 11%. См.: URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12121.html> (дата обращения: 05.05.2010).

⁹⁴ Рассчитано автором по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г... С. 36 – 44.

Развитие реальной ситуации и представлений о социальной структуре зависит от установок на проективные профессиональные сферы деятельности. На рубеже 1989 – 1990-х гг. для татар предпочтительными являлись строительство, сфера обслуживания, колхозы. Для русских – промышленность, работа служащими в учреждениях, совхозах (табл. 2.33).

Таблица 2.33

Предпочтительные сферы деятельности, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Отрасли	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Промышленное предприятие	14,2	20,8	24,6	28,3
Стройка	7,4	1,6	–	4,4
Транспорт	8,8	8,8	7,0	4,4
Торговля, общественное питание	10,1	11,2	5,3	8,7
Другие сферы обслуживания	15,5	7,2	10,5	6,5
Учреждения	10,8	11,2	7,0	15,2
Кооператив	17,6	11,2	1,8	2,2
Совхоз	0,7	23,2	1,8	6,5
Колхоз	1,4	0,8	10,5	8,7
Другое место	13,5	15,2	31,6	15,2

В 2006 – 2008 гг., по данным проекта «ГЯ», татары чаще видят своих детей работниками юриспруденции, торговли, управления. Промышленность, строительство, транспорт являются предпочтительными для русских родителей. Различаются установки жителей столицы и тех, кто проживает в малых городах и селах. Среди казанцев татары-родители чаще русских родителей предпочитают, чтобы их дети работали в финансово-экономической сфере, медицине, культуре. Русские жители столицы чаще татар надеются, что их дети будут заниматься программированием. Республиканский массив выявил обратную тенденцию. Медицину, финансы и промышленность как сферы приложения труда чаще предпочитают родители-русские, чем татары. Программирование предпочтительнее для татар (табл. 2.34).

Таблица 2.34

Предпочтительные сферы приложения труда для детей, «ГЯ»–2006/2008 гг., родители, %

Сферы	г. Казань		Республика Татарстан	
	татары	русские	татары	русские
Юриспруденция	16,7	7,1	15,8	12,7
Финансы и экономика	25,0	16,1	13,2	18,6
Наука, образование	4,1	3,6	7,0	6,9
Медицина, социальная работа	12,5	3,6	19,3	21,6
Промышленность, строительство, транспорт	8,3	14,3	15,8	14,7
Культура, искусство, СМИ	10,4	8,9	8,8	9,8
Силовые структуры	–	–	1,8	2,9

Торговля, сфера услуг	2,1	–	4,4	4,9
Программирование	2,1	5,4	8,8	7,8
Международные отношения	–	–	4,4	3,9
Управление	8,3	3,6	0,9	1,0
Другие сферы	10,4	33,9	5,3	5,9

Подведем некоторые итоги. К началу 2000-х гг. в Татарстане, наряду со сближением социально-профессиональных позиций у татар и у русских, сохранились этнические особенности социальной структуры – реальные и воображаемые. Главная особенность проявляется в сохраняющемся доминировании этнических групп в отдельных отраслях хозяйства. В сельском хозяйстве, управлении, торговле доминируют татары, в промышленности – русские. И здесь, на наш взгляд, сложился вектор социально-экономического взаимодействия татар и русских Татарстана, который можно обозначить «взаимная заинтересованность». В обозначенных экономических зонах довольно явно сохраняется локализация интересов татар и русских, а каждая этническая группа воспринимает ситуацию как «разделение труда». Межэтническая интеграция осуществляется на основе «притяжения разностей». Но в случае сравнительного ухудшения экономического состояния промышленности или сельского хозяйства этническое неравенство здесь будет осознаваться остро. Сохранение сложившегося разделения интересов татар и русских в обозначенных сферах при условии динамичного развития стимулирует экономическое развитие всей республики.

Второй вектор социально-экономического взаимодействия, сложившийся под влиянием современной социальной структуры, можно обозначить «конкуренция». Финансовая система, юриспруденция, наука и образование являются зоной общих интересов татар и русских. И это понятно. Сегодня финансовые ресурсы, правовая грамотность, образование и научные достижения являются ценным активом, определяющим фактором социально-экономического развития любого сообщества. Знания и компетенция обладают колоссальными конкурентными преимуществами. Однако борьба за их обладание может перерасти в межэтнические конфликты. Это возможно в случае этнической категоризации социальных ситуаций. Тогда конкурентная борьба и неравенство, присущие рыночной экономике, превращаются из естественной рыночной конкуренции и неравенства в межэтническое противостояние и этническое неравенство⁹⁵. Сегодня в Татар-

⁹⁵ Кузнецов И.М. Тип экономических ориентаций и дифференциация этнических групп // Социальное неравенство... С. 190.

стане нет институциональной основы для объективации этнической солидарности в финансовой, юридической и научной сферах. Это связано с тем, что под влиянием этносоциальной политики Татарстана эти сферы в республике остались вне этничности. Сюда не проник фактор «титулования» татар, являющийся потенциальной основой выстраивания латентных этнических иерархий на экономическом поле. В случае сохранения этносоциальных приоритетов политики республиканских властей можно ожидать в трех обозначенных сферах отсутствие этнической дифференциации и предпосылок для межэтнических противоречий.

Особый для нас интерес представляют сфера бизнеса и малое предпринимательство. Наше внимание связано с двумя причинами. Во-первых, с тем, что именно в этом секторе этносоциальной реальности складывается «прозрачный» сценарий межэтнического взаимодействия. Бизнес и предпринимательство воспринимаются нашими респондентами как область, в которой татары и русские имеют одинаковые шансы. «Внеэтническое» восприятие предпринимательства является позитивной перспективой интеграции и развития татарстанского сообщества. Как известно, конституирующая черта предпринимателя состоит в том, что он обладает капиталистическим духом (М. Вебер), т. е. нацелен на инновацию. Предпринимателем движут не мотив извлечения устойчивого дохода и не карьерные соображения, но стремление к самореализации посредством осуществления некоего организационного прибыльного проекта. С точки зрения межэтнической интеграции важно учесть то, что предпринимательство открывает каналы вертикальной социальной мобильности для тех, кто «добывается статуса», кому затруднены традиционные карьерные пути через наследование имущества и титулов, государственную и военную службу⁹⁶ по причинам, в том числе, тесноты представителей тех или иных этнических групп в экономических сферах. Предпринимательство – это еще и мобилизующая идеологическая схема, значение которой выходит далеко за рамки формальных этнополитических и этнокультурных практик. Сегодня социальный и этноинтеграционный потенциал предпринимательства в России почти не используется в силу отсутствия широких симпатий населения к предпринимательской деятельности.

⁹⁶ Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 115.

Во-вторых, бизнес и малое предпринимательство правомерно связываются с обеспечением перехода экономики России от восстановительного этапа к инвестиционному росту, с широкомасштабной ее модернизацией. Однако развитие этого потенциала в нашей стране, несмотря на высокие темпы и радикальные преобразования многих отраслей, пока отстает от мировых показателей. По данным «Европейского обзора малых и средних предприятий» за 2001 г., вклад предприятий с численностью до 250 чел. по отношению ко всей суммарной величине для всех предприятий стран Европейского Союза таков: доля в общем количестве предприятий – 99,8%; доля в общей занятости – 65,8%; доля в общей сумме продаж – 56,7%. По оценкам экспертов, в России эти показатели составили соответственно 90%, 45% и 40%⁹⁷. Сфера услуг, где концентрируется основная доля малого предпринимательства, составляет в экономически развитых странах основную часть экономики по числу занятых (более 65%, в США – 77%). В нашей стране эта сфера составляет, по самым высоким оценкам, не более 55%. Схожая ситуация с малым предпринимательством в Татарстане. По данным Госкомстата РТ, в январе – декабре 2009 г. по найму на предприятиях и в организациях всех видов деятельности работали 1346,3 тыс. человек. Из них свыше 510 тыс. человек (37,9%) были заняты в малом предпринимательстве, в том числе 294,1 тыс. человек – на малых и микропредприятиях, 14,6 тыс. человек – в крестьянских (фермерских) хозяйствах. В домашнем хозяйстве производством товаров и услуг для реализации и без официального оформления на предприятиях (в организациях) занято более 264,5 тыс. человек⁹⁸. Среди причин медленного роста предпринимательства в России специалисты называют слабую правовую базу подобного вида деятельности, бюрократичность процедур оформления и отчетности, высокие банковские проценты, довольно высокий уровень инфляции в стране и др.

С началом развития бизнеса и предпринимательства в нашей стране в начале 1990-х гг. мы связываем новый этап в развитии социальных структур этнических групп. Сфера бизнеса и предпринимательства, постепенно становясь доминирующей в экономике нашей страны, в перспективе станет и основным полем экономической дея-

⁹⁷ Виленский А.В. Особенности российского малого предпринимательства // Экономический журнал ВШЭ. 2004. Т. 8. № 2. С. 248.

⁹⁸ URL: <http://www.tatstat.ru/bgd/doc1192/IssWWW.exe/Stg/d140/i140035r.htm> (дата обращения: 14.09.2010).

тельности и взаимодействия народов. При условии сохранения внеэтнического характера эта сфера выступает реальной, главной возможностью межэтнической и социальной интеграции российского общества. Однако есть основания предположить, что в Республике Татарстан внутри сферы предпринимательства возможно «разделение труда» между русскими и татарами. Как известно, выделяют несколько видов предпринимательства – производственное, коммерческо-торговое, финансово-кредитное, страховое, посредническое. Выше мы отметили, что в Татарстане, в силу исторических причин, сложилась определенная этническая сегментация экономики: татары преобладают в сельском хозяйстве, управлении, торговле, русские – в промышленности. На этой основе в республике может складываться и некоторая отраслевая сегментация предпринимательства: татары могут доминировать в сфере малого бизнеса и сфере услуг, связанных с торгово-посреднической деятельностью, русские – в производственном предпринимательстве. Однако и здесь будет складываться «взаимная заинтересованность» этнических групп, а межэтническая интеграция в отдельных видах предпринимательства будет осуществляться на основе «притяжения разностей».

Перейдем к рассмотрению трудового статуса татар и русских в республике. Уровень трудового статуса характеризуется несколькими показателями, в числе типов предприятия работающего населения, уровнем трудовой активности, предпочтительной моделью организации трудовой деятельности и др. Здесь, как показывают исследования, спектр социальных и этнокультурных дистанций между русскими и татарами достаточно широк. Обращают на себя внимание сразу несколько обстоятельств. Во-первых, это тот факт, что русские чаще татар задействованы в государственном секторе экономики. Такая ситуация наблюдается в городской и сельской местностях. Число работников государственных предприятий у русских в республике к концу 1990-х гг. составило 49%, упав с 56,3% в 1994 г. (проекты «СЭН» и «НИК»). В 2008 г., по данным проекта «ТАТ», в г. Казани их доля составила 62% (татар – 55%). В сельской местности в 1989 – 1990-х гг. доля русских, занятых в государственном секторе – в совхозах, составляла 12,1%, татар – 5,2%, в колхозах – 18,8% и 33,2% соответственно (проект «ЭПТ» – 1989/1990 гг.). В акционерных обществах негосударственного типа доли русских и татар примерно равны (русские – 15,3% в 1994 г. и 15,5% в 1999 г.; татары – 11,3% и 14,5% соответственно).

Во-вторых, разный уровень трудовой активности этнических групп проявился в начале 1990-х гг. После введения относительно либерального хозяйственного законодательства произошел взрывной рост в сфере малого бизнеса, продолжавшийся как минимум в течение пятилетия (1988 – 1993). Появились кооперативы, «индивидуалы», аренда. Стали появляться частные кафе, ателье, магазины. Уже в конце 1980-х гг. русские по сравнению с татарами более активно работали в кооперативах, занимались индивидуальной трудовой деятельностью, подрабатывали «где придется» (табл. 1.35). В новый сектор экономики у русских активнее перетекали представители квалифицированных индустриальных кадров. Это была своего рода «проба сил» на новом рыночном поприще и основа формирования нового предпринимательского слоя у русских. У татар вторичная занятость на этапе вступления в рыночные отношения оказалась связана с негосударственным сектором экономики, прежде всего колхозами (табл. 2.35). Именно село становилось базой формирования новых экономических мотиваций и новых классов у татар. Таким образом, у татар, наряду с построением корпоративных учреждений и растущими свободными ассоциациями, в начале 1990-х гг. стало происходить параллельное утверждение структур полуобщинного типа.

Таблица 2.35

Сферы дополнительного заработка, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., %

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
На гос. предприятии, учреждении	70,3	63,3	27,7	50,5
В кооперативе	7,5	11,0	0,7	0,9
Занимаюсь индивидуальной трудовой деятельностью	14,2	14,4	11,9	15,9
Где придется	8,0	10,1	9,5	11,2
В колхозе	-	0,8	47,4	16,8
В совхозе	-	0,4	2,9	4,7

В-третьих, как показала Всероссийская перепись 2002 г., занятое русское население чаще работает по найму (табл. 2.36)⁹⁹. Среди тех, кто работает не по найму, треть является нанимателями, более половины – «работают сами на себя». Другая картина у татар: они меньше

⁹⁹ По мнению специалистов, татары в качестве наемных работников преобладают в частном секторе экономики. См.: *Остапенко Л.В., Юраков А.В.* Социально-экономические аспекты адаптации татар и русских к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Татарстане). Информационный бюллетень № 1. М., 2006. С. 10.

нанимают работников, реже работают единолично, однако около четверти трудятся в личном подсобном хозяйстве, малых и сверхмалых предприятиях, основанных на родственных или семейных сетях, внутри которых совмещаются обязанности руководитель – исполнитель. Такой тип организации труда наиболее распространен на селе. Колхозы и совхозы на селе стали все более превращаться в структуры, обслуживающие потребности частных подсобных хозяйств¹⁰⁰.

Таблица 2.36

Распределение занятого населения среди татар и русских, ВРПН–2002 г., %

Национальности	Работающие				
	по найму	не по найму	из них		
			с привлечением рабочей силы	без привлечения рабочей силы	Иное
Татары	95,1	4,9	22,3	49,8	23,4
Русские	95,5	4,5	28,8	57,7	8,0

И, наконец, зарождающийся частный сектор ассоциируется русскими и татарами с разными основаниями соответствующего права. Общим принципом является коллективизм. Однако у татар и у русских он проявляется по-разному. Приведем некоторые данные.

Частный способ организации труда в понимании русских – это, скорее, общинный тип организации экономического предприятия, обладающий двумя признаками. Во-первых, он создан для достижения какой-то общей цели и на основе паевых взносов членов трудового коллектива. Во-вторых, предполагает совместную деятельность и взаимопомощь членов предприятия. Такая этнокультурная составляющая экономического сознания русских способствовала их более позитивному восприятию кооперативного движения и реальному участию в нем после его старта в начале 1990-х гг. – в форме трудовой деятельности населения, обладающей двумя обозначенными выше признаками. У татар отношение к кооперативам более настороженное (табл. 2.37). Они в меньшей степени поддержали кооперативы (табл. 2.38). Горожане демонстрируют более высокую поддержку и готовность апробировать новые формы труда, чем сельчане, во всех этнических группах.

¹⁰⁰ *Петриков А.В.* Специфика села в контексте реформ // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 6.

Таблица 2.37

Отношение к возможности работать в кооперативе,
«ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Варианты	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Отрицательное	42,96	49,59	65,14	72,78
Мало об этом знаю	20,92	20,04	21,47	16,16
Не против, но не вижу возможностей	24,08	21,18	9,41	7,51
Хочу	8,57	6,92	3,74	3,13
Уже работаю	3,47	2,27	0,24	0,42

Таблица 2.38

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, нужны ли кооперативы?», «ЭПТ» – 1989/1990 гг., %*

Варианты	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Да	37,7	29,9	19,0	15,1
Затрудняюсь сказать	23,8	22,0	23,5	20,0
Нет	30,5	41,7	51,7	59,5
Другой ответ	3,1	2,7	3,4	2,0

* Сумма не равна 100%, т. к. не указана доля неответивших.

Зеркальная ситуация выявляется при анализе распределений ответов респондентов на вопрос об отношении к арендному подряду. Такую форму работы активнее поддержали татары. Они чаще русских использовали арендные принципы работы или демонстрировали установку на них (табл. 2.39). Важно отметить, что поддержка семейного подряда у татар оказалась выше, чем у русских, не только в сельской, но и в городской среде. Это свидетельствует о сохранности у татар традиционной культуры фамилизма в условиях города.

Таблица 2.39

Отношение к возможности работать на арендном подряде,
«ЭПТ» – 1989/1990 гг., %

Варианты	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Отрицательно	29,0	27,9	37,5	34,7
Мало об это знаю	38,7	36,9	25,3	20,7
Не против, но не вижу возможностей	14,9	16,2	19,5	20,3
Предпочитаю семейный подряд	6,6	10,0	6,8	8,4
Хотел бы работать на подряде с другими людьми	7,9	6,1	6,9	7,7
Уже работаю	2,8	2,6	3,9	8,0
Другой ответ	0,2	0,2	0,1	0,2

Как известно, аренда представляет собой распоряжение и пользование каким-либо имуществом за плату в течение определенного срока, оговоренного договором аренды. Плоды, продукция и доходы, по-

лученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью. Более широкая поддержка и реальное участие татар в арендной форме труда¹⁰¹ свидетельствуют об их ориентации на временное получение статуса собственника и обретение хозяйственной самостоятельности и экономической ответственности за результаты своего труда. Наиболее предпочтительной формой аренды для татар является семейный подряд. У татар почти в два раза больше число сторонников семейного подряда (табл. 2.40). Как показала перепись 2002 г., введение частного домохозяйства у татар осуществляется крупными домохозяйствами, жизнеобеспечение обеспечивается нередко несколькими поколениями. Русские ориентированы на ведение совместного хозяйства с небольшим числом членов семьи (часто одно, реже – два поколения).

Таблица 2.40

Частные домохозяйства¹⁰² по национальной принадлежности членов,
ВПН–2002 г., %¹⁰³

Национальности	Домохозяйства, состоящие из человек						средний размер домохозяйства
	2	3	4	5	6	7	
Татары	30,2	27,4	27,8	9,5	3,7	1,0	3,3
Русские	37,5	30,4	22,1	6,9	2,2	0,6	3,1

¹⁰¹ Татары Среднего Поволжья и Урала имеют большой опыт в использовании форм аренды. В конце XIX в. наихудшие социально-экономические условия для развития традиционного хозяйства привели к тому, что немущие татары-крестьяне, не имея возможности беспрепятственно обрабатывать свои пашни, сдавали их в аренду. Известны случаи, когда у татар сдавалась в аренду вся общинная земля. См.: Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала... С. 21. У русских кризис безземелья релася за счет постоянно действовавшего фактора – оттока избыточного сельского населения во вновь осваиваемые регионы.

¹⁰² В поправках к Федеральному Закону «О Всероссийской переписи населения», одобренных Советом Федерации 25 ноября 2009 г., было впервые дано определение домохозяйства. Под домохозяйством понимается «группа лиц, проживающих в жилом доме, квартире или комнате либо части жилого дома или квартиры, совместно обеспечивающих себя средствами к существованию и объединяющих полностью или частично свои доходы, либо лицо, проживающее в жилом доме, квартире или комнате либо части жилого дома или квартиры и самостоятельно обеспечивающее себя необходимыми средствами к существованию». См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» // Российская газета. 2009. 2 декабря.

¹⁰³ Таблица составлена автором на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что этнокультурная составляющая предпочтительного типа организации труда у русских и татар строится на коллективизме. Однако этот принцип проявляется по-разному. Разные основания коллективизма татар и русских имеют культурно-историческое объяснение. Исторические корни связаны с особенностями формирования общины у татар и у русских. Как известно, у русских культура труда представляла собой сочетание коллективизма и индивидуализма. Этому способствовали следующие факторы. Среди русского крестьянства развивалась иерархическая поселенческая структура общины, за каждым мужчиной закреплялся определенный надел, реализовались коллективные работы и коллективная ответственность, существовала возможность перемещений из одной общины в другую, проходила постоянная экспансия¹⁰⁴. У татар сельская община длительное время сохраняла патриархальные родоплеменные черты, ее структура была простая – когда один населенный пункт (в котором часто проживали члены одной семьи и их родственники) образовывал одно общество, происходило общинно-уравнительное распределение наделной земли, существовали пропорциональная величина налога и фактическое привязывание крестьян к земле и наделу. Выживание у татар осуществлялось за счет вхождения в «узкую» семейно-родственную общину, у русских – в расширенную. Культура коллективизма русских основывается на христианских ценностях (братство, взаимопомощь) при равенстве индивидуальных прав и обязанностей. Татары при выстраивании экономических стратегий чаще опираются на семейные связи, нацелены максимально использовать имеющиеся ресурсы и предпочитают заранее оговоренные и стабильные «условия игры», которые будут действовать в течение определенного временного промежутка. И тот, и другой вариант можно считать «экономически рациональным», поскольку поведение членов обеих групп, в конечном счете, направлено на сохранение общин, хотя и не всегда соблюдался принцип полезности для каждой отдельной семьи, индивида или этнической группы в целом.

Происходящие в России процессы, тесно связанные с переменами в социальной структуре, могут быть лучше оценены через субъективные стратификационные оценки населения. По оценкам социологов, к среднему слою себя относят более половины россиян: 53% у

2006 г.¹⁰⁵ Оценки татарстанцев близки к общероссийскому показателю. И число таких людей растет. В 1994 г. 54,5% русских, живущих в городах, отнесли себя к среднему слою. У татар – 61,5%. Показатели за 1999 г. представлены в табл. 2.41. Среди татар средний класс по самопредставлениям шире. У сельчан он выше, чем среди горожан. Территориальных особенностей субъективных представлений у русских обнаружено не было.

Таблица 2.41

Самопредставления о социальном статусе, «СЭН»–1999 г., %

Варианты	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Высший класс	0,6	0,3	0,9	1,5
Средний класс	55,9	70,7	56,1	84,6
Нижний класс	43,5	29,0	43,0	14,0

Субъективные средние слои разнообразны по социально-профессиональным позициям, уровню образования, доходам и их источникам, имущественному положению. По этим показателям выявляются «отличия идентифицирующих себя как средние слои в этнических группах, и это важно для понимания субъективных представлений о равенстве – неравенстве этнических групп»¹⁰⁶. В Татарстане были выявлены следующие особенности среднего класса у русских и у татар. У русских к этому слою чаще относят себя квалифицированные рабочие (44,4% и 34,1% у татар), у татар – специалисты (23,3% и 14,8% у русских). Среди других социально-профессиональных групп различий обнаружено не было. Факторный анализ выявил в анализируемых этнических группах одинаковую связь между соотношением себя со средним классом и самоопределением по шкалам «богатство – бедность» и «престиж» (вторые – третьи ступени из семи возможных). И, наконец, важным обнаруженным показателем стала близость активистской позиции среднего класса у русских и татар. Положительная самооценка и субъективный положительный настрой у них коррелируют с толерантными установками в социальной сфере и в сфере межэтнических отношений и, следовательно, способствуют интеграции в обществе»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 190.

¹⁰⁶ Дробижсва Л.М. Потенциал интеграции в условиях возрастающего социального многообразия национальностей // Социальное неравенство... С. 442.

¹⁰⁷ Там же. С. 442 – 443.

¹⁰⁴ Сусоколов А.А. Указ. соч. С. 111 – 132.

Перспектива формирования среднего класса и межэтнического взаимодействия зависит от демографического состава субъективных групп. Как показывают исследования, важным моментом является то, что, независимо от этнической принадлежности, к среднему классу чаще относят себя молодые люди. Такие данные свидетельствуют о том, что в татарстанском сообществе сегодня в целом экономическая сфера не является зоной этнических категоризаций, и это позитивная тенденция выстраивания межэтнической интеграции. Наиболее заметные этнические особенности среднего класса наблюдаются среди респондентов старше 40 лет. В группе 40 – 49-летних разрыв между русскими и татарами почти двукратный. Татары этой возрастной группы почти в два раза чаще русских относят себя к среднему классу. Русские, соответственно, – к нижнему слою. Это связано с обстановкой, в которой происходила социальная жизнь наших респондентов. Те, кому за 40 лет, на себе испытали социально-экономические потрясения начала 1990-х гг. Для татар ситуация того периода облегчалась подъемом национального сознания, подпитывающего психологическое самочувствие и ощущение общего социального роста. Русские, хотя и не несли ощутимых объективных потерь, однако находились в состоянии некоторого психологического стресса. Это порождало у них представления о падении статуса старшего брата и в целом о социальных потерях. Те, кому между 30 и 40 годами, на момент начала перестройки еще учились или только начинали трудовую деятельность. Поэтому представления здесь между русскими и татарами достаточно близки. Среди молодежи татары чаще русских относят себя к среднему слою. Соответственно, русская молодежь – к нижнему (табл. 2.42).

Таблица 2.42

Зависимость представлений о социальной принадлежности от возраста, «СЭН» – 1999 г., город, %

Возраст Слой	18–19	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Средний							
Русские	81,0	77,8	65,6	74,2	46,0*	43,5*	39,0
Татары	94,1	80,6	75,9	75,8	70,8	57,6	56,5*
Нижний							
Русские	19,0	22,2	34,4	25,8	52,4	54,3	61,0
Татары	5,9	19,4	24,1	24,2	29,2	42,4	41,9

* Сумма не равна 100%, т. к. не указана доля респондентов, отнесших себя к высшему слою. Это около 1%.

Важное значение для оптимизации межэтнической интеграции играет изучение социальных особенностей субъективного нижнего класса этнических групп. У русских в городах представители этого слоя чаще встречаются среди занятых в промышленности, образовании, здравоохранении, работников государственных акционерных и муниципальных предприятий. В сельской местности – во всех экономических сферах, на государственных предприятиях. Нижний класс среди русских шире представлен лицами со средним специальным образованием. У татар в городах представители нижнего слоя преобладают в строительстве, торговле, снабжении, общественном питании, государственных и частных организациях. В селах – в промышленности, строительстве, государственных предприятиях, колхозах. Нижний класс среди татар шире представлен лицами с неполным и средним образованием. Женщин, определяющих себя на нижней ступени стратификации, больше во всех этнических группах (табл. 2.43).

Таблица 2.43

Этнические особенности нижнего (по самопредставлениям) класса, «СЭН» – 1999 г., %

	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
<i>Сфера труда</i>				
Промышленность	43,5	27,1	7,1	25,0
Строительство	8,1	20,8	–	12,5
Транспорт, связь	8,1	4,2	7,1	–
Торговля, снабжение, общественное питание, сервисная служба, бытовое обслуживание	3,2	12,5	14,3	12,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	4,8	4,2	14,3	–
Сельское хозяйство	–	–	35,7	37,5
Образование, дошкольное воспитание, здравоохранение	21,0	16,7	7,1	–
Культура, наука, искусство, средства массовой информации, спорт	3,2	4,2	–	–
Органы управления	–	2,1	–	–
Кредитно-финансовая сфера, страхование	–	2,1	7,1	–
Армия, милиция, МВД, Служба безопасности	4,8	4,2	7,1	–
Другая отрасль	3,2	2,1	–	12,5
<i>Тип предприятия</i>				
Государственное предприятие	54,1	56,3	71,4	37,5
Государственное акционерное общество	36,1	29,2	28,6	25,0
Частное акционерное общество	1,6	2,1	–	–
Муниципальное предприятие	6,6	–	–	–
Колхоз, потребкооперация	–	–	–	25,0
Частное предприятие	1,6	12,5	–	–
Предприятие другого типа	–	–	–	12,5

Образование				
Без образования	0,7	2,1	4,3	—
Начальное	3,5	3,2	23,9	15,8
Неполное среднее	13,2	17,9	17,4	36,8
Среднее	26,4	27,4	21,7	26,3
Среднее специальное	34,7	28,4	26,1	15,8
Незаконченное высшее	2,8	2,1	4,3	—
Высшее	18,1	19,0	2,2	5,3
Ученая степень	0,7	—	—	—
Пол				
Мужской	44,8	45,3	47,8	42,1
Женский	55,2	54,7	52,2	57,9
Удовлетворенность работой				
Удовлетворен	50,8	39,6	33,3	12,5
Не вполне удовлетворен	29,5	37,5	46,1	62,5
Не удовлетворен	19,7	22,9	20,0	25,0

Таблица демонстрирует еще один важный показатель – степень удовлетворенности работой среди тех, кто отнес себя к нижнему слою. По этому показателю русские опережают татар. И в городе, и на селе русские больше удовлетворены работой. Это дает основание предположить, что субъективное восприятие русскими себя на стратификационной лестнице определяется не столько реальной ситуацией в трудовой сфере (хотя это немаловажно), сколько общим заниженным психологическим самочувствием. Когда мы просили респондентов определить себя на 7-ступенчатой стратификационной лестнице, то оказалось, что на шкалах «престиж» и «богатство» русские очень часто ощущают себя на нижних ступеньках (рис. 2.3). Здесь различия между русскими и татарами значительно существеннее (до трети опрошенных у русских и менее четверти у татар), чем по шкале «власть». И среди татар, и среди русских около половины считают, что они не имеют никакой власти. Это значит, что широкое представительство татар в политической элите не является доминирующим фактором субъективно воспринимаемых социальных неравенств этнических групп в республике. Дифференциация между русскими и татарами проявляется, прежде всего, через оценки уровня материального благосостояния и психологических ощущений «статусности», а не реального или воображаемого обладания властью. Рисунки демонстрируют другой важный вывод. Социальные представления среди татар позитивнее у сельчан, чем горожан. У русских – наоборот. Все это означает, что самоотнесение русских к нижнему классу основывается, прежде всего, на потере статуса «старшего брата» и связано с отсутствием «культурной поддержки, которую могла бы сформиро-

вать сельская русская среда, аналогично той поддержке, которая формируется внутри сельской татарской среды»¹⁰⁸. В 1999 г. сельские татары давали самые высокие оценки материального уровня, обладания властью и, даже, престижа.

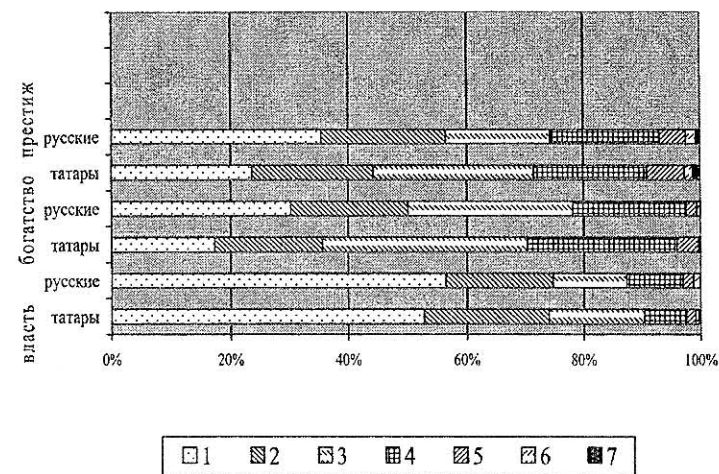

Рис. 2.3. Оценки социального статуса, «СЭН» – 1999 г., город, %

Анализ взглядов субъективного нижнего класса у русских и татар показывает, что межэтнические отношения на поле социально-экономических интересов в РТ будут зависеть от двух моментов. Во-первых, от изменения экономической ситуации в сферах потенциального воспроизводства субъективного нижнего класса: для русских – в промышленности, для татар – в торговле, сельском хозяйстве. Во-вторых, от того, будет ли и как формироваться культурная база русских. Последние пока не обладают той поддержкой, которую имеют сельские татары, демонстрирующие самые высокие оценки своего социального положения. В перспективе сельские татары могут доминировать в среднем классе у татар. В целом сегодня «есть все основания рассчитывать на средние слои как на социальную силу, интегрирующую общество и с точки зрения межэтнических отношений»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Рыжова С.В. Восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации этнических групп // Социальное неравенство... С. 233.

¹⁰⁹ Дробижеева Л.М. Потенциал интеграции... С. 444.

§ 3. Социальные перемещения этнических групп в 1990 – 2000-е гг.

Трансформация российского общества изменила ход многих социальных процессов. Не стали исключением и социальные перемещения. Массовая восходящая мобильность, характерная для советского периода, оказалась вытесненной. Сегодня социологи фиксируют доминирование иммобильности или даже нисходящей мобильности. Такая ситуация приобретает особую актуальность и остроту, поскольку затрагивает ключевые интересы как отдельных людей, так и целых групп. Изучение социальных перемещений в этническом ключе представляет большой интерес, поскольку «в историко-социологическом и в конкретно-социологическом аспекте проблемы мобильности принадлежат к числу информативных и актуальных для интерпретации и осмысления социальных судеб народов»¹¹⁰. Это важно и для понимания межэтнических отношений, поскольку «различия в темпах, масштабах и направлениях межпоколенной мобильности в разных этнических группах могут способствовать как сближению их социального состава, так и увеличению дистанции между ними»¹¹¹.

В социологии выделяют несколько типов мобильности. Нас будут интересовать два вида: межпоколенная и внутривозрастная. Первый тип социальных перемещений характеризует изменения в социальном статусе «отцов» и «детей». Второй – отслеживает перемещения в течение жизненного пути людей одного поколения.

Межпоколенная мобильность По мнению специалистов, межпоколенная мобильность в разных этнических группах в 1990-е гг. имела немало общего, причем многие тенденции сохранились с прошлых лет. Общий ее характер связан с двумя моментами.

Первое – в Татарстане межпоколенная мобильность является общей чертой развития социальной структуры русских и татар. Фиксируемые переходы детей по сравнению с отцами из одной социальной группы в другую у численно доминирующих народов республики к концу 1990-х гг. приобрели одинаковый показатель. В 1999 г. 74% респондентов в каждой этнической группе отметили социальный рост по сравнению с отцами. Однако скорость и харак-

тер мобильности молодого поколения заметно различались среди русских и татар¹¹².

Второе – изменения масштабов доли интеллигенции и доли рабочих мало- и неквалифицированного физического труда среди отцов, в сравнении с которыми дети приобретали более высокий статус. Так, к началу 1990-х гг. в городах и селах Татарстана число работников неквалифицированного физического труда среди детей на момент опроса по сравнению с отцами, как среди татар, так и среди русских, упало примерно в два раза и составило около 10% в городах и 24% в селах (табл. 2.44, табл. 2.45). Благодаря таким процессам происходило определенное сближение этнических групп по социально-профессиональному составу занятого населения. Сближение происходило как в городах, так и селах республики. «Интеллектуализация» труда наиболее интенсивно проходила в городах, и особенно в столицах¹¹³.

Таблица 2.44
Социально-профессиональный состав русских и татар в поколении «отцов» и «детей», «ЭПТ» – 1989/1990 гг., город, %

Социально-профессиональные группы	Русские			Татары		
	«отцы»	«дети»		«отцы»	«дети»	
		в начале трудовой деятельности	на момент опроса		в начале трудовой деятельности	на момент опроса
Руководители высшего звена	9,4	0,6	6,4	7,4	0,8	6,4
Руководители среднего звена	8,1	4,7	6,6	7,6	3,4	4,8
Специалисты высшей квалификации	5,7	9,9	14,2	7,1	12,1	15,2
Специалисты средней квалификации	4,4	15,3	13,7	5,1	12,7	10,8
Прочие служащие	5,0	6,3	5,7	3,0	6,3	6,2
Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, аппаратах)	19,8	18,0	15,8	19,0	18,7	20,5
Квалифицированные работники немеханизированного физического труда	30,9	28,3	23,3	23,8	27,6	19,9
Неквалифицированные работники физического труда	16,3	12,5	7,9	25,4	14,6	9,4
Студенты вузов	–	3,2	4,4	0,4	2,7	4,7
Учащиеся училищ и техникумов	–	1,0	1,1	–	1,1	1,6
Прочие	0,3	0,1	0,9	1,0	0,1	0,6

¹¹² И это повторяет тенденции советского периода, когда темпы и масштабы мобильности как в городской, так и сельской средах были более значительными у татар. См.: Социальное и национальное... С. 41, 67.

¹¹³ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 35.

¹¹⁰ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 34.

¹¹¹ Остапенко Л.В. Социальная мобильность в этнических группах: шансы на равенство // Социальное неравенство... С. 62.

Таблица 2.45

**Социально-профессиональный состав русских и татар
в поколении «отцов» и «детей», «ЭПТ» – 1989/1990 гг., село, %**

Социально- профессиональные группы	Русские			Татары		
	«отцы»	«дети»		«отцы»	«дети»	
		в начале трудовой деятельности	на мо- мент опроса		в начале трудовой деятельности	на мо- мент опроса
Руководители высшего звена	2,5	0,3	2,2	4,0	1,1	3,2
Руководители среднего звена	8,0	2,6	5,6	6,3	3,5	6,4
Специалисты высшей квали- фикации	2,5	3,4	3,6	1,8	6,0	6,3
Специалисты средней квали- фикации	3,0	7,4	8,9	2,6	9,0	10,5
Прочие служащие	2,4	4,3	4,1	1,0	4,1	3,6
Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, ап- паратах)	13,7	15,9	16,8	14,9	15,8	16,6
Квалифицированные ра- ботники немеханизирован- ного физического труда	30,1	30,2	34,2	26,5	25,8	27,2
Неквалифицированные ра- ботники физического труда	37,8	35,5	23,6	42,9	33,4	24,9
Студенты вузов	–	0,2	–	–	0,4	0,2
Учащиеся училищ и техни- кумов	–	0,1	0,6	–	0,4	0,6
Прочие	–	–	0,4	–	0,1	0,4

К середине 1990-х гг. тенденция сближения социального состава татар и русских в городах Татарстана сохранилась (табл. 2.46). Наблюдался социальный рост в поколении «детей» по сравнению с поколением «отцов» доли интеллигенции (специалистов и руководителей), снижалась относительная численность работников мало- и неквалифицированного физического труда. Близкими стали доли русских детей и детей-татар, пополняющих те или иные социально-профессиональные группы, в сравнении с родителями. Так, в 1995 г. в городах доля рабочих у русских отцов составляла 67,2%, у татар – 70,5%. 43,1% русских и 44,9% татар-детей повторили путь своих родителей. Среди городских респондентов-татар, занятых высококвалифицированным умственным трудом, только около трети «вышло» из той же социально-профессиональной группы, а около четверти составили те, чьи отцы были заняты мало- и неквалифицированным физическим трудом. Примерно такие же показатели были характерны и для русских республики¹¹⁴.

¹¹⁴ Остапенко Л.В. Социальная мобильность... С. 63.

Эти данные свидетельствуют о том, что в 1990-е гг. городская интеллигенция у татар и русских формировалась из двух источников: из группы рабочих и потомственных представителей умственного труда. Пропорции этих двух групп комплектования интеллигенции у татар и русских, живущих в городах, одинаковы. Это значит, что в городах республики к концу 1990-х гг. сложилась ситуация конкурентного взаимодействия татар и русских в сфере интеллектуального труда.

Таблица 2.46

**Социально-профессиональный состав русских и татар
в поколении «отцов» и «детей», «НИК» – 1994 г., город, %**

Социально- профессиональные группы	Русские		Татары	
	«отцы»	«дети»	«отцы»	«дети»
Руководители	12,6	10,3	9,7	7,7
Специалисты	11,0	25,8	11,9	25,3
Служащие	9,2	21,2	7,9	22,6
Работники физического труда (квалифицированного)	44,2	31,5	40,6	35,1
Работники физического труда (неквалифицированного)	23,0	11,2	29,9	9,2

Между тем показатели межпоколенной мобильности имели немало этнических особенностей. Разница в доле повысивших и понизивших социальный статус между татарами и русскими в 1999 г. была двукратная (42% и 24% соответственно). Доля перешедших из других страт в высшую страту у татар составила 25%, у русских – 20%. Эта разница была связана с тем, что у татар на протяжении 1990-х гг. продолжался интенсивный переход детей из группы рабочих неквалифицированного труда из масштабной доли этой социально-профессиональной группы среди отцов. Как известно, «... процессы восходящей социальной мобильности шли более интенсивно в тех национальных общностях, где поколение «отцов» отличалось особенно высокой долей работников мало- и неквалифицированного физического труда, дети которых чаще, чем выходцы из других социальных групп, приобретали более высокий статус по сравнению с родителями»¹¹⁵. У татар было выше число работников мало- и неквалифицированного труда. Поэтому и межпоколенная мобильность шла более интенсивно.

Наиболее активно у татар этот процесс шел в городах. В результате 23% татар – участников исследования «СЭН» – 1999 г. перешли

¹¹⁵ Там же. С. 62.

из группы физического труда в высшую страту (у русских – 15%). Русские республики чаще переходили из высшей страты в другие (56% и 40% у татар). Это связано с высокой подвижностью русских, вышедших из семей интеллигенции (как результат – значительный рост числа специалистов у русских детей-горожан), в отличие от татар, чаще стремящихся сохранить позиции своих родителей. Здесь наиболее заметные различия между русскими и татарами проявились в сфере интеллектуального труда. Среди респондентов, отцы которых принадлежали к группе специалистов и руководителей высшего звена, к концу 1990-х гг. остались на тех же социальных позициях, что и их родители, 60% татар и 40% русских. И, наконец, результативность мобильности татар обусловлена их более масштабной миграцией в города. Как известно, «городские мигранты имеют больше возможностей добиться желаемого профессионального статуса, чем их отцы, по сравнению с оседлыми гражданами»¹¹⁶.

В сельской местности можно отметить те же закономерности, что и в городах. Весьма результативными социальными перемещениями отличались русские, живущие в селах Татарстана. Если в городах доля повысивших социальный статус по сравнению с отцами была относительно более массовой у татар, то на селе – у русских. Рост доли специалистов у татар происходил преимущественно на селе. В городах у татар активно увеличилась доля служащих.

Показателем межпоколенной мобильности являются данные об образовательном уровне детей и отцов. Как показало исследование «ЭПТ» – 1989/1990 гг., общей тенденцией среди русских и татар Татарстана являлась внушительная динамика образования между поколениями (табл. 2.47, табл. 2.48). Наиболее заметный рост наблюдался у русских сельчан за счет относительно невысокого уровня образованности отцов. При анализе материалов исследования необходимо привести одно замечание, которое делает Р.М. Ахметов. Он выявил, что почти по всем уровням образования удельный вес татар-горожан в сфере умственного труда – среди руководителей и специалистов – относительно меньше, а в сфере физического труда, наоборот, больше. На этом основании исследователь приходит к выводу о том, что социальная мобильность татар к началу постсоветского периода сталкивалась с определенными ограничениями, а образовательный фак-

¹¹⁶ К этому выводу пришли американские социологи М. Питер и Д. Отис. См.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 186 – 188.

тор, как главный определяющий статус индивида, не всегда срабатывал должным образом. Главным тормозом социальной карьеры у татар являлось то, что значительная часть их состояла не из потомственных горожан, а из выходцев из сельской местности, которым не просто сделать карьеру в иноязычной городской среде¹¹⁷. Тем не менее в новые экономические отношения русские и татары Татарстана вступили с близким образовательным потенциалом. Это равенство было достигнуто за счет одинаковой скорости повышения образованности детей по сравнению с отцами в городах и у татар и русских, и ускорения в селах у русских.

Таблица 2.47

Уровень образования «отцов» и «детей», «ЭПТ» – 1989/1990 гг., город, %

Образование	Русские		Татары	
	«отцы»	«дети»	«отцы»	«дети»
До 4-классов	25,7	4,4	26,4	4,1
4 – 6 классов	15,3	4,9	13,1	5,5
7 – 9 классов	21,7	11,7	23,6	11,9
10 – 11 классов, ПТУ	10,5	28,5	8,7	30,6
Среднее специальное, техникум	10,2	27,5	11,7	22,7
Незаконченное высшее, высшее	12,7	22,1	9,9	24,8
Неграмотные	3,8	0,8	6,7	0,4

Таблица 2.48

Уровень образования «отцов» и «детей», «ЭПТ» – 1989/1990 гг., село, %

Образование	Русские		Татары	
	«отцы»	«дети»	«отцы»	«дети»
До 4-классов	40,0	14,7	25,0	9,2
4 – 6 классов	21,5	19,0	16,3	12,1
7 – 9 классов	15,9	21,1	24,4	23,8
10 – 11 классов, ПТУ	5,0	26,8	4,0	30,3
Среднее специальное, техникум	1,5	10,3	4,3	12,8
Незаконченное высшее, высшее	2,1	5,1	2,1	8,7
Неграмотные	14,0	2,9	24,0	3,2

Рассмотрим, как отразились социальные перемещения русских и татар на их социальном составе. Общей чертой динамики социально-профессионального состава изучаемых групп были возрастание в поколениях «детей», по сравнению с поколением «отцов», доли специа-

¹¹⁷ Ахметов Р.М. Социально-профессиональная мобильность городского населения Татарстан. Этнический аспект // Этнологические исследования в Татарстане / сост. и отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Выпуск III. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 126.

листов и руководителей и снижение относительной численности работников мало- и неквалифицированного физического труда. В городах и селах Татарстана эти процессы были в большей степени характерны для татар, чем для русских. Среди горожан, например, представительство в высшем слое интеллигенции выросло у татар по сравнению с их отцами в 2,2 раза, у русских – в 1,3 раза. Доля мало-неквалифицированных рабочих в поколении детей стала ниже, чем в поколении отцов, среди татар в 3 раза, у русских – в 1,1 раза.

Важно учитывать особенности социально-профессионального состава русских и татар в возрастной группе «родители». Как было показано выше, социальные позиции и образовательный потенциал у русских родителей в Татарстане были весомее, чем у татар. В результате межпоколенных социальных перемещений произошли некоторое сглаживание различий в социальной структуре этнических групп на уровне низших страт и «определенная перегруппировка сил» в сфере высокоинтеллектуального труда. Данная тенденция особенно заметно проявила себя в сфере управления.

Внутрипоколенная мобильность Отечественные исследователи при изучении процессов социальной мобильности выявили, что, несмотря на декларируемые идеологемы всеобщего равенства в продвижении и роде занятий, в СССР и его регионах, в сравнении с другими странами, наблюдались стабилизация стратификационной иерархии, умеренный масштаб социальной мобильности и возрастание преемственности в социальном статусе. Это подтвердило социологическое исследование, проведенное в г. Казани в 1983 г. Результаты показали, что существует тесная связь между социально-профессиональным статусом отца и моделью трудовой деятельности ребенка. Социальный рост детей был относительно незначительным¹¹⁸.

В то же время внутрипоколенную мобильность татар и русских РТ можно считать достаточно масштабной. К началу 1990-х гг. около трети наших респондентов в городах и четверть на селе повысили свой статус в течение 5 лет трудовой деятельности (табл. 2.49). Это превышало число тех, кто потерял позиции. Еще 15% русских и татар, проживающих в городах, собирались в ближайшее время менять работу. Среди сельских респондентов этот показатель составлял 6%. У татар рост был несколько весомее, чем у русских. Особенно интенсивный социальный подъем у татар наблюдался в селах. Важно отметить, что у татар доля респондентов

с восходящей мобильностью в 6 раз – в городах и в 7 раз – на селе превышала долю тех, чьи социальные позиции понизились. У русских результативность социальных передвижений была ниже: среди горожан разница между теми, кто повысил и понизил свой статус, была пятикратная, среди сельчан – двукратная.

Таблица 2.49

Оценки изменений на работе за последние 5 лет, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., %

Варианты	Город		Село	
	русские	татары	русские	татары
Ничего не изменилось	63,9	62,3	72,4	68,7
Стало выше	30,1	32,6	19,4	27,4
Стало ниже	6,0	5,0	8,2	3,9

Первая половина 1990-х гг. характеризуется застоем процессов внутрипоколенной мобильности. Социальные перемещения особенно вяло протекали в сельской местности. Во всех анализируемых группах, проживающих в городской среде, увеличилось число людей, отметивших негативные изменения на работе (табл. 2.50). Особенно значительное их увеличение зафиксировано среди татар. Рост был одинаков у русских и у татар.

Таблица 2.50

Оценки изменений на работе за последние 5 лет, «НИК – 1994 г., «СЭН» – 1999 г., %

Варианты	Город				Село	
	1994		1999		1994	
	русские	татары	русские	татары	русские	татары
Не изменилось	53,8	58,8	44,9	44,9	35,7	35,7
Улучшилось	23,1	25,0	28,1	28,9	40,5	40,5
Ухудшилось	23,1	16,2	27,0	26,2	23,8	23,8

В то же время рассчитанные индексы мобильности, характеризующие разницу в численности людей, повысивших и понизивших социальный статус к началу, к середине и к концу 1990-х гг., показали, что процессы внутрипоколенной мобильности у русских Татарстана были менее результативными, чем у татар. Так, доля мобильного населения к середине 1980-х гг. у русских составила 36%, у татар – 38% («ЭПТ» – 1989/1990 гг.), к началу 1990-х гг. – 31% и 37% соответственно, в середине 1990-х гг. – 55% в каждой группе. Разница между долями повысивших и понизивших социальный статус к середине 1980-х гг. у русских составила 24%, у татар – 28%, в середине 1990-х гг. – 1% и 3%.

¹¹⁸ Радаев В.В., Шкартан О. Указ. соч. С. 196 – 198.

Вывод о меньшей результативности социальной мобильности русских в республике важно дополнить данными о том, между какими социально-профессиональными группами осуществлялись перемещения. Анализ состава групп с разнонаправленной мобильностью, проведенный Л.В. Остапенко на материалах начала 1990-х гг., показал, что социальные перемещения русских и татар в республике были значительными. В сравнении с другими регионами («в Татарстане социальные перемещения представителей различных социально-профессиональных групп и среди татар, и среди русских имели довольно широкий диапазон и захватывали сравнительно более массовые (чем в других регионах – прим. авт.) слои населения»¹¹⁹. К началу 1990-х гг. в городах и селах Татарстана значительные изменения произошли почти во всех группах рабочих. Среди руководителей и специалистов зафиксирован социальный рост. Однако социально-профессиональные потери русских здесь были выше (табл. 2.51, табл. 2.52).

Таблица 2.51

Продвижение за 10 лет, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., город, %

Варианты	1	2	3	4	5	6	7	8
	<i>Татары</i>							
Не изменилось	18,8	41,7	36,0	60,3	44,4	69,8	55,1	81,0
Стало выше	77,1	58,3	61,3	39,7	52,8	25,6	34,6	4,8
Стало ниже	4,2	0	2,7	0	2,8	4,7	10,3	14,3
<i>Русские</i>								
Не изменилось	20,0	35,0	44,1	57,5	53,3	61,9	65,9	64,5
Стало выше	73,3	62,5	53,8	38,8	36,7	34,3	28,8	0
Стало ниже	6,7	2,5	2,1	3,7	10,0	3,8	5,5	35,5

Таблица 2.52

Продвижение за 10 лет, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., село, %

Варианты	1	2	3	4	5	6	7	8
	<i>Татары</i>							
Не изменилось	19,0	53,3	54,5	60,3	60,9	67,8	69,1	84,1
Стало выше	77,4	40,0	45,5	33,8	30,4	29,2	26,2	11,0
Стало ниже	9,5	6,7	0	5,9	8,7	2,5	4,7	4,9
<i>Русские</i>								
Не изменилось	33,3	25,9	58,3	68,4	61,1	68,8	77,0	63,3
Стало выше	66,7	59,3	41,7	26,3	33,3	24,7	17,4	4,1
Стало ниже	0	14,8	0	5,3	5,6	6,5	5,6	32,7

Социально-профессиональные группы

1. Руководители высшего звена.
2. Руководители среднего звена.
3. Специалисты высшей квалификации.
4. Специалисты средней квалификации.

¹¹⁹ Там же. С. 73.

5. Прочие служащие.

6. Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, аппаратах).

7. Квалифицированные работники немеханизированного физического труда.

8. Неквалифицированные работники физического труда.

Татары отличались особенно масштабными перемещениями работников из группы квалифицированного физического труда в группу квалифицированного умственного. Группа специалистов и руководителей у татар по сравнению с местными русскими оказалась несколько более «открытой» для вхождения в нее выходцев из других социально-профессиональных групп. Правда, и отток из нее был более массовым. Более активное передвижение татар в группу специалистов и руководителей подтверждает анализ биографий руководителей высшего звена, проведенный Р.Н. Мусиной. Итоги показали, что 26% русских руководителей начали свою трудовую деятельность рабочими, среди татар-управленцев доля таких достигала 40%. К тому же у татар выше доля лиц, которые вынуждены были работать до поступления в вузы и техникумы (соответственно в 1,5 и 3 раза)¹²⁰.

Шансы русских подняться по социальной лестнице были несколько ниже, чем у татар. Социальный рост у русских наблюдался главным образом среди работников мало- и неквалифицированного физического труда, часть которых перешла в группу квалифицированных рабочих. Важно отметить, что русские реже, нежели татары, сдавали свои позиции, в том числе реже оказывались на нижней ступени социальной стратификации. Таким образом, «однозначный вывод о более благоприятных условиях социального роста у представителей титульного населения российских республик по сравнению с нетитульными вряд ли будет корректным. ... в Татарстане татары чаще «теряли» высокие социальные позиции, нежели местные русские, хотя и в относительно более массовом составе поднимались вверх. Кроме того, результативность социальных перемещений русских, живущих в своей этнической среде, была не намного выше, чем у русских Татарстана. Это подтверждает отсутствие значительных преимуществ титульных национальностей по сравнению с нетитульными»¹²¹.

¹²⁰ Мусина Р.Н. Этнокультурные ценности и социальные ориентации в условиях социально-экономической трансформации общества: пример Татарстана // Социальное неравенство... С. 353.

¹²¹ Остапенко Л.В. Социальная мобильность... С. 72.

По мнению социолога Р.М. Ахметова, в некоторых социальных слоях высокая мобильность татар порождена негативными причинами. По результатам исследования «ЭПТ» – 1989/1990 гг. исследователем были выявлены среди татар и русских по две социально-профессиональные группы, в которых доли довольных своей работой были существенно ниже аналогичных долей у представителей соседней национальности. У татар такими группами оказались группы руководителей высшего звена и руководителей среднего звена, у русских – группы специалистов высшей квалификации и неквалифицированных работников. В качестве причин неудовлетворенности работой руководители высшего звена – татары в 2,4 раза чаще русских указывали на содержание труда, в 2,3 раза – на негативные отношения с непосредственным руководством, на затруднения с возможностью квалифицированного роста и дальнейшего повышения в должности (опрошенные русские не упомянули об этой причине вообще). В группе руководителей среднего звена татары в полтора раза чаще русских отмечали плохие условия труда, в 2,3 раза чаще выражали недовольство степенью организации труда. Противоположная ситуация по группам специалистов высшей квалификации и неквалифицированных рабочих у русских. Здесь общей причиной более низкой степени удовлетворенности работой являлось недовольство уровнем оплаты труда. По мнению Ахметова, разнокачественные причины неудовлетворенности работой связаны с тем, что татарам в качестве объекта руководства достаются наиболее сложные участки общественного производства, зачастую находящиеся вне сферы научно-технического прогресса или там, где труд наименее механизирован и хуже организован¹²². Можно предположить, что мобильность русских проходила в более «продвинутых» социально-экономических зонах и с меньшими социальными усилиями и потерями, чем у татар. Татарам, с одной стороны, приходилось осваивать те ниши, которые оставались свободными. Чаще такими зонами становились сферы тяжелого, непрестижного труда. С другой – значительная часть мобильных групп у них формировалась преимущественно из выходцев из села, которым помимо адаптации к новому ритму труда, мобилизации дополнительных ресурсов для продвижения по социальной лестнице в условиях города (которые уже имеют потомственные горожане) приходилось осваивать новую культурную и языковую среду. Сложный характер

¹²² Ахметов Р. Татары и русские: трудовая мобильность // Татарстан. 1997. №2. С. 17 – 21.

протекания социальных перемещений у татар сопровождался высоким уровнем неудовлетворенности своим положением и плохим социальным самочувствием. Это стимулировало новые перемещения, которые, в свою очередь, обеспечивали высокую результативность мобильности у татар.

Рассмотрим некоторые социальные характеристики мобильных групп татар и русских. Важно отметить в целом близость позиций представителей разных этнических групп с общей социальной судьбой. В 1999 г. «во всех изучаемых этнических общностях люди, сумевшие добиться успехов в своей трудовой карьере, чаще относили себя к высшему или среднему слою населения России, нежели «неудачники». Особенно важно, что мнения людей, повысивших статус, по поводу их социальной принадлежности у представителей разных этнических общностей были более близки, чем у тех, чей статус понизился»¹²³. Люди, сумевшие сделать трудовую карьеру, сравнительно чаще поддерживают рыночные отношения. Они дают сравнительно более высокие оценки своих позиций с точки зрения собственности, профессиональных навыков, чем те, у кого статус понизился. У них лучше социальное самочувствие и оценки материального достатка (табл. 2.53).

Таблица 2.53

Социальные ориентации мобильных групп татар и русских, «НИК» – 1994 г., город, %

Группа с восходящей мобильностью		Группа с нисходящей мобильностью	
татары	русские	татары	русские
<i>Поддерживают рыночные отношения</i>			
31,4	38,7	28,6	38,2
<i>Отметили, что чувство уверенности в завтрашнем дне им дает собственность</i>			
6,7	4,0	2,9	2,9
<i>Оценивают свое положение как</i>			
<i>А. «Все не так плохо, и можно жить»</i>			
21,6	21,1	17,6	14,7
<i>Б. «Жить трудно, но можно терпеть»</i>			
57,7	59,2	61,8	50,0
<i>В. «Терпеть наше бедственное положение далее невозможно»</i>			
17,5	19,7	32,4	20,6
<i>Оценивают свой материальный достаток как</i>			
<i>А. «Очень хороший и хороший»</i>			
4,8	5,3	0	6,5
<i>Б. «Средний»</i>			
45,2	42,7	51,5	35,5
<i>В. «Плохой и очень плохой»</i>			
50,0	52,0	48,5	58,0

¹²³ Остапенко Л.В. Социальная мобильность... С. 87.

Близость взглядов представителей разных этнических групп, объединенных общей социальной судьбой, их более адекватные оценки происходящих изменений являются актуальной основой интеграционных процессов в обществе. При сохранении этнического самосознания народов России оптимизация их социального роста стимулирует экономическое развитие всей страны и ее регионов и укрепляет межэтническое согласие.

ВЫВОДЫ

1. Важным фактором, задающим вектор постсоветского социального развития татар и русских в Республике Татарстан, являются демографические процессы. Рождаемость, смертность, механическое движение создают объективные предпосылки перегруженности трудовых ресурсов народов на рынке труда. Сравнительно более высокий естественный и миграционный приросты формируют прогрессивную модель трудовых ресурсов у татар (преобладание молодежи над лицами пенсионного возраста). Сохранение в современных условиях ориентации значительной части татар на сельский образ жизни, которая подкрепляется более благоприятным сценарием демографической ситуации, обеспечивает воспроизводство традиционных норм труда. Однако тенденция высокой смертности (особенно в селах) может внести коррективы в развитие демографического и культурного потенциала трудовых ресурсов у татар.

Низкие естественный и миграционный приросты являются причинами регрессивной структуры трудовых сил у русского населения Татарстана (преобладание пенсионеров над молодежью). Более высокий показатель продолжительности жизни у русских является результатом этнической самоидентификации детей от смешанных браков в пользу русской национальности. Это явление, одновременно с высокой ориентацией на проживание в городах, лишает русское население республики соответствующей полноценной культурной поддержки базы формирования экономической мотивации, которую могли бы формировать моноэтническая русская семья и сельская русская среда.

2. Вопреки советской идеологеме неизбежного сближения наций этносоциальная дифференциация сегодня сохраняется. В Татарстане сформировалось два типа этносоциальной стратификации. «Традиционный» тип преобладает у татар. «Индустриальный» – у русских. Ориентации татар в большей мере связаны с сельским хозяйством, образованием, культурой, научно-гуманитарной деятельностью. В со-

став социальной структуры татар входят высококвалифицированные специалисты всех уровней. Индустриальная структура русских сформировалась в сфере промышленности, строительстве, транспорте, естественной и технической отраслях науки. Сегодня русские чаще, чем татары, представлены специалистами среднего уровня и служащими.

3. При условии динамичного развития традиционной и индустриальной этносоциальных стратификаций в Татарстане межэтническая интеграция в республике будет развиваться на основе взаимной заинтересованности татар и русских. Конкуренция прослеживается в финансовой системе, юриспруденции, науке и образовании. В случае этнической категоризации социальных ситуаций здесь возможен межэтнический конфликт. Пока в РТ нет объективных предпосылок для развития такого сценария. Поддержка развития предпринимательства – это один из путей гармонизации этносоциальных неравенств. Предпринимательство открывает каналы мобильности для тех, кого не устраивают сложившиеся пути социальной биографии внутри этнических групп.

4. Процесс перегруппировки социально-профессиональных позиций в пользу татар в большинстве экономических сфер, включая управление, в Татарстане стартовал еще в советский период. Такая ситуация связана с особенностями этнодемографического поведения. К началу 1990-х гг. русские Республики Татарстан «потеряли» доминирующий статус в ряде высококвалифицированных социально-профессиональных групп за счет естественного старения. «Титульность» татар не является определяющим фактором выстраивания общей картины современных этносоциальных дифференциаций в РТ.

5. Русские преобладают в государственном секторе экономики и ориентированы на ритмичный характер труда. Они чаще выступают в качестве наемных работников, нанимателей или единоличников. Татары предпочитают работать сезонно и в связке с членами своей семьи. Несмотря на разную составляющую трудового поведения у русских и татар Татарстана, обе этнические группы имеют единую основу культуры труда – рациональный коллективизм, направленный на воспроизводство традиционных образов жизни народов.

6. Анализ показал, что самооценки русскими и татарами Татарстана их социального положения сходятся в точке «средний класс». Схожий социально-профессиональный состав, общая основа идентификации и активистская позиция людей разной этнической принадлежности, относящих себя к среднему классу, определяют позитивный

вектор межэтнической интеграции в республике. Для позитивного развития межэтнических отношений важно обращать внимание на людей, ощущающих себя на нижних ступенях социальной стратификации. Эту проблему необходимо решать через оптимизацию экономических сфер, наиболее пострадавших от рыночных реформ, — промышленности (и это важно для доминирующего там русского населения) и сельского хозяйства (для татар) — и через формирование традиционной культурной поддержки у русских. Сельские татары в перспективе могут стать доминирующей группой субъективного среднего класса у татар.

7. Межпоколенная и внутрипоколенная мобильность татар и русских РТ имеют близкий характер развития. В 1990 — 2000-х гг. в каждой этнической группе наблюдались социальный рост поколения детей по сравнению с родителями (более массовый, чем в других регионах), увеличение доли интеллигенции у детей за счет сокращения группы рабочих мало- и неквалифицированного физического труда среди отцов, превышение числа людей, повысивших свой статус в течение 5 лет трудовой карьеры, над теми, у кого он снизился, замораживание перемещений к середине 1990-х гг. и положительная динамика на рубеже 1990 — 2000-х гг. Все это способствовало сближению социального состава численно доминирующих этнических групп Татарстана.

Различия в мобильности татар и русских проявляют себя через скорость и характер перемещений. В начале 1990-х гг. татары отличались высокой результативностью межпоколенных перемещений в сравнении с русскими. Это обеспечивалось тем, что у татар в 1990-х гг. продолжался активный переход работников из группы работников мало- и неквалифицированного труда у поколения детей по сравнению с отцами в группу умственного труда. Сегодня пропорции комплектования интеллигенции у татар и русских, живущих в городах, одинаковы. Конкурентное взаимодействие татар и русских в сфере интеллектуального труда в городах республики к концу 1990-х гг. привело к тому, что у русских наблюдалось социальное падение у поколения детей по сравнению с отцами. Коснулось оно прежде всего специалистов.

К началу перестроечного периода внутрипоколенная мобильность у татар была более результативной, чем у русских. Она обеспечивалась за счет двух источников. Первый — освоение татарами в течение трудового пути трудоемких сфер — сопровождался высокими

социально-психологическими и культурными потерями для татар. Второй источник внутриспоколенной мобильности — это снятие государственного регулирования над сельским хозяйством, которое в начале 1990-х гг. способствовало относительному расцвету традиционной культуры труда у татар и воспроизводству социального роста. Особенностью социальной биографии русского населения республики является то, что, несмотря на несколько более низкий показатель социального роста, русские реже сдают свои социальные позиции и реже татар оказываются на нижней социальной ступени, не уступая по этим показателям русским, живущим в своей этнической среде. Для развития интеграционных процессов в Татарстане, как и в России в целом, важным позитивным потенциалом выступает близость взглядов представителей разных этнических групп, объединенных общей позитивной социальной судьбой, их более адекватные оценки происходящих изменений.

ГЛАВА III

Этнические особенности экономических ориентаций

Трансформация России 1990-х гг. отличалась чрезвычайной сложностью. Переход российского государства от социалистической к рыночной экономике проходил в условиях многонациональности страны и федеративного ее устройства. 2005 – 2008 гг. стали годами стабилизации. Доходы людей росли, инфляция оставалась на приемлемом для России уровне. Российский народ перешел к «потребительской ориентации»¹. Мировой кризис 2008 г. подорвал растущие оптимистические настроения россиян. Один из способов, используя который можно было бы приблизиться к пониманию взаимосвязей между процессом экономических преобразований России и этническим составом ее населения, – это изучить ориентации на экономическое устройство страны, рыночную экономику, ее оценки, отношение к видам собственности, ценностно-мотивационное ядро экономической и трудовой деятельности этнических групп, влияющих сегодня на формирование стратегий адаптации народов. И здесь нам важно было понять роль сетевых поддержек, статуса и его восприятия, представить ресурсное измерение этничности, этнопсихологические компоненты экономического сознания – все то, что мы считаем социальным капиталом этнических групп. Другим существенным аспектом изучения социально-экономической адаптации этнических групп является вопрос о влиянии социокультурных факторов на экономические установки и представления.

§ 1. Восприятие социально-экономических реформ среди представителей этнических групп

Региональная экономическая политика и ее оценки. Всплеск социально-экономических интересов этнических групп в России произошел в конце 1980-х гг. Детонатором их актуализации стала борьба за самостоятельность регионов. В Татарстане добывалась треть нефтяных ресурсов страны. Между тем в республику возвращалось не более 5% получаемых доходов. К началу перестроечного периода уровень жиз-

ни в ТАССР был одним из самых низких в СССР. Такая ситуация населением региона воспринималась довольно болезненно.

На первом этапе идеология властной национальной элиты Татарстана формировалась в борьбе за перераспределение властных полномочий с федеральным Центром. Политолог М.Х. Фарушкин выделяет три периода этого процесса в первой половине 1990-х гг.:

1. 1990 – 1991 гг. – повышение политико-правового статуса ТАССР до статуса союзной республики.

2. 1992 – октябрь 1993 г. – закрепление особого статуса Татарстана – провозглашение Республики Татарстан субъектом международного права.

3. Октябрь 1993 г. – установление шаткого равновесия в отношениях между политической элитой Татарстана и федеральной властью в результате подписания Договора между РТ и РФ 15 февраля 1994 г.²

В 1990 г. подписанием Декларации о суверенитете РСФСР было положено начало самопровозглашению государственных суверенитетов автономными республиками. В самостоятельные административно-территориальные единицы выделились почти все бывшие автономные области. В 1992 г. был предложен Федеративный Договор, который по сути означал соглашение между различными типами субъектов и центром по поводу разграничения полномочий и предметов ведения. Татарстан и Чечня, не подписав Договор, взяли на себя вопросы регулирования внешней политики и международных договоров. Ключевыми акторами, повлиявшими на позицию официальных властей в этот период, были и региональные группы национальной интеллигенции. В Татарстане эта этнополитическая сила в начале 1990-х гг. имела большой вес. Радикально настроенные члены Татарского общественного Центра в конце 1980-х – начале 1990-х гг. выдвигали идеи построения самостоятельных «национальных» экономических систем на основе «традиционных трудовых навыков». Умеренно настроенная татарская интеллигенция искала «средний» путь, способный устроить как татар, так и русских. В качестве такого варианта предлагалось реализовать идею «национального капитала», которая подразумевает активное участие государства в экономической жизни. Авторы этой идеи не вкладывали в нее этнического смысла и

¹ Народ десятилетней выдержки. Интервью с директором Института социологии РАН, член-корр. РАН М. Горшковым // Российская газета. 2010. 11 марта.

² Фарушкин М.Х. Политическая элита Татарстана: вызовы времени и трудности адаптации / Полис. 1994. № 6. С. 76.

тем самым обеспечивали равенство разных этнических групп в сфере экономики³.

Целый ряд межрегиональных договоров и соглашений, введенных в практику в 1994 г., закрепил асимметричную федеративную систему с существенными различиями в полномочиях между различными регионами⁴. В часто хаотическом и непредсказуемом процессе торга, сопровождавшего эти переговоры, требования республик и региональных элит, как правило, сводились к схожим вопросам: больший политический и экономический контроль над решениями, затрагивающими их области и республики, и более благоприятные условия налогообложения и распределения ресурсов⁵. «Раздача суверенитетов» в 1990-х гг. была целесообразна с экономической точки зрения. В условиях экономического, политического кризиса, достигшего апогея в 1998 г., стали крайне важными конкретизация экономической политики и предоставление возможности главам регионов сосредоточиться на хозяйственных вопросах. Акцент на экономических аспектах региональной политики являлся тогда жизненно важным для вывода экономики страны из спада⁶. Борьба за суверенитеты была сопряжена и с определенными экономическими ожиданиями со стороны доминирующих групп. В Татарстане в 1994 г. 43% татар видели в экономическом суверенитете необходимое условие для возрождения народа. Для русского населения экономическая самостоятельность не была столь значимой – 19%. Однако положительные изменения после провозглашения суверенитета для русских Татарстана виделись, прежде всего, в экономике⁷.

³ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1997. С. 113.

⁴ Бари Донна. Переосмысление асимметричного федерализма // Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. Казань, 2001. С. 273.

⁵ Латидус Гейл. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Там же. С. 289.

⁶ Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Макроэкономические аспекты региональной политики // Экономическая политика. 2006. № 4. С. 5.

⁷ Более подробный этносоциологический анализ процесса обретения экономического суверенитета Республикой Татарстан на рубеже 1980 – 1990-х гг. см.: Дробижсева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 204 – 243; Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 194 – 222.

Второй этап, с 1996 по 1999 г., характеризуется дальнейшим укреплением политической и экономической власти региональных элит, расцветом сепаратизма и возникновением угрозы территориальной целостности российского государства.

Третий этап начался, по мнению одних исследователей, с середины 1999 г.⁸, других – с весны, середины 2000 г.⁹, и продолжается по настоящее время. Этот период связан с инициативами Президентов РФ В.В. Путина и Д.А. Медведева по укреплению вертикали власти. Характеризуется усилением Центра, укреплением руководства федеральных ведомств в субъектах Федерации; сменой ряда представителей Президента в регионах; выводом федеральных служащих из-под контроля региональных властей; ужесточением контроля за целевым расходованием средств федерального бюджета в регионах с помощью отделений Федерального казначейства РФ; принятием Федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Федерации»; объединением и укрупнением регионов и т. д. Все эти факты, по мнению исследователей, «... являются свидетельством взятого руководящими органами курса на дефедерализацию российского государства»¹⁰. В этой связи современный этап экономической политики взаимодействия Татарстана с Центром специалистами оценивается как сложный. В этот период происходит значительное увеличение налогов, централизуемых в федеральный бюджет, – например, до 59,7% в 2005 г. против 50,6% в 2004 г. При этом резко снижается удельный вес доходов местных бюджетов – например, в этот же период – с 13,8% до 7,6%. Республика Татарстан в части межбюджетных отношений испытывает те же трудности, что и другие высокоразвитые регионы России¹¹.

⁸ Капустина Л. Эволюция отношений «Центр – регионы» и сценарии развития федеративных отношений в России // Федерализм в России / под редакцией Рафаэля Хакимова. Казань, 2001. С. 66.

⁹ Бари Донна. Указ. соч. С. 273; Хэнсон Ф. Федерализм с российским лицом: региональное неравенство, административные функции и региональные бюджеты в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51).

¹⁰ Фарукишин М.Х., Фарукишин А.М. Субъекты федераций: сравнительное исследование. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 476.

¹¹ Хоменко В., Кулькова В., Кулягина Н., Закирова О. Формирование российской модели межбюджетных отношений // Политико-правовые ресурсы федерализма в России / под редакцией Рафаэля Хакимова. Казань, 2006. С. 371 – 372.

В части внутренней экономической политики РТ следует отметить, что в республике на протяжении последних 20 лет был разработан ряд программ, направленных на социальную поддержку населения. Это «Программа адресной социальной защиты населения», предусматривавшая предоставление компенсаций наиболее незащищенным слоям населения, в виде чеков на продовольственные товары и жетонов для оплаты жилищно-коммунальных услуг, «Программа ветхого жилья», по которой часть населения, имеющая жилье в непригодном для жизни виде, переселилась в новые квартиры, «Программа ипотечного кредитования», согласно которой кредит на покупку новой квартиры оформляется на условиях относительно низкой процентной ставки, и т. д. В итоге по ряду социально-экономических показателей Татарстан вошел в число лидеров среди субъектов РФ. Как отмечают специалисты, в середине 1990-х гг. такие показатели благосостояния, как соотношения денежных доходов и прожиточного минимума, уровня бедности, обеспеченности легковыми автомобилями и т. д., в республике были более высокими, чем в среднем по России¹². Кризис 1998 г. прервал положительные тенденции, однако с сентября 1999 г., по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, в республике вновь отмечался рост экономических показателей, реальных денежных доходов, в то время как в РФ – лишь с декабря 1999 г.¹³ Среди субъектов ПФО Татарстан по уровню покупательской способности в 2005 г. занимал второе место после Самарской области¹⁴, а по объему среднемесячной начисленной заработной платы на одного работника на предприятиях и в организациях (включая малое предпринимательство) в 2008 г. – первое¹⁵. Однако следует отметить, что по некоторым позициям Татарстан уступает другим регионам России. Например, достижения республики в части преобразования форм собственности в первой половине 1990-х гг. выглядели скромнее, чем во многих областях и краях¹⁶. По уровню безработицы

¹² Дробижеева Л.М. и др. Указ. соч. С. 240.

¹³ Республика Татарстан, 1990 – 2000: Статистический справочник. Казань: Госкомстат РТ, 2000. С. 9.

¹⁴ Хоменко В.В. Дифференциация в экономическом и социальном развитии регионов Российской Федерации // Политико-правовые ресурсы федерализма... С. 293 – 294.

¹⁵ Труд и занятость в Республике Татарстан. Статистический сборник. Казань: Издательский центр Татарстанстат, 2009. С. 167.

¹⁶ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р. и др. Указ. соч. С. 235.

Татарстан уступает ряду регионов ПФО: в 2007 г. этот показатель был ниже в Самарской, Нижегородской областях, Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях¹⁷.

Учитывая общий контекст экономической и социальной политики и ситуации в Республике Татарстан, рассмотрим реакцию населения на развивающиеся рыночные отношения. Как преобразования в экономической сфере отразились на реальном социально-экономическом положении татарстанцев, социальном самочувствии доминирующих этнических групп республики? Насколько региональная экономическая и социальная политики повлияли на специфику экономических взглядов жителей республики? Прежде всего рассмотрим вопрос о том, в какой мере выступления политической элиты Татарстана, предпринимаемые ею меры экономической политики находят отклик у самого населения. Материалы этносоциологических исследований позволяют отразить связь между национальными и экономическими интересами на массовом уровне.

Разделенный суверенитет – совместная компетенция Центра и региона в экономической сфере – поддерживается широким кругом татарстанцев. Среди городских татар его поддерживали в 1994 г. 43% респондентов (на полном суверенитете настаивали 21%), в 1997 г. – 55%, в 1999 г. – 54%. Свыше 40% русских Татарстана в 1994 и 1999 гг. разделяли это мнение. На этой основе можно говорить о формировании в Татарстане этнорегионализма¹⁸ – значительно более устойчивого (в сравнении с сознанием россиян¹⁹) тяготения татарстанцев к смешанной экономике с сильной ролью республики и ее доминирующим присутствием в большинстве стратегически важных отраслей (нефтедобыча, нефтепереработка, машиностроение, химическая промышленность).

Отношение населения к частной собственности и к рыночной экономике в России и ее регионах претерпело с начала 1990-х гг. су-

¹⁷ Труд и занятость... С. 166.

¹⁸ Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 170 – 171.

¹⁹ Более 80% населения России твердо убеждены, что природные богатства не могут принадлежать не только отдельным лицам, но даже населению какого-то отдельного региона. См.: Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 33.

щественные перемены. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в 1990 г., 24% россиян «на старте» реформ относились к перспективе существования в стране частной собственности отрицательно, 45% – положительно. За следующие 15 лет, «несмотря на негативные последствия реформ, положительное отношение россиян к частной собственности только окрепло, а отрицательное – заметно ослабело»²⁰. В 1994 г. 36,4% русских – участников исследования «НИК», проживающих в городах, и 30,7% татар-горожан считали, что необходимо развивать рыночные отношения, 21,2% и 24,1% соответственно – частную собственность. В 1997 г. уже около половины участников исследования «СЭН»–1999 г. выразили поддержку рыночным реформам. У татар число сторонников составило среди горожан 62,6%, среди сельчан – 48,4%. Среди русских соответственно – 64,5% и 58,5%. Остальные высказались за прекращение экономических реформ. Как видим, горожане в части поддержки рыночных преобразований продемонстрировали единение. В сельской среде татары настроены пессимистичнее, чем русские. Близость взглядов татар и русских, проживающих в городской среде, была подтверждена в проекте «ТАТ»–2006 г.: 57% жителей г. Казани – участников исследования – положительно оценили переход России к рыночной экономике; 40% татар и русских удовлетворены результатами рыночных реформ²¹.

Расхождения в оценках по этническому и территориальному признаку начинаются тогда, когда речь идет о допустимости того или иного вида частной собственности. В целом, как показывают материалы социологических исследований, «доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство предпочитает наличие в России смешанной экономики, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. Это означает, что большинство россиян ждет от государства реализации модели государст-

²⁰ Тихонова Н.Е. Как россияне воспринимают собственность? // Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. С. 14.

²¹ Остапенко Л.В., Юраков А.В. Социально-экономические аспекты адаптации татар и русских к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Татарстане). Информационно-аналитический бюллетень № 1. М., 2006. С. 18.

венного капитализма в экономическом развитии страны»²². Крупные объекты экономики являются главным разграничителем ориентаций этнотерриториальных групп. В Татарстане половина городских русских заявила о возможном огосударствлении предприятий промышленности и строительства (43,1% у татар). Эти оценки татарстанцев в полтора – два раза ниже, чем у якутов и магаданцев, тем не менее их можно оценить как доброжелательные в отношении крупных видов собственности²³. Что касается небольших участков земли, магазинов, предприятий пищевой промышленности – кафе, ресторанов, то здесь наблюдается единение наших респондентов: 85,6% русских горожан отнеслись положительно к частной собственности на землю (80,7% у татар), 67,7% не против того, чтобы магазины и кафе принадлежали частным лицам (60,1% у татар).

Отношение к работе. По данным «Мониторинга социально-экономических перемен в России», который проводится ВЦИОМ, в 1989 г. более половины работников (54%), признавая всю важность работы в жизни человека, вместе с тем отмечали, что в жизни есть вещи, значащие гораздо больше, чем она²⁴. По данным В. Магуна, в России в 1990 – 1991 гг. разрыв между важностью семьи и работы был очень заметный и самый высокий в сравнении с другими обследованными 34 странами. Все это объясняется низкими оценками значимости работы у советских граждан²⁵.

Респондентам – участникам исследований «ЭПТ»–1989/1990 гг., «НИК»–1994 г. и «СЭН»–1999 г. – предлагалось оценить важность для них различных сфер жизни – работы, семьи, власти, достатка, друзей, досуга и др.²⁶ Оказалось, что у татар и у русских республики работа в 1990-х гг. стоит по значимости на третьем месте, уступая по важности таким ценностям, как семья и достаток (рис. 3.1, рис. 3.2). К началу 2000-х гг. ценность работы сместилась на четвертое место,

²² Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 108.

²³ Дробижеева Л.М. Социальные проблемы... С. 79.

²⁴ Петрова И. Отношение к работе различных групп населения: работников, безработных, учащейся молодежи // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. М.: Новое издательство, 2008. С. 148.

²⁵ Магун В. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 51.

²⁶ В исследовании «ЭПТ»–1989/1990 гг. среди вариантов ответа не было позиции «иметь власть, положение в обществе».

уступив ценности «уважение со стороны окружающих». При анализе городского массива нельзя не отметить почти двукратную разницу в начале 1990-х гг. «веса» ценности работы для русских (в меньшую сторону) и татар (в большую сторону); разницу «веса» ценности семьи (у русских – в меньшую, татар – в большую); разницу «веса» ценности достатка (у русских – в большую, татар – в меньшую). В 1990-х гг., как показали материалы этносоциологических исследований, структуры ценностей городских татар и русских сблизились. Сегодня для татар и русских, живущих в городах республики, одинаково значимы семья, работа, достаток. В городах, где рыночные преобразования прошли относительно более стремительно, социально-экономические притязания русских «подтянулись» к требованиям современной жизни (рис. 3.1). Города республики представляют собой унифицированное поле социально-экономических мотиваций русских и татар. Другая ситуация в селах (рис. 3.2). Русские и татары, живущие в сельской местности, заметно отличаются друг от друга представлениями о значимости работы и достатка. Русских сельчан в сравнении с татарами – жителями сел отличает высокая степень ценности работы среди жизненных ценностей. Работа как ценность у русских заметно подросла в 1990-х гг. (на 20 пунктов у русских и 0 – у татар). В то же время русские сельчане меньше, чем татары, живущие в сельской местности, ориентированы на обеспеченную жизнь (рост у татар составил 30 пунктов, у русских – 1). Это значит, что на старте рыночных реформ сельские русские Татарстана отличались достаточно противоречивыми экономическими установками: на фоне относительно низкого уровня экономических притязаний на достаток русские в большей степени, чем татары, демонстрировали активные устремления на труд. К концу 1990-х гг. ценность труда для русских сельчан заметно подросла, и это адекватно рыночным условиям. Однако устремления на работу пока не подкрепляются стремлениями к достатку. Все это свидетельствует о некоторой непоследовательности устремлений сельских русских. У татар ценность работы подкрепляется динамичной ценностью достатка, что свидетельствует об ином векторе экономических мотиваций.

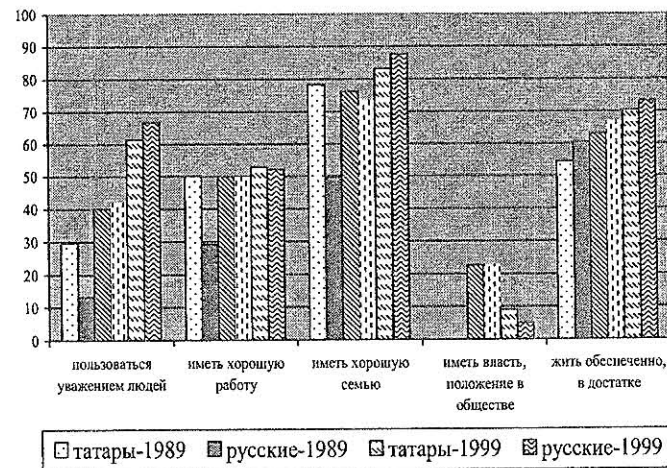

Рис. 3.1. Жизненные ценности горожан, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., «НИК» – 1994 г., «СЭН» – 1999 г., %

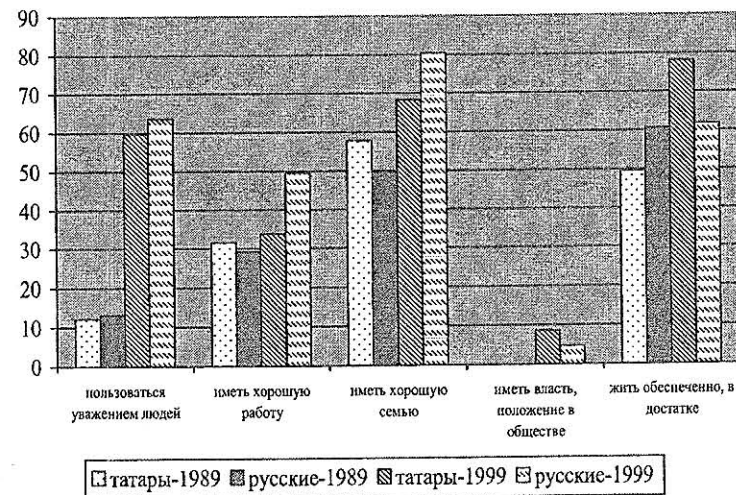

Рис. 3.2. Жизненные ценности сельчан, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., «СЭН» – 1999 г., %

Наши выводы, основанные на социологическом методе массового опроса, подтверждаются результатами социально-психологического тестирования, проведенного С.В. Рыжовой. Как выяснила исследовательница, городские русские и татары ни в активистских, ни в статусных экономических устремлениях практически не различаются. При исследовании сельских групп обнаружена другая картина, которая демонстрирует, как на протяжении первого десятилетия рыночных преобразований сохранялись «нерыночные» по духу ценности у русских сельчан и развивался более адекватный рыночным отношениям потенциал экономической мотивации у сельских татар. Русская сельская среда выступает источником достаточно противоречивых экономических установок. «При достаточно высокой вере в возможность праведных экономических достижений здесь одновременно в наибольшей мере осуждается богатство и наблюдаются очень высокие показатели пессимистического восприятия труда, что дает основание связать такую ориентацию с невысоким уровнем экономических притязаний». Другая картина у татар. «В силу относительно низкой распространенности осуждения богатства и более «творческого» восприятия труда, а также подкрепляемые – на сегодняшний день – несколько большим образовательным потенциалом, традиционно-татарские этико-экономические установки оказываются более последовательными и непротиворечивыми и в целом более «рыночными» по своему духу». По этой причине «татарская модель вхождения в рынок, основанная на более позитивном отношении к богатству и труду, а также подпитываемая такими «статусными» экономическими мотивами, как стремление обладать деньгами, властью, престижем, пока дает известное преимущество татарам перед русскими...»²⁷.

Рассмотрим жизненные ценности разных возрастных групп (рис. 3.3, рис. 3.4). Как показало исследование «СЭН»–1999 г., семья является главной ценностью для всех респондентов независимо от возраста. Исключение составили русские в возрасте старше 60 лет, для которых важную роль играет «уважение со стороны окружающих», и татары в возрасте от 50 до 59 лет, для которых важную роль играет «достаток». «Работа» как ценность занимает вторые-третьи позиции в группах трудоспособного возраста. Этнические особенности обнаружены в группе

²⁷ Рыжова С.В. Восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации этнических групп // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Academia, 2002. С. 236 – 237.

25 – 29-летних (для русских) и 40 – 49-летних (для татар), для которых более значимо, чем работа, «уважение со стороны окружающих».

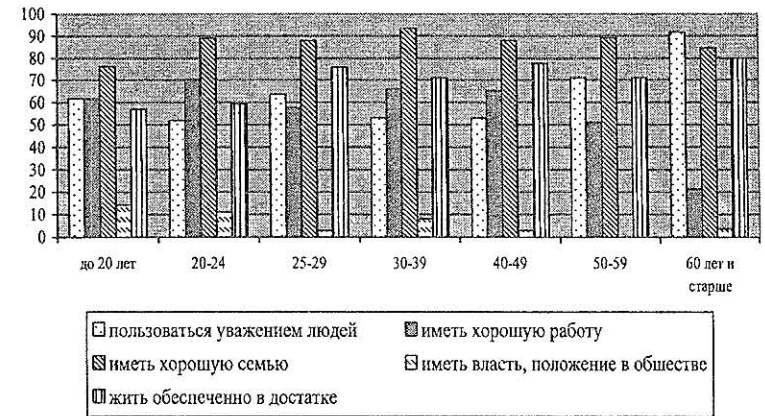

Рис. 3.3. Жизненные ценности русских в зависимости от возраста, «СЭН» – 1999 г., город, %

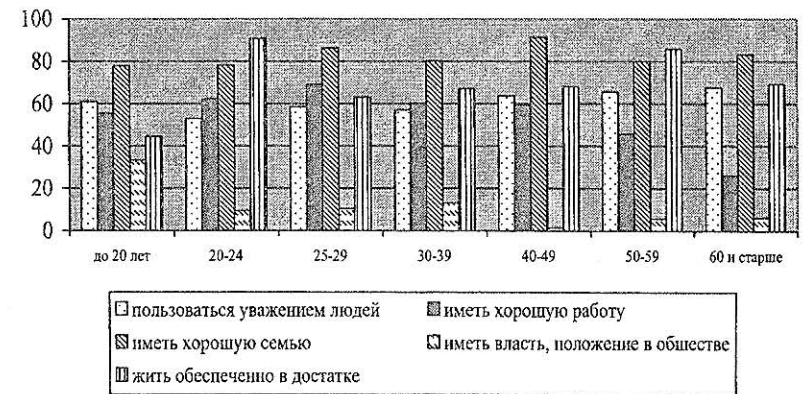

Рис. 3.4. Жизненные ценности татар в зависимости от возраста, «СЭН» – 1999 г., город, %

Значимость отдельных сторон труда. Социолог Ю.Р. Хайруллина на материалах эмпирических исследований 1999 – 2001 гг. выявила следующую картину трудовых ценностей татарстанцев. Ведущими ценностями большинство респондентов назвали хороший заработок (66,9%), обеспечение достатка в семье (43,9%), интересную работу

(41,3%). Второстепенны возможность получения жилья, удобное место работы, большой отпуск. Еще менее значимы ценностные ориентации, связанные с содержательными аспектами труда²⁸: возможности самореализации и самостоятельности в труде набрали по 8,3%, общение и соответствие работы способностям – 7,4% и 6,9% соответственно, возможность продвижения по службе и соответствие работы специальности – 6,9% и 5,2% соответственно²⁹. Можно утверждать, что для татарстанцев труд сегодня рассматривается как деятельность, основная цель которой – удовлетворение потребительских нужд самого работника и его семьи. И это соответствует общероссийским и общемировым тенденциям. «Наибольшая распространенность высокого заработка как ценности труда является общей для России и большинства других обследованных (32 государств мира – прим. авт.) стран... Высокий заработок (в России – прим. авт.) приобрел в 90-х годах гораздо большую значимость по сравнению с 70-ми годами»³⁰. Совпадают и значения рангов пассивно-гедонистической ценности («интересная работа»). В то же время активно-достижительные ценности (ценности, связанные с содержанием труда: инициатива, достижительность) в Татарстане, как и в России, заметно отличаются от тех, которые распространены среди западного населения. Активно-достижительные ценности занимают средние ранги в структуре ценностей жителей зарубежных стран (среди 14 позиций)³¹. И это явление можно отнести к числу кризисных в трудовой сфере российского общества.

Как сегодня сочетаются в ценностном сознании татар и русских Татарстана ожидаемый заработок и мотивация его достижения? Начнем с городского массива. Представленные в табл. 3.1 данные демонстрируют преобладание духовных мотиваций труда – гедонистической («труд доставляет мне удовольствие») и нравственной («работаю потому, что это мой моральный долг»). Респонденты с «нравст-

²⁸ Хотя в сравнении с другими странами содержательные стороны работы советских работников имели более высокую мотивирующую силу. Главной причиной являлось отсутствие безработицы в СССР. См.: Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 424 – 425.

²⁹ Хайруллина Ю.Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы (на материалах Республики Татарстан) // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 85.

³⁰ Магун В. Трудовые ценности... С. 52 – 53.

³¹ Там же.

венной мотивацией» рассматривают труд в смысле эквивалентного обмена как способ служения обществу, направленный на социально значимые результаты труда. На втором месте в рейтинге трудовых мотиваций следует материальный стимул («тружусь только ради денег»). Следовательно, в основе усилий, направленных на достижение материального достатка, у татар и у русских республики лежит приоритет общественных ценностей над индивидуальными, духовных над материальными. Такое соотношение мотиваций – две доминирующие идеологемы советской трудовой морали. Идеология тоталитарного режима, ставящая во главу интересы государства, а не частных лиц, семьи, социальных групп, подкрепляемая идеалом труда «без расчета на вознаграждение» в условиях полного коммунизма, привела к формированию конструкции «высоких трудовых затрат при низкой оплате за труд»³². На первых этапах экономических реформ казалось, что материальные поощрения и санкции станут господствующей формой внутрифирменного контроля, что утилитаризм в хозяйственных организациях подавит средства принудительной и символической мобилизации, а контрактные формы трудовых отношений вытеснят традиционный патернализм³³. Но на деле все оказалось иначе. Хотя в 1990-х гг., в отличие от советского периода, ценность материального вознаграждения для населения заметно подросла, мы, тем не менее, можем сейчас говорить о традиционно-советской стойкости массового сознания татарстанцев в условиях разворачивания новых экономических отношений. Главной причиной сохранения патерналистской модели как нормативной является то, что в России социальная функция государства доминирует над экономической. По мнению Н.Е. Тихоновой, такая модель возникает по двум причинам. Во-первых, под влиянием неуверенности в своих силах, плохого материального положения, с соответствующим ожиданием помощи извне. Во-вторых, из-за связи с традиционной в своей основе нормативной моделью взаимоотношений общности, личности, государства³⁴. М.К. Горшков отмечает, что доминирование в нынешний период внешнего locus-контроля является не столько характерной чертой

³² Там же. С. 48.

³³ Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 329.

³⁴ Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общности, личности, государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 34 – 45.

российской ментальности, сколько следствием объективных условий, сложившихся в стране за годы реформ. Именно собственной беспомощностью изменить неприемлемые обстоятельства жизни во многом объясняется и то, что традиции патернализма по-прежнему преобладают в сознании большинства россиян (62%). Доминирование это обеспечивается двумя основными факторами – во-первых, сохранением очень значительной доли граждан, чьи доходы прямо зависят от государства (госслужащие, бюджетники, пенсионеры – в общей сложности это около 60% всего взрослого населения страны) и кто, следовательно, объективно вынужден рассчитывать в первую очередь на государственную поддержку и с ней связывать свои ожидания. А во-вторых, сохранением весьма значительной по своей численности доли «социально слабых» групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства³⁵.

Каждый пятый участник опроса является носителем квазирыночных установок: около 10% трудятся по привычке, еще столько же могли бы не работать. Неэквивалентный обмен – «больше получать и меньше делать (или даже вообще не трудиться)» – формула, характерная для позднесоциалистической эпохи. Сегодня она весьма распространена в бывших советских республиках и в большинстве социалистических стран, и, следовательно, «общие социалистические и постсоциалистические черты в данном случае преобладают над национальными различиями»³⁶.

Характерно, что принципиальные характеристики трудовых ценностей заметно различаются в городской и сельской средах. И у татар, и у русских сельчан, как и среди горожан, доминирует духовная мотивация (табл. 3.1). Далее мы видим уже различия. У сельчан гедонистическая мотивация («труд доставляет мне удовольствие») представлена одинаково с нравственной («работаю потому, что этой мой моральный долг»). У горожан – первое преобладает над вторым. Квазирыночная мотивация («работаю потому, что этой мой моральный долг») среди сельчан играет более заметную роль, чем среди горожан. Особенно сильно такие ценности распространены среди русских сельчан. Приведенные данные демонстрируют, во-первых, что ценностные ориентации татар и русских Татарстана заметно ближе внутри городской и сельской сред,

чем межэтнические различия, во-вторых, что активная самоотдача во имя материального результата не является доминирующей ценностью ни для татар, ни для русских; наконец, мы видим отсутствие единой и последовательной культуры труда у сельчан – базы формирования и воспроизводства традиционных культурных норм и ценностей.

Таблица 3.1

Ценности труда русских и татар, «СЭН»–1999 г., %

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Труд доставляет мне удовольствие	39,8	35,5	25,9	22,5
Тружусь только ради денег	32,4	28,7	28,1	22,5
Труд для меня – просто привычка	8,7	9,7	21,6	27,5
Работаю потому, что это мой моральный долг	9,1	12,5	20,9	18,6
Труд для меня – тяжелая необходимость. Если бы мог, не работал	10,0	13,7	3,6	8,8

Рассмотрим ценности труда в разных возрастных группах (рис. 3.5, рис. 3.6). Оказалось, что у русских материальные стимулы труда не являются доминирующими для респондентов всех возрастов. У татар ценность «тружусь только ради денег» важна для двух возрастных когорт – 20 – 24 и 30 – 39 лет. Еще в трех когортах – 25 – 29, 40 – 49, 50 – 59 лет – она занимает равные позиции с гедонистической оценкой труда.

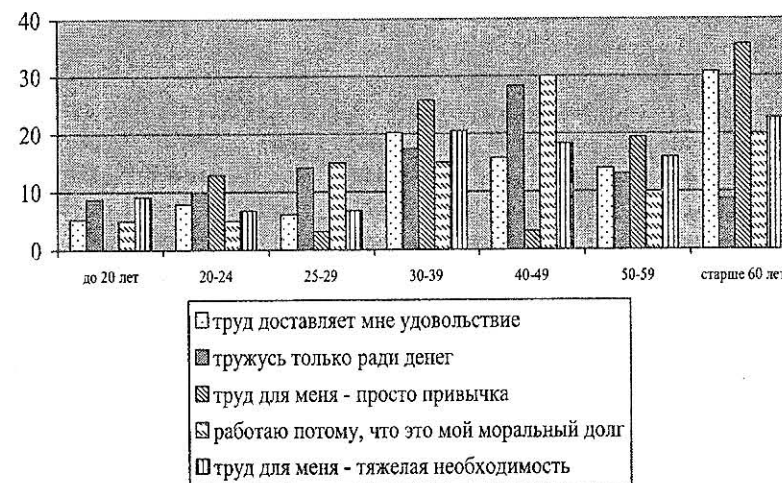

Рис. 3.5. Ценности труда русских в зависимости от возраста, «СЭН» – 1999 г., город, %

³⁵ Гориков М.К. Российский менталитет... С. 110.

³⁶ Там же. С. 58.

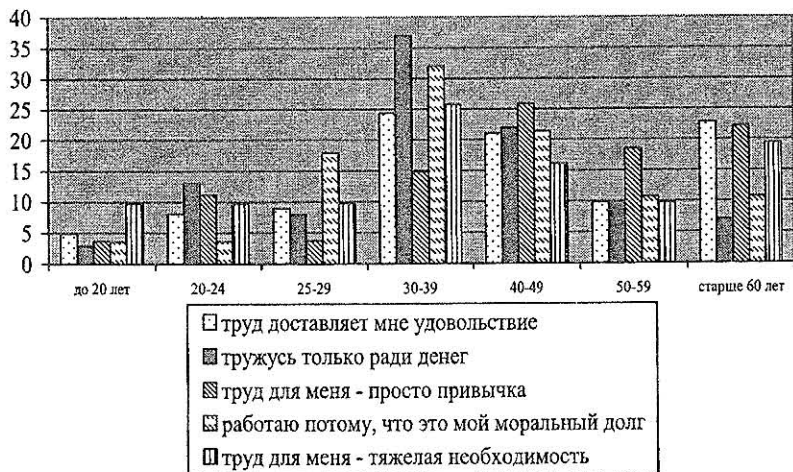

Рис. 3.6. Ценности труда татар в зависимости от возраста, «СЭН» – 1999 г., город, %

Одной из особенностей процесса становления рыночных отношений в России и ее регионах стало массовое падение жизненного уровня населения. В таких условиях труд стал средством жизнеобеспечения, а не деятельностью, удовлетворяющей разносторонние потребности личности. Заработок приобрел доминирующую роль среди установок реагирования на возможные сложности у татар и у русских Татарстана (вариант «Искать новую работу с более высокой оплатой») (табл. 3.2).

Следствием функционирования современной экономики и рынка труда в России стала деформация и содержательной природы трудовой деятельности: сложилась ситуация, когда рост привлекательности заработка далеко не всегда сочетается с установками на профессиональные достижения, добросовестный, качественный и ответственный труд. На смену интересу к эффективному и качественному труду пришло усиление ориентаций на «быстрый» и желательный большой заработок (табл. 3.3)³⁷. Последнее свойственно в большей

³⁷ В молодежной среде сторонники традиционных и рыночных ценностей примерно равны. У молодого поколения татар обнаружена несколько большая приверженность к традиционным ценностям (43,4% и 34,7% среди русских), а у русской молодежи – к рыночным ценностям. См.: Мусина Р.Н. Этнокультурные ценности и социальные ориентации в условиях социально-экономической трансформации общества: пример Татарстана // Социальное неравенство... С. 351 – 352.

мере сельчанам, чем горожанам, и особенно русским – жителям сельской местности. Такая ситуация приводит к деквалификации работающего населения.

Таблица 3.2

Действия по улучшению своего положения среди русских и татар, «СЭН»–1999 г., %*

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Повысить квалификацию	39,9	39,1	37,7	49,0
Изменить профессию	24,6	19,9	21,7	31,3
Искать новую работу с более высокой оплатой	46,4	35,8	32,4	39,8
Найти подработку	37,8	40,2	38,6	26,5
Начать свое дело	14,3	11,2	11,4	9,2
Поменять место жительства	6,9	9,0	4,4	8,9
Наладить связи с нужными людьми	38,5	34,6	24,3	37,0
Уехать за границу	5,4	7,3	1,4	2,0

* В таблице представлены доли респондентов, выразивших свое согласие с тем или иным способом улучшения своего положения.

Таблица 3.3

Распределение ответов на вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли, если бы могли выбрать?», «СЭН»–1999 г., %

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	57,5	58,1	68,9	75,2
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий таких заработков на будущее	13,3	12,9	15,9	3,7
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	11,2	10	4,6	3,7
Иметь твердый, пусть и небольшой, заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	12,4	14,7	6,0	11,0
Затрудняюсь ответить	5,6	4,3	4,6	6,4

В конце первого десятилетия XXI столетия ситуация с трудовыми ценностями татарстанцев не изменилась. По данным Центра аналитических исследований и разработок, в октябре 2009 г. 51% татарстанцев заявили, что хотели бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне³⁸.

Необходимо отметить, что почти в той же мере, что и ориентация на заработок, среди татар и русских республики распространены стратегии адаптации, связанные с трудовым статусом: «повысить квалифи-

³⁸ URL: <http://www.casd.ru> (дата обращения: 28.08.2010).

кацию», «изменить профессию» (табл. 3.2, табл. 3.3). Подобная адаптационная стратегия позволяет даже в трудных условиях не допустить снижения социально-профессионального положения и связанных с ним вознаграждений и демонстрирует позитивный потенциал развития трудовых ресурсов народов. Однако «в современной ситуации разница между работником, придерживающимся традиционной трудовой этики, и работником-максималистом, готовым работать много, не вступая, по возможности, в теневые и криминальные связи, качественно не является существенной. Оба не имеют никаких шансов за счет честного труда улучшить жилищные условия, накопить на достойную старость и т. п.»³⁹. Можно говорить и о вилке между притязаниями и реальными усилиями. Этот разрыв сильнее у русских: ожидают изменений на работе 39% русских и 26% татар, при этом первые реже готовы предпринять реальные усилия для улучшения своего положения (табл. 3.2, табл. 3.3).

Достаточно слабо среди татарстанцев распространено инициативное поведение – «найти подработку», «начать свое дело», «поменять место жительства», «уехать за границу». Это связано не только с инерцией социальной традиции и индивидуальными привычками, но и с отсутствием условий для подобных изменений. В российском обществе до сих пор отсутствует понимание того, что бизнес от государства неотделим и составляет экономическую основу страны и регионов. Огромное число дополнительных налогов, трудный процесс регистрации предприятий, сложный порядок получения лицензий, огромное число контролирующих государственных структур – вот спектр проблем малого предпринимательства в РТ. И, как следствие, «тот слой, который способен активно менять условия жизни и продвигать реформы, оказывается в положении социального аутсайдера»⁴⁰.

Другой проблемой является очень остро ощутимый дефицит культуры предпринимательства у населения, что означает не только отсутствие в сознании представлений о тех или иных рыночных занятиях, привычках, запросах, но одновременно и наличие каких-то дру-

³⁹ Тяжелыникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой; Сер. «Научные доклады». Вып. 131. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 118 – 119.

⁴⁰ Сагитова Л.В. Интересы социальных групп в контексте этнокультурной и этнополитической интеграции татарстанского общества // Социальное неравенство... С. 330, 347.

гих привычек и запросов, которые не адекватны рыночным отношениям⁴¹. На первых этапах экономических преобразований начал формироваться новый тип наемного работника – эффективного продавца своей рабочей силы, который сопровождался усилением индивидуалистических инициативных ориентаций (автономность, предприимчивость, максимально возможный заработок, индивидуальная ответственность за результаты труда). Снятие запретов и прессинг материальных обстоятельств обусловили рост вторичной занятости. Каждый шестой – седьмой занятый, по данным социологических опросов, в России в начале 1990-х гг. имел дополнительно оплачиваемую работу⁴². В Татарстане, по данным проекта «ЭПТ»–1989/1990 гг., 25% респондентов в городах и 15% в селах помимо основной работы были заняты на вторичном рынке труда. Около трети среди тех, кто имел вторичную занятость на момент опроса, подрабатывали несколько раз в неделю или месяц (табл. 3.4). Русские (особенно сельчане) имели более регулярные дополнительные источники дохода, чем татары. У татар подработка чаще происходила сезонно или от случая к случаю.

Таблица 3.4

Частота дополнительных источников дохода, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
От случая к случаю	63,1	62,3	43,4	40,4
Регулярно, несколько раз в месяц	19,6	18,4	22,1	18,4
Регулярно, несколько раз в неделю	12,9	18,9	17,7	27,5
Сезонно	4,3	0,4	11,8	11,9
Как придется	–	–	5,2	1,8

В конце 1990 – начале 2000-х гг. картина изменилась мало. Вторичная занятость, как и другие дополнительные источники дохода (рынок ценных бумаг, банковские вложения, недвижимость и т. п.), так и не стала важным мотивирующим компонентом экономического сознания татарстанцев. В 1999 г. лишь 15,8% у татар и 17,3% у русских горожан заявили, что имеют дополнительную работу или занятие, приносящее доход. В селах этот показатель составил 30% и

⁴¹ Рыбкина Р.В. Драма перемен: Экономическая социология переходной России. 2-е изд., перераб. и допол. М.: Дело, 2001. С. 124.

⁴² Хибовская Е.А., Куприянова З.В. Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/13/0000277117/030_1_hibovskaya.pdf (дата обращения: 02.06.2010).

11,0% соответственно. В 2006 г. степень вторичной занятости у татар и русских практически не изменилась. В г. Казани 24% татар и 18% русских – участников исследования «ТАТ»–2006 г. – заявили о том, что они имеют дополнительную работу или занимаются индивидуально-трудовой деятельностью. Основная проблема взаимоотношений населения с частной собственностью заключается в другом, а именно: собственности этой у него очень мало, как малы и опыт и навыки выстраивания рациональных практик её использования⁴³.

Предпринимательский потенциал татарстанцев можно считать очень низким. В 1999 г. лишь около трети респондентов среди татар и русских симпатизировали в той или иной степени предпринимателям. Остальные относились к ним безразлично (около трети) или отрицательно. Горожане относятся к предпринимателям более позитивно, чем сельчане (рис. 3.7). Для улучшения своего материального положения готовы заняться предпринимательством 17% татар и 23% русских – участников исследования «ТАТ»–2006 г. 52% опрошенных русских не занимаются и не хотят заниматься предпринимательством. Эту позицию поддержали 47% татар. Как известно, участие в предпринимательской деятельности, включая стремление, реализуемое на практике, организовать собственное предприятие или начать какое-либо другое свое дело, в наибольшей степени определяет результативность социально-экономической адаптации. Та часть населения, которая демонстрирует подобное поведение, является наиболее конкурентоспособным, активным и инициативным трудовым контингентом, характеризующимся мотивацией достижения, высокими адаптивными возможностями применительно к условиям рыночной экономики. Постепенно происходит формирование предпринимательского слоя у этнических групп – слоя, заряженного на успех, умение встраиваться в новую экономическую систему. Но пока эти процессы идут очень вяло. В сельской местности появление людей «новой формации» идет намного медленнее, чем в городской.

Слабый инновационный потенциал татарстанцев усиливают невысокие ориентации на самостоятельность и отсутствие стратегического мышления. Выраженность установок на экономическую самостоятельность и установки на экономический патернализм оценивались нами в исследовании «ЭП»–2009 г. с помощью шкал Лайкерта.

⁴³ Тихонова Н.Е. Как россияне воспринимают ... С. 13.

Нашим молодым респондентам⁴⁴ предлагалось суждение, отражающее установку, а затем требовалось выразить степень своего согласия с данным суждением по 7-балльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 7 (абсолютно согласен). Выраженность установок на экономическую самостоятельность у татар составила 5,25 баллов, русских – 5,49. Установки на экономический патернализм у татар – 3,81 балла, русских – 3,75. Мы наблюдаем преобладание установок на экономическую самостоятельность. Однако можно считать довольно высокими ориентации на экономический патернализм. В этническом разрезе видим более высокие оценки установок на государственную опеку у татар, чем у русских.

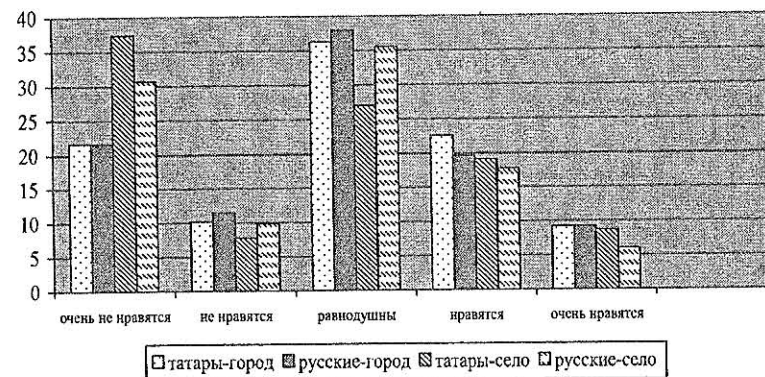

Рис. 3.7. Отношение к предпринимателям, «СЭН» – 1999 г., %

При изучении временной перспективы мы исходили из предложенного А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой понимания того, что временная перспектива – это полярный конструкт, на одном полюсе которого условно находятся индивиды, которые готовы отказаться от каких либо благ в настоящем ради выгод в будущем (то есть ориентированы на будущее). На другом – те, кто хочет получить максимум

⁴⁴ Мы отдаем себе отчет в том, что данные, полученные среди молодежи, могут не совпадать с ситуацией среди всего населения. Как известно, для молодежи характерен юношеский максимализм, отсутствие опыта и т. д. Тем не менее представляется важным знать ситуацию среди молодого поколения. Демонстрируя некоторые тенденции, наши материалы позволяют выстроить прогнозы развития социальных процессов в регионе.

выгод в настоящем, безразлично относясь к будущему⁴⁵. Именно такой подход применен в методике П. Холла. В наше исследование «ЭП»–2009 г. дополнительно был включен вопрос о том, на какой временной интервал человек может планировать свою жизнь. Оказалось, что уровень поддержки кратковременной ориентации у русского студенчества составил 43,0%, татарского – 46,5%, долговременной – 53,2% и 58% соответственно. Несмотря на то, что долговременная ориентация выше в исследуемых группах, чем кратковременная, говорить об устойчивой ориентации молодежи на перспективную модель жизнедеятельности не приходится. Вообще для России традиционно характерна одновременная ориентация на прошлое и будущее⁴⁶. Неустойчивость ориентаций современной молодежи подтвердилась нашими данными о том, на какой временной интервал молодые люди могут планировать свою жизнь. Абсолютное большинство – 68,2% татарской и 74,6% русской – молодежи могут планировать свою жизнь не более чем на 5 лет. Каждый десятый – 12,1% и 8,5% соответственно – на 6–10 лет. 15,2% и 11,9% совсем не могут планировать свою жизнь. Остальные – на более длительные сроки, но это не более 5% молодежи. Объективной причиной отсутствия выраженных установок на перспективу является нестабильная ситуация в нашей стране. Связь между внешней ситуацией и временными установками личности подтверждается социологическими исследованиями. Авторы указывают на то, что временная перспектива имеет тенденцию к сужению в стесненных экономических условиях⁴⁷. И, напротив, стабилизация обстановки и динамичное развитие страны приводят к росту временной перспективы и, в итоге, к повышению социального самочувствия населения, удовлетворенности жизнью и улучшению состояния здоровья человека⁴⁸.

Удовлетворенность работой. Экономические реформы обострили целый ряд негативных процессов в сфере труда. Значительную часть работающего населения Татарстана характеризует снижение

⁴⁵ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: РУДН, 2009. С. 62.

⁴⁶ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2002. С. 35.

⁴⁷ Муздыбаев К. Переживание времени в период кризиса // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 57 – 65.

⁴⁸ Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 179 – 185.

уровня удовлетворенности трудом (табл. 3.5). Особенно сильное падение зафиксировано среди сельчан. У другой, меньшей, половины работающих реальные результаты труда в той или иной степени не соотносятся с их ожиданиями, не приносят ощущения достигнутого успеха. В качестве положительного факта следует отметить, что доля лиц, которые полностью не удовлетворены своей работой, составляет около 12%. Важно отметить, что в городской среде степень удовлетворенности трудом и ее динамика среди этнических групп совпадают. Другая картина в сельской местности. Татары-сельчане демонстрируют относительно высокий уровень удовлетворенности. Русские, живущие в сельской местности, – низкий. В этой группе половина работающих довольны своей работой, столько же – не удовлетворены. У русских, живущих в селах, в 1990-х гг. произошло самое сильное (на 22 пункта) падение уровня удовлетворенности своим трудом.

Таблица 3.5

Степень удовлетворенности работой, «ЭПТ»–1989/1990 гг., «СЭН»–1999 г., %

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
«ЭПТ»–1989/1990 гг.				
Удовлетворен (а)	60,3	59,1	78,5	73,1
Не вполне удовлетворен (а)	27,9	29,9	15,6	18,2
Не удовлетворен (а)	11,8	11,0	5,9	8,7
«СЭН»–1999 г.				
Удовлетворен (а)	54,0	57,9	65,6	51,0
Не вполне удовлетворен (а)	33,8	30,3	25,6	38,8
Не удовлетворен (а)	12,2	11,8	8,9	10,2

Невысоки также показатели удовлетворенности различными сторонами своей профессиональной деятельности, результирующей которых является общая удовлетворенность трудом. Оплата труда в начале 1990-х гг. устраивала только около половины участников исследования (табл. 3.6). Доля лиц, которых устраивали условия труда, составляла от 29% в городах до 42% в селах. По 15% респондентов не были удовлетворены организацией труда, режимом работы и содержанием труда. Среди русских (особенно среди сельчан) уровень удовлетворенности зарплатой ниже, чем у татар. В то же время у татар уровень удовлетворенности условиями труда ниже, чем у русских. Последнее связано с тем, что татарам доставались более тяжелые участки производства (об этом подробнее см. Главу II, § 3).

Таблица 3.6

Причины неудовлетворенности работой, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %*

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Содержание труда	14,6	14,0	7,6	10,8
Уровень зарплат	50,1	56,3	46,0	59,5
Условия труда	36,0	28,9	41,5	35,9
Режим работы	13,8	12,9	16,1	15,9
Организация труда	18,6	17,3	13,4	18,5
Отношения с руководством	6,9	6,2	4,0	8,7
Отношения с товарищами по работе	3,6	2,8	2,2	4,1
Возможность профессионального роста	4,8	5,9	1,8	2,6
Другое	2,9	3,1	6,7	7,7

* Сумма не равна 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

В конце 1990-х – начале 2000 гг., по мнению специалистов, сформировались два важнейших аспекта труда. С одной стороны, произошло усиление у работников ориентаций на индивидуальные усилия, а с другой – снизился уровень требований и ожиданий, активизировалось в сознании приспособленческое начало⁴⁹. Такие изменения значимости работы, ее места в жизни людей обусловлены комплексом причин. Прежде всего, это общая ситуация на рынке труда. В обстановке снижения стабильности занятости, постоянной угрозы безработицы и ослабления позиций профессиональных организаций, роста зависимости персонала от администрации работники оказываются беззащитными и все чаще вынуждены мириться с неудовлетворительными условиями труда⁵⁰. Ситуацию «вынужденной удовлетворенности» закрепляет существенное ухудшение социального самочувствия и материального положения значительной части населения.

Социальное настроение и оценки материального положения. Социальное настроение, или социальное самочувствие, можно рассматривать как показатель, результирующий общежизненную ситуацию и складывающийся под влиянием объективных условий и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений,

ценностных ориентаций и установок⁵¹. 1990-е гг. в нашей стране отмечены падением социального настроения населения. С конца 2007 – начала 2008 гг. социологи наблюдали новый обвал всех основных показателей социального самочувствия жителей нашей страны. Наблюдая за социальными волнами, сносящими лидеров и правительства, прокатывавшимися по другим европейским странам (включая и так называемое постсоветское пространство), немало политиков – теоретиков и практиков – заговорили в этот период о возможном социальном взрыве и в России. Однако в 2008 г. впервые за 8 лет доля оптимистов, оценивавших ситуацию в стране позитивно, стала превышать число пессимистов. Мировой финансовый кризис увеличил число пессимистов, но они не стали подавляющим большинством⁵². Рост социальных настроений фиксируют социологические опросы ВЦИОМ. Если в марте 2009 г., во время пика кризиса, 14% опрошенных говорили, что больше не могут терпеть своё положение, 67% – что «терпеть могут», 18% заявляли о том, что их материальное положение – абсолютно благоприятное, то сейчас о благоприятном материальном положении говорит каждый третий россиянин⁵³.

Как показывают этносоциологические исследования, социально-психологические предпосылки для формирования нового экономического поведения у татар более позитивные, чем у русских. С.В. Рыжова, сравнив данные о социальном самочувствии русских и титульных народов Татарстана, Саха (Якутия) и Оренбургской области, пришла к выводу о том, что «...у городских русских в Татарстане хуже самооценка по социально-экономическому положению и больше выражена социальная усталость»⁵⁴. Данные других наших проектов подтверждают этот тезис.

Близость показателей между русскими и татарами обнаружена в оценках степени адаптированности: каждый пятый участник опроса «ТАТ»–2006 г. считает, что полностью приспособился к современной ситуации, столько же надеются, что это произойдет в будущем. Тем не менее социально-психологическое сопровождение рыночных от-

⁵¹ Тоценко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. С. 12.

⁵² Народ десятилетней выдержки...

⁵³ URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13597.html?no_cache=1&Hash=976f7c49e1 (дата обращения: 28.08.2010).

⁵⁴ Рыжова С.В. Указ. соч. С. 196.

⁴⁹ Козырева П.М. Адаптационные процессы в сфере труда: формирование рыночных качеств и отношение к труду // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 22.

⁵⁰ Там же. С. 21.

ношений имеет этнические особенности: русские сложнее переживают новые экономические условия, чем татары.

Один из факторов, определяющих социальное настроение, – материальное благополучие, показатели которого, по данным наших исследований, как и других, проведенных в российских регионах⁵⁵, имеют положительную динамику. После дефолта 1997 г. доля населения РТ, оценивающая свой достаток как высокий и относительно высокий (ни в чем себе не отказывающие и не испытывающие нужды в деньгах), упала по сравнению с началом 1990-х гг. в два раза (рис. 3.8). Заметно выросло число людей, у которых доходы обеспечивают прожиточный минимум. Особенно сильное падение по самооценкам произошло среди русских Татарстана. Минимальный разрыв в оценках материального положения между русскими и татарами в начале 1990-х гг. сменился существенными дистанциями в их представлениях к концу десятилетия. Среди татар более высокие оценки зафиксированы у сельчан, чем у горожан. Среди русских различий обнаружено не было. Несмотря на то, что зарплата сельчан заметно ниже, чем у горожан⁵⁶, сельские татары в рыночных условиях нашли дополнительные источники средств к существованию. Для многих из них личное подсобное хозяйство (мясомолочное производство, выращивание овощей) стало важным ресурсом выживания в новых экономических условиях.

Обнаруженная с помощью этносоциологического метода тенденция более низких оценок материального положения русских по сравнению с татарами подтвердилась в этнопсихологическом опросе «ЭП»–2009 г. Русские студенты демонстрируют не только более низкие оценки своего материального положения, они и реже ожидают позитивных изменений благосостояния в ближайшие годы, чем студенты-татары (табл. 3.7).

⁵⁵ Козырева П.В., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова Д.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994 – 2001) // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 161 – 163.

⁵⁶ Пропорции заработной платы сельского и городского населения в РТ составили в 1990 г. 1:1, в 1999 г. – 1:2. См.: Республика Татарстан.... С. 23.

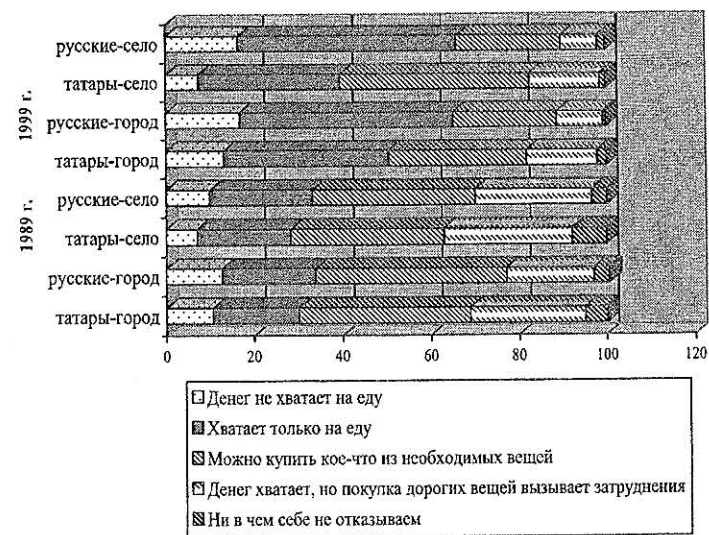

Рис. 3.8. Оценки материального положения, «ЭПТ» – 1989/1990 гг., «СЭН» – 1999 г., %

Таблица 3.7
Представления об изменении благосостояния, «ЭП»–2009 г., %

	Ухудшение	Без изменений	Улучшение
<i>За последние два года</i>			
Татары	25,0	25,0	50,0
Русские	27,6	32,7	39,7
<i>В ближайшие два года</i>			
Татары	10,3	23,5	66,2
Русские	8,8	29,8	61,4

Более низкие оценки материального положения у русских были обнаружены и среди жителей столицы Татарстана. В 2006 г. 43% татар и 50% русских, живущих в Казани (проект «ТАТ»), не были удовлетворены своим материальным положением. Состояние семейного бюджета татары оценивают выше, чем русские. При этом татары чаще, чем русские, готовы мобилизоваться для улучшения своей жизненной ситуации («жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше»). Русские чаще выбирают варианты «я никогда не смогу

приспособиться к нынешней жизни» и «надо полагаться на судьбу, и все устроится само собой».

Перейдем к анализу социального самочувствия населения Татарстана. Как показывают наши материалы, социальное настроение жителей республики можно оценить как среднеоптимистичное. Чуть более половины участников исследования «СЭН» – 1999 г. считают, что «жить трудно, но можно терпеть» (рис. 3.11). Почти столько же видят как позитивные, так и негативные изменения в своей жизни (рис. 3.12). Менее четверти согласны с тем, что «все не так плохо и можно терпеть». В 1994 г. 16,9% русских и 22,5% татар, проживающих в городах, заявили, что «все не так плохо и можно жить». 56,7% и 56,1% соответственно выбрали вариант «жить трудно, но можно терпеть». 22,8% русских респондентов и 16,3% татар находятся за гранью социального терпения. В 1999 г. больше половины русских считают, что жизнь становится хуже. Это выше, чем среди татар. Сравнивая данные исследований «НИК»–1994 г. и «СЭН»–1999 г., можно обнаружить, что уровень социального самочувствия не изменился. Тем не менее основная часть опрошенных не готова к активным действиям для улучшения своего социального положения, например, принять участие в выступлениях, забастовках, митингах и т. п. Лишь 14% татар и 15% русских – участников исследования «СЭН»–1999 г. – выразили такую готовность, и около 20% заявили, что «готовы принять участие в зависимости от обстоятельств»⁵⁷. Иными словами, большая часть населения привыкает к худшим условиям, те же, кому это не удается, вынуждены примиряться⁵⁸ и находиться в ситуации неуверенности в собственном будущем. По данным Центра аналитических исследований и разработок, лишь треть опрошенных в октябре 2009 г. «уверены» или «скорее, уверены» в своем будущем. Пятая часть – «не уверены» или «скорее, не уверены». 4% – затруднились в ответе. А 40% вообще не могут определить свои перспективы⁵⁹.

Одним из вопросов этнопсихологического исследования «ЭП»–2009 г. стало изучение ассоциаций, связанных с понятием «деньги». Мы использовали модифицированный Н.М. Лебедевой опросник «Нравственная оценка денег» Е.И. Горбачевой и А.Б. Купрейченко. Респонденту предлагалось выразить свое согласие с утверждениями по

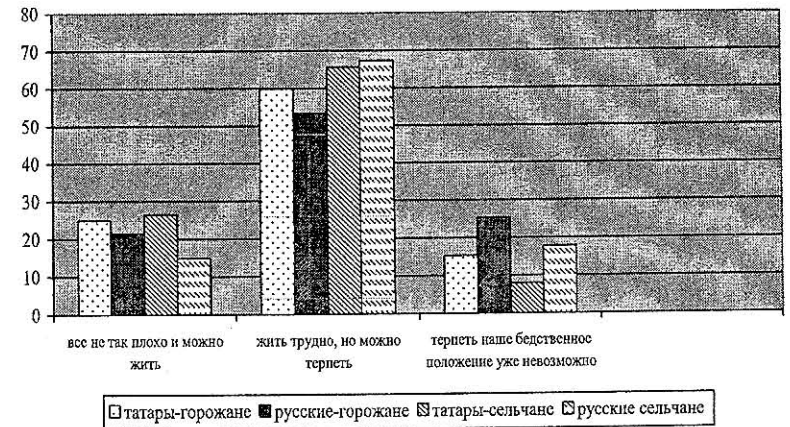

Рис. 3.11. Социальное самочувствие, «СЭН» – 1999 г., %

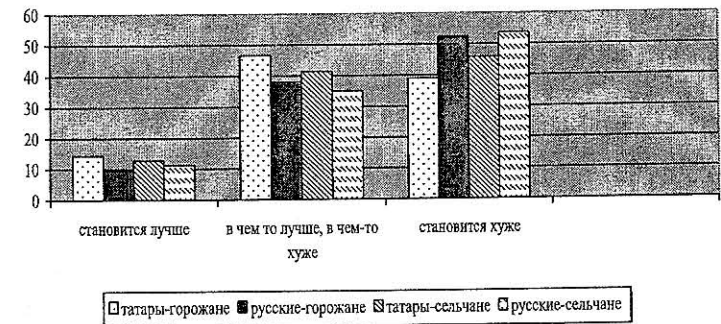

Рис. 3.12. Оценки изменений собственной жизни, «СЭН» – 1999 г., %

7-балльной шкале от 1 (утверждение совершенно не соответствует моему мнению) до 7 (утверждение полностью соответствует моему мнению). Респонденту предлагался список из 18 понятий. Далее ответы подвергались факторному анализу. В результате было выделено четыре фактора:

1. «Деньги как источник власти» (Сила, Власть, Достижения, Цинизм).
2. «Деньги как источник безопасности» (Безопасность, Здоровье, Комфорт, Свобода).

⁵⁷ Мусина Р.Н. Указ. соч. С. 355.

⁵⁸ Шабанова М.А. Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 58.

⁵⁹ URL: <http://www.casd.ru> (дата обращения: 28.08.2010).

3. «Деньги как ответственность перед окружающими» (Ответственность, Справедливость, Терпимость, Правдивость).

4. «Деньги как источник зависимости» (Зависимость, Беспринципность).

Результаты представлены в табл. 3.8. Как видим, наибольшее расхождение между татарской и русской студенческой молодежью обнаружено по двум факторам – «Деньги как источник безопасности» и «Деньги как источник власти». Для татар более значимы, по сравнению с русскими, следующие мотивационные основания материально-достижительных стратегий: Сила, Власть, Достижение наряду с Безопасностью, Здоровьем, Комфортом, Свободой.

Социально-экономические взгляды среднего класса. В Главе II мы показали разнообразие субъективных средних классов у татар и русских республики по социально-профессиональным позициям, образованию, демографическим характеристикам. Можем ли мы говорить о том, что существуют различия идентифицирующих себя как средние слои по социально-экономическим взглядам в разных этнических группах? И какова роль субъективного среднего класса на поле межэтнического взаимодействия?

Таблица 3.8

Уровень поддержки ассоциаций, связанных с понятием «деньги», «ЭП»–2009 г., %

Варианты	Татары	Русские
Деньги как источник власти	56,2	49,5
Деньги как источник безопасности	75,8	66,3
Деньги как ответственность перед окружающими	77,2	74,6
Деньги как источник зависимости	32,7	30,1

Российские социологи фиксируют специфику экономических взглядов среднего класса. Так, например, среди представителей среднего класса шире распространена творческая мотивация к работе: 63% среди них и 42% среди «периферии» считают, что «работа – это важнейшая сторона нашей жизни и возможность проявить себя, самореализоваться». Лишь 19% людей, считающих себя средним классом, и 30% «периферии» оценивают свое положение на уровне бедности⁶⁰. По результатам анализа данных исследования «СЭН»–1999 г. мы мо-

⁶⁰ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / авт.-сост. Е.П. Добрынина: под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 281 – 282.

жем констатировать близость социально-экономических взглядов татар и русских среднего класса, живущих в городах, и различия идентифицирующих себя как средний слой внутри сельской среды. Рассмотрим это тезис подробнее.

Города представляют собой унифицированное поле интересов представителей среднего класса у татар и у русских (табл. 3.9). Здесь наблюдается положительная корреляция с деятельностными жизненными установками, безусловное сходство в оценке жизненной ситуации, своего материального положения, оценке реформ и т. д. Три четверти татар и русских – горожан, считающих себя представителями среднего слоя, – поддерживают рыночные отношения и настаивают на их продолжении. При выстраивании жизненных стратегий представители этих групп одинаково рассчитывают на семью, работу, собственный капитал, оптимизм. Около 28% готовы много зарабатывать без особых гарантий на будущее или иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск. Около половины городских татар и русских оценивают свой достаток на среднем и высоком уровне.

Таблица 3.9

Социальные ресурсы среднего слоя, «СЭН»–1999 г., %*

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Собственность, капитал	36,7	45,0	35,3	48,7
Способность заработать, профессия	61,0	65,6	62,9	56,9
Пост, должность, связи по положению	20,0	29,2	28,7	25,4
Поддержка семьи и родственников	79,2	76,2	92,7	79,7
Надежда на поддержку со стороны государства	23,8	14,9	54,3	29,8
Мой собственный оптимизм	75,0	72,6	81,8	78,6
Ничто не дает	8,5	11,6	1,7	6,3

* Сумма не равна 100%, т. к. респондент мог выбрать три варианта ответа.

Другая ситуация в сельской местности. Здесь мы наблюдаем существенные расхождения во взглядах тех татар и русских-сельчан, которые считают себя средним классом. Это связано с традиционными этиками труда русских и татар, которые мы описывали выше. Татары – представители среднего класса – больше удовлетворены своей работой (73,7% против 58,8% у русских). Они дают более высокие оценки своего материального положения (70,0% считают, что «им хватает денег, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения», или

«ни в чем себе не отказывают»; эти варианты среди русских выбрали 45,0% респондентов). Татары чаще ориентированы на деятельностный труд (24,1% готовы много зарабатывать без гарантий на будущее или согласны иметь свое дело и вести его на свой страх и риск; эти варианты выбрали 9,1% русских). Для татар обеспеченность и доход означают приоритетную жизненную ценность (у русских – второе место в рейтинге; разница +16 пунктов).

Общность интересов среднего класса в селах у татар и русских проявляется в установках на способность заработать (табл. 3.10). Эту деятельностную установку русские ориентированы реализовать через два канала – 1) посредством освоения новой профессии и повышения трудового статуса (повысить квалификацию, изменить профессию, специальность, найти работу с более высокой оплатой), 2) через общинность (связи). Стратегия сельского среднего класса русских воплощает в себе их конфликт между стремлением опираться на личные усилия и готовностью использовать коллективные принципы труда. Такое сочетание коллективизма/индивидуализма связано с историческими особенностями формирования организации труда среди русского крестьянства (см. Главу II, § 2). Мы можем говорить о сохранении традиционной культуры труда у русских сельчан. Средний класс у сельских татар готов реализовать деятельностную установку через три других социальных канала – через семью, путем более интенсивного использования старого профессионального опыта (найти подработку или взяться за вторую работу, организовать свое дело), с помощью государства. Уровень патернализма у сельских татар составил 54,3% (у русских – 29,8%). Стратегия сельского среднего класса татар воплощает в себе традиционные для татар структуры связей (внутри малых социальных институтов – семью, небольших территориальных единиц – аульные общины, махаллю), максимальное использование имеющихся ресурсов и предпочтения социально ориентированной рыночной экономики. Такие данные позволяют сделать следующий вывод. Западная модель экономики адекватна социально-экономическим интересам далеко не всех этнических групп. Доля сторонников тех рыночных отношений, которые формируются на российской почве с некоторым уклоном на западные образцы, среди субъективного среднего класса у русских сельчан составила 65,2%, у татар, живущих в селах, – 51,4%. В представлениях среднего класса разных этнических групп, определяющего перспективы развития каждого народа или отдельных территорий, новая экономика воспри-

нимается с разных позиций. Мы видим две разные стратегии адаптации – у русских с уклоном на западные образцы индивидуализма при сохранении общинных принципов, у татар – установки на инициативное поведение с высокой степенью ориентации на государственную опеку. Динамичное формирование среднего класса в сельской местности у татар должно происходить при активном участии государства. Для среднего слоя русских сельчан важно продуцирование идей общинности и индивидуальной ответственности. В таком случае можно ожидать рост числа людей, идентифицирующих себя со средним слоем, в разных этнических группах.

Таблица 3.10

Действия по улучшению своего положения среднего слоя, «СЭН»–1999 г., %*

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Повысить свою квалификацию	43,8	49,1	46,2	57,1
Изменить профессию, специальность	21,1	23,3	23,1	30,4
Искать новую работу с более высокой оплатой	48,1	38,2	34,3	43,9
Найти подработку, вторую работу	37,5	38,8	43,0	27,6
Начать свое дело	17,2	13,4	15,3	8,6
Поменять место жительства	6,9	8,0	4,9	7,0
Наладить связи с нужными людьми	44,1	43,6	27,4	40,4
Уехать за границу	6,1	8,8	1,9	1,0

* В таблице представлена мера согласия респондентов с тем или иным вариантом ответа.

Близость субъективных средних классов у русских и татар в городах является основой позитивного межэтнического взаимодействия и социального развития. Благодаря своим жизненным интересам и их совпадению (рис. 3.13) именно эти слои заинтересованы в стабильности. Является ли село, в силу различий во взглядах представителей среднего класса, зоной потенциальной конфликтности? Как показали материалы проекта «СЭН», в 1999 г. почти половина сельчан среди субъективного среднего слоя у татар и у русских заявили, что национальность непосредственного начальника не имеет значения. Еще для примерно 40% опрошенных эта проблема безразлична. Ситуацию позитивно подпитывает опыт длительного близкого бытового взаимодействия сельчан. Поэтому «положительная самооценка и субъективный положительный настрой групп коррелируют с толерантными ус-

тановками в социальной сфере и сфере межэтнических взаимодействий и, следовательно, способствуют интеграции в обществе»⁶¹. Важен и другой вывод. Эмпирические материалы российских социологов показывают, как сегодня самые разнообразные виды капитала конвертируются в самых разных комбинациях, но в основном у одних и тех же людей, которые представляют собой группу «новых капиталистов». Эти люди, сосредотачивая в своих руках все значимые в современных условиях ресурсы, конвертируемые друг в друга и в традиционный экономический капитал, имеют возможность занять господствующее положение в обществе⁶². Почва для выстраивания среднего класса у сельских татар и русских разная. От того, в какой конфигурации выстроится сочетание стратегий среднего слоя на селе, будет зависеть весь фон межэтнического взаимодействия. В Татарстане пока нет оснований строить неблагоприятный прогноз. Причем речь идет не просто о сосуществовании у сельчан различных видов ресурсов или их суммировании, а об их умножении и даже возведении в степень по совокупной эффективности за счет различных форм их взаимодействия.

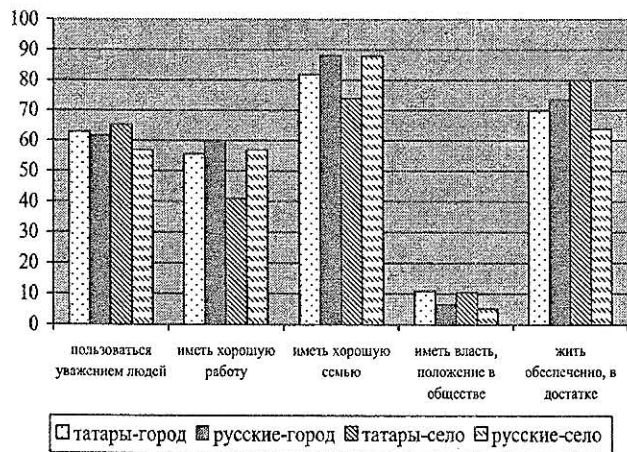

Рис. 3.13. Жизненные ценности среднего слоя, «СЭН» – 1999 г., %

⁶¹ Дробижеева Л.М. Социальные проблемы... С. 142.

⁶² Тихонова Н.Е. Социальный капитал... С. 34.

§ 2. Этносоциологический и кросс-культурный анализ социального капитала

Одним из приемов, который используется в этносоциологии, является этнопсихологический подход. Необходимость его использования связана с тем, что он позволяет объяснять поведение людей как личностей, т. е. не просто как индивидов, а людей, включенных в этническую группу в том смысле, в каком в их представлениях или поведении присутствует в той или иной мере этничность. При этом речь идет не о наборе специфических черт, по сути присущих всем народам, а о степени выраженности тех или иных ценностей⁶³.

Для нашего исследования полезным является одно из направлений этнопсихологии – кросс-культурная психология. В ней в последние годы достаточно активно стали разрабатываться культурно-универсальные подходы и методы изучения культурного разнообразия и связи культуры с экономическими, социальными и политическими переменными. В центре внимания таких исследований – люди с их потребностями, эмоциями, чувствами, представлениями и верованиями, поступающие иногда алогично и нерационально. «Более того, многие представления и мотивы пропитаны культурой, в которой люди прошли социализацию, и это определяет культурную специфику многих экономических, политических и социальных процессов на индивидуальном и групповом уровнях в разных странах»⁶⁴.

Наиболее интересная и перспективная, на наш взгляд, методика изучения социального капитала этнических групп разработана в лаборатории Социально-психологических исследований Центра фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ. Данная методика прошла апробацию в многочисленных эмпирических исследованиях Н.М. Лебедевой и Н.А. Татарко среди целого ряда этнических групп российского общества и показала ряд преимуществ в сравнении с другими, западными методиками изучения влияния культуры на экономическое развитие. Во-первых, эта методика показывает, как культура влияет на экономические установки людей, во-вторых, в центре внимания не когнитивный уровень (представления людей), а эмоциональный и поведенческий уровни культурных факторов, влияющих на экономическое

⁶³ Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижеева, А.А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 15, 170.

⁶⁴ Лебедева Н.М. Культура как фактор общественного прогресса / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. С. 4.

поведение, и, наконец, эта методика адаптирована к российской действительности.

В основу методики Н.М. Лебедевой и Н.А. Татарко легло понимание структуры социального капитала на социетальном уровне, включающем следующие элементы: доверие (уровень и радиус), социальную сплоченность, единую гражданскую идентичность, взаимную толерантность и общность ценностей⁶⁵. Н.М. Лебедева любезно предоставила нам право использовать авторскую методику в нашем исследовании «ЭП»–2009 г. Рассмотрим его результаты и привлечем данные этносоциологических исследований по интересующей нас проблеме. Напомним, что это исследование мы проводили среди студенческой молодежи и полученные результаты оцениваем как демонстрацию некоторых современных социальных тенденций.

Доверие является одним «из наиболее важных синтетических сил в обществе»⁶⁶. Его значимость связана с тем, что доверие непосредственно связано с развитием стабилизационных и интеграционных процессов, крайне необходимых российскому обществу. Трудно не согласиться с П.М. Козыревой в том, что «основными содержательными моментами стабилизационной политики являются сплочение различных групп и слоев населения, гармонизация социально-экономических и социально-политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил»⁶⁷. Доверие, таким образом, может выступать механизмом снижения риска во взаимоотношениях людей или социальных групп. Именно в таком ключе в социологии трактуется природа доверия. Начиная с Г. Зиммеля и заканчивая Э. Гидденсом, социологи отмечают, что доверие – это уверенность в действиях других людей, основанная на чувстве, а не на рациональном понимании.

⁶⁵ Подробнее о методике см.: *Лебедева Н.М.* Культура как...; *Татарко А.Н.* Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. Т. 30. 2009. № 2. С. 67 – 80; *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: Изд-во РУДН, 2009; *Лебедева Н.М.* Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал. Т. 21. 2000. № 3. С. 73 – 87.

⁶⁶ *Simmel G.* The sociology of George Simmel. N.Y.: Free Press, 1950. P. 326.

⁶⁷ *Козырева П.М.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 44.

Доверие выполняет две основные социальные функции. На межличностном уровне доверие создает коммуникацию и активизирует взаимодействие. Доверие позволяет людям действовать более активно, ускоряет процессы социального обмена. Другая его социальная функция – интеграция группы и общества в целом. Доверие в обществе инициирует совместные действия, т. е. воспроизводит корпоративные отношения. Связи индивида и группы становятся более устойчивыми, а его включение в общность – более полным⁶⁸.

Радиус доверия – категория, определяющая круг (или социальные группы) входящих в единую систему доверительных отношений. Ф. Фукуяма отмечает, что, хотя определенным запасом социального капитала обладает любое общество, значительные различия между ними обусловлены именно радиусом доверия⁶⁹. Исследователь приводит на этот счет пример Японии и Китая. Более интенсивное развитие экономики Японии по сравнению с экономикой Китая он объясняет более широким радиусом доверия у японцев: если у китайцев наблюдался недостаток доверия за пределами семейного круга, то японцев с детства учили духу сотрудничества с «чужаками».

Для обществ с низким уровнем доверия характерен фамилизм – акцент на семейных связях, которые представители такого общества считают единственной опорой индивида, основой всех социальных взаимодействий. В таких обществах люди доверяют только членам своей семьи и не доверяют людям, не входящим в семейный круг. Поэтому эти общества испытывают трудности в институционализации компаний, когда компании разрастаются и члены семьи уже не в состоянии регулировать их деятельность. Фамилизм ограничивает пределы роста компаний и снижает эффективность их деятельности.

Общества с высоким и широким уровнем доверия, напротив, склонны к образованию различных добровольных ассоциаций. В результате такие общества получают возможность накапливать потенциал в сфере организационных инноваций и более гибко адаптироваться к изменениям в технологиях рынка и условиях рынка. Высокая степень доверия, позволяющая легко организовать всевозможные ассоциации, имеет в разных культурах разные истоки.

⁶⁸ Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: СПбГУ, 2004.

⁶⁹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2002. С. 129.

Наиболее популярным социологическим инструментом замера доверия является вопросник «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey). Замер ведется на двух уровнях – межличностном (вопросы «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» или «Нужно ли быть осторожными с людьми?») и институциональным (доверие людей к различным институтам – власти, СМИ, общественным организациям, армии, образовательной системе и т. п.). Респонденту предлагается по 5-балльной шкале оценить степень своего доверия к каждому из 17 социальных институтов.

Н.М. Лебедева, используя материалы исследований Р. Инглхарта с применением «Всемирного обзора ценностей» и собственные данные, отмечает, что уровень межличностного доверия в России в сравнении с Японией, Китаем, США, Швецией самый низкий – 34,7% в 1990 г. и 22,9% в 1999 г. В 2005 г. этот показатель остался довольно низким – 22,9%. По данным П.М. Козыревой, в октябре 2006 г. 37,4% российских респондентов ответили, что «большинству людей можно доверять». При этом доля граждан, полагающих, что в настоящее время с людьми всегда надо быть осторожными, достигает 56,4%. По мнению исследовательницы, «довольно низкие показатели взаимного доверия в современном российском обществе свидетельствуют о том, что общество по прошествии полутора десятков лет с начала радикальных реформ не смогло восстановить подорванный социальный капитал и находится в раздробленном, мозаичном состоянии... И все это вместе взятое превращается в серьезную преграду на пути развития социальной активности граждан, усиливает отстраненность людей от участия в общественно-политической жизни, препятствует поиску и освоению наиболее устойчивых форм социального равновесия и порядка, углублению интеграционных процессов в обществе»⁷⁰.

Проблему доверия мы рассматриваем на трех уровнях – межличностном, институциональном и межгрупповом (между этническими группами). Для изучения межличностного доверия нашим молодым респондентам – участникам исследования «СЭН»–1999 г. – задавалось два вопроса: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что нужно быть осторожными с людьми?» и «Считаете ли Вы, что большинство людей при малейшей возможности будут использовать Вас в своих целях или они будут относиться к Вам по-честному?». При оценке уровня межличностного доверия

респондентам предлагалась 7-балльная шкала: 1 – нужно быть осторожными с людьми (будут использовать Вас в своих целях), 7 – большинству людей можно доверять (будут относиться к Вам по-честному). Среднее арифметическое этих двух вопросов является показателем межличностного доверия. По нашим материалам, он составил у русских – 3,42 балла, у татар – 3,38. Как видим, показатели межличностного доверия у русской и у татарской частей нашей исследовательской аудитории довольно близки.

Напомним, что исследование «ЭП»–2009 г. мы проводили среди студенчества. Однако близость показателей межличностного доверия среди русских и татар была обнаружена и при обследовании всего населения Татарстана. По данным В.В. Коротеевой, уровень доверия (вариант ответа «большинству людей можно доверять») в 1999 г. среди городских татар и русских составил 18,3% и 22,7%, среди сельчан – 21,9% и 18,4% соответственно. Несмотря на то, что в 1999 г. эти показатели совпали с общероссийскими (см. выше), Коротеева отмечает, что «в каждом регионе имеются свои нюансы значимой связи уровня доверия с такими социально-демографическими параметрами, как среда проживания, возраст и образование. Все эти нюансы отражают... региональные особенности уровня урбанизации и распространенности образования у представителей разных поколений, разных поселенческих и этнических сред. В Татарстане уровень доверия значимо связан с уровнем образования и возрастом: здесь представители молодого поколения (до 35 лет) по сравнению с людьми старшей возрастной группы (свыше 51 года) в большей мере склонны выбирать «осторожную доверительность»... Еще более отчетливо эта тенденция проявляется у представителей разных образовательных когорт: чем выше уровень образования, тем больше доля выбравших «осторожную доверительность» и меньше доля тех, кто вообще не склонен никому не доверять»⁷¹.

Рассмотрим институциональное доверие. При оценке уровня доверия к каждому из социальных институтов респонденты использовали следующие варианты ответов: 1 – совсем не доверяю; 2 – не особенно доверяю; 3 – доверяю в средней степени; 4 – вполне доверяю; 5 – абсолютно доверяю.

Как показало наше исследование, у студенческой татарской и русской молодежи нет ни одного социального института, пользующе-

⁷⁰ Козырева П.М. Указ. соч. С. 45.

⁷¹ Коротеева В.В. Статус этнических групп в общественном сознании и индивидуальном опыте // Социальное неравенство... С. 154 – 156.

гося абсолютным доверием (рис. 3.14). В радиус доверия входят такие институты, как образовательные и религиозные учреждения, президент Российской Федерации и президент Республики Татарстан (М.Ш. Шаймиев на момент проведения опроса). У русского студенчества президент Республики Татарстан уступает по уровню доверия международным организациям. Религиозные учреждения по уровню доверия занимают вторую позицию. Важно отметить, что мусульманские религиозные институты (ДУМ, мечети, имамы) у татарской молодежи пользуются несколько большим доверием, чем православная церковь у русских.

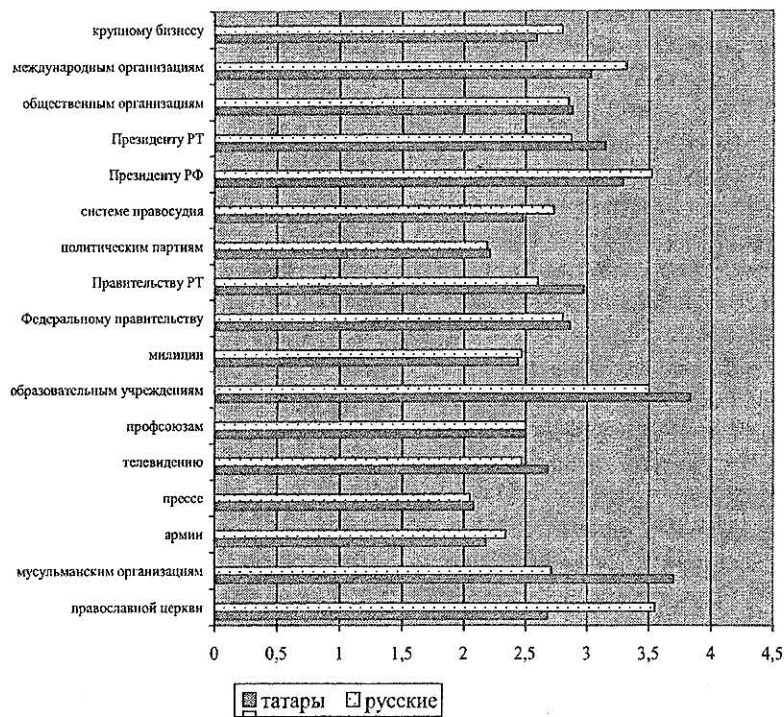

Рис. 3.14. Уровень доверия татарского и русского студенчества, «ЭП» – 2009 г., баллы

Результаты позволяют говорить, что уровень доверия к большинству социальных институтов у татар выше, чем у русских: по восьми социальным институтам у татар выше уровень доверия, чем у

русских, у русских он выше только по шести социальным институтам. Таким образом, можно заключить, что уровень институционального доверия у татар выше, чем у русских. Этнические отличия были выявлены и по объектам доверия. По сравнению с татарами русская молодежь больше доверяет государственным структурам – армии, милиции, системе правосудия, президенту Российской Федерации, а также международным организациям, крупному бизнесу. Татары, по сравнению с русской молодежью, больше доверяют институтам гражданского общества – СМИ, политическим партиям и общественным организациям, а также правительству (как РФ, так и РТ), президенту Татарстана.

И.М. Кузнецов, анализируя результаты исследования «СЭН»–1999 г., пришел к интересным выводам. Во-первых, как и в нашем исследовании, по его данным, уровень доверия к общероссийской власти оказался ниже, чем к региональной. И эта ситуация характерна не только для Татарстана, но и для трех других обследованных регионов – Саха (Якутии), Башкортостана, Оренбуржья. Во-вторых, и это важно в ракурсе нашего исследования, «чем выше уровень доверия к региональной власти, тем выше уровень региональной консолидации. И, наоборот, высокий уровень региональной консолидации сопряжен с высоким уровнем доверия к региональным властям. К сожалению, статистически незначительные доли доверия к общероссийской власти не позволяют пока сформулировать аналогичные выводы относительно сопряженности этого уровня власти и общероссийского полюса консолидации»⁷². Таким образом, доверие к властям напрямую связано с интеграцией общества, влияющей на его социально-экономическое развитие. И здесь общероссийская власть, в руках которой находятся основные экономические институты и инструменты организации нормального рыночного поля, пока уступает региональным властям.

Вернемся к нашему исследованию. Для удобства дальнейшего анализа институты были объединены в группы социальных институтов, имеющих общие черты.

1. «Доверие государственным органам управления». Этот фактор включает доверие татарстанскому правительству, федеральному правительству, президентам РТ и РФ, системе правосудия, политическим партиям, милиции. Внутри мы выделили два пула «Доверие

⁷² Кузнецов И.М. Тип экономических ориентаций и дифференциация этнических групп // Социальное неравенство... С. 184 – 187.

президенту и правительству РФ» и «Доверие президенту и правительству РТ».

2. «Доверие средствам массовой информации». В этот фактор вошли показатели, характеризующие доверие прессе и телевидению.

3. «Доверие неправительственным организациям и крупному бизнесу». Сюда вошли показатели доверия общественным организациям, международным организациям, крупному бизнесу.

4. «Доверие открытым социальным институтам», т. е. социальным институтам, в которые на той или иной стадии жизненного пути включен каждый человек. Фактор содержит показатели, характеризующие доверие церкви, мусульманским институтам, армии, профсоюзам, образовательным учреждениям.

Сопоставление факторных оценок подвыборок татар и русских позволило сделать выводы о достоверном различии следующих факторов:

– у русских, по сравнению с татарами, больше выражено значение фактора «Доверие неправительственным организациям и бизнесу» и «Доверие государственным органам управления»;

– у татар, по сравнению с русскими, больше выражено значение фактора «Доверие средствам массовой информации».

Значения фактора «Доверие открытым социальным институтам» у татар и русских не различаются.

Русская молодежь больше, чем татарская, доверяет неправительственным организациям и бизнесу, что позволяет говорить о том, что русские больше, чем татары, ориентированы на негосударственный сектор и бизнес, это благоприятно для экономического развития. При этом татары больше, чем русские, доверяют средствам массовой информации: с одной стороны, это позитивный факт (когда СМИ борются за права человека в случае их узурпации властью или чиновничеством), с другой – это делает ее уязвимой для разного рода манипулятивных технологий.

Н.М. Лебедева выделяет два вида доверия – горизонтальное и вертикальное. Если соотнести выделенные нами факторы с данными видами доверия, то факторы «Доверие государственным органам управления» и «Доверие средствам массовой информации» характеризуют вертикальное доверие. Факторы «Доверие неправительственным организациям и крупному бизнесу» и «Доверие открытым социальным институтам» характеризуют горизонтальное доверие. Если принять такое деление, то у русских наблюдается довольно противоречивая ситуация: с

одной стороны, у них выражено горизонтальное доверие – «Доверие государственным органам управления», с другой, вертикальное – «Доверие неправительственным организациям и крупному бизнесу». У татар же вид доверия более определенный – оно вертикальное.

Чтобы понять, насколько молодые татарстанцы в целом доверяют различным социальным институтам, были вычислены средние значения по всей выборке, характеризующие уровень доверия к каждому из социальных институтов (рис. 3.15).

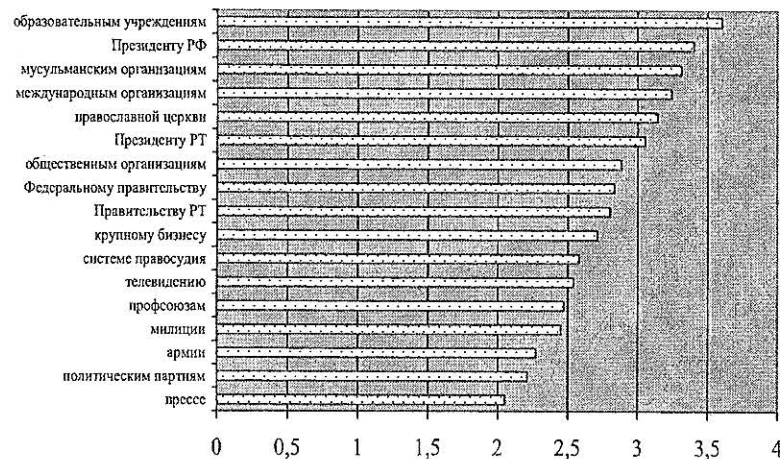

Рис. 3.15. Уровень доверия молодых татарстанцев, «ЭП» – 2009 г., баллы

Как показывают данные, все социальные институты по уровню доверия к ним со стороны молодых татарстанцев можно разделить на три категории.

Первая категория – социальные институты, которым молодое поколение мало доверяет. Это пресса, политические партии, армия, милиция, профсоюзы.

Вторая категория – социальные институты, пользующиеся средним уровнем доверия молодежи: телевидение, система правосудия, крупный бизнес, Правительства РТ и РФ, общественные организации.

Третья категория – социальные институты, уровень доверия татарстанцев к которым выше среднего. Это образовательные учреждения, Президенты РФ и РТ, церковь, мусульманские институты, международные организации. Если взять полярные по критерию доверия россиян социальные институты, то на полюсе недоверия окажутся

политические партии, пресса и милиция, а на противоположном полюсе, максимального доверия, – образовательные учреждения, религиозные учреждения и президенты.

Обращает на себя внимание также тот факт, что общественные и международные организации пользуются значительно большим доверием молодого поколения татарстанцев, чем правительство (региональное, федеральное), т. е. общественным организациям россияне доверяют больше, чем государственным органам управления. Поэтому можно отметить, что в сознании наших респондентов общественные организации составляют некую конкуренцию государственным органам. Молодые татарстанцы придерживаются мнения, что правду и защиту можно найти скорее в общественных организациях, чем в государственных органах.

В контексте нашего исследования – перспектив интеграции российского общества, важно сравнить не только уровни межличностного доверия и доверия к социальным институтам, но и уровни межгруппового доверия между русскими и татарами. К сожалению, мы не располагаем данными об уровне межгруппового доверия, полученными с помощью 5-балльной шкалы. Тем не менее в определенной степени в этом нам помогают разобраться данные, полученные другими исследователями. По материалам Г.Р. Столяровой, степени доверия татар к русским и русских к татарам, равно как и степени недоверия, весьма схожи. В 1997 г. доверяли русским в той или иной степени 47,2% татарской и 70,1% русской молодежи; татарам – 70,2% татарского и 51,3% русского молодого поколения. Примерно треть затруднилась в оценках⁷³. Материалы научно-исследовательского проекта «Взаимодействие и этничность», реализованного в Татарстане в 2002 г., демонстрируют тенденцию роста межэтнического доверия между доминирующими группами Татарстана. В той или иной степени доверяют татарам 90,9% респондентов-татар и 81,1% русских; русским, соответственно, 86,4% и 92,8% участников исследования⁷⁴. Как видим, уровень доверия между русскими и татарами в Татарстане довольно высок, и

⁷³ Столярова Г.У. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 186.

⁷⁴ Научно-исследовательский проект «Взаимодействие и этничность» осуществлен под руководством Д. Бари, Р. Вилсон, П. Козыревой, М. Косолапова. Опрошено 1 187 человек (551 русских, 636 татар). Результаты любезно предоставлены автору Р.Н. Мусиной.

это позитивная основа выстраивания межэтнического взаимодействия в республике. Однако нельзя не заметить, что уровень доверия к своей этнической группе выше, чем к другой.

Солидарность членов групп является институализированной формой их социального капитала⁷⁵. Проблема социальной сплоченности этнических групп – одна из ключевых в этносоциологии. В целом ряде анализируемых нами этносоциологических исследований использовался специальный инструментарий для замеров солидарностей – социальных, этнических, религиозных, политических, возрастных и др. Обратимся к материалам этносоциологического исследования «СЭН»–1999 г. В нем респондентам задавался вопрос в следующей формулировке: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы бы могли сказать – это мы?» Распределение ответов представлено на рисунках 3.16, 3.17, 3.18, 3.19.

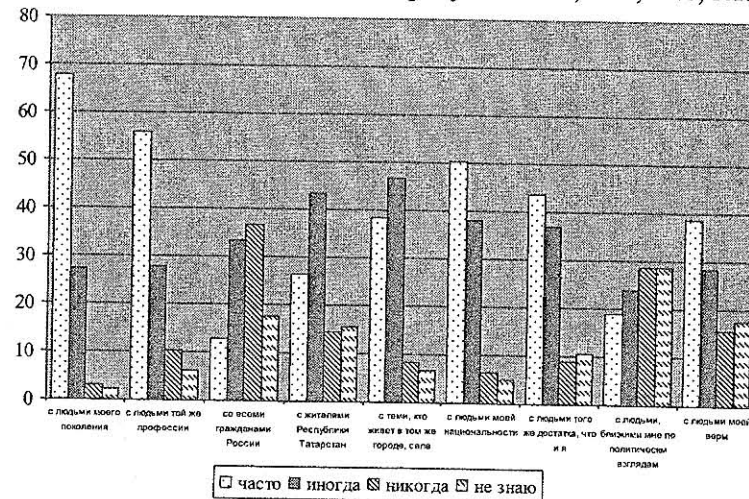

Рис. 3.16. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единство с этими людьми?», «СЭН»–1999 г., татары, город, %

⁷⁵ Сам П. Бурдье определяет социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институализированных отношений знакомства и признания – иными словами, членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала». См.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 4. С. 25.

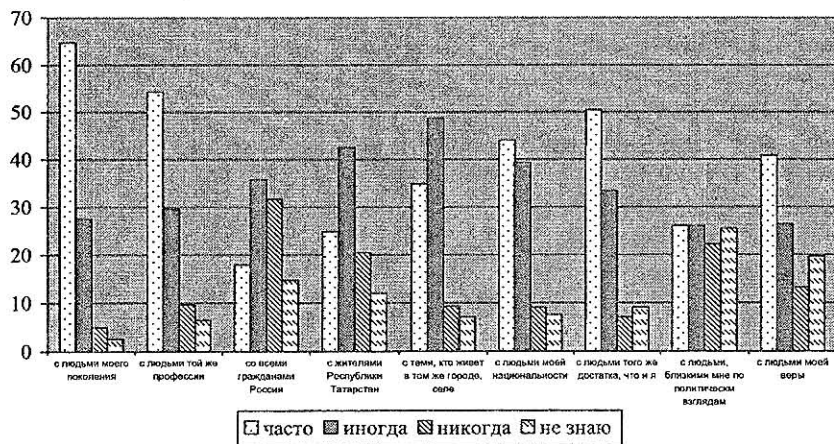

Рис. 3.17. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единство с этими людьми?», «СЭН»–1999 г., русские, город, %

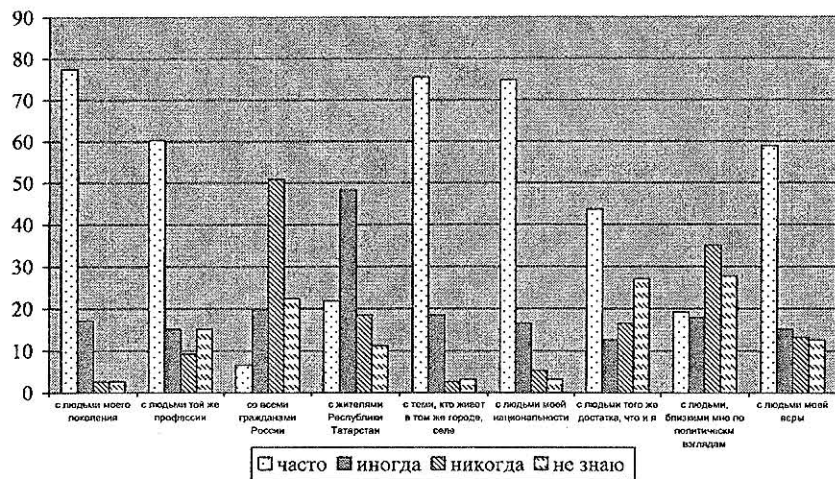

Рис. 3.18. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единство с этими людьми?», «СЭН»–1999 г., татары, село, %

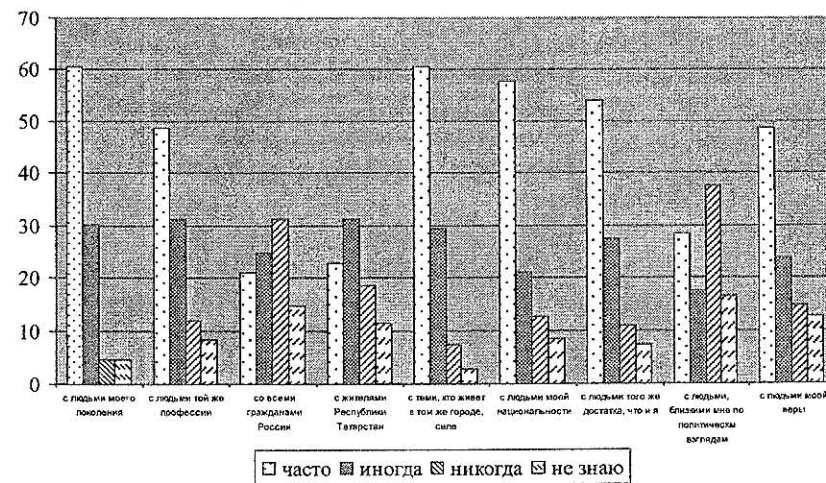

Рис. 3.19. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единство с этими людьми?», «СЭН»–1999 г., русские, село, %

Как видим, наиболее актуальными социальными солидарностями этнических групп являются поселенческие (с теми, кто живет в том же городе, селе), возрастные (с людьми своего поколения) и профессиональные (с людьми той же профессии). Ощущение близости с людьми своей же этнической идентичности в самосознании татарстанцев занимает третье – четвертое место по актуальности среди других ощущений. Можно предположить, что в Республике Татарстан этнические связи не являются доминирующими при строительстве социальных биографий у населения. Люди чаще опираются на отношения и чувство близости с людьми своего возраста, рода занятий – в городах, с живущими рядом – в селах. И для людей в повседневной жизни это важнее, чем выстраивание отношений на этнической почве.

Необходимо отметить незначительную идентификацию татарстанцев с политическими объединениями. Люди слабо ощущают сопричастность с политическими партиями, движениями, лидерами. Они не верят в то, что политика может быть реальной силой, способной влиять на социальную жизнь всего общества и отдельных личностей. Более того, как отмечает Н.Е. Тихонова, «применительно к условиям России участие в такого рода сетях (общественных организа-

циях, партиях, клубах, кружках – прим. авт.) не может рассматриваться как факт наличия не только социального капитала, но и социального ресурса, за исключением, может быть, отдельных случаев членства в элитных клубах, которые лишь подтверждают общее правило. Участие в различного рода ассоциациях выступает, скорее, суррогатной заменой дефицита неформальных дружеских контактов или свидетелем специфики мировоззрения, чем формой преумножения своего социального капитала»⁷⁶.

Особый интерес для нас представляют этнические солидарности людей. Проблема сплоченности этнических групп – одна из ключевых в этносоциологии. Доминирующим методологическим и методическим основанием к изучению этнической солидарности россиян является подход, разработанный группой этносоциологов под руководством Л.М. Дробизевой. Представители этой школы подчеркивают, что для выяснения места этнической идентичности в идентификационной матрице личности существенным является понимание того, что мир личности представляет собой системную целостность. В ней ценности и потребности не могут быть поняты каждая в отдельности; они взаимосвязаны и, как компоненты типологической системы личностной мотивации, экстраполируются в общественную сферу. Поэтому для людей с одной системой личностной мотивации этничность может быть значимой частью их идентичности в целом, для других она находится на периферии их потребностей, чувств и представлений. Этническое самосознание имеет сложную структуру. В него входят когнитивные компоненты – представления, составляющие «образ я», а также эмоциональные и поведенческие. В качестве инструментария для изучения этнической идентичности в этом подходе используются два блока вопросов. Первый блок основан на изучении места этнической идентичности среди прочих социальных идентичностей людей. Здесь используется известный в социологии тест М. Куна и Т. Макпартленда, в котором респондент дает пять ответов на вопрос «Кто Я?». Второй блок направлен на изучение собственно самой этнической и гражданской идентичности: респонденту задаются вопросы о степени важности для него этнических и гражданских идентичностей, компонентах этнической идентификации, частоте актуализации национальной принадлежности как социального статусного маркера, уровне этнической солидарности и др.

⁷⁶ Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 29.

По данным проекта «НИК», в начале 1990-х гг. этнические категории в наборе всех самоопределений жителей Татарстана составляли не более 6 – 14%. Этнические самоопределения респонденты давали себе чаще, чем называли себя гражданами России или локального сообщества. В Татарстане среди горожан 41,2% татар и 24,6% русских назвали свою национальную принадлежность, 8,5% и 5,5% – региональную (мы – татарстанцы), 1,9% и 6,9% – общероссийскую идентичность⁷⁷.

Достаточно высокий уровень этнической и гражданской солидарности сохранялся на рубеже веков. По данным проекта «СЭН»–1999 г., 74,8% татар и 57,8% русских, живущих в сельской местности, ощущают свою близость с людьми своей национальности. В городах таких респондентов оказалось 50,4% и 44,0% соответственно. Общероссийская идентичность в большей степени распространена среди горожан, сильнее у русских, чем у татар. Татарстанская идентичность в одинаковой степени распространена среди анализируемых групп, за исключением русских сельчан. Часто или иногда ощущают себя гражданами России 46,0% татар и 53,7% русских, живущих в городах. Среди горожан ощущают свою татарстанскую идентичность 69,8% и 67,4% соответственно. В селах ответы распределились следующим образом: 26,5% татар и 45,9% русских ощущают в той или иной степени свою общероссийскую идентичность, 70,2% и 54,1%, соответственно, – татарстанскую. По данным проекта «ЭП»–2009 г., 23,7% русского и 62,6% татарского студенчества чувствуют себя татарстанцами или идентифицируют себя в равной мере и с республикой, и с Россией. Данные, полученные методом массового опроса, нашли подтверждение и в нашем исследовании «ЭРИ»–2008 г., проведенном с помощью качественного метода – полуформализованных интервью.

Обыденное повседневное восприятие этнической идентичности традиционно изучалось через анализ ответов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». В опросные листы анализируемых нами этносоциологических исследований было внесено несколько наиболее значимых описаний: язык, культура, обычаи, обряды, природа, историческое прошлое, черты характера, общая государственность, внешний облик. У русских первые четыре места из описаний занимали язык, культура, природа, историческое прошлое. Первые три символа являются этнообъединяющими и для татар. На

⁷⁷ Дробизева Л.М. Социальные проблемы... С. 340 – 341.

четвертое место была поставлена религия⁷⁸. Та же ситуация обнаружена среди молодого поколения населения республики⁷⁹. Эти данные демонстрируют, что религия может быть опорой выстраивания социальных стратегий у татар. Этот вывод подтверждается и данными, представленными на рисунках 3.16, 3.17, 3.18, 3.19. Татары чаще, чем русские, ощущают близость с людьми своей веры.

В контексте нашего исследования важно то, что большинство респондентов достаточно сильно ощущают свою близость с неформальными социальными кругами – с людьми своего поколения, своей профессии, достатка, веры. В городской среде этнических различий не наблюдается. На селе заметны расхождения между русскими и татарами по таким показателям, как близость с людьми своего поколения и профессии. Татары-сельчане реже ощущают свою близость с этими социальными группами. И это связано с социальной однородностью среды. В целом можно сделать вывод о том, что для традиционной трудовой этики татар в большей степени характерна опора на этнические связи, чем на профессиональные или возрастные.

В качестве главного индикатора этнического самосознания выбрана субъективная значимость для человека его этнической принадлежности и ее интенсивность. В инструментарий анализируемых нами этносоциологических исследований для измерения этнической идентичности включались два параметра. Первый из них – частота актуализации национальной принадлежности как социального статусного маркера. Отвечая на вопрос «Какое суждение соответствует Вашему мнению?», респондент мог выбрать два варианта ответа: 1) редко задумываюсь о том, кто я по национальности; 2) никогда не забываю о том, что я русский (татарин). Второй параметр этнической идентичности – потребность в этнической аффилиации, т. е. потребность ощущать себя частью этнической общности. Отвечая на вопрос «Какое суждение соответствует Вашему мнению?», респондент мог выбрать два варианта ответа: 1) современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа; 2) современному человеку необходимо чувствовать себя частью своего народа.

Как показал проект «НИК», в 1994 г. 55,5% татар-горожан и 27,2% русских, живущих в селах, выбрали ответ «Я никогда не забы-

ваю о том, что я – татарин (русский)»⁸⁰. В 1999 г. доли респондентов, выбравших этот ответ, составили 52% и 37% соответственно. По данным исследования «СМ»–1999 г., 36,9% молодого поколения татар и 12,6% – русских помнят о своей этнической принадлежности. Еще 22,3% и 23,9% соответственно помнят об этом в определенных обстоятельствах⁸¹. В 2001 г. 62,7% татар и 31,7% русских ответили, что «никогда не забывают о своей национальности»⁸². В 2002 г. – 61,2% татар⁸³ и примерно половина русских Татарстана⁸⁴ поддержали эту позицию. По данным проекта «ЭП»–2009 г., 45,8% русских студентов и 53,5% студентов-татар ответили, что «никогда не забывают о своей национальности».

В проекте «ЭП»–2009 г. рассматривались валентность гражданской идентичности (в данном случае степень позитивности). Во многих социально-психологических исследованиях показано, каким образом позитивность гражданской идентичности улучшает социальное взаимодействие. Гражданская идентичность способствует самоуважению личности, национальной гордости, а значит, и желанию работать над развитием своей страны, что, без сомнения, является социальным капиталом. Однако, пожалуй, самый существенный момент – то, что позитивная гражданская идентичность объединяет и сплачивает. Можно полагать, что это – первостепенное условие процветания любого поликультурного общества, в том числе и России. Ясная и позитивная гражданская идентичность придает осмысленность жизни, позволяет сформировать долговременные цели, т. е. выполняет мотивационную функцию на пути к экономическому и духовному развитию. Именно характеристики гражданской идентичности в настоящий момент позитивно связаны с продуктивными экономическими установ-

⁸⁰ Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического самосознания) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 279.

⁸¹ Мусина Р.Н. Этничность и межэтнические отношения... С. 57.

⁸² Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 147.

⁸³ Мусина Р.Н. Процесс реисламизации и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Современная татарская нация: концептуальные исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 183.

⁸⁴ Дробижева Л.М. Указ. соч. С. 343 – 344.

⁷⁸ Мусина Р.Н. Этноязыковая ситуация // Татары. М.: Наука, 2001. С. 511.
⁷⁹ Мусина Р.Н. Этничность и межэтнические отношения // Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия. Казань: РИЦ «Школа», 2000. С. 58.

ками россиян, в то время как показатели институционального и межличностного доверия такой связи не демонстрируют⁸⁵.

Для изучения валентности гражданской идентичности нашим респондентам – участникам проекта «ЭП»–2009 г. – задавались вопросы о республиканской (мы – «татарстанцы») и общероссийской (мы – «россияне») идентичностях. Результаты представлены в таблице 3.11.

Таблица 3.11

Валентность гражданских идентичностей татарского и русского студенчества, «ЭП»–2009 г., %

Варианты	Татары	Русские
<i>Республиканская идентичность</i>		
Негативная идентичность	–	5,3
Нейтральная идентичность	36,2	64,3
Позитивная идентичность	63,8	30,4
<i>Российская идентичность</i>		
Негативная идентичность	4,9	1,7
Нейтральная идентичность	27,9	12,3
Позитивная идентичность	67,2	86,0

Результаты указывают на то, что говорить о валентности гражданских идентичностей населения Татарстана довольно сложно. Валентность идентичностей – татарстанской и общероссийской – в целом позитивна. Российская идентичность у русских более позитивна, чем республиканская. Однако велика доля нейтральных идентичностей – как региональной, так и общероссийской: среди татар около трети респондентов, среди русских – более половины определились в республиканской самоидентификации. Это данные показывают, что гражданские идентичности населения – республиканские и российские – до сих пор остаются несформированными. Призывы искать «национальную идею» для России пока никакого успеха не принесли. Трудно не согласиться с Л.М. Дробижевой в том, что при формировании гражданской идентичности важно учитывать этническую идентичность. «Совмещение и пересечение этнической идентичности с общероссийской будет успешным тогда, когда последняя не претендует на доминирование и подчинение себе. Подпитывать российскую идентичность этническая идентичность русских, так же как и других народов страны, может лишь в том случае, если она не принимает гипертрофированные формы»⁸⁶. Не-

смотря на то, что в 1990-х – начале 2000-х гг. идеологический уровень региональной идентичности в Татарстане был довольно сильным, говорить о формировании ярко выраженного чувства «мы – татарстанцы» тоже не приходится.

Итак, как видим, наибольшая актуализация этнического самосознания фиксируется у татар. Татары чаще, чем русские, ощущают близость с людьми своей национальности и веры. Но перерастает ли солидарность с этнической группой в реальный ресурс социального успеха? Если «да», то насколько реальна эта связь по своим последствиям для самих татар и для русских, живущих в республике?

Для начала нам необходимо разобраться с проблемой толерантности, статуса и его восприятия среди этнических групп. Проблема межэтнического взаимодействия в Республике Татарстан приобретает особое звучание. Это связано не только с историко-этнографическими особенностями изучаемых нами групп – татар и русских, но и с рядом внешних факторов. Прежде всего – с исторической памятью взаимодействия, в которой наряду с позитивными моментами было немало немирных форм (падение Казанского ханства в XVI в., насильственная христианизация части татар, колонизация и т. д.). Советская национальная политика, наряду с положительными явлениями (стимулирование развития профессиональной культуры, всеобщее образование, социальный рост, урбанизация), основывалась на принципах национально-государственного строительства с ранжированием субъектов государства на союзные, автономные республики, края, национальные округа по некорректным признакам, применяла волюнтаристское вмешательство в этнокультурные и этноязыковые процессы и многое другое. На рубеже 1980 – 1990-х гг. проблема межэтнического взаимодействия стала особенно острой. Часть радикально настроенной татарской интеллигенции настаивала на отделении республики от России в статусе самостоятельного государства. Эта ситуация вызывала вполне объяснимую озабоченность среди русских. Падение психологического самочувствия русских было связано и с утерей статуса «старшего брата». Между тем правительству Татарстана удалось взять под контроль межэтническую ситуацию в республике. Поле взаимодействия народов в регионе удалось сформировать мирным путем.

Данные социологических исследований свидетельствуют, что в постсоветском Татарстане сложилась и на протяжении длительного времени зафиксировалась психологически достаточно благоприятная межэтническая атмосфера. В марте 1997 г. от 32% до 36% респонден-

⁸⁵ Лебедева Н.М. Культура как фактор... С. 153 – 154.

⁸⁶ Дробижева Л.М. Социальные проблемы... С. 367.

тов оценивали состояние отношений как стабильное. Данный показатель в РТ достаточно устойчив, и начиная с июня 1992 г. он колеблется в диапазоне от 30% до 40%⁸⁷. К 1999 г. уровень тревожности населения в республике снизился (табл. 3.12).

Достаточно позитивный межэтнический фон в Татарстане достигается целым рядом факторов. Прежде всего, это политика республиканской власти, направленная на паритетное взаимодействие народов. Для реализации этого курса предпринимается ряд мер правового и символического характера. В правовом поле Татарстана принят ряд Законов – «О языках народов Республики Татарстан», «Об образовании», «О культуре» и т. д., реализуются практические меры: создана Ассоциация национально-культурных объединений РТ, открыта воскресная школа, в которой предоставлена возможность изучать языки и культуру народов РТ, – все это закрепляет формальное и реальное равенство народов республики. Строительство и функционирование мечети Кул Шариф и Благовещенского собора на территории Кремля, одновременная реализация Программ «Булгарский музей-заповедник» и «Свияжский музей-заповедник» и другие меры символизируют полиэтничность и поликонфессиональность Татарстана.

Таблица 3.12

Оценки межэтнических отношений в Республике Татарстан, «СЭН»–1999 г., %

Оценки	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Спокойные	72,3	74,8	56,0	76,1
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	21,5	13,2	33,4	18,3
Напряженные	3,0	3,1	5,0	3,7
На грани открытых столкновений	0,6	–	1,1	–
Затрудняюсь ответить	2,7	8,6	4,4	1,8

Другим важным условием, формирующим в целом позитивное отношение людей разной национальности друг к другу в Татарстане, являются близкие межличностные контакты. В республике русское и татарское населения имеют друзей, коллег, соседей, родственников другой национальности (табл. 3.13). Абсолютное большинство не

⁸⁷ Исаев Г.А. Общественное мнение о состоянии и перспективах межнациональных отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 318 – 319.

придает значения национальности своего непосредственного начальника (табл. 3.14).

Таблица 3.13

Межэтнические контакты населения Татарстана в различных сферах, %*

	Имеют родственников другой национальности	Имеют соседей другой национальности	Имеют друзей другой национальности	Работают в национально-смешанных коллективах
Татары				
город	38,5	82,4	93,7	43,1
село	22,4	35,3	59,8	29,6
Русские				
город	39,6	91,7	93,6	54,4
село	40,4	88,9	90,4	43,7

* Приводится по: Столярова Г.Р. Указ. соч. С. 118.

Таблица 3.14

Отношение русских и татар к тому, чтобы непосредственным начальником был человек другой национальности, «СЭН»–1999 г., %

Варианты	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Мне это безразлично	40,7	31,1	47,5	52,3
Я предпочитаю человека своей национальности, но если назначили человека другой национальности, возражать бы не стал	9,7	20,5	5,0	6,4
Национальность не имеет значения, если это хороший начальник	44,5	39,7	45,2	38,5
Я предпочел бы человека только своей национальности	2,7	6,0	1,2	1,8
Затрудняюсь ответить	2,4	2,6	1,1	1,0

Важным индикатором межэтнических отношений является ориентация части респондентов на этнически смешанные контакты в семейно-брачной сфере. Как правило, положительная ориентация на этническое смешение в брачной сфере сопрягается с толерантностью в других сферах жизни и может, таким образом, служить индикатором уровня межэтнической напряженности в обществе. В РТ межнациональная брачность имеет длительную историю. Сегодня около половины русских и свыше 40% татар в целом положительно относятся к межэтническим бракам⁸⁸. Такие же данные были обнаружены и в исследовании «СЭН» – 1999 г. (табл. 3.15).

⁸⁸ Столярова Г.Р. Указ. соч. С. 131 – 135.

Таблица 3.15

Отношение к браку своего ребенка с человеком другой национальности,
«СЭН»–1999 г., %

Варианты	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Я предпочел бы человека своей национальности	36,9	55,6	19,6	14,7
Я предпочитаю человека своей национальности, но возражать бы против выбора не стал	20,9	13,9	16,4	26,6
Национальность не имеет значения, если этот человек соблюдает обычаи моего народа	9,1	14,6	10,6	16,5
Мне безразлична национальность мужа моей дочери или жены моего сына	28,0	11,3	45,7	41,3
Зависит от национальности	1,8	0,6	3,8	-
Загрудняюсь ответить	3,2	4,0	3,8	1,0

Однако проблемы на межэтническом поле, конечно, есть. Проблемы толерантности активизируются в связи с миграцией иноэтничного населения. Рост интолерантных установок фиксируется нами не только в общественном сознании, но наблюдается в дискурсивных практиках СМИ⁸⁹. По данным проекта «МО»–2007 г., лишь 49% русских и 42,9% татар готовы принять у себя в республике всех мигрантов, независимо от национальности и страны происхождения. Особую озабоченность вызывают высокие негативные оценки межэтнических отношений татарстанской учащейся молодежи. С отрицательным отношением к людям по национальности сталкивались половина респондентов из учащейся молодежи (среди предпринимателей – 29%, рабочих и ИТР – 17%). Именно эта группа чаще всего сталкивалась с неприязненными высказываниями о людях их национальности (среди учащихся – 39%, среди рабочих – 20%, предпринимателей – 29%)⁹⁰.

Этническое самосознание и социально-экономические ориентации. Большой теоретический и практический интерес представляет вопрос о «весе» этнического самосознания (на групповом уровне) среди прочих (политического, психологического, ситуативного и пр.) факторов в адаптационно-экономическом процессе. Эта проблема достаточно сложная, поскольку «...вычленив из всего огромного комплекса взаи-

⁸⁹ Об этом подробнее см.: Габдрахманова Г.Ф. Мы – они: отношение к мигрантам в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 66 – 75.

⁹⁰ Данные опросов на ноябрь 2000 г. исследовательского Центра под руководством Г.А. Исаева. См.: Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 62.

мовляющих факторов величину связи... практически невозможно...». Тем не менее «...это должно помочь формированию более четкого и обоснованного представления о позитивной (или негативной) роли в адаптационном процессе тех или иных этнокультурных атрибутов, что, в свою очередь, может дать толчок к соответствующей корректировке адаптационных технологий людей»⁹¹.

Влияет ли частота использования этнической категоризации на восприятие и оценку текущих социальных ситуаций? И.М. Кузнецов, проведя анализ результатов исследования «СЭН»–1999 г. в Республиках Саха (Якутия), Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области, обнаружил, что группировка респондентов по экономическим предпочтениям (ориентациям на распределительные отношения или на достижительность), стратегиям получения благ и по актуализации этнических маркеров статистически незначима. Это значит, что «этническая и экономическая идентичности являются относительно независимыми и что доминирование в сознании людей и в повседневной практике экономических категорий самоопределения может служить реальной основой межэтнической интеграции»⁹².

В то же время – продолжает исследователь – склонность к этнической категоризации экономического поля в большей степени характерна для титульных народов обследованных регионов (независимо от опыта взаимодействия с русскими и особенностей культуры и конфессиональной принадлежности). Если рассмотреть отношение респондентов, принадлежащих к разным этническим группам, но имеющих одинаковые экономические ориентации, то обнаруживаются значимые расхождения. В Татарстане в группе респондентов, ориентированных на распределяемый доход или на достижительность, распределения, отличающиеся от средних, характерны для татар. Респонденты-татары из группы ориентированных на распределяемый доход, в большей степени склонны воспринимать текущие социальные ситуации с учетом своей этничности, чем это делают русские. В группе ориентированных на достижительность респонденты-татары в меньшей степени указывают на актуализацию этнических маркеров. Как показывают материалы по другим национальным ре-

⁹¹ Остапенко Л.В. Этнокультурная компонента адаптационного потенциала населения постсоветских стран // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / редакторы-составители: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. Общая редакция М.Н. Губогло. М.: Интер-принт, 2008. С. 98.

⁹² Кузнецов И.М. Указ. соч. С. 190.

гионам, именно распределительная сфера региональных экономик наиболее подвержена влиянию последствий «титულიности»⁹³.

Таблица 3.16

Зависимость представлений о социальном статусе от параметров этнической идентичности, «СЭН»–1999 г., %*

Этнические группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
	<i>Средний класс</i>			
Татары	47,8	51,2	31,3	65,7
Русские	67,0	33,0	41,7	58,3
	<i>Нижний класс</i>			
Татары	44,6	55,4	30,3	69,7
Русские	55,9	44,1	36,5	63,5

* Расшифровка параметров в таблице: 1 – Редко задумываюсь о том, кто я по национальности; 2 – Никогда не забываю о том, что я татарин (русский); 3 – Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа; 4 – Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа.

Связь условий в экономической сфере и этнической идентичности подтверждается и другими данными проекта «СЭН»–1999 г. В 1999 г. среди тех, кто отнес себя к нижнему классу, чаще встречаются люди с актуализированной этнической идентичностью: разница между теми, кто считает, что «современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа», и теми, кто поддерживает вариант «современному человеку необходимо чувствовать себя частью своего народа», среди людей, отнесших себя к среднему классу, у татар составила +34 пункта, русских – +17; среди тех, кто считает себя в числе нижнего класса, – соответственно +39 и +27 (табл. 3.16). Это значит, что распределительные отношения или прорыночные реформы, приводящие к обнищанию населения, «...являются питательной средой для воспроизводства латентных этнических иерархий...», а «условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность ... в этнической категоризации социальных ситуаций и, таким образом, служат реальной почвой для межэтнической интеграции в полиэтнических средах»⁹⁴. Обратим внимание на то, что у татар, по-прежнему, проявляется бо́льшая актуализация этнической идентичности, чем у

русских, в социальных (по самопредставлениям) классах. Действительно, распределительные отношения могут приводить к большей актуализации этнических чувств у татар, однако, если обратить внимание на то, что зависимости между этническими чувствами и самопредставлениями выше у русских (у татар они равны в среднем и нижнем классах), можно предположить, что потери социальных позиций будут острее ощущаться русскими, чем татарами.

Итак, этничность при соответствующих экономических условиях может усиливать адаптивность этнических групп. Но только ли – как отмечает Л.М. Дробижева – этничность может быть ресурсом «для кармана»? Нет, продолжает исследовательница: «... в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и в реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность стала представляться им ценностью неизменной, давала некоторую психологическую поддержку»⁹⁵. Этносоциологи приводят целый ряд фактов, подтверждающих эту мысль. Л.В. Остапенко, анализируя результаты опроса «ТАТ»–2006 г., проведенного среди жителей г. Казани, выявила, что «в составе этнически ориентированных людей доля богатых оказалась в полтора-два раза выше, чем среди людей со слабой этнической ориентацией». Русские жители Казани в этом мало отличались от татар. Актуализированная этничность у татар и русских оказывает позитивное влияние на уровень адаптации к рынку.

Росту позитивного восприятия новой жизни способствует и этническая толерантность. Этнически толерантные татары были довольны жизнью в 50% случаев, а отрицательно отнесшиеся к межэтническим бракам – в 35%, русские – в 39% и 24% соответственно⁹⁶. Мера актуализации этнической идентичности связана и с социальным самочувствием (табл. 3.17). У татар разность между вариантами ответов «современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа» и «современному человеку необходимо чувствовать себя частью своего народа» среди тех, кто считает, что «жить трудно, но можно терпеть», составила +35 пунктов, а среди тех, кто находится за порогом социального терпения, – +46 пунктов. Среди русских эта тенденция выражена слабее, однако мы видим отмеченную выше

⁹³ Там же. С. 177.

⁹⁴ Там же. С. 176 – 178.

⁹⁵ Дробижева Л.М. Социальные проблемы... С. 347.

⁹⁶ Остапенко Л.В. Этнокультурная компонента.... С. 104, 108, 110.

ситуацию. У русских одновременно со снижением психологического самочувствия наблюдается большее, чем у татар, усиление этнических чувств. В целом, трудно не согласиться с Л.В. Остапенко, которая отметила, что «...рост этнического самосознания в постсоветских республиках, который в ряде случаев привел к обострению межэтнических отношений, в целом... сыграл позитивную, мобилизующую роль в деле адаптации людей к новой жизненной ситуации»⁹⁷.

Таблица 3.17

Зависимость уровня социального самочувствия от параметров этнической идентичности, «СЭН»–1999 г., %*

Этнические группы	Параметры этнической идентичности			
	1	2	3	4
	<i>Все не так плохо и можно жить</i>			
Татары	52,5	47,5	40,0	60,0
Русские	76,7	23,3	51,5	48,5
	<i>Жить трудно, но можно терпеть</i>			
Татары	48,0	52,0	32,4	67,6
Русские	62,7	37,3	36,0	64,0
	<i>Терпеть наше бедственное положение больше невозможно</i>			
Татары	37,3	62,4	27,1	72,9
Русские	47,7	52,3	36,3	63,8

* Расшифровку параметров см. в табл. 3.16.

Итак, этническая идентичность не связана с экономической категоризацией социальных ситуаций. Однако она играет позитивную роль в процессе социально-экономической адаптации в ситуации благоприятного развития рыночных отношений. При противоположном сценарии выстраиваются латентные этнические иерархии на экономическом поле, склонность к которым больше выражена у татар. В то же время социальные потери у русских психологически переживаются острее и приводят к актуализации этнических чувств. Это значит, что для межэтнической интеграции республики с точки зрения экономических интересов и этнических солидарностей доминирующих групп необходимы как минимум два условия. Первое – выстраивание действительно рыночных механизмов экономики, которые снижают вероятность выстраивания этнических иерархий на экономическом

поле. Второе – укрепление гражданской и республиканской (мы – татарстанцы) идентичностей, которые закрепляют в сознании ценности этнической солидарности не на экономическом, а на государственно-правовом поле.

Включенность этничности в сети повседневных контактов и поддержки. Одним из вопросов этносоциологических исследований стало изучение представлений о влиянии национальной принадлежности на социальный рост. В исследовании «СЭН»–1999 г. респондентам было предложено определить для себя важность отдельных условий для достижения индивидуального успеха. Варианты ответа были следующие: «очень важно», «скорее важно», «не важно», «совсем не важно».

В.В. Коротева при анализе этого вопроса «приписала» каждому ответу баллы: «скорее важно» – (1), «очень важно» – (2), а «совсем не важно» – среднее значение между ними, но только с отрицательным знаком – (–1,5). Затем ею был рассчитан средний балл по каждой этнической группе. Оказалось, что у татар Татарстана национальность стоит на последнем из восьми возможных мест по важности, у русских – на шестом. Такое же малое значение, по мнению опрошенных, имеет только пол. Лидируют по важности «полезные связи с нужными людьми», наряду с «богатыми родителями» и «родственниками». Татарстанцы слабо верят в то, что индивидуальные усилия – талант, трудолюбие, образование – могут быть реальным ресурсом социального успеха. Это общероссийское явление. 43,1% респондентов – участников международного проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» – считают, что, для того чтобы стать богатым, нужны связи в бизнесе, 30,2% – в криминальных структурах, 29,9% – в политике. Меньшее число опрошенных выбрали талант, умение много работать, хорошее образование⁹⁸. Исследовательница Коротева делает вывод о том, что, в конечном счете, межличностные связи, а не принадлежность к определенной категории оказываются для людей основной поддержкой при социальном продвижении. В то же время, продолжает исследовательница, национальность не исключается из условий социального успеха: национальность, как категориальная идентичность, может порождать сети взаимосвязей, а уже те, в свою очередь, влияют на жизненные шансы людей⁹⁹. Действительно, в условиях разделения окружения на

⁹⁷ Остапенко Л.В. Роль этнического самосознания в процессе адаптации населения постсоветских стран к трансформирующейся среде // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной научной конференции 26 – 27 мая 2010 г. В 2 т. / отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Изд-во «Универсум», 2010. Т. 2. С. 213.

⁹⁸ Ты чего такой бедный? // Российская газета. 2008. 19 сентября.

⁹⁹ Коротева В.В. Статус этнических групп... С. 123 – 124.

членов своей группы и аутсайдеров этнические категории способны порождать круги сетей, способствуя решению экономических, социальных и других задач, стоящих перед личностью. Наиболее убедительно это явление раскрывается в работах исследователей этнических экономик. Мигрантские этнические сети порождаются благодаря делению на «своих» и «чужих», увеличивая социальные шансы приезжих. В диссертационной работе Э.А. Сагдиевой показано, что у этнических групп трудовых мигрантов из регионов Поволжья этнические сети не формируются. Это связано с тем, что у поволжских народов, накопивших многовековой опыт взаимодействия, не происходит межэтнического деления между приезжими из соседних регионов и местными населением. В то же время этнические группы трудовых мигрантов из Средней Азии в экономических стратегиях активно опираются на этнические сети, возникающие из-за ситуации чужеродности в иной социальной, экономической, культурной среде. Это оптимизирует адаптационный процесс: у приезжих из государств СНГ увеличиваются шансы найти работу, жилье, появляется возможность передать деньги на родину и т. п. через внутриэтнические круги общения¹⁰⁰.

Вернемся к материалам проекта «СЭН»–1999 г. Для нас было важно понять различия аккумулируемых ресурсов между городской и сельской средами. Как видим, эти различия довольно существенны (табл. 3.18). В городской среде фиксируется унифицированное поле

Таблица 3.18

Распространенность поддержки условий социального успеха,
«СЭН»–1999 г., город, %*

Варианты	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Богатые родители	51,8	51,2	35,0	50,0
Родственники, находящиеся на руководящих постах	56,8	52,7	34,5	49,5
Полезные связи с нужными людьми	64,8	55,2	36,8	51,9
Поддержка земляков	31,2	30,5	23,6	36,2
Подходящая национальность	14,5	18,4	5,2	17,5
Проживание в большом городе	19,9	17,1	6,6	7,9
Подходящий возраст	27,6	32,3	11,5	28,8
Соответствующий пол	13,7	15,1	6,7	18,6

* Объединены ответы «очень важно» и «скорее важно».

¹⁰⁰ Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов: дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2010. С. 151 – 153.

(за исключением позиции «полезные связи с нужными людьми»). В сельской местности – почти двукратные различия в значимости всех социальных ресурсов у русских. Традиционная сельская культура русских в большей степени, чем традиционная культура татар, основывается на ресурсном измерении социальной действительности.

В каких сферах социальной национальная принадлежность связывается в представлениях татар и русских Татарстана с реальными или воображаемыми успехами? Для начала важно отметить, что, по мнению 65 – 70% русских и татар – участников опроса «ТАТ»–2006 г., в г. Казани такая связь отсутствует. По данным проекта «СЭН»–1999 г., 31,9% татар и 14,3% русских, живущих в городах РТ, считают, что национальность не влияет на возможность занять высокий пост в органах власти. 49,7% и 25,5%, соответственно, отметили отсутствие влияния национальной принадлежности на вероятность получить хорошую работу. 54,9% и 43,0%, таким же образом, не видят роли национальной принадлежности при открытии своего дела. Эти данные свидетельствуют о том, что, во-первых, в условиях крупного города (г. Казани) влияние (реальное или воображаемое) национальной принадлежности на социальный успех сглаживается. На первый план выдвигаются индивидуальные деловые качества. Даже такая «проблемная сфера», как сфера управления, где, по мнению участников опросов, шансы у татар значительно выше, в столице РТ – г. Казани – воспринимается не так остро, как в малых городах и сельской местности. По данным проекта «ТАТ»–2006 г., лишь четверть русских казанцев заявили, что при продвижении по службе и занятии руководящих должностей татары имеют больше шансов. Во-вторых, больший социальный успех приписывается татарам – это по мнению и самих татар, и по мнению русских республики. В-третьих, экономическое поле, в представлениях участников исследований, в меньшей степени подвержено влиянию этничности, что является реальной основой интеграции. Хорошая работа, и особенно хороший пост в органах управления, в большей степени связываются с этничностью. И если в оценках возможностей русских совпадают мнения самих русских о себе и татар о русских, то в отношении татар фиксируется существенная разница. Русские дают двукратно превышающие оценки возможностей татар при получении хорошей работы и открытии своего дела и высокие оценки возможностей занять высокий государственный пост (табл. 3.19).

Таблица 3.19

Мнения о возможности социального успеха для людей различных национальностей, «СЭН»–1999 г., город, %¹⁰¹

У людей каких национальностей больше возможностей	Не знаю, нет ответа	Не зависит от национальности	У татар	У русских	У других	Другой ответ
<i>Татары</i>						
Занять высокий пост в органах власти	20,1	31,9	43,4	8,5	1,7	1,1
Получить хорошо оплачиваемую работу	17,4	49,7	26,2	13,9	3,0	1,6
Открыть свое дело	24,5	54,9	13,0	10,2	3,4	1,7
<i>Русские</i>						
Занять высокий пост в органах власти	15,1	14,3	66,3	3,7	1,8	0,7
Получить хорошо оплачиваемую работу	14,5	25,5	55,3	7,3	1,2	2,9
Открыть свое дело	23,7	43,0	24,6	6,5	2,8	5,6

Важно подчеркнуть еще два момента. Как показал анализ Г.Р. Столяровой, «татары в целом не видят в политической деятельности русских стремления к узурпации власти в республике, а их желание иметь равное с татарами политическое влияние не идет вразрез с политическими интересами татар. Русские же, напротив, не только отмечают дисбаланс политического влияния в республике в пользу татар, но и расценивают это как конфликт интересов»¹⁰². В то же время, по результатам исследования «СЭН»–1999 г., лишь 7,0% русских горожан считают, что они подвергаются дискриминации по национальному признаку. Это – самый низкий показатель среди обследованных национальных субъектов и близкий к данным по Оренбургской области с доминирующим русским населением.

Для того чтобы глубже понять влияние национальности на жизненные шансы людей, мы провели анализ представлений об условиях социального успеха в среднем и нижнем, по самопредставлениям, классах у татар и русских. Оказалось, что в 1999 г. (проект «СЭН») и татары, и русские, относящие себя к среднему классу, чаще тех, кто относит себя к нижнему классу, видят социальное значение национальности. Причем чаще такие оценки высказывают татары. Если среди городских татар 28,4% и среди русских горожан 40,0%, отнес-

ших себя к нижнему классу, считают, что национальность влияет на социальный успех, то среди среднего класса оценки распределились как 41,0% и 44,6% соответственно. Следовательно, можно считать, что этническая принадлежность чаще рассматривается в качестве социального ресурса среди наиболее «социально продвинутых» слоев общества. И эта ситуация одинаково проявляет себя как у русских, так и у татар.

В заключение отметим, что отечественные социологи выявили в России корреляцию между наличием социальных ресурсов и реальным уровнем жизни и его динамикой. Социальные связи успешно конвертируются в экономический капитал, и наоборот¹⁰³. Представители этнических групп при формировании адаптационных стратегий рекрутируют разные социальные ресурсы. Они чаще обращаются при решении жизненных проблем за помощью и поддержкой к людям своего возраста, профессии, к тем, кто живет рядом с ними. Реже – к людям своей национальной принадлежности. Но с ростом статуса, материального положения усиливается значимость этнического ресурса. Поэтому в условиях роста благосостояния граждан нашей страны очень важно учитывать этнический фактор при прогнозировании сценариев межэтнических отношений на экономическом поле.

§ 3. Экономические установки этнических групп в параметрах Ш. Шварца

В предыдущих параграфах Главы III мы показали специфику социально-экономических установок татар и русских Татарстана. Чем объяснить эти различия? Гипотетически можно предположить, что, поскольку, изучаемые нами группы отличаются друг от друга по языку, религии, традициям, обрядам и т.д. то они (эти группы), обладают ценностными ориентациями, несущими отпечаток культурного влияния. И это влияние будет проявляться в экономическом поведении.

В рамках проекта «ЭП»–2009 г. решалась задача – рассмотреть ценностные установки татарской и русской студенческой молодежи г. Казани и установить возможное влияние ценностных ориентаций на экономическое поведение этих этносоциальных групп. Выбор молодежи в качестве объекта исследования обусловлен тем, что эта группа является наиболее активной частью населения и именно ее установки

¹⁰¹ Приводится по: Коротеева В.В. Указ. соч. С. 130.

¹⁰² Столярова Г.Р. Указ. соч. С. 185.

¹⁰³ Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 29 – 31.

будут оказывать непосредственное влияние на ход экономического развития Республики Татарстан. Именно молодое поколение – один из главных участников процессов модернизации нашей страны. Исследование ценностных ориентаций молодежных групп позволит нам рассмотреть культурно-обусловленные факторы формирования экономических установок. Мы, вслед за Ш. Шварцем, полагаем, что культура оказывает влияние на формирование социальных установок людей, в том числе экономических. При рассмотрении влияния культуры на формирование социально-экономических установок исследователь неизбежно сталкивается с проблемой эмпирического выявления и фиксации этого влияния. В современной науке накоплен внушительный арсенал инструментов для изучения влияния культуры на социальные установки. Проведя анализ ряда методик, мы предпочли наиболее популярный метод Ш. Шварца, дополнив его некоторыми параметрами Г. Хофстеда и Г. Триандиса – М. Гельфанда. Этот инструментарий прошел ряд апробаций в многочисленных исследованиях Н.М. Лебедевой.

Человек в своем поведении ориентируется на определенные ценности, существующие в обществе или в референтной для него социальной группе. Эти ценности входят в структуру его убеждений в виде определенных образцов оценивания окружающего мира, которые становятся основой выбора собственных поступков. Согласно Шварцу, культурные ценности¹⁰⁴ группового уровня определяют способы, какими разные общества решают базовые проблемы регулирования человеческой деятельности. Способы решения этих проблем могут быть использованы в качестве измерений, по которым культуры отличаются одна от другой.

В контексте нашего исследования важно, что приоритетные ценности влияют на то, как инвестируются социальные ресурсы. Например, относительная значимость, которая приписывается в обществе таким ценностям, как благосостояние, справедливость и красота, отчасти детерминирует то, будут ли деньги, земля и человеческий ресурс вкладываться в индустриализацию, социальное благосостояние или в сохранение окружающей среды. Приоритетные ценности культуры в качестве стандартов, кроме того, определяют, каким образом будет оцениваться работа – в терминах производительности, соци-

альной ответственности, инновационности или поддержки существующей властной структуры.

В основе методики кросс-культурного изучения ценностей израильского ученого Шалом Шварца¹⁰⁵ лежат две концепции. Первая – концепция М. Рокича о существовании терминальных и инструментальных ценностей. Вторая – концепция Шварца о мотивационной цели ценностных ориентаций и универсальности базовых человеческих ценностей. Шварц разработал два подхода к ценностям – индивидуальный и культурный. Поскольку объектом нашего внимания являются этнические группы, мы уделим особое внимание культурному подходу.

Шварц рассматривал культуру как латентную, гипотетическую переменную, которую можно измерить только через ее проявления. Ценностные предпочтения, обуславливающие эти проявления, влияют на них, придают им определенную согласованность. Культура, с этой точки зрения, не локализована в умах и действиях отдельных людей, она вне индивида. По мнению Шварца, культура связана с давлением, которое испытывает индивид в определенной социальной системе. Социальные институты, способы их организации, их правила и повседневные практики явно или подспудно проявляются в ожиданиях, которые отражают лежащие в их основе ценности культуры.

Существуют сотни, а возможно, тысячи ценностей, по которым могут быть сравнимы разные культурные группы. Некоторые ценности существуют во всех обществах, другие – лишь в некоторых. Необходимо ограничить множество культурных ценностей небольшим числом измерений, по которым можно сравнивать культуры. Теоретики, решавшие эту задачу, высказали предположение, что культурные измерения ценностей отражают основные проблемы, с которыми сталкивается общество, организуя человеческую деятельность.

Согласно подходу Шварца, все общества сталкиваются с определенными базовыми проблемами регулирования человеческой деятельности. Культурные ценности группового уровня определяют способы, которыми разные общества решают базовые проблемы регулирования человеческой деятельности. Люди должны определить эти проблемы, спланировать способы их решения, мотивировать друг

¹⁰⁴ В оригинальной методике Ш. Шварца используется понятие ценности (values). В русском языке существует два близких по смыслу термина – ценности и ценностные ориентации. Хотя некоторые авторы находят различие в значении этих понятий, с нашей точки зрения, оба могут рассматриваться как характеристики личности и использоваться как синонимичные.

¹⁰⁵ Методика Ш. Шварца представлена: Карандашов В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004; Лебедева Н.М. Культура как фактор общественного прогресса / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009.

друга для такой деятельности. Способы решения этих проблем могут быть использованы в качестве измерений культурных отличий. Шварц выделил эти измерения, рассматривая три проблемы, с которыми сталкиваются все общества.

Природа отношений между личностью и группой. Шварц обозначил полюса этого измерения Автономией и Принадлежностью (консерватизм). В культурах, ценящих Автономию, индивиды признаются как независимые, самостоятельные. Они могут развивать и выражать свои собственные идеи, предпочтения, чувства и способности видеть смысл в собственной уникальности. Шварц выделяет два вида Автономии – Интеллектуальную (любопытность, открытость ума, изобретательность) и Аффективную (удовольствие, возбуждение, разнообразие).

В культурах, основанных на ценностях Принадлежности, индивиды рассматриваются как принадлежащие коллективам. Смысл их жизни видится в социальных отношениях, идентификации с группой, разделении ее образа жизни и стремлении к групповым интересам. Примеры ценностей этого типа: социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи и самодисциплина.

Для более глубокого понимания природы отношений между личностью и группой в кросс-культурном измерении коллективизм – индивидуализм особый интерес представляют теории Г. Хофстеда и Г. Триандиса – М. Гельфанда. Хофстед в 1980 г. опубликовал книгу «Следствия культуры: международные различия трудовых ценностей». В книге представлены результаты исследования и четырех классических культурных измерений, полученных с помощью разработанной им методики. Одним из измерений стал биполярный конструкт индивидуализм – коллективизм. Триандис определял горизонтальность как модель социальных отношений, основанных на ценностях равенства и взаимоуважения людей в социальной группе, а вертикальность – как тип отношений, выстроенных на основе статуса и иерархии.

Как известно, индивидуалистической можно назвать культуру, в которой индивидуальные цели ее членов важнее групповых. Коллективистская культура характеризуется тем, что в ней групповые цели ее членов превалируют над индивидуальными. В каждой культуре люди имеют как коллективистские, так и индивидуалистические тенденции сознания и поведения, однако больший крен в сторону индивидуализма характерен для Запада, в сторону же коллективизма – для стран Востока и Юга.

Триандис и Гельфанд предложили дополнительные характеристики индивидуализма и коллективизма, разделив их по принципу иерархичности на два типа: горизонтальный и вертикальный. Они выделили четыре формы индивидуализма – коллективизма:

– горизонтальный индивидуализм – «Я больше завишу от самого себя, чем от других». Личности автономны и равны, а связь индивида и группы есть область свободного выбора. Люди входят в какие-то объединения и состоят в них до тех пор, пока им это нравится, поскольку принадлежность здесь не является проблемой – ни членство в малой группе, ни национальная принадлежность, ни культурная идентификация. Всё это выбирается свободно, как книги в библиотеке, – людей больше всего здесь волнуют проблемы социального целого, страны и мира;

– вертикальный индивидуализм – «Для меня важно, что я делаю свою работу лучше, чем другие». Личности автономны, но не равны. Социальная иерархия, национальная и религиозная принадлежность «своих» и «чужих» здесь являются реальностями, которые ты не изменишь и с которыми надо считаться почти так же, как с законом природы. При том, что в малой группе, «среди своих», индивиды друг к другу относятся по-прежнему по-индивидуалистически;

– горизонтальный коллективизм – «Если мой коллега получит приз, я этим буду гордиться». Люди видят себя членами внутренней группы, в которой все члены равны. Общественные интересы превалируют над личными, как и положено коллективистам, но не развито групповое мышление с его конформизмом и культом лояльности, подавлением личности общинностью, как это обычно в традиционном обществе, в патриархальных культурах;

– вертикальный коллективизм – «Для меня важно уважать решения, принятые моей группой (ее верхушкой)». Люди рассматривают себя как членов внутренних групп, которые характеризуются иерархическими и статусными отношениями.

Вернемся к методике Шварца. Исследователь выделил вторую социальную проблему – обеспечение социально ответственного поведения. Людей следует побуждать считаться с благополучием других, координировать свои действия и тем самым регулировать неизбежную зависимость людей друг от друга. Один из полюсов этого измерения – Равноправие. В культурах, признающих Равноправие, признается моральное равенство всех людей, им вменяется в обязанность заботиться о благе ближнего. Важные ценности – равенство, социальная справедливость, ответственность, забота, честность и помощь.

Альтернативный полюс – Иерархия. Здесь признается иерархическая система ролевых предписаний, обеспечивающих социально-ответственное поведение. В таких обществах признается правильным, легитимным и законным и неравное распределение ресурсов, ролей, власти. Ценности – социальная власть, авторитетность, подчинение и богатство.

И, наконец, третья социальная проблема – регулирование отношения людей к своему природному и социальному окружению. Культурное решение этой проблемы – Гармония – требует принимать мир таким, какой он есть, пытаясь понять и оценить, а не изменить его, направить или использовать. Важнейшие ценности в таких культурах – мир на земле, единство с природой, защита окружающей среды. Полярное решение этой проблемы – ценности Мастерства. В таких культурах поощряется активное самоутверждение, чтобы сделать, направить и изменить природную и социальную среду для достижения групповых и личных целей. Ценности амбиции, успеха, дерзости и компетентности особенно важны и поощряемы.

Шварц исходил из того, что, если какая либо культурная ценность становится преобладающей, неизбежно проявляется ее темная сторона. Проблемы начинаются там, где отсутствует противоположный полюс. Чрезмерный акцент на Принадлежности стирает индивидуальность, а чрезмерный акцент на Автономии разрушает жизнеспособные социальные объединения индивидов. Слишком сильное значение Мастерства ведет к эксплуатации людей и природы, а перевес Гармонии в культуре не способствует развитию инициативы и продуктивности. Чрезмерный акцент на Иерархии порождает чересчур большое неравенство в социальной власти и потреблении, а преимущественный акцент на Равноправии подрывает неравное принятие ролевых обязательств и наград, что является неотъемлемой частью большинства социальных институтов.

По Шварцу, культурные ценности связаны, взаимно совместимы. Например, интеллектуальная автономия и Равноправие сходятся в предположении, что люди могут и должны брать на себя индивидуальную ответственность за свои поступки и принимать решения на основе их личного понимания ситуации. Такая связь характерна для культуры Западной Европы. Сходные и различающиеся предположения, скрытые в культурных ценностях, формируют согласованную круговую структуру отношений между ними. Соседние сегменты круга – это согласующиеся ценности, дальние – противоположные по смыслу (рис. 3.20).

Рис. 3.20. Культурные ценностные ориентации: теоретическая структура по Ш. Шварцу

Шварц изучил ценностные ориентации среди 67 национальных групп. Он обнаружил значительное сходство культурных ценностей стран внутри обследованных регионов, обусловленное распространением норм и ценностей благодаря географической близости. На данное сходство влияют общая история, религия, уровень развития и другие факторы. В 1992 – 1994 гг. Ш. Шварц и А. Барди провели свое исследование в Болгарии, Чехии, Эстонии, Грузии, Венгрии, Польше, Словакии, Словении и России. Несмотря на сходство ценностей во всех этих странах, было установлено, что в России, Грузии и Болгарии более значимы ценности Принадлежности и Иерархии, чем ценности Мастерства и Автономии. Авторы объяснили это более длительным пребыванием в лоне коммунизма и возможным влиянием православия.

Напомним, что Шварц предлагает различать групповой и индивидуальный уровни ценностей. В отечественной этнопсихологии в 1990-х годах был проведен ряд исследований социально-экономических ценностей русских на индивидуальном уровне (К. Касьянова¹⁰⁶; Л. Почебут¹⁰⁷; В. Знаков¹⁰⁸; Н. Лебедева и Е. Павел-

¹⁰⁶ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Изд-во Института национальной модели экономики, 1994.

¹⁰⁷ Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // Этническая психология и общество. Ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 115 – 119.

¹⁰⁸ Знаков В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции. Там же. С. 119 – 126.

ко¹⁰⁹ и др.). В работе К. Касьяновой отмечается важность в русской культурной традиции таких ценностей, как терпение, страдание, смирение, жертвенность (ценности «внутреннего делания»), в отличие от таких ценностей, как труд, достижение успеха (ценности «внешнего делания»). Л. Почёбут отмечает значимость таких ценностных ориентаций, как коллективизм, справедливость, ориентация на лучшее будущее, ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем. В исследовании Н. Лебедевой и Е. Павелко о межпоколенной трансмиссии культуры у русских отмечается сильная тенденция сохранения таких базальных ценностей русской культуры, как коллективизм и фемининность, наряду с возникновением и развитием у молодых поколений россиян ценностей индивидуализма и маскулинности (амбициозность, мотивация достижения).

В этническом ключе изучение ценностей на индивидуальном уровне по методике Шварца предпринято Н.М. Лебедевой. В 1999 г. исследовательница провела исследование среди русских студентов и учителей¹¹⁰. В обеих группах был обнаружен блок повторяющихся, неизменных ценностей (защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония). Такие ценности Лебедева отнесла к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение. Эти ценности попадают в разные блоки ценностей по Шварцу (ценности Принадлежности и Гармонии). В исследуемых группах в наибольшей степени отвергаются ценности двух крайних полюсов: на одном – власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе (ценности Иерархии и Автономии), а на другом – ценности противоположного смысла: довольство своим местом в жизни, скромность, благочестие, единство с природой (ценности Иерархии и Гармонии). Отвержение первой группы ценностей, по мнению исследовательницы, довольно предсказуемо для русской традиционной (коллективистской по сути) культуры. Лебедева приходит к выводу о том, что отвержение ценностей, казалось бы, свойственных традиционной русской культуре (довольство своим местом в жизни, благочестие, скромность) является довольно неожиданным и свидетельствует об изменениях в ценност-

но-мотивационном блоке русской культуры. Исследовательницей был проведен анализ ценностей китайцев, башкир, чеченцев, дагестанцев, армян, коренных народов Севера¹¹¹.

Изучение содержания Мы-образов, или автостереотипов, как совокупности характеристик, приписываемых собственной этнической группе, и Они-образов, или гетеростереотипов, – совокупности характеристик, приписываемых другой группе, проводилось и в этносоциологических исследованиях. В исследовании «НИК»–1994 г. было обнаружено совпадение ценностных ориентаций русских и татар. Это наблюдается, во-первых, в настроенности на взаимодействие и открытости для перемен, во-вторых – в ориентациях на группу. Коллективистская направленность татар усилена таким качеством, как внутригрупповое подчинение. Основные различия между татарами и русскими были получены по измерению «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль». У татар высок уровень социальных авторитетов. Например, соответственно 85% и 83% считают уважение к власти и дисциплинированность характерными чертами своего народа. У русских же, наоборот, в число высоко стереотипных характеристик попадает недоверие к власти. Кроме того, татары приписывают русским своеволие и рискованность, а своей группе – осторожность и подчинение¹¹². Изменились ли качества татар и русских по истечении 20 лет экономической реформации в России?

Нами в рамках проекта «ЭП»–2009 г. был проведен этнопсихологический опрос студенческой молодежи. Для кросс-культурного измерения ценностей респонденту предлагалось с помощью 7-балльной шкалы оценить важность для него каждой из 57 ценностей. Далее в соответствии с ключом подсчитывается балл по каждой из 7 ценностей, выделенных Шварцем. Обработка данных проводилась с помощью пакета SPSS с использованием t-критерия Стьюдента и множественного регрессионного анализа (метод enter). Приведем сначала средние показатели ценностей по Шварцу (табл. 3.19).

¹⁰⁹ Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4. Вып. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. С. 99 – 100.

¹¹⁰ Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73 – 87.

¹¹¹ Лебедева Н.М. Культура как фактор... С. 269 – 289; Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: РУДН, 2009.

¹¹² Солдатова Г.У. Мы и они: сходство и различия в представлениях народов друг о друге // Дробижева Л.М., Аклаев А.Р. и др. Указ. соч. С. 328.

Таблица 3.19

Средние значения блоков культурных ценностей студенческой молодежи,
«ЭП»–2009 г., баллы

Культурные ценности	Татары	Русские	В целом по выборке	Данные по России ¹¹³
Гармония	4,00	3,64	3,68	3,69
Принадлежность	4,27	4,02	4,16	4,14
Иерархия	3,38	3,19	3,43	3,67
Мастерство	4,50	4,48	4,50	4,76
Аффективная автономия	4,60	4,24	4,32	4,55
Интеллектуальная автономия	4,34	4,30	4,32	4,86
Равноправие	4,77	4,60	4,61	4,69

Из данных таблицы видно, что показатели студентов-татар и студентов-русских по блокам ценностей находятся в диапазоне от «ценность важна для меня» до «ценность очень важна для меня». Наиболее важна для татарского и русского студенчества ценность Равноправия. Важны для татар – Аффективная автономия, для русских – Мастерство. Наименее важны как для студентов-татар, так и для русской молодежи блоки ценностей Иерархия и Гармония. Напомним, что в культурах, признающих Равноправие, признается моральное равенство всех людей, им вменяется в обязанность заботиться о благе ближнего. Важные ценности – равенство, социальная справедливость, ответственность, забота, честность и помощь – являются продуктивной основой социальной и межэтнической стабильности в татарстанском обществе. Другие последствия приносят ценности Аффективной автономии для татар и Мастерства для русских. Мастерство, направляющее на активное самоутверждение, поощрение компетентности, для русской культуры является более продуктивным для социально-экономического развития. Аффективная автономия, выявленная в культуре татар, направлена на получение удовольствия и жизненного разнообразия. Принято считать, что такие ценности ограничиваются сиюминутными достижениями, не продуцируя стратегическое мышление. Однако если обратить внимание на стремительное развитие ряда восточных стран, то возникают сомнения относительно непродуктивности Аффективной автономии. Например, Объединенные Арабские Эмираты, где внутренняя политика во многом основывается на гедонизме, демонстрируют стремительный экономический рост с оформленной стратегией развития.

Существует точка зрения, согласно которой для традиционной культуры татар характерен коллективизм, свойственный восточным и азиатским странам, а для русских – ориентация на индивидуализм, свойственная европейским странам. Так ли это? В поисках ответа на этот вопрос рассмотрим блоки ценностей «коллективистского» полюса, отражающие примат ценностей группы над ценностями индивида (Принадлежность, Иерархия, Гармония), и блоки ценностей «индивидуалистического» полюса, отражающие ценности индивида (Равноправие, Интеллектуальная и Аффективная автономии, Мастерство).

В двух выборках – татары и русские – ценности Принадлежности (социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, вежливость, национальная безопасность, взаимопомощность, мудрость, умеренность, уважение старших, сохранение своего публичного образа, обязательность, благочестие, умение прощать, чистоплотность), Иерархии (власть, благосостояние, авторитетность, скромность) и Гармонии (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды) уступают ценностям Равноправия (равенство, социальная справедливость, верность, честность, полезность, ответственность), Интеллектуальной (свобода, творчество, широта взглядов, любознательность) и Аффективной автономии (удовольствие, интересная жизнь, разнообразие жизни, наслаждение жизнью, потакание себе), Мастерства (социальное признание, независимость, честолюбие, отвага, влияние, выбор собственных целей, умелость, достижение успеха). Крен в сторону индивидуалистической культуры в большей степени характерен для русских респондентов, чем для татар.

Таким образом, по преобладанию блоков ценностей «индивидуалистического» полюса (Равноправие, Автономия, Мастерство) над «коллективными» (Принадлежность, Иерархия и Гармония) татары не отстают от русской части молодого населения республики. Значит ли это, что экономическая культура татар одинакова с русской? Приведем данные, характеризующие типы индивидуализма и коллективизма, предложенные Триандисом и Гельфандом. Напомним, что исследователи предложили разделить типы индивидуализма и коллективизма по принципу иерархичности на два типа: горизонтальный и вертикальный. В таблице 3.20 представлены четыре формы индивидуализма – коллективизма татар и русских.

¹¹³ Приводится по: Лебедева Н.М. Культура как фактор... С. 234.

Таблица 3.20

Типы коллективизма – индивидуализма, «ЭП»–2009 г., баллы

Типы	Татары	Русские
Горизонтальный коллективизм	4,54	4,21
Горизонтальный индивидуализм	4,84	4,34
Вертикальный коллективизм	4,46	4,20
Вертикальный индивидуализм	3,35	4,56

Наибольшие расхождения наблюдаются по типу «вертикальный индивидуализм». Главный принцип такой культуры – «Для меня важно, что я делаю свою работу лучше, чем другие». Таким образом, для ценностных ориентаций русской молодежи, живущей в Татарстане, характерна автономность, но не признание всеобщего равенства. И в этом проявляется влияние культуры.

Для ценностных ориентаций татарской молодежи характерно преобладание индивидуализма горизонтального характера (наибольший разрыв с русскими). В этом может проявляться влияние культурного фактора. Для такой культуры характерна ориентация на самого себя, а не на внешние обстоятельства и условия. Представители такой культуры входят в какие-то объединения и состоят в них до тех пор, пока им это нравится.

Многочисленные исследования показывают, что для успешного экономического развития важно продуцировать горизонтальные ценности. Их полезность заключается в том, что горизонтальные отношения, основанные на ценностях доверия, уважения, толерантности и равенства, создают более разнообразную и терпимую реальность, в которой каждый человек может легко удовлетворять свои потребности и достигать своих целей. Но еще более важным является то, что горизонтальные отношения облегчают удовлетворение базовых психологических потребностей личности в автономии, компетентности, эффективности, творчестве, включенности как в тесные отношения с другими людьми, так и в большие социальные общности – нацию, культуру. Вертикальность, основанная на борьбе за статус, на состоятельности, наряду с подчинением, жертвенностью, лояльностью и т. д., создает разные социальные реальности для тех, кто стоит наверху и внизу социальной иерархии. При этом для обеих этих групп такая реальность, если она доминирует в культуре, в долговременной перспективе является вредной и разрушительной. Подтверждением этому является исследование сочетания четырех культурных ориентаций

(индивидуализм – коллективизм, горизонтальность – вертикальность) с показателями социального капитала: психологическим благополучием, национальной идентичностью, уважением, доверием, толерантностью, проведенное в Канаде. Анализ результатов показал, что горизонтальность больше, чем вертикальность, способствует доверию, уважению, толерантности, готовности делиться идеями и чувствами и поддержке психологических потребностей других людей, а вертикальность коррелирует с ценностью статуса, власти, конкуренции, покорности, жертвенности и готовности использовать других в своих целях¹¹⁴.

Интересные выводы дает сравнительный анализ материалов исследований среди студентов России и Татарстана (табл. 3.19). Оказалось, что в целом по всей выборке в республике в сравнении с Россией сильнее выражены ценности коллективистского характера, тогда как в России, в целом, сильнее выражены ценности индивидуалистического характера. Эти данные показывают, что внутри России сложились глокальности – модели жизнедеятельности, основанные на местных традициях. Длительное взаимодействие татар и русских в РТ, лояльное отношение их друг к другу способствуют формированию особого типа экономической культуры, основанной на традициях соседствующих этносов.

Вернемся к данным по культурным ценностям, полученным с помощью методики Шварца. Напомним, что, по мнению исследователя, если какая-либо культурная ценностная ориентация становится преобладающей, то неизбежно проявляется ее темная сторона. Проблемы начинаются там, где отсутствует противоположный полюс. У нас же практически все ценности находятся в одном диапазоне значимости. Для более глубокого изучения этой проблемы следует посмотреть не только на абсолютные значения по противоположным блокам ценностей, но и на их арифметическое соотношение. Мы вычли средние значения противоположных по методологии Шварца блоков ценностей (средние показатели Принадлежности вычли из средних показателей Интеллектуальной и Аффективной автономий, средние показатели Иерархии – из показателей Равноправия, показатели Гармонии – из показателей Мастерства). Полученные цифры свидетельствуют о величине преобладания одного из противоположных блоков (табл. 3.21).

¹¹⁴ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал... С. 149 – 150.

Оказалось, что среди русских и татар Автономия (интеллектуальная и аффективная) доминирует над Принадлежностью: Интеллектуальная автономия – на величину 0,28 у русских, 0,08 – татар; Аффективная автономия на величину 0,22 у русских, 0,34 – татар. Средние показатели Равноправия выше показателей Иерархии на 1,38 у русского студенчества и 1,41 – татарского. Ценность Мастерства преобладает над ценностью Гармонии на 0,74 и 0,52 соответственно. О чем говорят эти данные? В сравнении с данными по Западной Европе¹¹⁵, где фиксируются более существенные расхождения между блоками ценностей, в Татарстане, как и в России, различия несущественны. Трудно не согласиться с Н.М. Лебедевой в том, что такие данные показывают, как «российское общество по-прежнему находится в состоянии «брожения» в сфере ценностей и самоидентификации, затрудняясь расставить свои приоритеты и выбрать цель движения и развития»¹¹⁶.

Таблица 3.21

Расхождение средних значений противоположных блоков ценностей студенческой молодежи, «ЭП»–2009 г.

Различия в блоках ценностей		Татары	Русские	Данные по России ¹¹⁷
Интеллектуальная автономия	Принадлежность	0,08	0,28	0,72
Аффективная автономия	Принадлежность	0,34	0,22	0,41
Равноправие	Иерархия	1,38	1,41	1,02
Мастерство	Гармония	0,52	0,74	0,83

Особый для нас интерес представляет сравнение ценностей населения в региональном разрезе (табл. 3.21). Опираясь на данные, полученные Лебедевой, проведем анализ ценностей молодых татарстанцев и россиян. Оказалось, что татарстанцы уступают жителям других регионов России по таким показателям, как Мастерство и Интеллектуальная автономия. В то же время молодежь РТ опережает молодых россиян по ценностям Равноправие, Гармония, Принадлежность и Аффективная автономия. Арифметическое соотношение блоков показало, что в Татарстане в соотношении блоков ценностей Равноправие преобладает над Иерархией.

Что это значит для социально-экономического развития?

По теории Шварца, ценности Автономии и Мастерства являются необходимой базой для развития свободного рынка, а ценности Автономии и Равноправия – для развития демократии. Для развития по европейскому пути в России недостаточно развиты ценности Интеллектуальной автономии и Равноправия и слишком велики ценности Принадлежности и Иерархии. Согласно исследованиям Шварца, Автономия, Равноправие и Гармония связаны с отсутствием коррупции в обществе, а высокие индексы Принадлежности, Иерархии и Мастерства – с её высоким уровнем. По мнению Шварца, посредством этого механизма культура поощряет коррупцию. Россия, по измерениям Шварца, в настоящее время находится в поле пересечения Принадлежности, Иерархии и Мастерства, и эти ценности значимо выросли в последние годы. Известно, что по уровню коррупции наша страна занимает одно из первых мест в мире, что является серьезным вызовом российскому обществу.

Проведенный нами анализ позволяет сделать два вывода. Во-первых, изучать Россию продуктивно с точки зрения этнокультурных образований – национальных регионов и этнических групп. Наши данные показывают, что, например, экономическая культура русских может заметно различаться между территориями. А ценности Принадлежности и Иерархии среди обследованных этнических групп не имеют такого распространения, как в целом в России. Во-вторых, динамичное развитие Татарстана по сравнению с остальной Россией тормозится недостаточной развитостью ценностей Автономии, прежде всего Интеллектуальной автономии, и Мастерства. Независимость, самостоятельность – как ценности Автономии – и амбиции, успех, компетентность – как ценности Мастерства – должны стать основой внутренней политики РТ. Оптимизм внушают сравнительно более высокие показатели в республике ценностей Автономии и Равноправия, свидетельствующие скорее не о развитости демократии в республике, а о взвешенной внутренней социальной и межэтнической политике.

Напрашиваются выводы о том, что выявленные различия в ценностных ориентациях татарской и русской молодежи обусловлены этнокультурными факторами, которые, в свою очередь, могут оказывать влияние на содержание их экономических установок и проявляться в экономическом поведении.

¹¹⁵ Там же. С. 234.

¹¹⁶ Лебедева Н.М. Культура как фактор... С. 235.

¹¹⁷ Приводится по: Лебедева Н.М. Культура как фактор... С. 235.

ВЫВОДЫ

1. Оценки экономической адаптации татарстанцев необходимо проводить с учетом экономической и социальной политик в республике. Экономические преобразования в Татарстане в течение двух последних десятилетий наиболее эффективно прошли на институциональном уровне. Среди зримых и ощутимых результатов здесь следует отметить разделение политико-правового поля федерального Центра и РТ в сфере экономических интересов, формирование внутренней экономической политики в республике и связанное с ней принятие ряда законодательных актов регионального значения (например, Закона о земле). Экономический национализм в Татарстане привел к формированию этнорегионализма: и у татар, и у русских республики фиксируется значительно более устойчивая (в сравнении с сознанием россиян) поддержка смешанной экономики с сильной ролью республики и ее доминирующим присутствием в большинстве стратегически важных отраслей (нефтедобыча и нефтепереработка). Общее понимание интересов республики среди доминирующих этнических групп Татарстана является важным условием межэтнической интеграции на экономическом региональном поле.

2. Как показал анализ социологических исследований, заметно медленнее идут инновационные преобразования повседневных экономических практик жителей РТ. У жителей Татарстана сохраняется приоритет общественных интересов над индивидуальными, духовных над материальными. Наблюдается кризис трудовых ценностей населения, проявляющийся в том, что трудовая деятельность сводится только к удовлетворению потребительских нужд работника и его семьи. Фиксируется падение удовлетворенности трудом, усиливаются ориентации населения на быстрый и, желательно, легкий заработок, слабо распространено инициативное поведение, отмечается дефицит культуры предпринимательства. С точки зрения перспектив межэтнической интеграции важно понимать, что заинтересованность в работе порождает благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей, а отсутствие заинтересованности и удовлетворенности работой, напротив, становится социально-психологической основой различных форм негативного поведения¹¹⁸.

¹¹⁸ Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Academia, 2001. С. 25.

3. В республике сосуществуют традиционалистски и патерналистски настроенная часть населения и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы. По сути, речь идет о двух полярных типах мировоззрения, или, в терминологии М.К. Горшкова, о двух моделях альтернативного видения мира¹¹⁹. За годы реформ и у татар, и у русских, живущих в городах, модернисты стали преобладать над традиционалистами. Важно то, что уровень поддержки рыночных реформ, частной собственности, предпринимательского корпуса, инновационные ценности работы, степень удовлетворенности ею, число людей, стремящихся к социальному росту, доля людей, относящих себя к среднему классу, одинаково представлены среди русских и татар-горожан. Города республики представляют собой унифицированное поле социально-экономических мотиваций русских и татар. Соответственно, патерналистские настроения, слабые инициативные идеи, ориентации на «быстрый» и желательно большой заработок и т. п. у горожан-русских и горожан-татар также совпадают. Как известно, в условиях города наиболее стремительно обостряются межэтнические отношения. Однако наши исследования показывают, что сегодня на экономическом поле городской среды оснований для дезинтеграционных процессов в Татарстане нет. Это связано с одинаковым сопровождением социально-экономических реформ у татар и русских – горожан¹²⁰.

4. Более сложная ситуация фиксируется в селах. Очень медленная трансформация экономического сознания происходит в сельской местности: здесь сильно распространена квазирыночная мотивация. Сельская среда отличается устойчивыми нормами и ценностями. Экономические реформы и собственное место в новом социальном пространстве здесь воспринимаются совсем не так, как в городе. Заметны этнические особенности. К началу новых экономических отношений сельские татары и русские пришли с разной социально-экономической мотивацией. И если у татар, живущих в селах, в 1990-х гг. начал разворачиваться более последовательный потенциал экономических притязаний, то у русских сельчан сегодня мало изменился уровень

¹¹⁹ Горшков М.К. Российский менталитет... С. 106.

¹²⁰ По мнению С.В. Рыжовой, в полиэтничной городской среде Татарстана на фоне равнопредставленных в этнических средах стратегий экономической мотивации единственным отличием русской городской модели является несколько бóльшая (в сравнении с татарами) фрустрированность потребности в самоуважении. См.: Рыжова С.В. Указ. соч. С. 237.

экономических мотиваций на фоне слабых активистских устремлений на труд, достаток, зафиксированный на старте рыночных реформ. Экономические стратегии сельских татар больше соответствуют требованиям современной жизни, чем русских сельчан, мотивация которых отстает от современных реалий.

5. Результаты анализа взглядов среднего класса у татар и русских сельчан показали существование двух стратегий адаптации. У русских – с уклоном в сторону западных образцов индивидуализма при сохранении общинных принципов, у татар – установки на инициативное поведение с высокой степенью ориентации на государственную опеку. Динамичное формирование среднего класса в сельской местности у татар должно происходить при активном участии государства. Для среднего слоя русских сельчан важно продуцирование идей общинности и индивидуальной ответственности. Для татар требуется высокая степень государственной опеки. В таком случае можно ожидать рост людей, идентифицирующих себя со средним слоем, в разных этнических группах, живущих в сельской местности. Локальная идеологическая база – «мы – татарстанцы» – способствует формированию согласованной с этнокультурными особенностями экономической мотивации у татар и у русских.

6. Проведенное исследование социального капитала русских и татар РТ показало его крайне низкое состояние. Среди оцениваемых компонентов социального капитала как наиболее низкий и у русских, и у татар зафиксирован показатель уровня доверия, умеренный – позитивность и сила этнической и гражданской идентичности. Именно гражданская идентичность является перспективной основой социального капитала жителей России и ее регионов в настоящий момент. Основным компонентом социального капитала, по которому обнаружено наибольшее количество межгрупповых отличий, является этническая сплоченность. Он выше у татар. Однако этническая солидарность не является доминирующим компонентом социального капитала среди форм социальной сплоченности ни у татар, ни у русских. Люди чаще опираются на отношения и чувство близости с людьми своего возраста, рода занятий – в городах, с живущими рядом – в селах. И для людей в повседневной жизни это важнее, чем выстраивание отношений на этнической почве.

7. Этническая и экономическая идентичности являются относительно независимыми переменными, а этническая идентичность играет позитивную роль в процессе социально-экономической адапта-

ции в ситуации благоприятного развития рыночных отношений. Принадлежность к определенной этнической группе дает людям чувство большей удовлетворенности своим положением в обществе, жизни в целом, материальным положением. В нынешний переходный период этничность во многих случаях стала служить неким мобилизующим фактором, который помогает людям не только успешнее преодолевать жизненные трудности, но и дает им определенный заряд оптимизма, веру в свои силы.

Однако склонность к этнической категоризации экономического поля в большей степени характерна для татар, особенно для той их части, которые настроены на распределительные отношения в экономике. Распределительные отношения или прорыночные реформы, приводящие к обнищанию населения, являются питательной средой для воспроизводства латентных этнических иерархий, а условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность в этнической категоризации социальных ситуаций и, таким образом, служат реальной почвой для межэтнической интеграции в полиэтнических средах. У русских же потери социальных позиций связаны с актуализацией этнических чувств.

8. Большое количество различий было обнаружено в восприятии социального капитала институтов общества. Наибольшим уровнем социального капитала в восприятии русской студенческой молодежи обладают неправительственные организации, крупный бизнес и государственные органы управления. У молодого поколения татар – средства массовой информации. Эти результаты имеют серьезное практическое значение, поскольку они позволяют сказать, на какие институты в перспективе следует опираться при проведении различных реформ, а какие из социальных институтов нуждаются в изменении, поскольку не принимаются обществом.

9. В нашем исследовании студенческой молодежи не были обнаружены существенные расхождения между блоками противоположных ценностей. Это может свидетельствовать об отсутствии в стране и в регионах четкой социально-экономической политики с расставленными приоритетами и выбранными целями движения и развития. Региональная и этнокультурная специфика нами была обнаружена по следующим ценностям. Наиболее важной для молодых татар и русских Татарстана ценностью является Равноправие. Равенство, социальная справедливость, ответственность, забота, честность и помощь являются продуктивной основой социальной и межэтнической ста-

бильности в татарстанском обществе. Исследование не выявило в культуре молодых татарстанцев актуальные для молодых россиян ценности Принадлежности и Иерархии. Преобладание блоков ценностей «индивидуалистического» полюса (Равноправие, Автономия, Мастерство) над «коллективными» (Принадлежность, Иерархия и Гармония) зафиксировано у татар и русской части молодого населения республики. Для успешного экономического развития важно продуцировать горизонтальные ценности. Нельзя не отметить величину радиуса доверия. У молодого поколения татар он выше, чем у русской молодежи.

ГЛАВА IV Культура как ресурс адаптации этнических групп

Государственные реформы в национально-языковой сфере, возрождение религиозной жизни, стартовавшие на постсоветском пространстве на рубеже 1980 – 1990-гг., в научном и публичном дискурсе анализируются как явления культурной политики, с точки зрения актуализации этнического и религиозного самосознания, их влияния на межэтнические отношения. Напомним, что, согласно теории рационального выбора, социальная среда, социальная ситуация структурируют альтернативы, стоящие перед акторами (индивидами или группами), и оказывают решающее влияние на принимаемые ими решения. Представляется, что этнический и религиозный ренессанс на постсоветском пространстве создал ситуацию, когда в решетку выборов способов жизнедеятельности населения попала этничность. Для одних этничность, удовлетворение этнических, религиозных чувств стали сферой профессиональной работы, для других, возможно, – преимуществом в социальной конкуренции, средством социальной мобильности, основанием для создания сетей, формирующих благоприятные условия для экономических действий. Наша задача – выявить, может ли культура этнических групп – традиционная материальная и духовная культура, национальный язык, религия – стать культурным ресурсом, способным в условиях адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям принести реальные социально-экономические дивиденды их носителям. В отношении языка П. Бурдые отмечал, как его усвоение наделяет агентов определенной силой и они – агенты – «...получают прибыль пропорционально своему мастерству владения этим объективированным капиталом, а следовательно, пропорционально объему своего инкорпорированного капитала»¹. Так ли это и действует ли это правило в отношении других элементов объективированной формы культурного капитала – нам предстоит разобраться.

¹ Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 527.

§ 1. Татарский язык на современном рынке труда Республики Татарстан

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. языковая жизнь в Татарстане, как и в других субъектах России и постсоветских государствах, заметно оживилась. Исследовательница Л.В. Сагитова пришла к выводу, что с точки зрения сюжетного доминирования информации с этнической окраской в 1993 – 1994 гг. в газетах Татарстана этнокультурная, языковая тематика шла на первом месте, а государственная, связанная с укреплением суверенитета в политическом, экономическом отношении, – на втором². Вполне была объяснима озабоченность татарской интеллигенции по поводу сохранения и развития родного языка. Русский язык все глубже и глубже внедрялся сверху в национальную татарскую культуру, властные структуры³. В то же время, как показала Всесоюзная перепись 1989 г., у татар сохранялся достаточно высокий уровень этноязыковой идентификации: 95,0% городских татар в РТ назвали татарский язык родным. Среди татар-сельчан этот показатель составлял 99,3%. Между тем к началу 1990-х гг. школьное, вузовское образование в Татарстане осуществлялось преимущественно на русском языке: по данным исследовательского

² Сагитова Л.В. Исторические корни и особенности идей национального возрождения у русских и татар / Современные национальные процессы. Вып. 1. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С. 101.

³ Анализ, проведенный З.А. Исхаковой, показал, что татарский язык практически не функционировал в общественно-политической сфере, сфере материального производства, в городах – в сфере обслуживания, весьма ограниченно он функционировал в области профессионально-технического, средне-специального и высшего образования; в дошкольном воспитании и в школах татарский язык функционировал лишь в сельской местности; в сфере массовой коммуникации, в области информации, рекламы, призывов татарский язык занимал второстепенное значение. См.: Исхакова З.А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф, 2002. С. 16. Вокруг этой темы обсуждались трудности организации татарских классов и школ, преподавательских кадров, вопросы обучения на языке в вузах и, отсюда, желание родителей обучать детей на татарском в связи с возможностями продолжения образования. Сагитова Л.В. Национальное самосознание татарской интеллигенции и ее участие в возрождении нации (на примере Республики Татарстан) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1994. С. 31.

проекта «НИК»–1994 г., в начале 1990-х гг. 65% детей опрошенных респондентов в городе и 23% – в селе учились в школах на русском, кроме того, 19% в городе, 20% в селе – на татарском и русском языках⁴. По данным Всесоюзных переписей, число русских, владеющих татарским языком, было не более 1% в городах и около 1,5% – в селах. Ограниченное функционирование родного языка, исчезновение его из бытовой сферы, работы СМИ привели к тому, что «языковая реформа–89 и ее ядро – придание языкам титульных национальностей статуса государственного языка – оказались едва ли не самой эффективной мерой против угроз культурной идентичности нерусских народов»⁵.

Отражение в массовом сознании татар проблем родного языка представлено в работах Л.В. Сагитовой. Контент-анализ республиканской прессы, проведенный исследовательницей, показал, что «просьба печатать больше материалов о татарском языке», «желание изучать татарский язык», «необходимость открытия татарских школ» и «необходимость сохранения языка» являются наиболее дискутируемыми темами читательских писем⁶. Татарский язык в этот период воспринимался как важнейшее условие сохранения этничности. «Без языка – нет нации» – такой принцип выдвигали отряды татарской научной и творческой интеллигенции. Примечательно, что эта идеология поддерживалась на массовом уровне. Отвечая на вопрос: «Какие условия необходимы для возрождения вашего народа?», участники исследования «НИК»–1994 г. выбрали позиции «возрождение и развитие национальной культуры» (50% городских татар и 44% в селах) и «поддержка языка» (более 40% в городской и сельской средах)⁷.

Активное дебатирование по языковому вопросу со стороны татарской интеллигенции, принимавшее «мягкую» форму требований выравнивания статусов татарского и русского языков, а также доходившее до радикальных требований установления татарского языка единственным государственным языком республики, привело к соз-

⁴ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М.: Мысль 1996. С. 265.

⁵ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 349.

⁶ Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998. С. 116.

⁷ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р. и др. Указ. соч. С. 266.

данию и принятию в РТ ряда документов, регулировавших этноязыковую сферу. Это Закон «О языках народов Республики Татарстан» (8 июля 1992 г.; новая редакция – 28 июля 2004 г.), «Об образовании» (19 октября 1993 г.), «Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» (20 июля 1994 г.; новая редакция – 11 октября 2004 г.). Документы закрепили равноправный государственный статус двух языков в Татарстане – татарского и русского, и смягчили социальное настроение русского населения, опасавшегося установления в республике моноязычия. Как показало исследование «ЭГ»–1997 г., подавляющее большинство опрошенных (не только среди русских, но и среди городских татар) не одобряли придание татарскому языку статуса единственного государственного языка в РТ (табл. 4.1.).

Таблица 4.1

Отношение к проблеме придания татарскому языку статуса единственного государственного языка в РТ, «ЭГ»–1997 г., %

Варианты	Татары		Русские	
	город	село	город	село
Одобрют	18,2	53,4	1,4	1,7
Безразличны	8,3	7,4	3,0	3,3
Не одобряют	57,3	19,1	90,6	71,1
Затрудняются ответить	16,3	20,1	5,0	23,3

Как показали наши исследования, в конце первого десятилетия 2000-х гг. – по истечении почти 20 лет реализации татарстанской языковой реформы – поляризация взглядов основных этнических групп республики стала более размытой. Сегодня русские с пониманием относятся к приданию татарскому языку статуса государственного⁸. Это подтверждается и материалами наших интервью, проведенных в рамках проектов «ГЯ»–2006 /2008 гг. и «ЭРИ»–2008 г.

«Я думаю, тогда татарам необходимо было признать татарский язык государственным для того, чтобы сохранить собственную культуру. Татары поняли, что нужно знать свой родной язык,

⁸ Как известно, в ряде национальных субъектов РФ этноязыковые реформы прошли далеко не безболезненно. Например, принятый Закон «О языках народов Республики Башкортостан», утверждавший статус башкирского и русского языков, вызвал резко негативную реакцию со стороны общественности республики, прежде всего русского и татарского этнополитических объединений. См.: Сафин Ф. Язык в технологии кадровой политики. История и современность (Опыт Башкортостана). М.: ЦИМО, 2002. 100 с.

потому что многие из них не понимают, что теряют его» (инт. № 5, жен., 47 лет, г. Казань, русс.).

«Только так и должно было быть: татарский язык просто необходимо было поднять до государственного статуса. Язык для человека самое главное. Чтобы простой житель знал родной язык, само государство должно признать важность национальных языков. И, прежде всего, на уровне регионов: одно дело – общефедеральный язык, другое – когда на местах учитываются языки народов территорий» (инт. № 7, муж., 33 года, г. Казань, русс.).

Результаты массовых опросов подтверждают высокий уровень этноязыковой толерантности русских: в середине 1990-х гг. около 70% русских в городе и 92% в селах выразили желание, чтобы их дети знали татарский язык⁹. По данным проекта «ГЯ»–2006/2008 гг., 67,6% русских родителей РТ хотели бы видеть своих детей владеющими татарским языком. Опрошенные нами русские респонденты согласны с тем, что татарский язык должен быть обязательным в публичных сферах.

«Обязательно должны быть вывески на татарском языке. Люди приезжают в наш город и должны сразу понимать, что они в Татарстане» (инт. № 2, жен., 51 год, с. Пестрецы, русс.).

«Думаю, татарский язык должны знать те, кто имеют непосредственные контакты с людьми, например, врачи, судьи. Трудно тем, кто приезжает из татарских деревень в город и плохо владеет русским» (инт. № 4, муж., 45 лет, г. Арск, русс.).

«В общении обязательно должен использоваться татарский язык. У меня была такая ситуация. Я помогала старенькой бабушке перейти улицу. Она стала благодарить по-татарски. Мне тоже было приятно ей ответить по-татарски: «Не за что, пожалуйста». Да и ей было приятно» (инт. № 9, жен., 23 года, г. Казань, русс.).

В общественном мнении русских широкую поддержку находит признание за президентом Татарстана обязанности свободно владеть татарским языком: 76,5% респондентов безусловно и скорее согласны с такой позицией. Еще 68,4% русских поддерживают необходимость двуязычия для должностных лиц¹⁰. В других исследованиях была об-

⁹ Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Суколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 159.

¹⁰ Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк 1. Плоды суверенизации. М., 1994. С. 26 – 27.

наружена поддержка двуязычия не только для руководителей, но и для работников сферы обслуживания.

Кардинальные изменения произошли и среди самих татар. В начале 1990-х гг. заметная часть среди них испытывали психологический дискомфорт в ситуации использования татарского языка в иноэтничном окружении. Так, по данным исследования 1990 г., основным фактором, препятствующим общению на родном языке, для 14,4% опрошенных татар-ученых Татарстана стало «неодобрительное восприятие окружающими»¹¹. В 1990 – 2000-е гг. среди татар увеличилась доля признающих татарский язык родным. По материалам выборочной (5%) переписи населения 1994 г., доля татар с родным языком повысилась с 96,6% в 1989 г. до 97,8% (в том числе с 95% до 96,7% в городах республики)¹². Татары стали более активны в использовании родного языка не только в приватной (семейно-бытовой), но и в публичных сферах.

«Мне мама рассказывала, как раньше ее одергивали коллеги по работе, когда она разговаривала на татарском языке. Сейчас этого нет. Я не стесняюсь говорить на родном языке в магазине, на улице, транспорте» (инт. № 8, жен., 35 лет, г. Арск, тат.).

«Русские стали положительно относиться к татарскому языку. Например, мой молодой человек (он – русский) просит меня научить его говорить по-татарски. Когда он приходит ко мне домой, то говорит: «"Исэнмесез"; "Рэхмэт"; "Хэерле көн"». И по телефону меня спрашивает по-татарски» (инт. № 10, жен., 24 года, г. Казань, тат.).

Теоретически можно предположить, что если имеется политико-правовая поддержка национальных языков, то языки титульных народов должны стать кирпичиками фундамента, на котором выстраиваются социальные биографии населения региона. Во всех этносоциологических исследованиях, проводившихся в Советском Союзе, отмечалось влияние знания русского языка на социальную мобильность. После распада СССР наметился обратный вектор: знание языка титульной национальности стало условием социального роста. Ряд этносоциологических исследований, проведенных в постсоветских государствах, показал существование связи между резким сужением территорий распространения русского языка и приобретением языками титульных народов качества

социального капитала. Исследователи К. Халик, Э. Саар, Е. Хелемяэ обнаружили взаимосвязь между владением эстонским языком и положением на рынке труда в Эстонии. Занятые располагают большим объемом языкового ресурса. В 1998 г. безработица была самой высокой среди неэстонцев, слабо владеющих эстонским языком. Уровень их безработицы был в два раза выше, чем у эстонцев или неэстонцев, свободно владеющих эстонским языком¹³. Московская исследовательница Л.В. Остапенко, анализируя результаты этносоциологических опросов в Молдове и Киргизии, пришла к выводу о том, для русских «владение языком титульного народа республики является важным условием их успешной адаптации во всех сферах жизни. Знающие язык русские не только лучше относились к республиканской власти, но и увереннее чувствовали себя в условиях рыночной экономики, оптимистичнее оценивали свою жизнь». Для титульных народов анализируемых регионов хорошее знание родного языка также служило подспорьем при включении их в новую жизнь¹⁴.

Рассмотрим вопрос о том, помогает или препятствует татарам и русским Татарстана адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям установление нового, государственного, статуса татарского языка? И какова сегодня роль русского языка в республике?

Прежде всего необходимо отметить, что в Татарстане роль русского языка в адаптационном процессе населения сохранилась. Русский язык, в отличие от ситуации в бывших союзных республиках, в РТ играет приоритетную роль среди факторов этносоциальных процессов и остается основным языком межнационального общения. Русский язык по-прежнему доминирует во всех социально-экономических сферах татарстанского общества. Все, что так или иначе сопровождает трудовой процесс, осуществляется на русском языке. Между тем материалы этносоциологических проектов показывают

¹³ Халик К., Саар Э., Хелемяэ Е. Этническая сегментация на рынке труда: что дает неэстонцам знание эстонского языка и наличие гражданства в Эстонии // Неэстонцы на рынке труда новой Эстонии / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 43 – 45.

¹⁴ Остапенко Л.В. Этнокультурная компонента адаптационного потенциала населения постсоветских стран // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) / редакторы-составители: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. Общая редакция М.Н. Губогло. М.: ООО Интер-принт, 2008. С. 111 – 112.

¹¹ Ганиев М.Н. Этнические аспекты культурных ориентаций и языкового поведения ученых Татарстана // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М., 1997. С. 171.

¹² Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар // Татары. М.: Наука, 2001. С. 512.

(в отличие от советского периода абсолютного доминирования русского языка в социальных биографиях жителей республики), что татарский язык стал играть определенную роль в социально-экономических процессах в постсоветском Татарстане.

Для начала важно оговориться, что если подходить к анализу с точки зрения сопоставительного ресурсного измерения, то здесь татарский язык заметно уступает русскому. В ходе нашего исследования «ГЯ»–2006/2008 гг. мы выясняли мотивации учеников к изучению трех языков – русского, татарского и иностранного. В этом аспекте подробный анализ результатов по г. Казани представлен в специальной статье Л.В. Сагитовой¹⁵. Отметим наиболее важные моменты этой работы и приведем данные по республике.

В целом в сознании татарстанских школьников и их родителей инструментальная функция преобладает у русского и иностранного языков (табл. 4.2 – 4.7). Эта ситуация наиболее характерна для русских детей и жителей столицы республики. 86,6% учащихся-татар и 95,4% русских школьников – жителей г. Казани – отметили важность русского языка для дальнейшей работы. Среди учащихся, живущих в городах и районных центрах, эту позицию поддержали соответственно 93,5% и 98,2%. Важность владения татарским языком отметили в г. Казани 71,7% детей-татар и лишь 12,5% русских учащихся, а в республике – 83,3% татар и 21,1% русских школьников. Иностранному западным – 71,7% татар и 75% русских учеников г. Казани, и 61,9% детей-татар и 67,5% русских детей республики. Рейтинги языков у родителей и их детей совпали.

Таблица 4.2

Мнения родителей и детей о важности русского языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	92,6	86,6	87,7	95,4
Скорее да	1,5	9,6	2,4	3,3
Скорее нет	5,9	1,1	1,2	-
Нет	-	0,5	-	-
Затрудняюсь ответить	-	2,1	-	1,4

¹⁵ Сагитова Л.В. Мотивации к изучению языков среди учащихся и их родителей // Государственные языки в школьном образовании: информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г. Казани / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 21 – 40.

Таблица 4.3
Мнения родителей и детей о важности иностранного языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	76,5	54,4	63,5	53,9
Скорее да	14,7	26,2	28,0	30,3
Скорее нет	2,9	10,2	1,2	7,2
Нет	4,4	1,6	6,1	1,3
Затрудняюсь ответить	1,5	8,0	1,2	7,3

Таблица 4.4

Мнения родителей и детей о важности татарского языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	63,2	40,6	20,7	11,2
Скорее да	19,1	16,0	18,3	17,8
Скорее нет	8,8	27,8	26,8	32,9
Нет	1,5	8,6	14,6	30,3
Затрудняюсь ответить	7,3	6,9	19,6	7,8

Таблица 4.5

Мнения родителей и детей о важности русского языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	94,1	93,5	93,8	97,1
Скорее да	3,6	5,9	3,8	2,2
Скорее нет	-	0,6	-	-
Нет	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить	2,3	-	2,4	0,7

Таблица 4.6

Мнения родителей и детей о важности иностранного языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	68,0	48,0	63,1	44,9
Скорее да	18,3	30,3	19,2	37,6
Скорее нет	2,4	9,9	6,2	7,7
Нет	0,6	3,1	-	2,2
Затрудняюсь ответить	10,6	8,6	11,5	7,6

Таблица 4.7

Мнения родителей и детей о важности татарского языка в дальнейшей работе, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Варианты ответа	Татары		Русские	
	родители	дети	родители	дети
Да	70,4	52,3	23,8	14,6
Скорее да	12,4	23,8	15,4	19,0
Скорее нет	5,9	13,3	21,5	19,0
Нет	1,2	4,0	11,5	30,7
Затрудняюсь ответить	11,1	6,5	5,4	24,8

Рассмотрим распределение ответов на вопрос «Для чего нужно изучать языки?» (табл. 4.8 – 4.11) Ответы на этот вопрос, в отличие от предыдущего общего вопроса, дает в ответах на него более конкретное представление о роли языков в трудовой деятельности. Прежде всего следует отметить довольно согласованные позиции всех респондентов относительно роли иностранных языков. Этим подчеркивается значимость этих языков в социальной мобильности. Что касается русского и татарского языков, то мы видим интересную ситуацию. Как среди школьников, так и среди родителей заметно понимание необходимости владения языком соседнего народа: русскими – татарского, татарами – русского. Причем у татар ориентации на русский язык преобладают над ориентациями у русских учащихся на татарский язык. Этим подчеркивается значимость социального пространства в РТ, организованного преимущественно на русском языке, и важность его знания для детей из малых городов и районных центров¹⁶. Таблицы демонстрируют еще один любопытный факт. Татарский язык более значим в дальнейшей работе для русских детей, чем для татар-учащихся, живущих как в столице, так и в других городах и районных центрах РТ. Значит, по истечении 20 лет языковой реформы татарский язык стал восприниматься русским населением как ресурс. И, наконец, мы видим, что татарский язык в Татарстане в то же время не стал реальной основой социальной стратификации – очень незначительная часть школьников-казанцев считает, что без знания татарского языка можно претендовать на престижную работу. В оценках родителей роль татарского языка повышается. И это понятно. Взрос-

¹⁶ Важно отметить, что исследование «ГЯ»–2006/2008 гг. мы проводили как в полиэтничных, так и в моноэтничных – татарских и русских – районах Татарстана.

лое население чаще сталкивается на работе с ситуациями, когда нужно знать татарский язык.

Таблица 4.8

Распределение ответов на вопрос «Для чего нужно изучать языки?», школьники, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %*

Варианты	Татарский		Русский		Иностранный	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пригодится в работе	8,6	26,3	44,1	21,1	51,9	49,3
Невозможно претендовать на престижную работу	1,6	4,6	26,9	13,8	27,3	46,7

* Сумма не равна 100%, т. к. респонденту предлагалось несколько вариантов ответа. Мы приводим лишь те варианты, которые нам интересны с точки зрения исследовательских задач.

Таблица 4.9

Распределение ответов на вопрос «Для чего нужно изучать языки?», родители, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %*

Варианты	Татарский		Русский		Иностранный	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пригодится в работе	22	23	44	10	34	45
Невозможно претендовать на престижную работу	10	15	21	16	41	49

* Сумма не равна 100%, т. к. респонденту предлагалось несколько вариантов ответа. Мы приводим лишь те варианты, которые нам интересны с точки зрения исследовательских задач.

Республиканский массив показал более низкие оценки значимости языков в социальной биографии и в представлениях школьников, а также родителей, независимо от национальной принадлежности (табл. 4.10, табл. 4.11). Это свидетельствует о том, что в условиях крупного города, где наиболее жестко выстраивается конкуренция, татарский язык чаще выступает как дополнительный и более важный фактор социальной мобильности.

Таблица 4.10

Распределение ответов на вопрос «Для чего нужно изучать языки?», школьники, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %*

Варианты	Татарский		Русский		Иностранный	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пригодится в работе	5,6	22,3	59,4	15,7	36,6	48,2
Невозможно претендовать на престижную работу	2,8	4,0	31,0	17,5	22,9	33,2

* Сумма не равна 100%, т. к. респонденту предлагалось несколько вариантов ответа. Мы приводим лишь те варианты, которые нам интересны с точки зрения исследовательских задач.

Таблица 4.11

Распределение ответов на вопрос «Для чего нужно изучать языки?», родители, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %*

Варианты	Татарский язык		Русский язык		Иностраный язык	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пригодится в работе	13,0	19,2	49,7	17,7	37,9	43,1
Невозможно претендовать на престижную работу	2,4	11,5	34,3	13,1	31,4	46,2

* Сумма не равна 100%, т. к. респонденту предлагалось несколько вариантов ответа. Мы приводим лишь те варианты, которые нам интересны с точки зрения исследовательских задач.

В итоге получается, что татарский язык, несмотря на сформированное у населения осознание его позиций, в большей степени закрепляемых декларативными политико-правовыми актами, так и не стал реальным ресурсом, который влияет на социальные передвижения татарстанцев в значительных масштабах. Татарский язык замкнулся либо в сфере решения технических вопросов, связанных с необходимостью обязательного ведения некоторых документов на двух языках – татарском и русском, либо на уровне необходимости понимания татарской речи в случае контакта с татароязычной аудиторией, т. е. как сопроводительный компонент, и даже не как средство общения на работе. Научно-исследовательские проекты, реализованные в Татарстане, показывают ограниченность использования татарского языка на работе. В 1994 г. (проект «НИК») лишь 1,5% русских свободно владели татарским языком, 98% среди них говорили на работе исключительно по-русски¹⁷, тогда как среди татар почти половина пользуется на работе родным языком, еще треть – татарским и русским (табл. 4.12). По данным З.А. Исхаковой, в 2001 г. лишь 1,2% русских горожан и 9,1% русских сельчан ответили, что говорят на работе на двух языках – русском и татарском. Только на татарском языке на работе не говорил ни один из русских участников проекта¹⁸.

¹⁷ Рыжова С.В. Этническая граница глазами русских в республиках и областях Российской Федерации // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 293.

¹⁸ Исхакова З.А. Указ. соч. С. 31.

Таблица 4.12

Динамика языкового поведения татар, «НИК»–1994 г., «ЭГ»–1997 г., город, %¹⁹

Языки общения	На работе		Дома	
	1994 г.	1997 г.	1994 г.	1997 г.
Татарский	14	10	48	45
Русский	48	40	22	18
Татарский и русский	38	50	30	37

Другим, трудноуловимым, следствием влияния татарского и русского языков на социально-экономические процессы в РТ является то, что знания языков дают некоторые психологические преимущества их обладателям. На этот счет выше мы привели некоторые факты, выявленные этносоциологами в постсоветских государствах. Изучалась эта связь и в Татарстане. Л.В. Остапенко выявила, что русский язык дает татарскому населению республики некоторую психологическую поддержку. Для него знание русского языка оказывается значимым при совершенствовании материального достатка. Проявляется взаимосвязь уровня знания русского языка и степени адаптации к рыночной экономике у татар²⁰. Есть ли такая связь с татарским языком у татар и у русских?

Как показали наши исследования, довольно тесная связь фиксируется между языковым поведением, уровнем знания татарского языка и оценками своего положения в обществе, степенью удовлетворенности им среди татарстанцев. Наиболее заметно это проявляется среди русского населения (табл. 4.13, табл. 4.14).

Таблица 4.13

Степень владения татарским языком в средних и нижнем классах (по самоопределению) русских и татар, «СЭН»–1999 г., город, %

Степень владения	Русские		Татары	
	средний класс	нижний класс	средний класс	нижний класс
Совершенно свободно	2,7	1,4	66,4	70,2
Хорошо, но не свободно	1,6	2,1	22,4	18,1
Плохо	8,2	7,7	3,0	2,1
Понимаю, но не говорю	18,6	14,0	6,9	5,3
Совсем не говорю	68,9	74,8	1,3	4,3

¹⁹ Приводится по: Коростелев А.Д. Язык – источник согласия и противоречий // Социальная и культурная дистанции... С. 193.

²⁰ Остапенко Л.В. Указ. соч. С. 116.

Таблица 4.14

Использование татарского и русского языка на работе в среднем и нижнем классах (по самоопределению) русских и татар, «СЭН»–1999 г., город, %

Используют	Русские		Татары	
	средний класс	нижний класс	средний класс	нижний класс
Татарский язык	0,6	–	8,0	7,7
Русский язык	91,7	95,8	38,9	42,9
Татарский и русский языки	2,8	–	48,7	47,3
Другие языки	0,6	–	–	1,1
Не работали	4,4	4,2	4,4	1,1

Русские, считающие себя представителями нижнего класса, хуже владеют татарским языком, чем те, кто относит себя к среднему слою. Представители нижнего класса русских не используют татарский язык на работе. У татар иная ситуация: среди них те, которые относят себя к нижнему классу, лучше владеют татарским языком, но на работе они чаще используют русский язык. На наш взгляд, это связано с тем, что татары в основной своей массе – бывшие сельчане, хорошо владеющие родным языком. Однако, приехав в город, они уступают русским – потомственным горожанам – по уровню достатка, статусу. Стремление использовать русский язык на работе, возможно, связано с тем, что для бывших татар-сельчан русский язык представляется более реальным ресурсом адаптации к новым городским условиям.

Проявляется связь между использованием татарского языка и социально-психологическим самочувствием населения РТ. Особенно это заметно среди русских. Владение татарским языком дает русскому населению РТ некоторую социально-психологическую поддержку (табл. 4.15). Русские, считающие, что «все не так плохо» или «жить трудно, но можно терпеть», используют в той или иной степени татарский язык на работе. Те, кто находится за порогом социального терпения, не используют татарский язык. У татар такая связь не обнаружена.

Таблица 4.15

Зависимость социального самочувствия и использования татарского языка на работе среди русских, «СЭН»–1999 г., город, %

Используют	Все не так плохо	Жить трудно, но можно терпеть	Терпеть бедственное положение невозможно
Татарский язык	–	0,6	–
Русский язык	90,4	94,3	95,2
Татарский и русский языки	2,7	1,7	–
Другие языки	1,4	–	–
Не работали	5,5	3,4	4,8

Обнаруженная нами связь вновь подтвердилась в исследовании «ТАТ»–2006 г. Знающие татарский язык русские увереннее чувствовали себя в рыночной экономике, оптимистичнее оценивали свою жизнь в целом. Это почти не проявляется у татар²¹.

Интересный факт обнаружен в исследовании «СЭН»–1999 г. (табл. 4.16). Среди лиц, ориентированных на советскую идеологию стабильной работы и доходов, оказалось меньшее число людей, достаточно хорошо владеющих татарским языком. Особенно сильно эта связь проявилась у татар. В итоге получается, что владеющие татарским языком более экономически мотивированы, чем не владеющие им. Значит, к освоению татарского языка стремятся, прежде всего, «социально продвинутые» слои татарстанского общества.

Таблица 4.16

Зависимость экономических установок от степени владения татарским языком среди русских и татар, «СЭН»–1999 г., город, %

Степень владения	Русские		Татары	
	ориентированы на стабильный доход	готовы идти на риск	ориентированы на стабильный доход	готовы идти на риск
Совершенно свободно	0,4	–	8,7	4,8
Хорошо, но не свободно	93,0	96,1	36,1	53,0
Плохо	2,1	–	53,5	36,1
Понимаю, но не говорю	0,4	–	0,4	–
Совсем не говорю	4,1	3,9	1,3	6,0

Для понимания перспектив межэтнических отношений в регионе важно понять, какие социальные группы РТ не используют татарский язык при выстраивании социальной биографии. Невладение татарским языком и его последствия (реальные или воображаемые) на социальную жизнь могут восприниматься как намеренная дискриминация и быть основой социальных и межэтнических конфликтов. Как показывают наши исследования, сам капитал «татарский язык» весьма неравномерно распределен между различными группами татарстанского общества. Выше мы уже отметили, что русское население республики аккумулирует татарский язык в меньшей степени, чем татары, особенно те, кто демонстрирует низкие оценки своего положе-

²¹ Остапенко Л.В. Указ. соч. С. 111 – 114.

ния в обществе, низкую степень удовлетворенности им. Какие еще социальные группы хуже знают и не используют татарский язык?

Как показали наши исследования, старшее поколение владеет татарским языком хуже, чем молодежь. Эта тенденция характерна для русского населения республики. К концу 1990-х гг. среди них сформировалась группа с достаточно высоким уровнем этноязыковой адаптированности: доля владеющих в той или иной степени татарским языком среди русской молодежи республики оказывалась выше, чем среди всего русского населения Татарстана (табл. 4.17). Данный факт становится более значим, если учесть, что городская татарская молодежь слабее владеет родным языком, чем старшие возрастные группы татар (табл. 4.18).

Таблица 4.17

Степень владения татарским языком русскими в зависимости от возраста, «СМ»–1999 г.*, «СЭН»–1999 г., город, %

Степень владения языком	15–29 лет	Все городское население республики
Совершенно свободно	3,0	2,4
Хорошо, но не свободно	7,5	1,8
Плохо	12,2	8,1
Понимаю, но не говорю	21,0	16,8
Совсем не говорю	56,3	71,0

* Приводится по: Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Я.З. Гарипов, Р.И. Зиннурова, К.М. Минуллин, Р.М. Мухаметшин, Л.В. Сагитова. Казань: РИЦ «Школа», 2000. С. 38.

Таблица 4.18

Более свободная степень владения языками татарами в зависимости от возраста, «НИК»–1994 г., город, %

Языки	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и более
Лучше татарским	23,3	24,3	44,8
Лучше русским	39,6	23,7	7,6
Обоими языками в равной степени	37,1	52,0	47,6

Подвижки в языковом поведении русских республики произошли, прежде всего, потому, что татарский язык стал обязательным предметом в общеобразовательной школе. Школьники РТ, независимо от национальной принадлежности, изучают татарский язык и литературу. Согласно основному языковому Закону Республики «татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан изучаются в детских дошкольных учреждениях, общеобразова-

тельных школах, средних и средних специальных учебных заведениях в равных объемах» (ст. 10, п. 2.)²². Молодежь, имея широкие возможности приобщиться к татарскому языку через образовательную систему, демонстрирует более высокий уровень владения им по сравнению с взрослыми. Старшее поколение ограничено в получении навыков общения и усвоения татарской речи через образовательный институт, а потому остается в стороне от языковой реформы. В результате изучения татарского языка в стенах средней школы произошло увеличение доли русских детей, в той или иной степени владеющих татарским языком. Интересно отметить, что дети – жители г. Казани оценивают свои знания по татарскому языку ниже, чем их сверстники, живущие в средних городах и районных центрах Татарстана (табл. 4.19, табл. 4.20), а сами учащиеся – выше, чем учителя (табл. 4.21).

Таблица 4.19

Степень владения татарским языком в представлениях старшеклассников, «ГЯ» –2006/2008 гг., г. Казань, %

Степень владения	Дети		
	татары	русские	другие
Свободно говорю, читаю, пишу	67,4	8,6	10
Свободно говорю, но читаю и пишу с затруднениями	11,2	9,2	5
Говорю с затруднениями	11,2	44,1	30
Понимаю, но не говорю	9,1	25,0	45
Не владею этим языком	1,1	11,8	10
Нет ответа	–	1,3	–

Таблица 4.20

Степень владения татарским языком в представлениях старшеклассников, «ГЯ» –2006/2008 гг., республиканский массив, %

Степень владения	Дети		
	татары	русские	другие
Свободно говорю, читаю, пишу	77,4	10,9	28,9
Свободно говорю, но читаю и пишу с затруднениями	9	12	13,2
Говорю с затруднениями	7,1	32,5	28,9
Понимаю, но не говорю	4,6	32,5	18,4
Не владею этим языком	1,2	10,9	10,5

Как показывают наши исследования, молодежь республики в целом положительно относится к необходимости изучать татарский

²² Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» // Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (80 – 90-е годы). Казань, 1999. С. 25.

язык. В число приоритетных языков для своих будущих детей и русская, и татарская молодежь включает родной язык и язык другой национальности (татары – русский, русские – татарский). Русская молодежь свою установку на татарский язык объясняет двумя необходимостями. Первая связана с республиканской принадлежностью.

Таблица 4.21

Степень владения учащимися татарским языком по окончании школы в представлениях учителей татарского языка, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Степень владения	Дети		
	татары	русские	из смешанных семей
По окончании школы дети умеют в совершенстве читать, писать и говорить по-татарски	70,2	1,6	5,9
По окончании школы дети умеют неплохо писать, читать и говорить по-татарски	17,0	41,5	43,1
Дети умеют говорить по-татарски, но читать и писать не умеют	0,5	9,6	7,4
Дети умеют читать и писать по-татарски, но говорить не умеют	1,6	21,3	15,4
Дети как не знали татарский язык, так его и не знают	0,5	6,4	2,7
Затрудняюсь ответить	3,2	10,1	11,2
Нет ответа	6,9	9,6	14,4

«Я бы хотела изучать татарский язык, потому что живу в Татарстане» (инт. № 9, жен., 23 года, г. Казань, русс.).

«Я живу в Татарстане и должна знать татарский язык. Я не собираюсь уезжать из Татарстана, мне нравится татарская культура, поэтому, хотя и считаю себя русской, мне необходимо знать татарский язык» (инт. № 5, жен., 47 лет, г. Казань, русс.).

Вторая – с прагматическими целями. Это осознают, прежде всего, русские.

«Если собираешься работать чиновником, то без знания татарского языка тебя просто не возьмут на работу» (инт. № 6, муж., 29 лет, г. Казань, русс.).

«Если устраиваешься в какую-то фирму, частное производство, то обязательно спросят знание татарского языка» (инт. № 2, жен., 51 год, с. Пестрецы, русс.).

«В основном везде спрашивают знание татарского языка» (инт. № 1, жен., 36 лет, г. Казань, русс.).

«Если ты знаешь и русский и татарский языки, то это только плюс в твоей будущей карьере» (инт. № 9, жен., 23 года, г. Казань, русс.).

Помимо возраста, на аккумуляцию этноязыкового ресурса влияет и другой этнодемографический показатель – место проживания и длительность проживания в республике. Место проживания и характер этноязыковой социализации разграничивают городских и сельских татар. По данным исследовательского проекта «НИК»–1994 г., лишь 29,8% городских татар свободно владели родным языком, среди сельчан этот показатель составлял 85,6%. Сельские татары ориентированы в большей степени на татарскую художественную литературу, татарскую музыку при одновременном расширении круга интересов за счет культуры других народов²³. Обучение татарской молодежи в селе ведется в большей степени на родном языке, чем среди городской (табл. 4.22). Сельчане более активны в использовании родного языка в разнообразных сферах (табл. 4.23). Все это в сумме повышает языковую компетенцию сельских татар, в связи с чем последним язык дает большие преимущества в социальном росте по сравнению с городскими татарами, в том числе и в возможностях перехода в высшую страту.

Таблица 4.22

Языки школьного обучения молодежи, «СМ»–1999 г., %²⁴

Языки школьного обучения		Национальность	
		татары	русские
Город	на татарском	8,6	0,5
	на русском	89,8	97,5
Село	на татарском	49,2	1,7
	на русском	50,0	96,6

Таблица 4.23

Языковые ориентации татар, «НИК»–1994 г., %

Татары	Языки общения	По работе	Дома
Город	Татарский язык	14,1	48,4
	Русский язык	48,4	22,0
	Оба языка одинаково	37,5	29,6
Село	Татарский язык	92,1	98,6
	Русский язык	1,2	1,4
	Оба языка одинаково	6,7	–

²³ Мусина Р.Н. Этносоциальное развитие современных татар: проблемы и факторы // Языки, духовная культура... С. 169.

²⁴ Приводится по: Современные этнокультурные... С. 39.

Длительность проживания в республике также влияет на аккумуляцию языкового ресурса. Как показывают наши исследования, в республику прибывает население, не владеющее татарским языком или знающее его значительно хуже, чем постоянные жители Татарстана. По данным Миграционной службы Республики Татарстан, к концу 2000 г. 75,6% официально признанных беженцев и вынужденных переселенцев составляли татары. Проведенный нами анкетный опрос татар-мигрантов из ближнего зарубежья показал объективное существование внутриэтнической культурной дистанции между переселенцами и татарами – постоянными жителями республики. Важным маркером культурной отличительности выступает язык. Переселенцы демонстрируют более низкий уровень владения татарским языком (табл. 4.24).

Таблица 4.24

Степень владения родным языком среди татар-беженцев и городских татар, «Д»–1999 г., «СЭН»–1999 г., %

Владение языком	Вынужденные мигранты	Коренные татары
Свободно говорю, читаю и пишу	30,3	68,0
Свободно говорю, но плохо читаю и пишу (хорошо, но не свободно)	33,3	20,7
Говорю с затруднениями (плохо)	21,2	2,7
Понимаю, но не говорю	11,4	6,2
Не владею	3,8	2,4

Невысокий уровень владения родным языком обуславливает существенные различия в соотношении языков, употребляемых в домашнем общении (табл. 4.25). У переселенцев это соотношение в пользу русского. Выше среди них доля практикующих двуязычие. Коренные же татары отдают больше предпочтения родному языку, в том числе и на работе.

Таблица 4.25

Тенденции языкового поведения татар-беженцев и городских татар, «Д»–1999 г., «ЭГ»–1997 г., %

Языки общения	На работе	Дома
<i>Вынужденные мигранты</i>		
Татарский язык	6,1	19,1
Русский язык	37,1	31,1
Оба языка одинаково	30,3	48,5
Не ответили	26,5	1,3
<i>Коренные жители</i>		
Татарский язык	10	45
Русский язык	40	18
Оба языка одинаково	50	37

Другая граница на этноязыковом поле выстраивается между социально-профессиональными группами. А.Ф. Валеевой было проведено специальное исследование уровня владения татарским языком среди социально-профессиональных групп Республики Татарстан²⁵. Оказалось, что больше всего говорят, читают и пишут на татарском языке специалисты в области здравоохранения (57,3%). Среди предпринимателей таких оказалось 39,4%, среди специалистов в области производства – 34,3%, работников сферы услуг – 30,4%, военнослужащих – 27,0%, студентов – 26,5%, работников образовательной сферы – 25,0%. Совершенно не владеют татарским языком 75% безработных и 48,1% работников сельского хозяйства²⁶. Такие данные показывают, что татарский язык в публичных сферах труда (здравоохранение, образование, предпринимательство), предполагающих обязательный контакт с населением (в отличие от сельского хозяйства), вошел в число социальных ресурсов татарстанцев. Занятые располагают большим объемом языкового ресурса, чем безработные. Присутствие татарского языка в трудовой сфере РТ обнаружила Р.Н. Тукаева. Исследовательница приводит распределение ответов на вопрос «Знания каких языков Вам хватает для выполнения профессиональных обязанностей?». Только русского языка для этих целей достаточно 54,2% русских и 32,3% татар. В свою очередь, знания только татарского языка в производственной сфере достаточно для 2% русских и 13,9% татар²⁷.

На наш взгляд, в интересных работах исследователей, изучающих связь между этноязыковыми процессами и социальной стратификацией, социально-экономической адаптацией населения, упускается один важный момент, связанный с национальной сферой и теми, кто профессионально связан с воспроизводством этничности.

Начнем с того, что напомним: 1990 – 2000-е гг. на постсоветском пространстве озаменовались формированием региональных этнополи-

²⁵ Валеева А.Ф. Языковое поведение в полиэтничном обществе (социологическая диверсификативность) / под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 312 с.

²⁶ Там же. С. 171, 173.

²⁷ Тукаева Р.Н. Особенности взаимодействия социальной стратификации и языкового поведения в полиэтничном обществе // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан: сборник научных статей / М.З. Закиев, Я.З. Гарипов, З.А. Исакова и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 93.

тик. В 1990-х гг. выстраиваются самостоятельные этнокультурные политики в регионах, направленные на актуализацию этнического самосознания народов, и в первую очередь титульных народов, путем «возрождения» их языков и культур, создания системы национального образования. Образ действий федерального Центра на данном этапе характеризуется как политика реакции на конкретную изменившуюся ситуацию, «уступок» национальным и политическим элитам регионов. В 2000-х гг. статус и позиции Центра укрепляются, власти провозглашают и начинают реализовать стратегии формирования единой общероссийской идентичности. Местные политические и национальные элиты продолжают осуществлять, хотя и с меньшей интенсивностью, но небезуспешно, проекты этнокультурного «возрождения» и «развития» титульных народов национальных республик, реализующихся посредством региональных программ поддержки языков и этнокультур²⁸. Реализуемая этнокультурная политика национальных субъектов РФ позволила установить титульным народам неформальную монополию в тех или иных сферах жизнедеятельности. Прежде всего – в отдельных сегментах образования, культуре, науке, СМИ. В национальных регионах произошло формирование отряда национальной интеллигенции – писателей, поэтов, композиторов, артистов, журналистов, ученых, корпуса чиновников, основная задача работы которых заключается в решении проблем сохранения и развития национальной культуры и языков. Для этих людей национальная принадлежность и владение родным языком стали капиталом, позволившим им трудоустроиться, найти сферу приложения труда, приобрести материальный источник для существования, занять позиции в социальной иерархии. Ренессанс этничности на рубеже XX – XXI вв. в нашей стране был важен не только в плане сохранения и воспроизводства этнической культуры. Параллельно начал происходить процесс рационализации этничности, приносящий «добавочную стоимость» для отдельных представителей этнических групп. Довольно активно эти процессы стали развиваться в системе национального образования.

Напомним, что Законом РТ «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г.) в республике были официально утверждены

²⁸ Подробнее о динамике взаимных трансформаций этнокультурных политик Центра и регионов России см.: Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009.

два государственных языка – татарский и русский. С 1994 г. реализуется Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ. 1 июля 2004 г. Государственным Советом РТ был принят Закон Республики Татарстан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан». В ходе реализации этих законов в Татарстане была сформирована система национального образования с разной степенью введения этнокультурного и этноязыкового компонента, разработаны учебно-методические комплексы и этнокультурные воспитательные программы. Важным явлением стало создание системы профессиональной средне-специальной и высшей подготовки специалистов для национального образования.

В советский период профессиональные кадры системы национального образования оценивались с точки зрения их достаточности или дефицита. В национальных регионах чаще встречалась вторая ситуация. Так, например, в Башкирской АССР существовала острая нехватка учителей башкирского языка, в связи с чем Министерство образования БАССР было вынуждено допускать к преподаванию в башкирских школах учителей-татар, не владеющих родным языком учащихся башкирских школ. Такое положение, с одной стороны, препятствовало получению учащимися знаний на родном языке, с другой – создавало большую текучесть кадров. Специалисты, не владеющие башкирским языком, после года работы сами отказывались преподавать в башкирских школах²⁹. Похожая картина наблюдалась в Татарской АССР. Здесь не хватало квалифицированных преподавателей татарского языка и литературы. Одной из причин являлось то, что татарские школы работали в основном в сельской местности, где специалисты с высшим образованием работать не хотели.

Сегодня в Республике Татарстан говорить о дефиците преподавателей татарского языка и литературы уже не приходится. В 2008/2009 учебном году в республике функционировала 1061 школа с татарским языком обучения, 841 дошкольное заведение с татарским языком воспитания. В 2009 г. охват обучением на родном (татарском) языке составляет по РТ 48,39%. Новые татарские школы и детские сады открываются в городах и районных центрах. Параллельно с ростом учебных заведений стало увеличиваться и количество преподавателей татарского языка. Общее число учителей татарского языка и литера-

²⁹ Гарипова Ф.Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан. Уфа, 2006. С. 88 – 89.

туры в республике за годы языковых реформ выросло почти в 5 раз (в 2004 г. в республике работали 6953 преподавателя). Существенно изменилась система подготовки специалистов национального образования. В вузах гуманитарно-педагогического профиля: ТГГПУ, КГУ, НГПИ, ВГПУ, Арском и Казанском педагогических колледжах, Институте развития образования РТ в г. Набережные Челны создана система подготовки, переподготовки и повышения квалификации школьных педагогических кадров со средним и высшим профессиональным образованием с учетом особенностей татарских, русских, русско-татарских школ. В вузах и научно-исследовательских институтах ведется работа над созданием учебников, учебных и методических пособий по татарскому языку и литературе.

На первом этапе формирование кадрового потенциала для системы национального образования в РТ происходило довольно хаотично. Учителями татарского языка и литературы иногда становились люди, не имеющие специальной подготовки. Вот что нам рассказал участник исследования – эксперт, руководитель РОНО одного из сельских районов республики. *«В 1990-х годах у нас было 12 – 15 учителей татарского языка, сейчас 94. ...сначала были проблемы с кадрами. Нас – 20 учителей, которые преподавали другие предметы: математиков, физиков, химиков, – обучили на трехгодичных курсах. Мы ... теперь готовим свои кадры, которые в институты поступают на татарский язык и литературу. У нас 20 человек обучились, и 25 человек – наши ученики – возвратились в школы. Теперь у нас резерв 10 учителей татарского языка».*

В качестве иллюстрации – трудовой путь преподавателей. *«Сначала математику пришлось вести, за неимением часов, потом директор предложил, говорит, нам учителя татарского языка нужны, вы татарка по нации, как вы владеете татарским языком? Я уж уверенно не могла сказать, что я такой очень грамотный учитель по татарскому языку. Владеть прекрасной речью и письмом – это ведь еще не говорит, что я буду хорошим учителем татарского языка. Ну, я почувствовала, что мне обязательно надо усовершенствовать свои знания как учителю татарского языка, переквалифицироваться. Потом из нашей школы с одной учительницей мы поступили на специальные курсы переподготовки, были же 2,5 года при ИПКРО, поступили, успешно мы закончили. Нравилось там учиться, у нас лекции вели разные преподаватели, очень нравилось учиться. С таким жажущим аппетитом я училась, потому что все равно гордость, это же*

мой язык, я же татарка. Нисколько себя не ущемляла. Я, конечно, скучаю по своему предмету, ведь в математику я пошла как в призвание мое. С годами привыкла и полюбила и этот предмет. Нравится работать учителем татарского языка» (инт. № 2, жен., 42 года, с. Лаишево, учитель).

«Я закончила КГПУ, факультет русского языка и литературы... Сразу после вуза начала преподавать татарский язык, потому что в то время как раз это только вводилось для русскоязычных учащихся. Так как я сама закончила татарскую школу, у нас на факультете обстоятельная грамматика была, у нас же специальность учителя русского языка для детей-татар. И поэтому во время распределения спросили, хотите ли вы преподавать татарский язык? Согласилась, решила попробовать. С тех пор вот татарский преподаю» (инт. №3, жен., 44 года, с. Лаишево, учитель).

Как мы показали выше, татарским языком владеют преимущественно сельские татары, в связи с этим корпус учителей татарского языка в республике на этапе создания национального образования был сформирован из представителей этой среды. Татарский язык для многих из них стал реальной возможностью переезда из села в город, смены образа жизни. Эта особенность преподавателей сохраняется до сих пор. По нашим материалам, 86,2% учителей татарского языка и литературы провели свое детство в деревне. Среди опрошенных нами преподавателей республики 85,1% респондентов изучили татарский язык через семью, 75,5% обучались в школе на татарском языке, 8,5% – на татарском и русском. Вот наиболее типичные биографии преподавателей татарского языка и литературы. *«Я родилась в маленькой деревне татарской... Начальные классы – это у меня татарская школа, потом уж мы в русскую школу ходили, я заканчивала русскую школу, там преподавания татарского языка не было. Вот поэтому я пошла в педучилище, потом по распределению послали в деревню, а там я оказалась учителем татарского языка... 19 лет тому назад пошла в эту специальность, в татарской школе начала работать, так как язык я хорошо знала»* (инт. № 1, 39 лет, жен., Алексеевский район, учитель).

«Кечкенэдэн үк ошады инде ул миңа, урамда уйный торган идек өч кыз идек, үстек бергә, укытучы, укытучы дин уйный идек шулай, Арча көллиятенә укырга кердек. Ничектер, башка профессияне сайлыйсы икәнә ничектер башыма да килмәде. Аннары беренче укытучым бик зәйбәт иде минем шундый. Ягымлы, аның менә ничек

укытканына кызыгып утыра торган идем. Аннары инде монда укырга килдем, Арчаның икенче мәктәбенә. Монда укыдым, укыганда да дәфтәрләр өләшкәндә иң беренче үзем өләшә торган идем парта араларыннан йөри торган идем, шундый укытучы буласым килә иде. Аннары менә Арча көллиятенә укырга кердем, аннан институтка киттем, Пединститутка киттем. Педагогия институтына укырга кердем. Бүтән профессия минем ничектер башымда да юк иде. Бик яратам мин балаларны, ошый миңа мәктәптә укыту, ошый» (инт. № 4, жен., 49 лет, Арск, учитель).

«Педучилищеда укыганда безне эзерли башладылар, теге бишенче, дүртенче класслар укый башлады бит әле татар телендә, менә шул вакытта өстәмә бик күп татар теле укытучылар кирәк булды. Шуңа безне эзерли башлады Вәгыйзов. Менә шуннан кереп кителгән инде ул татар теле укытучысы булып, шуннан бирле татар теле укытам» (инт. № 5, жен., 33 года, Арск, учитель).

Итак, как видим, знание языка помогло учителям выбрать профессию, найти работу, стать горожанами. Татарский язык стал социальным лифтом. Безусловно, здесь важную роль сыграла сложившаяся на тот момент социальная конъюнктура. Этноязыковые реформы актуализировали этнокультурный капитал будущих педагогов.

Рассмотрим социально-демографический состав корпуса учителей татарского языка и литературы. Сегодня, как показал наш опрос, по образованию среди них в республике 73,9% (в г. Казани 64,1%) – это преподаватели татарского языка и литературы, еще 13,8% (14,1%) – филологи. Все еще велика доля неспециалистов: каждый десятый среди опрошенных нами учителей татарского языка в республике имеет педагогическую специальность, далекую от своего предмета. Близкие показатели демонстрирует статистика Минобразования РТ: 12,3% учителей татарского языка работают не по профилю образования. Около половины преподавателей (46,8%) имеют педагогический стаж более 15 лет. Треть работает в школе от 11 до 15 лет. Пятая часть – от 6 до 10 лет. 3,7% – до 5 лет. Учителя г. Казани более молодые: треть среди них работает в школе менее 10 лет, еще столько же – от 6 до 10, каждый десятый – менее 5. Мужчин среди учителей этой специальности оказалось лишь 1,6%. Портрет учителя татарского языка: это, прежде всего, молодой специалист-женщина. Каждый третий среди учителей – в возрасте до 30 лет, каждому четвертому – от 31 до 40 лет. В РТ 35,1% среди преподавателей татарского языка не исполнилось еще 35 лет.

28,7% – в возрасте 36 – 45 лет, 30,9% – 45 – 55 лет, старше 55 лет – 3,7%. Высшее педагогическое образование, по данным Минобразования РТ за 2004 г., имеют 75,1% педагога татарского языка, 13,1% – со среднеспециальным педагогическим образованием. По данным официальной статистики, 3,8% учителей татарского языка имеют высшую категорию, 28,8% – первую категорию.

Рассмотрим особенности трудовой деятельности педагогов татарского языка и литературы. В. Магун, отслеживая динамику трудовых ценностей россиян, выявил некоторые изменения, наметившиеся к концу 1990-х гг.: активизацию стремлений к вознаграждениям (денежным и моральным), к тому, чтобы эти вознаграждения были стабильными, а также большую готовность людей платить за все это результативным трудом³⁰. В этом смысле жители Татарстана не являются исключением: ведущими ценностями в сфере труда для большинства респондентов являются хороший заработок, обеспечение достатка в семье, интересная работа. Второстепенны возможность получения жилья, удобное время работы, большой отпуск. Ценностные ориентации, связанные с содержательными аспектами труда, малозначимы³¹. Схожая картина наблюдается в этническом разрезе (см. Главу III, § 1).

Данные, полученные исследовательской группой Г.А. Исаева, доказывают существование диаметрально противоположных реакций на происходящие процессы среди представителей различных профессиональных групп Республики Татарстан³². Наше исследование подтверждает этот вывод. В отличие от других групп работающего населения, содержание труда для учителей татарского языка и литературы – это первостепенная ценность. Второстепенными являются возможность творчества, соответствие работы способностям, большой отпуск, надежность работы. Заработная плата не имеет ценностного значения, что вполне понятно, имея в виду ее размеры (табл. 4.26).

³⁰ Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260 – 275.

³¹ Хайруллина Ю.Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы (на материалах Республики Татарстан) // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 84 – 88.

³² Исаев Г.А., Фатыхов Р.Г. Социальные проблемы промышленных предприятий Татарстана // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 34.

Трудовые ценности учителей татарского языка, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Таблица 4.26

Варианты	%
Хороший заработок	1,1
Хорошие коллеги	18,6
Интересная работа	33,5
Соответствие работы способностям	26,6
Удобное время работы	4,8
Полезность для общества	21,8
Большой отпуск	20,2
Надежное место работы	14,4
Работа, уважаемая широким кругом людей	13,3
Возможность творчества и инициативы	34
Нравится сам процесс обучения детей	75

Проблема низкой зарплаты часто обсуждалась в ходе наших интервью с учителями. *«Сейчас молодых учителей нет, у нас в прошлом году была молодая учительница, она проработала один год и сказала: я в школе работать не собираюсь. Она получала зарплату 1700 рублей. Как жить на эту зарплату? Вчера вот секретарь сказала, нам нужны специалисты до 30 лет. У нас таких нет. От 30 и далее. Пенсионеры у нас – молодцы, работают еще. Многим до пенсии осталось два года. И многие хотели бы уйти. Если бы было куда пойти, ушли бы все. Горюк у нас такой – нет рабочих мест. Вот и работаем в школе. По сути, в больших городах, где есть возможность, мне кажется, уже многие ушли. Учителя уже устали от этих бумажек, каждый день закон меняется, и дети сложные, и родители. Ребенок повесился – учитель виноват. Еще что-то случилось – учитель виноват. При таком отношении кто будет работать в школе и как к нам будут относиться люди?»* (инт. № 6, жен., 42 года, г. Чистополь, учитель).

«Низкая заработная плата, молодежь не идет в школу. То есть современные учителя, как мы называем, не идут, не заинтересованы идти в школу. От этого страдают уже и методика преподавания, и, согласитесь, качество» (инт. № 7, жен., 52 года, г. Н. Челны, учитель).

С чем связана выявленная специфика трудовых ценностей преподавателей татарского языка и литературы? Для ответа на этот вопрос важно провести различия между понятиями «характер» и «содержание труда». Последнее связано с технологической основой и демонстрирует различия в профессиях. Функциональное содержание

труда учителей средних школ идентично и сводится к передаче знаний и воспитанию подрастающего поколения. Специфика характера труда определяется тем, что в любых социально-экономических условиях существует общественное разделение труда. Отдельные виды трудовой деятельности закрепляются за определенными классами и группами. В широком смысле характер труда связан с данными общественными отношениями. Именно из различий в социальном характере трудовой деятельности складывается специфика трудовой деятельности учителей татарского языка. Этноориентированное поле трудовой деятельности приводит к тому, что меняется отношение к труду. Труд для преподавателей татарского языка является не средством, а целью (табл. 4.27).

Таблица 4.27

Распределение ответов на вопрос «Почему Вы выбрали профессию учителя татарского языка?», «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Варианты	%
Я – татарка, и я должна сохранять и развивать родную культуру и язык	75,5
Это мое призвание	31,4
Мои родители работали в школе, и я пошла по их стопам	9,6
По совету родных и близких	3,7
Я училась в школе на татарском языке, и мне нравился предмет	34
Я училась на татарском языке, и получить высшее образование я могла только на факультете татарской филологии	3,7

Итоговым показателем трудовой деятельности учителей является удовлетворенность работой. 14,9% преподавателей полностью удовлетворены своей работой, 51,1% – частично, 27,7% – скорее удовлетворены, чем нет. 6,4% – скорее не удовлетворены, чем удовлетворены. На состояние удовлетворенности или неудовлетворенности работой оказывает влияние трудовой опыт учителей. Преподаватели с большим опытом работы более удовлетворены имеющейся работой, нежели более молодые и сравнительно менее опытные. Полностью удовлетворенных и скорее удовлетворенных среди преподавателей, имеющих стаж работы более 15 лет, оказалось 45,4%. В группе со стажем 11 – 15 лет – 42,6%, 6 – 10 – 38,4%, менее 5 лет – 28,6%. Подобная корреляция обнаружена и в других исследованиях. Это явление связывается с присутствием у молодого поколения жестких требований к своей работе и стремлениями реализовать эти требования на практике. Из-за этого доля молодежи среди меняющих место работы намного

выше, чем доля рабочих старшего возраста³³. В отношении учителей татарского языка есть и другие объяснения. Влияние трудового опыта на степень удовлетворенности работой есть форма скрытого влияния другого более важного фактора – размера заработной платы, более высокого у преподавателей с большим стажем и квалификацией.

Итак, мы выяснили, что реформация национального образования в РТ привела к формированию «новых» слоев в социальной структуре, основанных на рекрутировании этничности и знании национального языка. В контексте нашего исследовательского интереса – проблемы межэтнической и социальной интеграции: важно понять, каким образом население республики относится к новым социальным группам и их деятельности. Средние школы РТ представляют собой ту сферу, где, пожалуй, наиболее остро востребованы новые, этноориентированные, слои общества. Здесь согласно законодательству республики в течение последних почти 20 лет стали в равных условиях преподаваться татарский и русский языки. В систему школьного образования так или иначе включена подавляющая часть общества. Оценки и проблемы в работе этноориентированных слоев могут переноситься на всё поле межэтнических отношений в регионе.

В вопросник нашего исследования, наряду с татарским языком как школьным предметом, мы внесли два других обязательных для изучения учащимися языка – русский и иностранный. Оказалось, что учащиеся средних школ республики, оценивая работу преподавателей языков (русского, татарского, иностранного), дали высокие оценки в том числе и учителям татарского языка. 96,4% школьников оценили уровень преподавания русского языка «положительно» и «скорее положительно». Практически на таком же уровне учащиеся оценили качество обучения татарскому (91,6%) и иностранным (91,2%) языкам. В исследовании была выявлена разница в наиболее высокой положительной оценке. Как максимально высокий уровень обучения русскому языку оценили 86,3% молодых участников опроса, татарского – 70,2%, иностранного – 67,9%. Эти данные свидетельствуют о некоторых проблемах качества обучения татарскому и иностранным языкам.

В оценках работы учителей татарского языка с учащимися продемон-стрировали единение и их родители.

«... русский язык, татарский язык я бы оценила на отлично. Единственное, так это английский язык. Иностранный сейчас дали

указ, что один преподаватель на весь класс, 25 человек, это очень тяжело, потому что именно первое базовое знание дети получают на этих первых уроках, и звуки ставить одного учителя на всех детей мало. Как раньше было по подгруппам, вот это было бы лучше» (инт. № 5, жен., 37 лет, г. Альметьевск, тат.).

«Я знаю учителей татарского языка, очень такие культурные люди, наши знакомые тоже очень хорошие знакомые учителя татарского языка. Очень интеллигентная женщина, мне уроки очень нравятся. Ну и звания есть» (инт. № 2, жен., 67 лет, г. Арск, тат.).

«Я, например, считаю, по сравнению с другими школами хорошо поставлено обучение татарскому языку, потому что и учителя, и молодые девушки свою собственную инициативу хорошо проявляют. То есть они заинтересованы, они увлечены языком. Это очень многое дает для детей. Заинтересованность учителя, она и детям передается» (инт. № 1, жен., 40 лет, г. Альметьевск, русс.).

В исследовании была обнаружена интересная тенденция, выявленная при сопоставлении казанского и республиканского массивов. Не только учащиеся-казанцы, но и их родители оценили уровень преподавания более низко, чем жители других городов и районов республики. Наиболее заметно это обнаруживается в оценках работы преподавателей иностранных (западных) языков («положительную» и «скорее положительную» оценку поставили в республике 91,2% старшеклассников и 78,4% родителей, в г. Казани – 77,6% и 69,6% соответственно). Разница в оценках в меньшей степени оказалась в отношении татарского (высокие баллы поддержали в республике 91,6% учеников и 85,1% родителей, в столице – 82,2% и 69,6% соответственно), и несущественно – русского языков. Эти данные не могут являться оценкой работы учителей-казанцев и учителей других районов. Ситуация свидетельствует о том, что сегодня в условиях крупного города усиливается конкуренция и владение языками становится фактором социального успеха. Молодые люди – горожане, осознавая эту важность, предъявляют более высокие требования к образовательной системе.

Опрос не выявил существенных различий в оценках уровня преподавания языков в ученической и родительской среде по национальному признаку респондентов. Татары и русские оказались единодушны: в рейтинге на первом месте оказались учителя русского языка, затем татарского и иностранных языков. Существенные расхождения в оценках обнаружены среди татар и русских по отношению к татарскому языку. Дети-татары и их родители чаще подчеркивают положительный и ско-

³³ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 123.

рее положительный уровень преподавания родного языка (97,2% среди татар-детей и 90,5% – их родителей; 84,3% – русских детей и 80% родителей). Русские часто затрудняются с оценками.

Обнаруженный позитив в оценках уровня преподавания татарского языка и литературы проявляет себя и в отношении учащихся к урокам татарского языка. 83% школьников г. Казани высказывают «положительные» и «скорее положительные» оценки (табл. 4.28). По другим языкам число сторонников этих позиций шире: уроки русского и иностранных западных языков нравятся 93,7% учащимся. Единение в части уроков русского и иностранных языков наблюдается независимо от национальной принадлежности школьников, чего не наблюдается в отношении уроков татарского языка. Русские дети в два раза реже высказывают положительные эмоции, чем их сверстники-татары, чаще поддерживают позицию «скорее положительно» и отрицательные оценки уроков татарского языка и литературы.

Таблица 4.28

Отношение учащихся к урокам, «ГЯ»–2006/2008 гг., г. Казань, %

Отношение	Татарского языка		Русского языка		Иностранных западных языков	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Положительно	62,6	23,7	62,0	78,3	59,4	62,5
Скорее положительно	21,9	30,3	26,2	16,4	23,0	23,7
Скорее отрицательно	7,5	25,0	4,3	2,6	11,2	6,6
Отрицательно	3,7	16,4	2,1	1,3	2,1	5,9
Затрудняюсь ответить	4,3	4,6	5,3	1,4	4,3	1,3

Вновь подтвердилась тенденция более позитивных оценок учащихся республики в сравнении с их сверстниками, живущими в столице. Школьники, живущие в городах и районных центрах, относятся более положительно ко всем языковым предметам, чем учащиеся г. Казани (табл. 4.29).

Таблица 4.29

Отношение учащихся к урокам, «ГЯ»–2006/2008 гг., республиканский массив, %

Отношение	Татарского языка		Русского языка		Иностранных западных языков	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Положительно	80,5	40,9	77,4	80,7	74,3	71,2
Скорее положительно	13,9	29,9	16,1	12,8	21,2	21,2
Скорее отрицательно	2,5	12,4	1,5	0,7	2,9	2,9
Отрицательно	1,5	13,5	1,9	1,5	1,8	1,8
Затрудняюсь ответить	0,9	2,9	1,9	0,7	1,1	1,1

Для понимания причин существенных расхождений в характере отношений к языковым предметам, мы задавали ученикам следующий вопрос: «Если Вы относитесь к урокам положительно/отрицательно, то почему?» Вначале обратим внимание, что отрицательное отношение к языковым предметам высказали незначительное число школьников, что не позволяет нам сделать достоверные выводы. Среди положительных оценок мы отметим самую высокую симпатию со стороны учеников к учителям татарского языка (за исключением в казанском массиве русских детей, которым больше нравятся преподаватели русского языка, чем татарского) (табл. 4.30, табл. 4.31).

Таблица 4.30

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы относитесь положительно к урокам?», «ГЯ»–2006/2008 гг., школьники, г. Казань, %

Варианты	Русского языка		Татарского языка		Иностранных западных языков	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Это мне пригодится в дальнейшей жизни	80,7	81,6	41,7	25,7	74,9	79,6
Нравится учитель	19,8	25,7	33,7	18,4	8,6	10,5
Интересная программа, темы, учебники	17,6	23,0	18,2	6,6	18,2	19,7
На уроке можно развлечься, отдохнуть	5,3	5,9	19,3	14,5	8,6	11,2
Затрудняюсь ответить	11,2	7,9	7,0	15,1	7,5	5,9
Другой ответ	5,3	4,6	9,1	1,3	5,3	2,0
Нет ответа	4,8	3,9	12,8	34,2	8,0	7,2

Таблица 4.31

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы относитесь положительно к урокам?», «ГЯ»–2006/2008 гг., школьники, республиканский массив, %

Варианты	Русского языка		Татарского языка		Иностранных западных языков	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Это мне пригодится в дальнейшей жизни	91,0	88,0	58,9	32,3	81,7	83,6
Нравится учитель	28,2	24,1	32,5	33,0	25,7	27,0
Интересная программа, темы, учебники	23,5	31,8	27,2	18,3	31,3	34,7
На уроке можно развлечься, отдохнуть	3,1	2,9	10,5	11,4	11,1	6,9
Затрудняюсь ответить	0,9	3,3	9,0	11,7	2,8	3,3
Другое	4,3	7,7	9,6	2,6	4,0	4,4
Нет ответа	3,1	2,9	4,3	26,4	4,3	5,5

Мы не будем подробно останавливаться на проблемах национального образования в Республике Татарстан. Этому посвящен целый ряд научных работ³⁴. Назовем лишь некоторые из проблем: слабая мотивационная база для изучения татарского языка и литературы, неадекватность целей обучения, невысокий уровень учебно-методического комплекса, отсутствие современных методик обучения, рассогласованность с другими школьными предметами и т. д.

В заключение отметим, что формирование этноориентированных слоев в российском обществе привело не только к решению таких личных проблем самих членов этого класса, как трудоустройство и подъем по социальной лестнице. «Новые слои» стали выполнять важную социальную функцию. На этот счет, говоря об учителях, Жорж Дави пишет: «Он (учитель) по самой природе своего ремесла оказывает ежедневное воздействие на способность выражать все идеи и эмоции, то есть на язык. Обучая детей, которые знают этот язык лишь весьма посредственно, а может быть, вообще говорят на разных диалектах или говорах, одному и тому же языку, единому, ясному, четкому, он естественным образом приучает их видеть и ощущать вещи одинаково; тем самым он закладывает фундамент общего сознания нации»³⁵. В современное понимание нации вкладывается понятие согражданства. С этой точки зрения сегодня преподаватели татарского языка, как, впрочем, и вся национальная интеллигенция, играют важную роль в сохранении языков и культур, интеграции общества и формировании чувства «мы» независимо от национальной принадлежности и языковых ориентаций его членов.

§ 2. Особенности социально-экономических взглядов верующих

Религия является важной составляющей современной жизни России и ее регионов. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в конце

³⁴ Государственные языки...; Социолингвистические проблемы...; Язык и этнос...; Моренко И.Б., Мухарьмова Л.М., Петрова Р.Г., Салахатдинова Л.Н. Проблема доступности высшего образования для учащихся национальных школ: этносоциальные аспекты // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 58 – 66; Мухарьмова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. 276 с.; Мухарьмова Л.М., Андреева А.Р. Феномен национальной школы в социологических ракурсах: Монография. Казань: Изд-во КГУ, 2008. 251 с. и др.

³⁵ Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2003. – №2.

2005 г., больше половины россиян (58%) верят в Бога. Набожность граждан нашей страны растет³⁶.

В Татарстане в 1990 г. к верующим отнесли себя 34% опрошенных в городах республики татар и 28% – русских, в 1994 г., соответственно, 66% и 56%. Среди них были выделены группы верующих, соблюдающих обычаи, обряды («активные» верующие), – 32% и 23%, и верующих, не соблюдающих обрядов («пассивные» верующие), – 34% и 33%. В 1997 г. верующими назвали себя 81% татар и 72% русских, среди которых часть считала себя скорее верующими, чем неверующими (соответственно – 41% и 43%). По материалам исследования 2002 г. к верующим отнесли себя 37,6% татар, 28,3% русских. 45,7% татар считают себя скорее верующими, чем неверующими, среди русских доля таких составляет 47,7%³⁷. Как показал проект «МО», в 2007 г. верующими назвали себя 76,1% русских и 74,8% татар республики; 10,2% и 11,4% соответственно – неопределившимися; 11,1% и 8,8% – неверующими, остальные затруднились ответить. По данным проекта «ТАТ», в 2006 г. среди опрошенных жителей г. Казани верующими себя назвали 67,6% татар и 61,9% русских, неверующими – 6,6% и 10,3% соответственно. В селах показатели религиозности еще выше. Рост религиозного сознания наблюдается во всех социальных и возрастных группах. Одним из проявлений религиозного поведения является участие в религиозных праздниках, выполнение определенных обрядов и ритуалов. Наблюдается достаточно слабая причастность верующих к «институциональным» формам религии. Пока еще малы частота причастий, участие в богослужении, в работе приходской общины. В начале 1990-х гг. 10% считающих себя православными посещали церковь хотя бы раз в месяц. В 1990 г. причастились лишь 7% россиян, в 1992 г. – 10%, т. е. лишь каждый пятый из назвавших себя православными³⁸. Схожая ситуация и среди мусульман. В Татарстане в 1990 г. среди верующих городских татар

³⁶ URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1947.html?no_cache=1&cHash=e42565ef79 (дата обращения: 29.01.2010).

³⁷ Мусина Р.Н. Этноконфессиональные отношения в Республике Татарстан // Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 176.

³⁸ Борзенко В. Религия в посткоммунистической России // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. М., 2008. С. 378.

7,9% посещали мечети, 15,4% молились дома, 76,4% не соблюдали этих религиозных предписаний, но внутренне считали себя мусульманами. В 2002 г. 33,7% респондентов посещали мечети, 24,8% – читали Коран, 10,3% – совершали пятикратное моление дома³⁹. По данным исследования «ТАТ»–2006 г., среди жителей г. Казани 33,3% русских и 27% татар бывали в церкви или мечети время от времени, по религиозным праздникам, и лишь 11% среди тех и других – систематически. В большей степени религиозность российских народов выражается через исполнение семейных обрядов жизненного цикла и участие в праздниках.

Религия является важной составляющей современной жизни: 28% татар и 16,5% русских среди опрошенных в 2006 г. казанцев выбрали ответ «очень значима» и, соответственно, 34,3% и 34,5% – «значима».

Религиоведческие исследования включают в себя разные направления. В контексте нашего исследовательского интереса – вопросы социально-экономических взглядов верующих. Отличаются ли верующие своеобразными экономическими установками и поведением? Насколько сильно эти установки различаются у верующих и неверующих? Имеют ли место в Татарстане в условиях новых экономических отношений качественно разные типы экономического поведения, присущие приверженцам доминирующих конфессий республики – православия и ислама?

Ученые, занимающиеся исследованием православия и ислама, априори отмечают безусловную связь между догматическими принципами и сознанием верующего. Отмечается, что в православии основное внимание уделяется общечеловеческим ценностям, тогда как в исламе большое место занимает практическая сторона – регламентация повседневной деятельности⁴⁰, в т. ч. регулирование экономических отношений. Исследовательница Т. Коваль отмечает, что «главная особенность христианского отношения к труду, хозяйствованию, земным благам заключается в том, что христианство... не видит в материи зло, а в земной жизни, труде и хозяйстве – одно страдание, «дурную бесконечность», которой по возможности нужно избе-

жать»⁴¹. Хозяйственная этика и трудовая мораль в русском православии заняли подчиненное место по сравнению с духовным⁴². Повседневный труд является добродетелью в том случае, когда он наполнен аскетическим содержанием и благочестивыми помыслами. Однако добродетель и благочестие не всегда вознаграждаются богатством и успехом, так же как богатство и процветание не свидетельствуют о спасенности, об особой духовной благодати. В целом, исследователи сходятся во мнении, что православие мало связано с хозяйственно-экономической сферой жизни и, прежде всего, «воспитует хозяйствующего субъекта, ориентируя его на работу души, но пока не очень заботится о мирской успешности, экономической состоятельности верующего»⁴³.

Ислам называют религией действия. Здесь, как ни в какой другой религиозной системе, значительное место отводится проблемам имущественных отношений, обмену и производству. Эти вопросы базируются на трех основных идеях – идее собственности, идее личных трудовых усилий как основного источника получения богатства и идее справедливого распределения богатства⁴⁴.

Представляется, что социология, оперируя конкретными данными, может предоставить некоторые данные, доказывающие/отвергающие реальное влияние религии (догматических принципов)/религиозности /проявления веры на социально-экономические взгляды и поведение верующих. Для решения этой задачи мы, на основе базы этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан, взяв за основу два признака – религиозность⁴⁵ и конфессиональность, выделили следующие группы респондентов⁴⁶:

⁴¹ Коваль Т. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55.

⁴² Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/89891.html> (дата обращения: 12.03.2008).

⁴³ Журавлев А. Православная хозяйственная концепция – недостающее звено хозяйственных преобразований в России // Русский предприниматель. 2004. № 1 – 2 (19).

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.: SPSL-Русская панорама, 2006. С. 322 – 328.

⁴⁵ В социологии уровень религиозности определяется уровнем религиозного сознания, который замеряется отношением к вере и религиозным поведением, проявляющимся в религиозной практике.

⁴⁶ Анализ «верующих – неверующих» респондентов проведен на материалах исследований «ЭПТ»–1989/1990 гг., «НИК»–1994 г. и «ТАТ»–2006 г. В исследова-

³⁹ Мусина Р.Н. Ислам и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 90 – 91.

⁴⁰ Религиозные традиции мира. В 2-х т. Т. 2. М., 1996. С. 12.

– «верующие – неверующие». В эту пару групп были включены те, кто таким образом определил себя, отвечая на вопрос об отношении к религии. Для нас было важно ввести в анализ этнический фактор⁴⁷ (объяснения будут даны ниже), поэтому мы отдельно рассматривали верующих татар – верующих русских и неверующих татар – неверующих русских;

– «традиционные» верующие (те, кто посещает мечеть, церковь, молельный дом) и «номинальные» верующие (те, кто не молится, не

нии «ЭПТ»–1989/1990 гг. на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» предлагались следующие варианты ответов: «верую», «колеблюсь», «безразличен», «сам не верую, а к вере других безразличен», «не верую и считаю, что с религией надо бороться». Для анализа были отобраны группы, которые выбрали варианты ответа: «верую» и «сам не верую, а к вере других безразличен». В исследовании «ТАТ» вопрос звучал как «Ваше отношение к религии?», и на него предлагались варианты ответов: «верую», «колеблюсь», «не верую», «затрудняюсь ответить». Здесь для анализа были отобраны респонденты, выбравшие варианты ответа: «верую» и «не верую». В проекте «НИК»–1994 г. вопрос звучал так: «Верующий ли Вы человек?» Предлагались следующие варианты ответов: «верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды», «верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов», «колеблющийся», «неверующий», «затрудняюсь сказать». В первую группу из анализируемой пары «верующие – неверующие» были объединены респонденты, которые выбрали варианты ответа: «верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды» и «верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов». Во вторую вошли те, кто выбрал ответ «неверующий».

При анализе «традиционных» и «номинальных» верующих были привлечены данные исследований «ЭПТ»–1989/1990 гг. и «НИК»–1994 г. В первом исследовании в группу «традиционные» верующие были отобраны респонденты, которые сообщили о том, что они посещают мечеть (церковь) или молятся дома, в группу «номинальных» – те, кто считает себя верующим мусульманином (православным), но не выполняет религиозные обряды. Среди респондентов проекта «НИК»–1994 г. были отобраны выбравшие варианты «верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды» и «верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов».

В исследовании «НИК» и «ТАТ» респондентам были заданы вопросы о конфессиональной принадлежности. Православными назвали себя 63,6% («НИК»–1994 г.) и 73,7% («ТАТ»–2006 г.) русских респондентов, мусульманами – 69,8% («НИК»–1994 г.) и 79,9% («ТАТ»–2006 г.) опрошенных татар.

⁴⁷ Один из ведущих религиоведов нашей страны социолог М.П. Мчедлов, отмечая сложность исследования религиозного комплекса, связанного с его разными составляющими, считает, что в нашей стране важно учитывать факторы, обуславливающие современный тип российского верующего, многоплановую систему его самоопределений. См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни страны. М.: Научная книга, 2005. С. 102.

соблюдает обычаев и обрядов, но считает себя верующими людьми). Здесь рассматривались «традиционные» верующие и «номинальные» как среди русских респондентов, так и среди татар;

– «мусульмане» – «православные». В эту пару групп включены те, кто самоидентифицирует себя с той или иной конфессией. Мы считаем принципиально важным не синонимизировать понятия «традиционные верующие» и «конфессиональная принадлежность». Это связано с тем, что сегодня, как отмечают специалисты, происходит либерализация сознания. Она проявляется через выстраивание новых, собственных религиозных представлений, основанных на личном опыте⁴⁸. Например, по данным исследования 1990 – 2000 гг., более 17% молодых татарстанцев отнесли себя к православию или исламу, но не считают себя при этом верующими. Среди молодежи, определившей себя как православные, 10,9% – колеблющиеся по вере, 4,9% – неверующие, но уважающие чувства тех, кто верует⁴⁹. Такие данные позволяют говорить о конфессиональности как о самостоятельном компоненте сознания людей.

Нашим следующим шагом стало построение распределений внутри каждой группы. Мы попытались выяснить социальные характеристики, социально-экономические представления и установки анализируемых групп по целому ряду показателей – таких, как оценка рыночных отношений, отношение к частной собственности, к новым формам хозяйственной деятельности, в том числе к предпринимательству, жизненные и трудовые ценности, материальное положение и социальное самочувствие и др.

Социально-демографические характеристики анализируемых групп. Как показало исследование «ЭПТ»–1989/1990 гг., к началу 1990-х гг. группа верующих отличалась высоким уровнем лиц старших возрастов (табл. 4.32). В городах доля пенсионеров среди верующих русских и татар превышала долю пенсионеров среди неверующих в этнических группах в три раза (табл. 4.33). В селах у татар эта разница была пятикратная. В течение последних двух десятилетий верующие «молодеют». Тем не менее лица старших возрастных групп преобладают. В 1997 г. среди «традиционных» верующих почти половина была старше 50 лет⁵⁰.

⁴⁸ Мусина Р.Н. Ислам и проблемы идентичности татар... С. 97.

⁴⁹ Современные этнокультурные... С. 49.

⁵⁰ Переведенцева А.В. Указ. соч. С. 270.

Таблица 4.32

Возрастные особенности верующих, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Возраст	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
18–19	2,1	3,9	0,9	0,3
20–24	6,0	6,1	3,2	0,3
25–29	9,2	6,1	4,9	3,4
30–39	19,9	14,9	4,7	6,3
40–49	12,8	11,7	11,7	4,3
50–59	20,3	19,2	29,4	26,8
60 и более	29,8	37,4	45,2	58,7

Таблица 4.33

Возрастные особенности неверующих, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Возраст	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
18–19	8,6	3,7	3,9	4,1
20–24	11,3	12,6	12,3	11,3
25–29	13,2	16,3	16,3	15,4
30–39	31,1	24,7	31,0	24,6
40–49	12,6	14,7	13,8	9,2
50–59	12,6	14,7	13,3	14,9
60 и более	10,6	13,2	9,4	20,5

По уровню образования верующие уступали неверующим. Так, по данным проекта «ЭПТ»–1989/1990 гг., у татар доля лиц с высшим образованием среди верующих составляла 11,3%, среди неверующих – 35,1%.

Исследование 1999 г. показало, что по возрасту и образованию верующие почти не отличались от неверующих. По этим показателям существенные различия зафиксированы среди практикующих и «номинальных». «Традиционные» верующие значительно старше (почти половина старше 50 лет) и менее образованны (свыше трети не имеющих среднего образования у православных и пятая часть у мусульман)⁵¹. По данным проекта «ТАТ», в 2006 г. около половины верующих, проживающих в г. Казани, имеют высшее и незаконченное высшее образование. Среди русских такой же показатель у неверующих. У татар другая тенденция: верующие татары более образованны, чем неверующие. В 2006 г. в конфессиональных группах образова-

тельных различий обнаружено не было: 43% православных и мусульман имеют незаконченное высшее или высшее образование, 23% – среднее специальное. Среди православных оказалось несколько больше лиц с профессионально-техническим образованием, среди мусульман – со средним.

Нашел подтверждение обнаруженный в многочисленных исследованиях факт преобладания женщин среди верующих. По данным проекта «НИК»–1994 г., женщины преобладали среди верующих и соблюдающих обряды: у татар их оказалось 42% (мужчины 19%), у русских – 33% (12%)⁵². По данным проекта «ТАТ», среди татар верующих женщин оказалось 59,1%, среди русских – 63,3%.

Религиозность и мобильность. Представления о религиозных людях иногда ассоциируются с некоторой замкнутостью и отстраненностью от мирской жизни. В частности, православное сознание воспринимается как явление сугубо духовное, поднимающее верующего над повседневностью. А в своей крайней форме такая позиция заключается в понимании церковно-храмового благочестия русской церковной жизни⁵³.

Для изучения влияния религиозности людей на социальную мобильность мы рассматривали показатели социального роста/падения в трех парах анализируемых групп. Они были получены путем подсчета разницы между респондентами, повысившими и понизившими свой статус в сравнении с «отцами», людьми своего поколения, за 5 и 10 лет трудовой деятельности. Дополнительно были привлечены данные по уровню образования. Разница между повысившими и понизившими свой статус, образовательный уровень позволяет определить роль религиозности в жизненных стратегиях людей.

На момент проведения опроса «ЭПТ»–1989/1990 гг. «дети», независимо от их отношения к религии, превзошли своих «отцов». Но восходящая мобильность оказалась масштабнее среди неверующих, особенно сельчан. Верующие чаще неверующих стремятся придерживаться семейных трудовых традиций. Они чаще повторяют жизненный путь своих отцов. Доля неверующих респондентов, повысивших свой статус по сравнению с отцами, составила среди сельских татар 61% (36% среди верующих), русских горожан – 50% (42%), сельчан – 54%

⁵¹ *Переведенцева А.В.* Религиозность и ориентации на достижение // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Academia, 2002. С. 270.

⁵² *Коростылев А.Д.* Религиозность в контексте межэтнических отношений // Социальная и культурная дистанции... С. 200.

⁵³ *Зарубина Н.Н.* Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004. С. 98 – 99.

(31%). Исключение составили татары-горожане: доля повысивших свой статус среди неверующих составила 42%, верующих – 48%. «Спуск вниз» у верующих более массовый. Число верующих респондентов, понизивших свой статус по сравнению с отцами, составило среди сельских татар 26% (у неверующих – 15%), русских горожан – 36% (22%), сельчан – 27% (26%). Среди городских татар обратная тенденция – 26% среди верующих и 32% – неверующих. В результате соотношение между повысившими и понизившими свой статус респондентами и их отцами показывает, что результативность социального роста верующих ниже, чем у неверующих. Исключение составили татары-горожане (табл. 4.34). В целом необходимо отметить, что характер мобильности у верующих определялся таким важным фактором, как возраст. Как мы показали выше, среди верующих преобладали лица старших возрастных групп.

Таблица 4.34

Результаты мобильности верующих и неверующих,
«ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Татары				Русские			
верующие		неверующие		верующие		неверующие	
город	село	город	село	город	село	город	село
<i>Межпоколенная мобильность</i>							
22	10	10	46	6	4	28	28
<i>Образование</i>							
71	24	64	87	54	63	64	80
<i>Внутрипоколенная мобильность</i>							
17	9	17	22	13	13	29	23
<i>Продвижение за 5 лет</i>							
<i>1989 г.</i>							
57	74	64	56	68	75	47	62
<i>1994 г.</i>							
4		10		–6		2	
<i>Продвижение за 10 лет</i>							
51	71	54	58	61	68	35	56

Заметна разница и в образовательном потенциале верующих в сравнении с их «отцами». Верующие уступают по уровню образования своим родителям, в отличие от неверующих, которые опережают своих отцов. Исключение демонстрируют татары-горожане. Здесь у верующих образование выше, чем у неверующих. Важно отметить, что, как показали материалы А.В. Переведенцевой, большую часть верующих родители учили в детстве зарабатывать деньги (в этом признались 76,9% респондентов). Среди неверующих их доля составила лишь

65,9%⁵⁴. Следовательно, социализация верующих в нашей стране на закате Советского Союза проходила не столько в рамках традиционного образования, сколько через семью и религию, дающих «другое», неофициальное на то время, образование и воспитание. Сегодня другая ситуация. Верующие люди имеют возможность получить религиозное образование в специализированных учебных заведениях. Стали признаваться и дипломы об окончании религиозных образовательных учреждений.

Рассмотрим социальные передвижения участников исследований в течение жизни. Около половины респондентов имобильны, и их доля превосходит долю тех, кто повысил или понизил свой статус. Верующие чаще сохраняют статусные позиции. Социальный рост верующих менее масштабный: повысили свои позиции в течение жизни среди сельских татар – 26% верующих и 35% неверующих, среди русских, проживающих в городах, – 31% верующих и 41% неверующих, сельчан – 28% и 38% соответственно. Татары-горожане вновь составили исключение: 35% верующих и 31% неверующих подняли свои социальные позиции. Однако среди верующих чаще наблюдается понижение социального статуса (и здесь вновь проявляется возрастной фактор). В итоге результативность внутриспоколенной мобильности верующих уступает этому показателю среди неверующих.

При анализе показателей межпоколенной и внутриспоколенной мобильности верующих и неверующих важно принять во внимание время проведения опроса (1989 – 1990 гг.). Задавая респондентам вопросы о жизненном пути, мы получали данные о советских людях. Для религиозных людей этот период нашей страны был не самым легким. Советская трудовая идеология и атеизм порождали глубокий социальный конфликт у верующих. Очевидно, что для многих из них выходом из создавшейся ситуации стало отстранение от жизни, падение социальной мотивации, но при сохранении религиозных установок. Начало перестройки помогло людям обрести новые ориентиры в жизни. Свобода слова и вероисповедания стали символами той эпохи. Верующие приобрели возможность выражать свои чувства, у них улучшилось социальное самочувствие, они получили возможность жить по правилам религиозной морали. Все это отразилось на их социальной мобильности в течение последних 5 и 10 лет трудового пути.

⁵⁴ Переведенцева А.В. Указ. соч. С. 263.

К началу перестройки заметно выросло число людей, повысивших свой статус. Существенно снизилась численность иммобильных и потерявших позиции. Среди верующих масштабы роста были более впечатляющими, а падения – более скромными, чем среди неверующих. В итоге в рыночные отношения верующие вступили активнее и увереннее, чем неверующие. Особенно важно, что социальная судьба исповедующих разные религии (ислам и православие) оказалась схожей, в отличие от неверующих. Различия между неверующими, с одной стороны, и религиозными людьми, с другой, оказались более существенными, чем межрелигиозные различия. Установки верующих людей более близкие, чем у представителей одной и той же национальности. К середине 1990-х гг. социальные передвижения замедлились. В 1994 г. лишь около четверти среди опрошенных верующих и неверующих отметили социальный рост за последние 5 лет. Увеличилось число людей, сообщивших о падении социальной карьеры. У верующих русских нисходящая мобильность превысила восходящую.

Рассмотрим социальную мобильность «традиционных» и «номинальных» верующих (табл. 4.35). На рубеже 1980 – 1990-х гг. в городах «номинальные» верующие чаще опережают своих отцов по уровню образования, чем «традиционалисты» (особенно у русских). Причина – возрастные особенности анализируемых групп. Масштабы восходящей межпоколенной и внутривнутрипоколенной мобильности у татар среди убежденных несомненно, чем среди пассивных верующих. «Активные» верующие среди русских уступают по мобильности непрактикующим. У татар «традиционные» верующие реже повторяют жизненный путь «отцов», чем непрактикующие. У русских вновь обратная тенденция: убежденные чаще не меняют своих позиций в сравнении с отцами и в течение жизни. Нисходящая мобильность не зависит от уровня религиозности, однако ее масштабы среди верующих (как «традиционных», так и «номинальных») русских выше, нежели среди верующих татар. В итоге результативность межпоколенной и внутривнутрипоколенной мобильности среди убежденных татар выше, чем среди непрактикующих татар. У русских наоборот – практикующие верующие уступают «номинальным» верующим. Правда, у русских в течение последних 5 и 10 лет социальный рост среди убежденных верующих прошел более результативно, чем среди непрактикующих. Изменения в социальном поведении «традиционных» верующих татар в сравнении с непрактикующими в течение последних пяти лет их жизни интерпретировать сложно. Однако в целом можно

сделать вывод о большей социальной мобильности верующих татар в сравнении с верующими русским. Общим моментом для всех анализируемых групп является снижение социальной активности в середине 1990-х гг.

Таблица 4.35

Результаты мобильности верующих, «ЭПТ»–1989/1990 гг., город, %

Татары		Русские	
традиционные	номинальные	традиционные	номинальные
<i>Межпоколенная мобильность</i>			
30	25	13	12
<i>Образование</i>			
60	71	44	65
<i>Внутрипоколенная мобильность</i>			
36	23	11	21
<i>Продвижение за 5 лет</i>			
<i>1989 г.</i>			
43	53	67	59
<i>1994 г.</i>			
0	7	-4	-8
<i>Продвижение за 10 лет</i>			
73	48	56	51

Оценки рыночных отношений и инновационный потенциал. Некоторые исследователи говорят о сложном принятии верующими новых экономических отношений. Формообразующие, ключевые социальные изменения – частная собственность и конкуренция, отношение к имущественному расслоению общества – слабо поддерживаются религиозными людьми. Рассмотрим этот тезис на материалах наших исследований.

В начале 1990-х гг. развитие рыночных отношений и частной собственности – как меры, способные улучшить положение в стране, – активнее поддержали неверующие, чем верующие (рис. 4.1). Меньшую поддержку продемонстрировали верующие, соблюдающие обряды (как русские, так и татары)⁵⁵. У «традиционных» верующих русских – самый низкий уровень принятия новых экономических отношений. Развитие частной собственности находит большую поддержку у мусульман, чем у православных. Рыночные преобразования популярнее среди православных, чем мусульман.

⁵⁵ Коростелев А.Д. Указ. соч. С. 209 – 210.

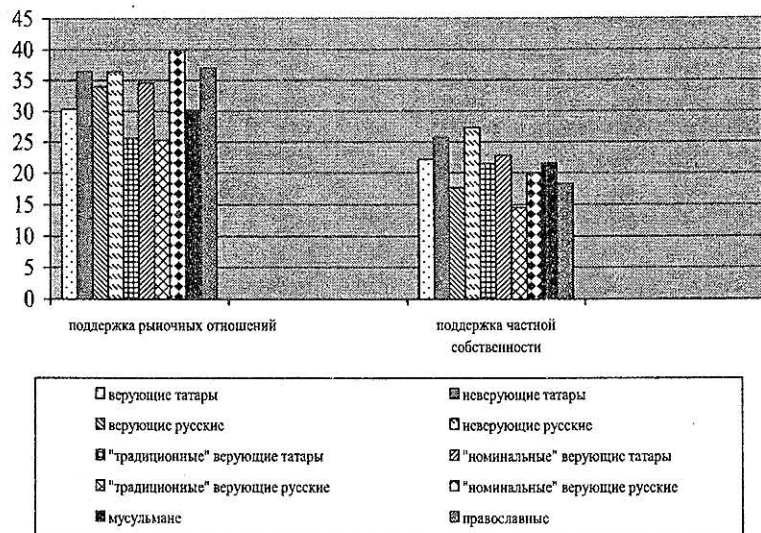

Рис. 4.1. Поддержка рыночных отношений и частной собственности, «НИК» – 1994 г., город, %

В 2000-х гг. поддержка рыночных преобразований выросла. Более половины участников опроса «ТАТ»–2006 г. позитивно оценили переход России к рыночной экономике (рис. 4.2). Рост характерен как для неверующих, так и верующих. Однако число оптимистов больше среди неверующих (среди жителей г. Казани 71,4% татар и 65,7% русских; верующих – чуть более половины в каждой этнической группе). Верующие в два раза чаще неверующих затрудняются в оценках рыночных процессов и их результатов. Каждый третий среди верующих затрудняется в оценке результатов современных экономических отношений (рис. 4.3). Среди них велика доля тех, кто относится к современным рыночным отношениям несколько настороженно. Но в то же время и более лояльное отношение характерно для верующих: доля позитивных мнений среди них выше, чем негативных (разница более чем в 5 раз, тогда как среди неверующих – в 4 раза). В оценках перехода России к рыночной экономике представители православия настроены более позитивно: число оптимистов среди них превышает число пессимистов в 6 раз. Среди мусульман – в 4,5 раза. В то же время среди мусульман больше, чем среди православных, число людей, позитивно оценивших результаты рыночных преобразований.

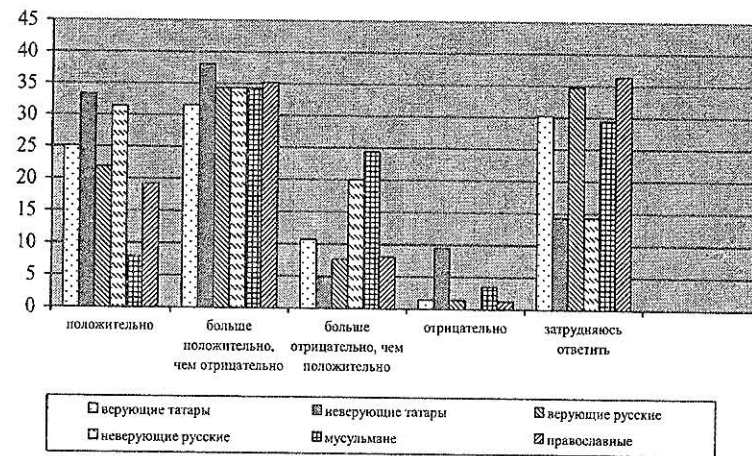

Рис. 4.2. Оценки перехода России к рыночной экономике, «ТАТ» – 2006 г., %

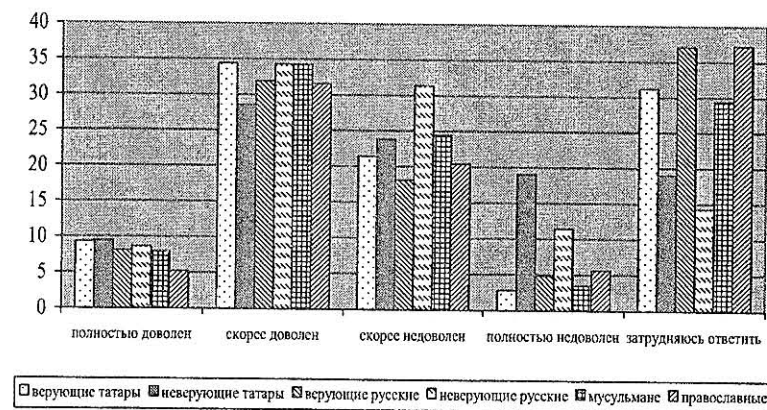

Рис. 4.3. Оценки результатов рыночных преобразований, «ТАТ» – 2006 г., %

По данным исследований, проведенных Центром «Религия в современном обществе» в 1991 – 2001 гг., во всех территориально-экономических регионах России – в стране в целом, в отличие от Татарстана, заметно снизилась доля выразивших поддержку реформам. Однако была выявлена их поддержка чаще неверующими, чем верующими. В то же время было обнаружена более высокая поддержка среди

православных чем, среди мусульман. Возможно, это связано с объемом выборки данного исследования⁵⁶.

Вступление страны на рельсы рыночной экономики ознаменовалось внедрением новых форм хозяйствования. В 1989 – 1990 гг. у русских неверующие чаще верующих работали в кооперативах (6% среди горожан и 12,9% на селе). У татар неверующие чаще верующих работали на арендном подряде. Разница была двукратная. Неверующие активнее верующих демонстрировали готовность работать в новых условиях организации труда. Хотели бы работать в кооперативах в городах среди татар 19,9% неверующих и 15,1% верующих, среди русских 29,8% и 18,4% соответственно. В селах – у татар 50,0% и 19,7%, у русских – 32,3% и 21,3%. Верующие русские активнее, чем верующие татары, поддерживали кооперативы. Верующие татары выразили бóльшую поддержку, чем верующие русские, арендным формам труда. Верующие часто не могли определить свою точку зрения, многие из них допускали новые экономические институты, но не в виде спекуляции. В целом, к введению новых форм хозяйствования верующие отнеслись менее лояльно и более настороженно, чем неверующие. На наш взгляд, эту ситуацию вновь можно объяснить различиями в возрастном и образовательном составе верующих этого периода, у которых наблюдались высокая доля лиц старших возрастных групп и более низкий уровень образования. Эти возрастные и образовательные группы, как известно, отличаются определенным консерватизмом.

Заметные различия между верующими и неверующими сложились и в отношении введения частной собственности. За ее поддержку в 1994 г. высказались: среди верующих – русских 85,3% и татар 76,1%; неверующих – 88,2% и 80,6% соответственно. Близкие результаты были получены в этносоциологическом исследовании «ЭГ»–1997 г.: положительно к частной собственности на небольшие участки земли отнеслись 82% верующих и 91% неверующих. «Активные» верующие у мусульман менее лояльны (71,6%). В этом они уступают горожанам в целом, и татарам в частности (81,3%)⁵⁷.

В 1994 г. передачу земли, объектов социального обслуживания, предприятий в частную собственность активнее поддерживают неверующие (рис. 4.4). Неверующие русские активнее неверующих татар

⁵⁶ Во всех территориально-экономических районах страны было опрошено 84 мусульманина. См.: Мчедлов М.П. Указ. соч. С. 158 – 159, 406 – 407.

⁵⁷ Переведенцева А.В. Указ. соч. С. 264.

поддерживают передачу в частные руки земли. Неверующие татары – магазинов, кафе, промышленных объектов. Среди верующих наиболее консервативные установки у татар, во всех группах традиционалистов (они масштабнее у практикующих татар) и мусульман. Эту ситуацию обнаружила в своем анализе А.В. Переведенцева. В 1997 г. «две трети постящихся мусульман считают, что земля не должна продаваться и покупаться»⁵⁸. Необходимо отметить большое число верующих респондентов, которые выбрали при ответе позицию «затрудняюсь ответить» (около трети).

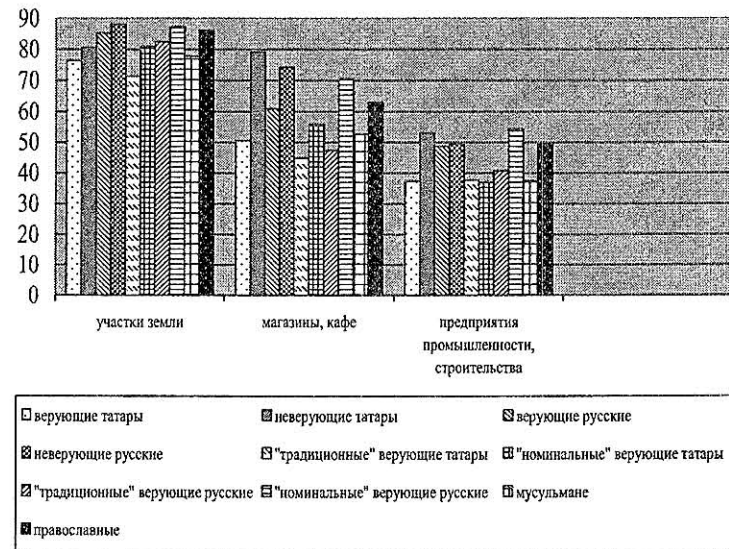

Рис. 4.4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, чтобы частным лицам принадлежали...», «НИК» – 1994 г., город, %

Важным показателем экономических установок верующих является мера участия в предпринимательской деятельности. Одним из немногочисленных научных проектов в этом плане стало исследование Marketing Index TNS Gallup Media. А.А. Сусоколов, анализируя его результаты по России, пришел к выводу о значительном преимуществе последователей иудаизма. Немного отстают от них мусульмане. Наименее выражены соответствующие установки среди православных христиан. Занимаются бизнесом 1,4% представителей православия,

⁵⁸ Там же. С. 270.

3,4% – ислама, 11,4% – иудаизма. 7,9%, 10,4%, 20,5% в соответствующей конфессиональной группе являются руководителями предприятий или подразделений⁵⁹. По некоторым оценкам, в России 30% представителей малого и среднего бизнеса относят себя к мусульманам⁶⁰.

В исследовании 1997 г., результаты которого анализирует А.В. Переведенцева, выяснялось отношение верующих к предпринимателям. Оказалось, что воцерковленные православные хуже остальных относятся к предпринимателям. Отрицательное отношение среди них продемонстрировали 37,1% участников опроса, положительное – 24,3%. Эти показатели в два раза ниже, чем по городской выборке в целом. Ситуация выглядит парадоксальной в связи со значительной долей предпринимателей среди активных православных⁶¹.

Наше исследование «ТАТ»–2006 г. зафиксировало и другие конфессиональные особенности экономической активности. Около половины участников исследования заявило, что не хотят заниматься предпринимательской деятельностью. Число противников больше среди верующих, чем неверующих; среди православных больше, чем среди мусульман. В то же время число потенциальных предпринимателей (вариант ответа «не занимаюсь, но хочу») оказалось больше среди верующих, чем среди неверующих. Высокая степень экономической мотивации верующих была обнаружена в исследовании «ЭПТ»–1989/1990 гг. Оказалось, что верующие подрабатывали чаще, чем неверующие. Верующие имели регулярно дополнительные работы. Неверующие часто подрабатывали от случая к случаю.

Важным показателем является уровень потенциала экономической активности представителей той или иной конфессии. По данным А.А. Сусоколова, представители православия характеризуются высокой долей потенциальных новаторов и социально-ответственных – тех типов личности, которые наиболее востребованы в современных экономических условиях, а преобладающим типом личности у мусульман

являются консерваторы, у иудеев – индивидуалисты⁶². На наш взгляд, разворачиванию позитивного потенциала верующих мешают, во-первых, квазирыночные отношения в России, во-вторых, недоучет специфических установок, которые демонстрируют представители разных конфессий, при формировании внутренней экономической политики страны⁶³. Как показали материалы «ТАТ»–2006 г., те верующие, которые не занимаются предпринимательством, хотя и это сделать при определенных условиях (рис. 4.5).

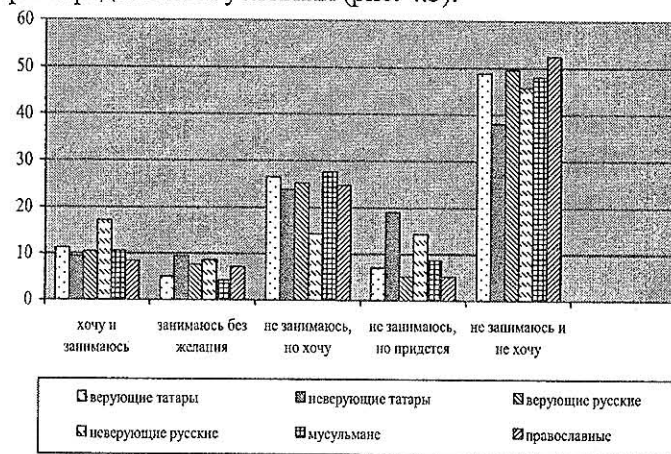

Рис. 4.5. Мера участия в предпринимательской деятельности, «ТАТ» – 2006 г., %

Обнаружена разница в понимании роли предпринимателей среди представителей разных конфессиональных групп. В 2006 г. 39,6% православных русских отметили, что «занятие предпринимательством формирует людей, заботящихся об интересах народа и сплачивающих его», а 40,8% считают, что «занятие предпринимательством, бизнесом формирует людей, заботящихся только о своих интересах и разъединяющих народ». Среди мусульман-татар соответствующие позиции поддержали 34,3% и 46,5%.

⁶² Сусоколов А.А. Указ. соч. С. 251.

⁵⁹ Сусоколов А.А. Влияние религиозной принадлежности на установки в сфере предпринимательства (на примере современной России) // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26 – 28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 249.

⁶⁰ Из доклада Межфракционного Депутатского Объединения Государственной Думы – Государственного Собрания РФ // Россия и мусульманский мир. 2005. № 6. С. 31.

⁶¹ Переведенцева А.В. Указ. соч. С. 264 – 265.

⁶³ Наш вывод подтверждают данные М.П. Мчедлова. 43,2% неверующих не хотят заниматься предпринимательством, т. к. это противоречит их жизненным установкам. Среди верующих число респондентов, выбравших этот вариант ответа, составило 37,5%. См.: Мчедлов М.П. Указ. соч. С. 418.

В исследовании «ТАТ»–2006 г. обнаружена разница в экономических стратегиях среди представителей той или иной конфессии. Мусульмане в большей степени ориентированы на стабильный доход, чем православные (50,4% и 46,8%). 9,4% и 12,4%, соответственно, готовы работать на свой страх и риск. Мусульмане в большей степени, чем православные, ориентированы на развитие коллективной собственности, чем частной (48,8% против 33,5% среди мусульман и 41,2% и 40,0% соответственно среди православных). Представители ислама больше ориентированы на развитие сельского хозяйства (44,9%), меньше – промышленности (40,6%). Среди православных это соотношение обратное: на промышленность ориентированы 52,8% участников опроса, сельское хозяйство – 28,8%.

Трудовая деятельность и трудовые ценности. В этносоциологических исследованиях мы задавали нашим респондентам вопросы, связанные с их трудовой деятельностью. На рубеже 1989 – 1990-х гг. верующие демонстрировали более высокую степень удовлетворенности работой, чем неверующие (табл. 4.36). «Традиционные» верующие у татар были довольны своей работой чаще, чем непрaktикующие (табл. 4.37). У русских обнаружена другая картина: «номинальные» верующие чаще довольны работой, чем «традиционные».

Таблица 4.36

Удовлетворенность работой, «ЭПТ»–1989/1990 гг., %

Варианты	Верующие				Неверующие			
	татары		русские		татары		русские	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Удовлетворен	65,0	86,2	66,2	77,5	59,2	73,3	58,1	72,7
Не вполне удовлетворен	20,2	10,6	24,8	15,0	32,0	18,8	24,3	18,8
Не удовлетворен	14,8	3,2	9,0	7,5	8,8	8,0	17,6	8,4

Таблица 4.37

Удовлетворенность работой, «ЭПТ»–1989/1990 гг., город, %

Варианты	«Традиционные верующие»		«Номинальные» верующие	
	татары	русские	татары	русские
Удовлетворен	69,2	56,7	58,9	62,1
Не вполне удовлетворен	15,4	26,7	26,5	31,7
Не удовлетворен	15,4	16,7	14,6	6,2

В 1994 г. степень удовлетворенности работой заметно снизилась (рис. 4.5). Примерно каждый пятый был совсем не удовлетворен работой. Еще треть «скорее не удовлетворены». Независимо от религиозности крайне недовольны своей работой чаще русские респонденты. Среди пессимистов у русских преобладают верующие над неверующими.

рующими, традиционные над номинальными. Довольны работой у русских чаще неверующие, чем верующие. Татары, независимо от религиозности, чаще демонстрируют «умеренный пессимизм». В группе недовольных работой в той или иной степени у татар неверующие преобладают над верующими, «номинальные» над «традиционными». Довольны работой у татар чаще верующие, чем неверующие, «традиционные», чем «номинальные». По этому вопросу конфессиональные особенности обнаружены не были. Особенности удовлетворенности трудом верующих связаны с их более старшим возрастным составом и их более низким образовательным уровнем.

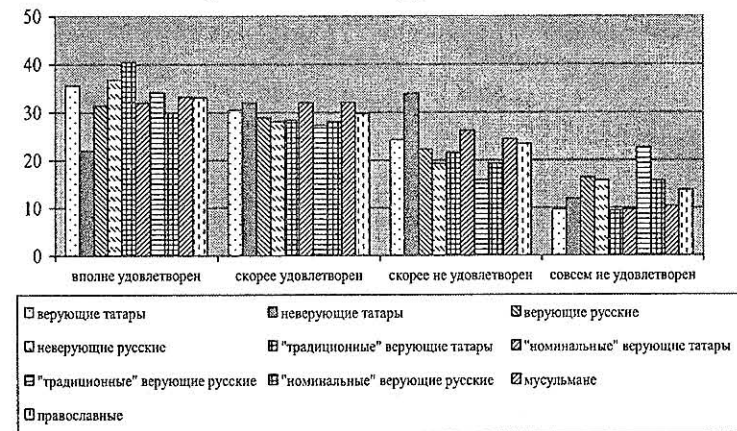

Рис. 4.5. Степень удовлетворенности работой, «НИК» – 1994 г., город, %

Социальное настроение. Как показал анализ этносоциологических исследований, среди населения преобладают умеренные оптимисты, число которых за годы реформ уменьшается (рис. 4.6, рис. 4.7). Выросло число людей, которые считают, что «все не так плохо». Сократилось число людей, находящихся на пороге социального терпения. Подросла группа не определившихся в современной жизни. Социальное самочувствие верующих у татар лучше неверующих. Настроение верующих русских несколько хуже верующих татар. «Традиционные» верующие у татар чувствуют себя лучше, чем «номинальные» верующие. У русских обратная картина: практикующие верующие чувствуют себя хуже, чем «номинальные». Мусульмане настроены более оптимистично, для православных характерна терпеливая позиция, и они чаще находятся на пороге социального терпения.

В 2006 г. 12,8% православных и 5,1% мусульман отметили, что не могут больше переносить свое плохое положение.

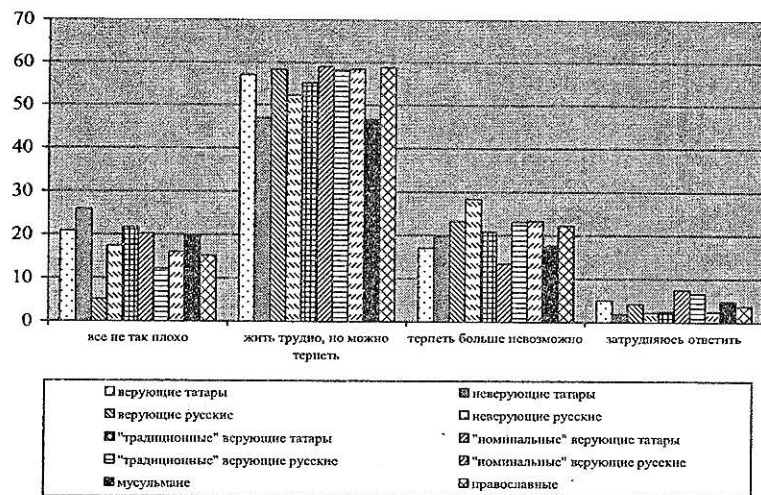

Рис. 4.6. Уровень социального самочувствия, «НИК» – 1994 г., город, %

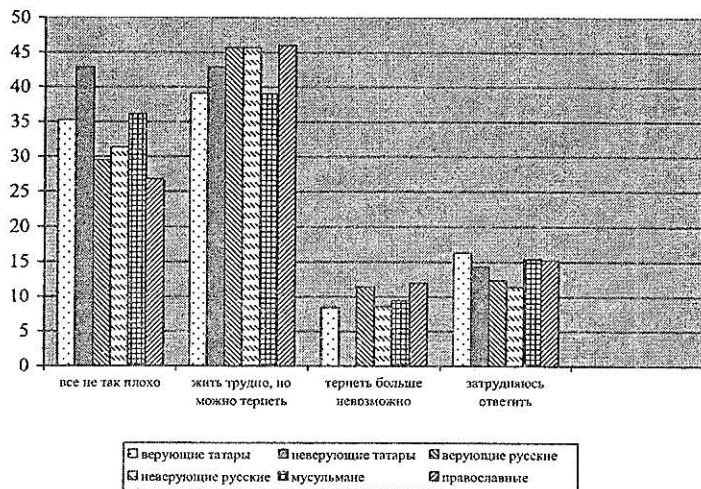

Рис. 4.7. Уровень социального самочувствия, «ТАТ» – 2006 г., %

В оценках своего материального положения верующие в целом опережают неверующих (рис. 4.8)⁶⁴. Верующие, как среди татар, так и среди русских, чаще, чем неверующие, оценивают свой достаток на среднем уровне. Неверующие – на плохом уровне. Это связано с тем, что у неверующих больше лиц молодого среднего возраста, у которых выше жизненные запросы. Важно принять во внимание группу с низким уровнем достатка. Здесь верующие опережают неверующих. «Традиционные» верующие у татар чаще, чем «номинальные», дают средние оценки своего бюджета. По мере снижения позитива «номинальные» преобладают над практикующими. У русских другая тенденция. Уровень достатка связан с практической религиозностью. Те верующие у русских, которые соблюдают обряды и праздники, ниже оценивают свой материальный уровень, чем «номинальные» верующие. Мусульмане дают больше позитивных оценок, чем православные.

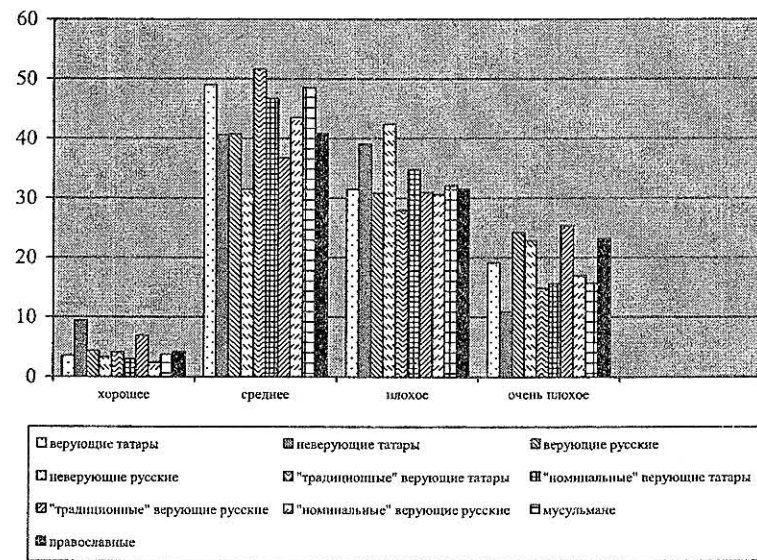

Рис. 4.8. Оценки материального положения, «НИК» – 1994 г., город, %

⁶⁴ Из анализа были исключены те, кто оценил свой достаток как «очень хороший». В эту группу вошло всего несколько респондентов, что не позволяет сделать объективные выводы.

В 2006 г. разница в позитивных оценках материального положения между верующими и неверующими сохранялась, и она была двукратная (рис. 4.9). Эта тенденция не зависит от этнической принадлежности респондентов. Число тех, которые «ни в чем себе не отказывают» или имеют накопления, среди верующих в два раза превышает долю «богатых» людей среди неверующих. Чаще жалуются на скудный бюджет неверующие, чем верующие, православные, чем мусульмане. Сохранилась разница в удовлетворенности своим достатком между верующими татарами и русскими в пользу первых.

Обнаруженная тенденция была подтверждена в исследовании «ТАТ»–2006 г. Для характеристики социального статуса респондентам предлагалось дать самооценки материального достатка. Для определения позиций использовалась шкала из 5 ступеней – от совсем бесправных и неимущих к тем, кто обладает экономическим ресурсом. Оказалось, что верующие чаще неверующих оценивают свое материальное состояние на среднем и высоком уровне.

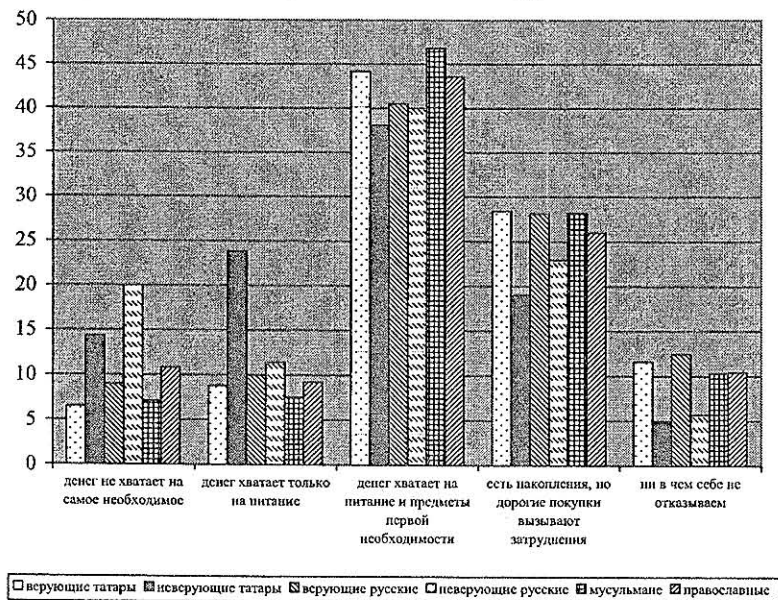

Рис. 4.9. Оценки материального положения, «ТАТ» – 2006 г., %

В этом же исследовании был задан вопрос «Изменилось ли Ваше положение за годы реформ?» Оказалось, что ухудшение в той или иной степени своего материального положения за годы реформ сильнее ощущают неверующие, особенно русские (31,5% среди неверующих русских и 14,3% татар, и 19,5% и 12,4% среди верующих в соответствующей этнической группе). Оценивают свои изменения в худшую сторону чаще православные, чем мусульмане⁶⁵.

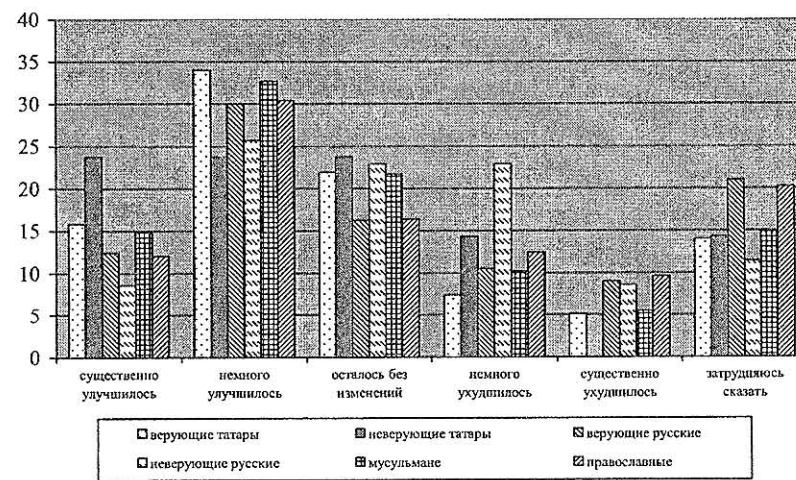

Рис. 4.10. Оценки изменения материального положения за годы реформ, «ТАТ»–2006 г., %

Заметны различия между верующими и неверующими по степени удовлетворенности своим материальным положением. Более половины среди верующих удовлетворены им в той или иной степени (рис. 4.11). Среди неверующих таких оказалось среди татар 33,3%,

⁶⁵ Одной из причин худшего социального самочувствия православных являются особенности социально-профессиональной структуры русского населения. По данным проекта «ТАТ»–2006 г., среди православных оказалось несколько больше лиц с профессионально-техническим образованием и занятых в промышленности. Такая структура характерна в целом для русского населения Татарстана (Глава II, § 2). В промышленной сфере в 1990-х гг. наблюдались наиболее травмирующие последствия внедрения принципов рыночной экономики, сказавшиеся на социальном самочувствии русского населения, и православных в частности.

русских 45,7%. Удовлетворенность чаще демонстрируют верующие татары, чем верующие русские; чаще мусульмане, чем православные.

Верующие оценивают свой семейный бюджет выше, чем неверующие. В 2006 г. 12,4% верующих русских и 11,6% татар заявили, что «они ни в чем себе не отказывают» (5,7% и 4,8% среди неверующих в соответствующей этнической группе). У 28% опрошенных верующих имеются накопления (22,9% неверующих русских и 19,0% татар).

Итак, как видим, верующие адаптировались к современным условиям лучше неверующих. Каждый пятый верующий заявил, что «жизнь полна трудностей, но я уже к ней приспособился и не хочу ничего менять». Эту позицию поддержали в два раза меньше неверующих татар и 17,1% неверующих русских.

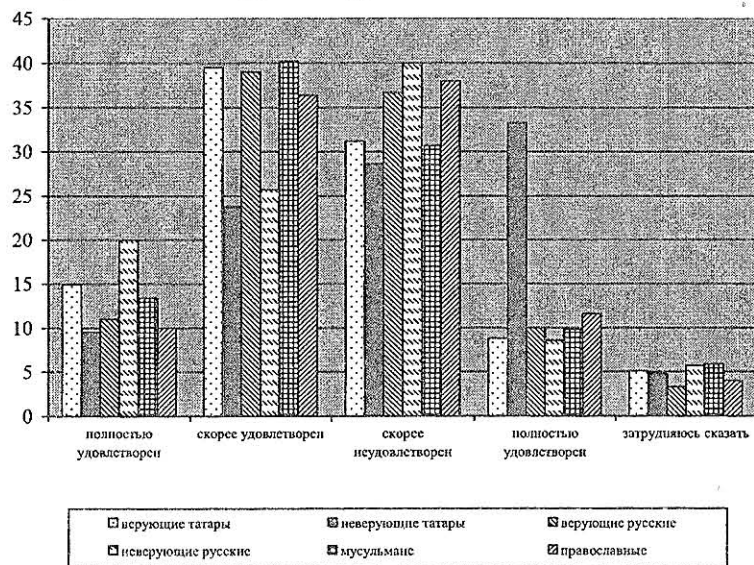

Рис. 4.11. Степень удовлетворенности материальным положением, «ТАТ» – 2006 г., %

Единая база сознания. Несмотря на обнаруженные некоторые различия в ментальности исследуемых групп, как показали наши исследования, объединяющей базой верующих и неверующих, «традиционных» и «номинальных» верующих, представителей православия и ислама является общность жизненных ценностей. Семья, достаток,

работа, социальное уважение, образование одинаково значимы для представителей всех анализируемых групп (рис. 4.12).

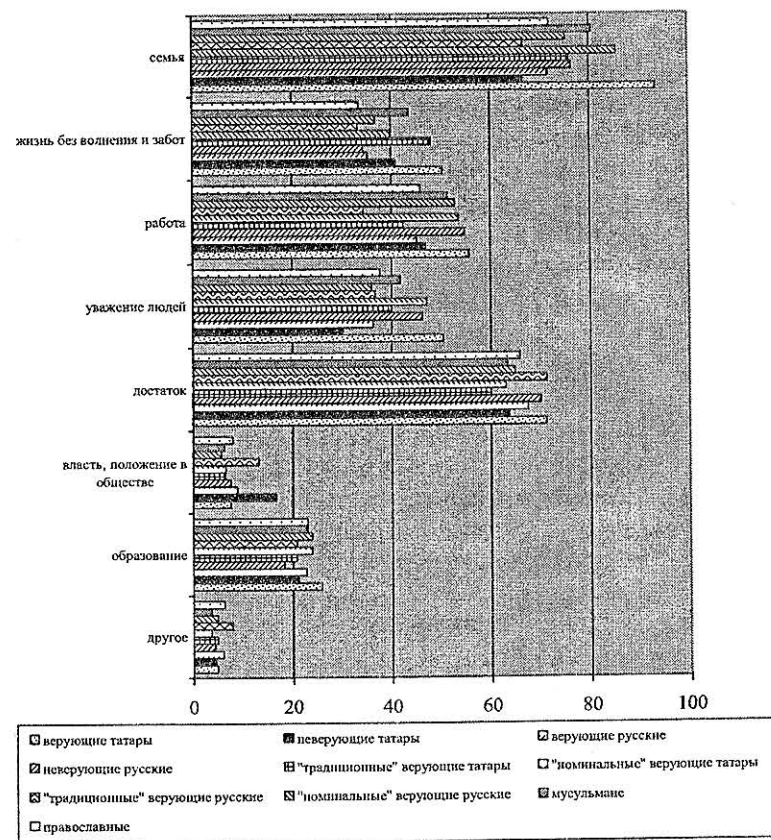

Рис. 4.12. Жизненные ценности, «НИК» – 1994 г., город, %

Между тем нельзя не отметить некоторые особенности анализируемых групп. В целом образование и спокойная жизнь оказываются более значимыми для верующих, чем для неверующих. Семья, работа, уважение и достаток имеют для верующих татар большее значение, чем для неверующих татар. Ценность власти отделяет у русских верующих от неверующих. Работа и образование оказались менее важными для «традиционных» верующих, чем для «номинальных». При этом у русских верующих достаток и власть важнее для практи-

кующих, чем для «номинальных»; «жизнь без волнения и забот» – важнее у татар для «традиционных», чем для непрактикующих. Для православных большое значение имеют достаток, положение в обществе и образование. Для мусульман – семья, спокойная жизнь и уважение со стороны окружающих. В исследовании «ТАТ»–2006 г. был обнаружен еще один признак, дистанцирующий православных и мусульман. «Свобода» значима для 25,6% православных и 19,3% мусульман, проживающих в г. Казани.

Какие социальные ресурсы используют анализируемые группы при выстраивании стратегий адаптации? Семья, профессия и оптимизм – главные составляющие адаптации (рис. 4.13). Велика доля людей, которые не ощущают поддержки. Семья и надежда на возвращение к прежнему порядку играют более важную роль среди ресурсов для верующих, чем для неверующих, для «традиционалистов», чем для «номиналов», для мусульман, чем для православных. В 2006 г. на семью рассчитывали 53,5% мусульман и 40,0% православных г. Казани⁶⁶. Неверующие чаще, чем верующие, рассчитывают на собственный капитал и оптимизм. «Номинальные» верующие чаще, чем «традиционные», – на профессию и оптимизм. Мусульмане – на собственность, пост и связи. Православные – на профессию и оптимизм. В 2006 г. подпитывались оптимизмом 32,4% православных и 21,2% мусульман г. Казани. Обращает на себя внимание позиция «ничто». Ее чаще выбирают: неверующие, чем верующие, «традиционные» верующие, чем «номинальные», и православные, чем мусульмане. В 2006 г. 13,2% православных и 7,5% мусульман считают, что им ничто не помогает выживать в современных условиях.

Роль духовенства. В разворачивании экономического потенциала религиозных россиян важную роль могут сыграть духовенство и

⁶⁶ Высокую значимость семьи для верующих татар, особенно «традиционалистов» и той их части, которая идентифицирует себя с мусульманами, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, семья всегда высоко ценилась татарами, а вступление в брак считалось священной обязанностью мусульманина: «Лицо, сошедшее браком, имеет перед Богом более заслуги, чем самый набожный мусульманин, оставшийся холостяком». См.: Вагабов М.В. Ислам и семья. М., 1980. С. 147. Во-вторых, как известно в исламе главное внимание уделяют правилам внутриобщинного поведения и жесткому соблюдению обрядности. Для татар-мусульман распространенное среди всего мусульманского мира тесное переплетение обрядов этнического происхождения с исламскими обрядами чрезвычайно характерно в виде семейно-бытовой культуры и обрядности. См.: Уразманова Р.К. Ислам в семейно-бытовой обрядности татар // Татары. М.: Наука, 2001. С. 372.

высшие духовные управления конфессий. В России для мусульман это Духовное управление мусульман (в Татарстане – ДУМ РТ), для православных – Российская православная церковь. В нашей стране религия отделена от государства, но она не отделена от общества. Значимость деятельности этих институтов обусловлена тем, что оформленная социальная идеология духовенства способна интегрировать верующих, выработать у них социальные ориентиры, повысить мотивацию, уровень доверия внутри религиозного сообщества, выделить предпринимательский слой, сформировать «круги общения».

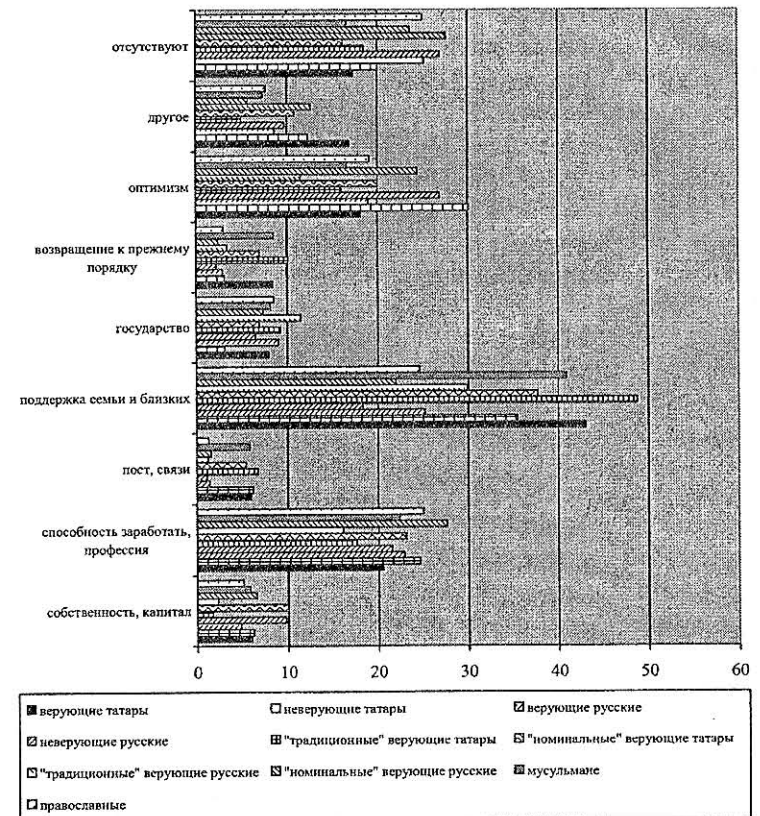

Рис. 4.13. Социальные ресурсы, «НИК»–1994 г., город, %

Демократические процессы, глобализация, формирование общества потребления привели к тому, что сегодня больше актуализированы представления о неотъемлемых правах личности и свободе. Люди стали больше ориентироваться на материальные потребности своих семей, а не на нравственное служение Богу. Россия не исключение. По данным гендиректора ВЦИОМа Валерия Федорова, лишь треть россиян готовы положить в основу общественной жизни религиозные и нравственные ценности, тогда как вдвое больше опрошенных считают фундаментом общества права и свободы гражданина⁶⁷. 50,5% опрошенных считают, что главное для человека – это достижение личного благополучия. Несколько меньше тех, кто согласен с более традиционной для России точкой зрения, озвученной митрополитом Кириллом, – о том, что россиянам следует держаться за нравственные традиции и веру, что это важнее, чем достижение личного благополучия (42,5%)⁶⁸. И лишь треть респондентов (35%), назвавших себя православными в 2009 г., готовы придерживаться принятых православием нравственных норм и принципов поведения и жить в соответствии с ними. 13% респондентов отметили, что «современный человек не может и не должен жить в соответствии с устаревшими нравственными нормами, на которых настаивает РПЦ». 39% считают, что «некоторые из нравственных норм, на которых настаивает РПЦ, приемлемы для современного человека, а некоторые – нет». Остальные затруднились с ответом. Проблема заключается еще и в том, насколько непреходящие исламские и христианские ценности, выраженные в Коране и Священном писании и понятные для богослова и экономиста, совпадают с народным, устоявшимся пониманием исламских и христианских ценностей. Охранительный, традиционалистский мотив, присущий «народному» христианству в нашей стране, дает ценностям свою интерпретацию, которая ориентирована на экономическую модель в условиях патерналистского, даже авторитарного государства со всеми вытекающими отсюда последствиями для свобод человека, в том числе для экономической свободы⁶⁹.

И, наконец, проблемы самого современного духовенства и духовных управлений. Российские религиозные элиты сегодня больше озабочены внутренними проблемами, их деятельность носит консер-

⁶⁷ URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2576.html?no_cache=1&cHash=22502f3909 (дата обращения: 05.05.2006).

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Журавлев А. Православная экономическая концепция...

вативный характер и характеризуется отставанием от современной социальности. Православное духовенство расколото на две линии. Первая – умеренно либеральная, настаивает на приоритете общечеловеческих ценностей без отказов от догматов православия. Другая – противопоставляет их друг другу. В России побеждают сторонники второго лагеря, не только среди духовенства, но и среди верующих. Половина опрошенных считают, что православная церковь должна выступать в роли хранителя своих многовековых канонов и традиций. По данным ВЦИОМа, две трети православных (73%) считают, что церковная политика, проводимая патриархом Кириллом, отвечает запросам нашего общества⁷⁰. И лишь треть полагают, что церковь должна меняться в соответствии с духом времени, чтобы отвечать запросам меняющегося общества⁷¹. В этой связи «...антидемократическая идеология РПЦ, отсутствие в ней в настоящее время влиятельных реформаторских в социально-политической сфере движений – одно из существенных обстоятельств, отделяющих Россию от Запада и сдерживающих социально-экономический прогресс»⁷².

Схожие проблемы – среди российской исламской духовной элиты. Одной из особенностей мусульманского возрождения стало возникновение новых духовных управлений и центров, которые во многом стали причиной децентрализации этого процесса, внесли в него элементы неуправляемости⁷³. Различные Духовные управления мусульман больше озабочены политической рекламой своей деятельности, чем кропотливой деятельностью. Правда, как отмечает Р.М. Мухаметшин, объединение не является принципиально важным, поскольку ислам во главу угла ставит первичную ячейку – *махаллю*, которая самодостаточна⁷⁴. Существует проблема отсутствия «в правящей религиозной среде лидеров, способных вести мусульманскую умму современными темпами не только на основе мусульманских

⁷⁰ URL: <http://www.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13115.html> (дата обращения: 29.01.2010).

⁷¹ URL: http://www.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11307.html?no_cache=1&cHash=46909717d5 (дата обращения: 29.01.2009).

⁷² Филатов С. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Неостром, 2005. С. 22.

⁷³ Мухаметшин Р.М. Религия // Татары... С. 435.

⁷⁴ Мухаметшин Р.М. Основные этапы возвращения ислама в общественно-политическую жизнь в Волго-Уральском регионе // Конфессиональный фактор... С. 82 – 83.

ценностей, но и в соответствии с достижениями культуры техногенной цивилизации»⁷⁵.

Православное и исламское духовенство в России отстали если не в вероучительном осмыслении хозяйственных процессов, то в формулировании ясного и актуального экономического кредо. В 2000 г. была принята «Социальная доктрина РПЦ», в 2001 г. – «Социальная программа российских мусульман». В документах формулируются вопросы официального определения позиций конфессий по социальным проблемам современности. В меньшей степени излагаются вопросы, связанные с принципами экономической деятельности верующих. Хотя важно признать, что это первая за многовековую историю попытка оформления позиции управлений конфессий в некоторых проблемах социально-экономической жизни. Объединяющим моментом социальных доктрин РПЦ и ДУМ является стремление к формированию определенной духовной среды, в контексте которой верующий обретает систему нравственных координат своей деятельности. Однако координаты эти качественно различаются.

В «Основах социальной концепции РПЦ» большое внимание уделяется нравственной стороне хозяйственной деятельности верующих. Подчеркивается, что труд «становится благословенным, когда он являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке». Православная церковь не отрицает предпринимательства и обогащения, но требовательна к ее нравственной составляющей (мотивам, духовному содержанию, последствиям для стабильности общества и благополучия людей). Собственность рассматривается в качестве дара Божьего, данного для использования во благо себе и ближним. Таким образом, если человек удачлив и богат, то это не его собственная заслуга. Основное моральное побуждение работающих – ориентация на благо других⁷⁶. Поэтому вполне очевидно, что «...несмотря на все видоизменения, учитывающие перемены в мире и в России в частности, официальная доктрина православия тяготеет к консервации общественного коллективизма и

тем самым оппонирует свободным рыночным отношениям, индивидуализму свободных личностей»⁷⁷.

В «Социальной Программе российских мусульман» хозяйственная деятельность вменяется в качестве личной обязанности верующего. Это оговаривается через два момента: во-первых, идею собственности, во-вторых, идею социальной ответственности мусульман за свою жизнь. Имущество неприкосновенно и является материальной основой свободы и жизни мусульманина по заповедям Всевышнего Аллаха и «Все жизненные трудности не могут быть преодолены, если сам человек не готов изменить свое положение», «Человек не имеет права не трудиться и зависеть материально от других». Однако пределы материального обогащения, его распределения не рассматриваются. Равенство понимается как недопущение дискриминации людей. Запят⁷⁸ является обязанностью мусульманина (2,5% от личных доходов сверх необходимого).

К сожалению, «Основы социальной концепции РПЦ» и «Социальная Программа российских мусульман» не дают ответа на многие экономические вопросы. Обе программы сосредоточены на проблемах потребления и распределения, а не производства. Отсутствует объяснение природы имущественного неравенства. Основы социального учения РПЦ не позволяют говорить о христианской ценности таких мотивов хозяйственной деятельности, как самореализация, развитие творческих способностей, самоутверждение. В «Социальной Программе российских мусульман» не оговариваются финансовые вопросы, занимающие в Коране значительное место.

Возрождение религий в России, формирование духовной элиты стали происходить в течение последних 15 лет. Это слишком малый срок, чтобы православие и ислам стали важными институтами, влияющими на религиозное мировоззрение россиян. Важно помнить, что в условиях советской массовой атеизации эти религии в России полностью утратили свое значение социокультурного комплекса, влияющего на сознание людей. Веками складывающиеся духовные ценности народов постепенно утрачивались либо оттеснялись в ограниченную сферу семейно-бытовых обычаев и обрядов. Верующие потеряли связь с институциональной религиозной организацией и официальной религиозной идеологией. Большие потери понесло духовен-

⁷⁵ Юзеев А.Н. Ислам и национальная идентичность казанских татар // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах / Материалы конференции: Казань, 2 – 3 июня 2004 г. / под ред. А. Малащенко; Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 175 – 176.

⁷⁶ Зарубина Н.Н. Указ. соч. С. 243 – 248.

⁷⁷ Степанянц М.Т. Этноконфессиональные процессы в современной России // Гражданское общество... С. 8.

⁷⁸ Запят – налог в пользу бедных.

ство. Сегодня формирование социально-экономических идеологием православия и ислама тормозит слабая социальная защищенность работающего населения со стороны государства, нестабильность и непрозрачность официальных правил ведения бизнеса, замедленный характер институциональных преобразований, забюрократченность и т. д. Нужно время, чтобы в России религиозные лидеры сконцентрировались на духовном воспитании верующих, отвечающем духу современного времени, и сформировали социальные идеологии основных конфессий. Позитивное или негативное влияние религиозных систем во многом зависит и от того, насколько сама религия сможет адаптироваться к условиям среды, в которой она функционирует.

Как видим, российскому православию и исламу предстоит трудный путь адаптации соответствующих хозяйственных этик к современным рыночным отношениям. Некоторые специалисты считают, что православию следует идти от существующих экономических законов и опосредующих их на практике механизмов и дать им толкование с этой самой религиозно-этической точки зрения. Российскому исламу – от классических экономических механизмов к специфике религиозности российских мусульман и учету поликонфессионального окружения. Представляется продуктивным путь взаимной адаптации православия и ислама. Это сегрегационная модель, когда православие и ислам могут занять «свои ниши», взаимно дополнять друг друга, а их представители быть заинтересованными в друг в друге. Для российского ислама отделенность от политики традиционна, поэтому он мог бы выполнять сугубо экономические задачи. Фрагментация экономического пространства может идти таким образом, чтобы ислам в России являлся «поставщиком» экономических идей, основанных на общеэтических нормах, а православие могло бы выполнять роль в формировании целей вне экономики и вне хозяйства. «Православная этика труда... даст определенные ориентиры, исполненные высокой духовности. Они могут помочь нам выработать по-настоящему нравственную мотивацию труда и вдохнуть жизнь в профессиональное творчество»⁷⁹. Для объединения есть объективные предпосылки. В любой религии указывается на главное свойство собственности, состоящее в том, что первичным, истинным собственником является Бог, как бы его ни обозначали в различных религиозных системах. Человек, обретая некий актив на срок своей жизни, прини-

⁷⁹ Коваль Т. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 70.

мает на себя функцию доверительного управляющего. Это траст того рода, который предполагает следование воле собственника. Таким образом, хозяйственная деятельность человека, использующего переданный ему ресурс, должна быть богоугодной с точки зрения целей и методов производства добавленной стоимости. Экономический результат должен приносить благо как управляющему, так и обществу, в котором он функционирует. Аналогично религии имеют единый подход к трудовому ресурсу, исходя из установки на богоугодность свободного труда, справедливых трудовых отношений, экономически оправданной ставки вознаграждения за труд, в отсутствие эксплуатации. Такое взаимодополнение православия и ислама – реальная возможность экономического роста всей страны и интеграции российского общества.

§ 3. Понятие и основные принципы исламской экономической модели

Один из авторитетных исследователей глобализации П. Бергер отмечает, что наряду с преобладающей тенденцией к глобальной культуре – американской по своему происхождению – в современном мире существует целый ряд ответных реакций на ее распространение. К их числу исследователь относит альтернативную глобализацию. Это явление демонстрирует, как к модернизации может вести не одна дорога, а несколько. Одним из ярких примеров является, по мнению исследователя, исламская глокальность. «Исламские движения в Турции и во всем остальном мусульманском мире очевидным образом предполагают альтернативную модель современности, ...стремление строить современное общество, которое экономически и политически участвует в глобальной системе, но в тоже время вдохновляется обладающей собственным самосознанием исламской культурой... Сегодня во всем мусульманском мире ... такое видение альтернативной исламской современности приобретает все больший вес»⁸⁰. Одним из элементов альтернативы в исламском мире стала исламская экономическая модель (ИЭМ).

В мировом сообществе впервые термин ИЭМ был употреблен в 1947 г. мусульманским ученым из Индии Саййидом Ахсаном Гилани в одноименной книге. Автор писал о некой идеальной экономической системе, соответствующей исламу. В научной литературе понятие «ИЭМ» утвердилось лишь с середины 1970-х гг. Сегодня этот термин

⁸⁰ Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 21.

в мировой литературе раскрывается с двух позиций, разница в содержании которых, по сути, отражает методологические принципы современных исламоведческих исследований⁸¹. В среде российской татарской и мусульманской элиты идеологема⁸² ИЭМ стала обсуждаться на рубеже 1990 – 2000-х гг.

Первое направление исламоведческих исследований представлено мусульманскими богословами, которые стремятся понять внутренние убеждения верующих и их соответствие канонам ислама. Поэтому ИЭМ понимается ими в качестве раздела исламской науки. В крайнем проявлении такая позиция выражается в полном отрицании необходимости формирования специальной дисциплины – исламской экономики, поскольку, как считают ее представители, в Коране и Сунне исчерпывающим образом сформулированы основные экономические положения.

Взгляды богословов представлены в огромной аналитической мусульманской литературе, где с той иной мерой внимания раскрываются финансовые отношения, представленные в Коране и Сунне. Авторы выделяют три основные идеи ислама: идея о собственности, идея о личных трудовых усилиях как основном источнике получения богатства, идея о справедливом распределении богатства. Предпринимательство рассматривается как форма поклонения Аллаху⁸³. Рас-

⁸¹ Разделение методологических принципов исламоведческих исследований было озвучено Р.М. Мухаметшиным в выступлении «Исламоведческие исследования в Татарстане: проблемы и перспективы», сделанном на Международном научно-практическом симпозиуме «Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы», г. Казань, 19 – 20 февраля 2009 г.

⁸² Идеология понимается, в соответствии с теорией С. Московичи, как социальное представление, которое в силу своей когнитивно-символической природы соединяет в себе образ, социальную категорию и ценность. См.: *Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2.*

⁸³ Человек будет богоугоден, если он доказывает свою преданность Богу реальными делами. При этом бизнес должен быть таким, чтобы все те, кто задействован в нем, получали взаимную пользу и удовлетворение. Бизнесмен обязан быть грамотным менеджером, производить продукты, направленные на удовлетворение здоровых потребностей общества, приносить реальную пользу. В отношении потребителей важно соблюдать принцип справедливого ценообразования, соответствующие цены качеству продукта. Предприниматель несет ответственность за своих подчиненных (условия работы, моральная и материальная поддержка, микроклимат в организации). Соблюдение договорных обяза-

тельства являются экономические нормы ислама – нормы, регулирующие закят, правила торговли, правила, регулирующие долговые обязательства и залог, наследование имущества. Фундаментальный отдел фикха (канонического мусульманского права) составляет контрактное право. Здесь до деталей прописаны организационные формы сделок, которые сегодня не только имеют теоретический потенциал для реализации, но и используются в исламском мире. Экономические догматы ислама раскрываются в специализированных СМИ. Авторами публикаций являются богословы, имамы, журналисты⁸⁴.

Другой взгляд на ислам высказывают исламоведы, которые с позиций своих научных интересов (политологии, социологии, культурной антропологии, психологии и т. д.) пытаются выявить спектр проявлений внутренних убеждений верующих в различных сферах общества. Проявление религиозности мусульман в экономике анализируется ими через психологическую специфику бизнес-культуры деловых кругов арабского Востока⁸⁵. Наибольший вклад в разработку системного подхода к изучению связи экономики и ислама внесли экономисты, которые считают, что каноническая структура взглядов мусульман порождает особый универсум экономических институтов и механизмов. При этом не отрицается существование базовых законов экономики. В таком понимании ИЭМ рассматривается в качестве течения современной экономической мысли⁸⁶ и понимается как система взглядов мусульман на принципы и механизмы организации хозяйственной жизни общества⁸⁷, система хозяйствования в соответствии с нормами и принципами мусульманского права⁸⁸. Синонимично богословскому представители экономического направления считают, что главным сводом правил и предписаний, которых должен придержи-

ваться с партнером является долгом предпринимателя. Благотворительность вменяется в обязанность. См.: *Гимадутинов А. Бизнес как поклонение // Ислам info. 2008. № 11 – 12.*

⁸⁴ *Батрутдинов В. Закят как один из столпов ислама // Тархан.biz. 2009, № 1; ego же. Экономические взгляды Абу Йусуфа // Там же.*

⁸⁵ *Косов А. Там по традиции открыта дверь // Валютный спекулянт. 2003. № 08 (46). С. 30 – 32.*

⁸⁶ *Беккин Р.И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. С. 8.*

⁸⁷ *Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики // Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / под ред. Р.И. Беккина. М., 2004. С. 5.*

⁸⁸ *Беккин Р.И. Указ. соч. С. 18.*

ваться каждый правоверный мусульманин, является шариат, основанный на Коране и Сунне – главных книгах ислама.

По мнению экономистов, ИЭМ обладает следующими особенностями.

1. Деньги не ссужаются под процент. *Риба*⁸⁹ категорически осуждается Кораном и не может использоваться в ИЭМ.

2. Исламская финансовая система имеет дело не с отвлеченными финансовыми системами, а с инвестициями в реальное производство. Это убергает ее от финансовых кризисов и дефолтов. В мировой же финансовой системе в целом лишь 20-я часть денежной массы подкреплена реальными активами, а 95% всех денежных транзакций не относятся к коммерческим сделкам, они являются чисто спекулятивными⁹⁰.

3. Равномерное кредитование всех отраслей экономики с акцентом на те отрасли, которые производят товары первой необходимости и базисные услуги.

4. Предпочтение долгосрочному финансированию при принятии инвестиционных решений, особенно при участии в уставном капитале других предприятий.

5. Содействие малому бизнесу как важнейшему элементу экономики исламских стран, позволяющему гармонично развиваться всей экономике.

6. Особое внимание к этической стороне экономических отношений, реализации духовных и моральных ценностей, которые, вместе с тем, носят универсальный, общечеловеческий характер. Некоторые ученые даже ассоциируют ИЭМ с социалистической системой хозяйствования⁹¹. Государства, основанные на принципах ИЭМ, несут особую ответственность перед населением. В них наблюдается сокращение разрыва между богатыми и бедными, долгового бремени, лежащего на правительстве. Исследование Международного Валютного Фонда, проведенное в 1987 г., подтвердило, что исламская экономика и исламское банковское дело в частности способствуют более справедливому распределению ресурсов. В исследовании было также отмечено, что исламская банковская система в меньшей степени, чем западная или традиционная, подвержена рискам, связанным с про-

блемами ликвидности платежеспособности⁹². Социальная ответственность и благотворительность являются обязательными условиями исламских финансовых институтов.

7. Исламское финансирование имеет внутреннюю способность к воспроизводству благодаря взвешенной инвестиционной политике, активному финансированию производства, привлекательности банковских услуг.

Представители экономического подхода в изучении ИЭМ используют готовые материалы национальной статистики. Приведем некоторые используемые ими данные о стремительном развитии в мире исламской экономики, ее отдельных институтов и механизмов⁹³. В 2007 г. в мире существовало 362 исламских организации (коммерческие и инвестиционные банки – около 200, с общим капиталом около \$7,3 млрд. в 1997 г.⁹⁴, а также страховые компании⁹⁵) и 163 компании, управляемые по исламским принципам. Такие структуры развиваются как внутри мусульманских стран, так имеют и межрегиональный статус, выполняя функцию интегративного механизма мусульманского мира. Исламский банк развития объединяет 54 страны-участницы. Его уставной капитал за время существования вырос в 7,5 раз, а оплаченная часть – в 9 раз⁹⁶. Суммарный размер активов исламских экономических институтов составил более \$500 млрд., что примерно соответствует 1% мирового ВВП⁹⁷. Рынок исламских ценных бумаг – суккука – оценивается в полмиллиарда долларов⁹⁸.

⁹² Исламская экономика в мусульманском и немусульманском сообществах // Татарский мир – Деньясы. 2004. №19.

⁹³ Справедливости ради отметим, что существует обратная точка зрения – о том, что уровень современного социально-экономического развития ряда исламских государств демонстрирует слабую связь между исламом и динамикой исламской экономики, в отличие от христианства и западных государств с успешным развитием. См.: Ислам и экономическое развитие. Материалы Круглого стола // Азия и Африка сегодня. 1993. № 3 (429). С. 19.

⁹⁴ *Потапов А.* Секреты исламского банкинга // Валютный спекулянт. 2003. № 08(46). С. 27.

⁹⁵ Сегодня в мире существует около 60 операторов такафула (страхования). См.: *Никишина К.* С Кораном в руках // Русский полис. 2005. № 3 (59).

⁹⁶ *Школяр Н.* Исламский банк развития: Банковский менеджмент по заветам Корана // Банковское обозрение. 2004. № 2. С. 24 – 27.

⁹⁷ *Иванов М.* Мусульманская экономическая модель еще не реализована нигде в мире // Капитал. 2008. 16 октября.

⁹⁸ *Пономарев И.* Деньги и религия // Ислам info. 2008. № 11 – 12 (031 – 032).

⁸⁹ Риба – в буквальном переводе с арабского – приращение.

⁹⁰ *Рашиев А.* Исламская политэкономия. URL: <http://www.islamcivil.ru/article.php?aid=362> (дата обращения: 30.05.2010).

⁹¹ *Беккин Р.И.* Указ. соч. С. 16.

С 2004 г. этот рынок методично удваивал объемы продаж⁹⁹. Стремительно развиваются секторы экономики, направленные на удовлетворение религиозных потребностей мусульман. Рынок халяль-продукции, куда входит производство как продовольственных продуктов, так и непродовольственных товаров, оценивается специалистами примерно в 2,1 триллиона долларов США. Этот рынок обеспечивает 1,6 миллиардов мусульманского населения планеты¹⁰⁰. В Великобритании рынок халяль-продуктов ежегодно растет на 15% (в сравнении со средними темпами роста рынка 1%)¹⁰¹. Ведущие страны мира (арабский Восток и Африка, Австралия, Канада, Шри-Ланка, США, Казахстан и др.) и крупные западные фирмы (IBM, General Motors, Daewoo и др.) становятся центрами ИЭМ, прибегают к услугам исламских банков. В XXI в. Лондон закрепил за собой право называться мировым центром исламских финансов наряду с традиционно исламскими столицами¹⁰². Эксперты оценивают неиспользуемый инвестиционный потенциал мусульманского мира в \$150 – 200 млрд.¹⁰³ Воспринимая эти показатели, надо понимать, что ИЭМ развивается в сложившейся системе мирового разделения труда и мировой экономической и политической конъюнктуры. По некоторым прогнозам, доли западных и азиатских миров в общих объемах мирового производства к концу 2025 г. будут составлять 25% и 58%¹⁰⁴.

Как видим, в рамках экономического подхода ИЭМ рассматривается как идеальный тип экономической модели со специфическими

⁹⁹ Черниченко Т. Кризис мировых фондовых рынков через призму исламской экономики // Медина. 2009. № 1 (90).

¹⁰⁰ Зеленые страницы Татарстана. Первый выпуск – 2007. Казань, 2007. С. 9.

¹⁰¹ URL: <http://www.halalpages.ru> (дата обращения: 12.02.2009).

¹⁰² Непосредственно в Великобритании специально для клиентов-мусульман действует исламский банк Islamic Bank of Britain, а некоторые банки оказывают услуги, отвечающие требованиям шариата, например, Saudi British Bank (SABB), подразделения Lloyds TSB и HSBC. Международная финансовая корпорация (IFC), которая в России финансирует ипотечные программы банков, предоставила SABB \$50 млн. для развития «исламской» ипотеки. Ее рынок, по оценкам Кингстонской бизнесшколы (Kingston Business School), только в Британии превышает 7 млрд. Не отстают и законодатели – в 2003 г. казначейство Великобритании изменило правила гербового сбора, чтобы избежать повторного обложения при покупке недвижимости по исламским схемам. См.: Казаков А. Ипотека по Корану // Building Life. № 2.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ URL: http://www.doktrina.rusrand.ru/img/tezis/1big_Bagdasarian_Poster.jpg (дата обращения: 12.02.2009).

экономическими действиями людей. Большое внимание уделяется отношениям, овеянным в потоках материальных, финансовых и информационных ресурсов. Однако, как известно, в эмпирически наблюдаемых социальных объектах экономические действия всегда сочетаются с неэкономическими действиями (политическими, социальными, культурными). Кроме того, экономические мотивы – продукт функционирования социальной общности, а не предпочтений изолированного индивида¹⁰⁵. Поэтому с точки зрения социологии понятие ИЭМ в широком смысле синонимично понятию религиозное хозяйство¹⁰⁶, в котором экономические действия играют преобладающую роль, но тесно переплетаются с религиозно-культурными ориентациями акторов. Такой подход соответствует традиционному делению хозяйственных культур на конфессиональной основе. Как известно, выделяют протестантскую, католическую, православную, исламскую, индо-буддийскую и конфуцианскую экономические этики. ИЭМ для нас в узком смысле является формой культурного капитала российских мусульман, оформляющего действия хозяйствующих агентов в рамках определенного рыночного сегмента и на политических, социальных, культурных связях с другими порядками (протестантской, католической, православной, исламской, индо-буддийской и конфуцианской), а также способствующего наращиванию экономического и совокупного капитала и, как следствие этого, – выстраиванию глокальной модели экономического развития. Мусульмане нами понимаются как социальная группа, образующаяся по признакам идентификации с исламом (не предполагая обязательности религиозной практики и приверженности традиционным исламским ценностям) и этнической принадлежности. Многие авторитетные российские ученые говорят об этническом исламе в России, подразумеваемом в массовом сознании знак равенства между религией и этнической принадлежностью. Мусульманские духовные управления России не просто принимают эту параллель, но и требуют ее проводить. Этнографы фиксируют тесное переплетение в жизни мусульман России исламских обрядов с обрядами этнического происхождения¹⁰⁷. Запад-

¹⁰⁵ Granovetter M., Swedberg R. (eds.) The Sociology of Economic Life. Boulder, Westview Press, 1992. P. 6.

¹⁰⁶ Понятие «хозяйство» используется в социологическом смысле, как совокупность эмпирических наблюдаемых объектов.

¹⁰⁷ Об этом подробнее см., напр.: Уразманова Р.К. Ислам в семейно-бытовой обрядности татар // Татары... С. 372 – 375.

ные ученые считают, что связь между национальной идентичностью и религиозной принадлежностью является уникальной особенностью постсоветского пространства, возникшей под влиянием функционирования царской империи и Советского Союза, сплотивших религии и укрепивших их роль в качестве признака идентичностей¹⁰⁸.

Важен и другой посыл. В условиях поликонфессиональной России существуют и практически бесконфликтно взаимодействуют несколько религиозных экономических порядков, поэтому принцип социальных, межэтнических и межрелигиозных взаимосвязей для понимания российской ИЭМ, как представляется, является ведущим, и это определяет наше сужение понятия ИЭМ до регионального (внутрироссийского) уровня.

Наша задача – показать, во-первых, что ИЭМ (в нашем понимании этого термина) в России является инкорпорированной частью культурного капитала российских мусульман – то есть что способы хозяйственной деятельности мусульман, их экономические ожидания и ориентации во многом мотивируются социокультурными и догматическими установками. Во-вторых, объективация ИЭМ происходит в виде знаков и символов. И, наконец, ИЭМ институционализируется. Сегодня российские мусульмане создают организации и входят в готовые структуры, образуют социально-экономические группы и являются частью национальных сообществ. Все они не только производят и потребляют экономические блага, но и ищут информацию, передают накопленный опыт, зарабатывают авторитет и конструируют новые значения хозяйственного процесса. Их действия порождаются социальными структурами, и они сами, в свою очередь, «творят» эти структуры.

Для начала нам важно понять социальные причины развития ИЭМ как модели построения хозяйственных отношений в современном мире.

1. В последние десятилетия наблюдается усиление религиозного фактора в современном мире. Это выражается в росте значения публичных религиозных дискурсов, детерриториализации религиозно-

¹⁰⁸ Ларуэль М., Пейруз С. Глобальные процессы трансформации идентичности и религиозности: постсоветский ислам // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Материалы международной конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России». 1 – 2 апреля 2004 г., г. Казань / Казанский федералист. 2005. № 1 (13). С. 13.

сти, ее растущем отрыве от конфессиональных традиций, складывании свободного рынка традиций; изменении институциональной структуры религий – появлении религиозных сетей и релятивизации религиозного авторитета и т. д.¹⁰⁹ Религия в современном мире играет важную роль в процессах идентификации и интеграции людей. В отношении ислама ситуацию усиливает его политизация: наблюдается секуляризация государственных режимов, легализуются мусульманские общества, постепенно упрочиваются позиции партий, придерживающихся исламских принципов¹¹⁰. В связи с усилением религиозного «исламского фактора» отдельные ученые прогнозируют «столкновение цивилизаций»¹¹¹.

2. Большое значение имеют внешние факторы. Сегодня реакция на процессы односторонней глобализации осуществляется в рамках больших социальных общностей, среди которых религиозные объединения играют ключевую роль. Глобализация будит творческий потенциал религии, подталкивая традиционные постулаты к новым, возможно, более адаптированным к современным, интерпретациям¹¹². С. Филатов, проводя кросс-конфессиональный анализ, выделяет несколько вариантов реакций религий на процессы глобализации. Ислам, по его мнению, оказывает наиболее сильное сопротивление. Остальные религиозные идеологии принимают (более или менее болезненно) новые правила игры. По мнению ученого, причины кроются в содержании исламского учения: «... в существе мусульманского сознания и мусульманской религиозности есть нечто принципиально противоречащее глобализации, утверждаемым ею ценностям и институтам. В отличие от различных христианских вероисповеданий, буддизма, индуизма, мусульманская религия требует следования определенному образу жизни, несовместимому (или, может быть, с большим трудом совместимому) с глобалистскими представлениями

¹⁰⁹ The Hedgehog Rev. 2002. Vol. 4. № 2.

¹¹⁰ Наиболее значительное влияние исламских партий в сторону исламизации экономики стран проявилось в Турции и Иране. См.: Данилова Е. Есть ли будущее у исламской экономики? // Азия и Африка сегодня. 2004. № 1 (558). С. 19 – 24; Ислам и экономическое развитие. Материалы Круглого стола // Азия и Африка сегодня. 1993. № 3 (429). С. 18 – 23.

¹¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33 – 48.

¹¹² Малащенко А. Заключение // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малащенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М., 2005. С. 338.

о демократии, правах человека...»¹¹³ По мнению Филатова, в этих ответах мусульманского сообщества заложены пути самосохранения.

3. Развитие демографических и миграционных процессов привело к численному увеличению, «распылению» мусульман в мире, при сохранении между ними устойчивых социальных сетей. Сегодня ислам меняет облик многих стран, привнося традиционные жизненные стандарты. Наблюдается тенденция принятия ислама нетрадиционными сообществами. Так, в США и европейских государствах ислам распространяется не только среди выходцев с Филиппин, из Аравии или Африки, но и среди потомков мигрантов из Европы и постоянных жителей. Принимающее сообщество вынуждено считаться с «новыми» культурами.

4. Стремительное экономическое развитие исламских стран, в сотрудничестве с которыми заинтересованы мировые державы. Ирак до начала экономической блокады 1991 г., а также Иран, Малайзия, вся Юго-Восточная Азия сегодня весьма успешны в экономическом и социальном плане. Население этих стран не собирается отказываться от основных постулатов собственных культур и с разной степенью успешности исламизирует хозяйственную жизнь. Экономическая политика этих стран является воинственной, охранительной и националистической. Хотя следует подчеркнуть, что любые географические привязки неприменимы к исламской экономике. ИЭМ – это изначально транснациональное явление, не имеющее постоянной прописки ни в одном государстве¹¹⁴.

5. В условиях актуализации экономического фактора в развитии современного общества важное значение приобретает потенциал религиозных этик, возможности его использования. Ислам, наряду с иудаизмом и протестантизмом, считается экономически ориентированной этикой, поскольку значительное внимание уделяет хозяйственной жизни. Хотя трудно не согласиться с А. Журавлевым в том, что все религии обладают общей этической базой хозяйствования: главное свойство собственности состоит в том, что первичным, истинным собственником является Бог, как бы его ни обозначали в различных религиозных системах. Человек, обретая некий актив на срок своей жизни, принимает на себя функцию доверительного управляющего. Это траст того рода, который предполагает следование воле

собственника. Таким образом, хозяйственная деятельность человека, использующая переданный ему ресурс, должна быть богоугодной с точки зрения целей и методов производства добавленной стоимости. Экономический результат должен приносить благо как управляющему, так и обществу, в котором он функционирует. Кроме того, религии имеют единый подход к трудовому ресурсу, исходя из установки на богоугодность свободного труда, справедливых трудовых отношений, экономически оправданной ставки вознаграждения за труд в отсутствие эксплуатации¹¹⁵.

Помещая этический императив в основу всякой, в том числе экономической, активности и совпадая по ряду фундаментальных установок¹¹⁶, вероучения расходятся по многим принципиальным позициям своих экономических доктрин и возможностям адаптации к новым условиям.

6. Конфигурация современной экономики вызывает критику со стороны ряда специалистов¹¹⁷. Проблемы высветились в ходе финансового кризиса 2008 г. Маркетинговые исследования показывают, как сегодня люди пытаются выработать новые формы поведения, найти новые смыслы жизни¹¹⁸. Новая экономика будет означать и новую систему ценностей. Религия может сыграть очень большую роль в процессе экономической и ценностной перестройки.

¹¹⁵ Журавлев А. Православная экономическая концепция – недостающее звено хозяйственных преобразований в России // Русский предприниматель. 2004. № 1 – 2.

¹¹⁶ Например, взимание и предоставление процентов по займу осуждается не только в исламе. В Торе также формулируется отрицательное отношение к ростовщичеству, правда, только внутри еврейской общины.

¹¹⁷ Один из самых успешных финансистов мира Джордж Сорос заявил: «Я сделал состояние на мировых финансовых рынках и, тем не менее, опасюсь, что сегодня бесконтрольный капитализм и распространение рыночных ценностей на все сферы жизни ставят под угрозу будущее нашего открытого и демократического общества». См.: Джордж Сорос смотрит на Восток // Независимая газета. НГ религии. 2004. 21 июля.

¹¹⁸ Рекламной компанией JWT и маркетинговой компанией AMRB было проведено исследование «Жизнь и время современных мусульман: понимание Исламского Потребителя». Было опрошено 7500 мусульман в мусульманских странах – Саудовской Аравии, ОАЭ, Малайзии, Пакистане, Индонезии, Иордании, Алжире, Египте, Турции. Во всех странах, за исключением Иордании, 80 – 90% респондентов согласились с утверждением «Сегодняшнее поколение не просто принимает вещи такими, как они есть. Они пытаются понять, что стоит за этими вещами». См.: URL: <http://www.halalpages.ru> (дата обращения: 5.10.2009).

¹¹³ Филатов С. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию // Религия и глобализация... С. 23 – 24, 18.

¹¹⁴ Беккин Р.И. Указ. соч. С. 13.

Имеет ли место ИЭМ в России? В строгом экономическом смысле – нет. В нашей стране на сегодняшний день нет ни одного исламского финансового института. В декабре 2006 г. было объявлено об отзыве лицензии у «Бадр-Форте Банка» – единственного в России банка, использовавшего в своей работе исламские технологии ведения бизнеса. Делаются первые попытки организовать исламское страхование (*такафул*)¹¹⁹. Однако попытки создать исламские финансовые структуры не прекращаются¹²⁰.

В социальном ключе, как нам представляется, ситуация не столь пессимистичная. ИЭМ как особый тип хозяйствования у российских мусульман, сложившись на рубеже XIX – XX вв., сохранилась в период советского атеизма, а после распада СССР получила новый импульс. Одной из главных причин сохранности является то, что ИЭМ среди российских мусульман развивалась внутри уммы – достаточно закрытого социального института. В дореволюционной России этнические мусульмане всегда с той или иной степенью успеха сохраняли и воспроизводили специфические экономические действия, которые, правда, никогда не подкреплялись реальными исламскими экономическими структурами и механизмами. Работы историков и этнологов показывают инкорпорированность исламской культуры в сознание и поведение мусульман имперской России. В этот период российские мусульмане воспроизводили хозяйственные образы жизни, диспозиции в виде значительной дифференциации социальных позиций, включая профессиональную, отраслевую специализацию, ориентации на образ жизни, основанный на канонах ислама (см. Главу II, § 1). В результате капиталистические отношения у мусульманской части Поволжья и Приуралья, строившиеся на протяжении всего XIX в., привели к формированию крупных центров татарского предпринимательства в Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Рязанской губерниях российской империи¹²¹, ставших неотъемлемой частью делового мира Российской империи второй половины XIX –

¹¹⁹ Обсудили перспективы такафула в России // Тархан. 2009. № 4. С. 3.

¹²⁰ Халяль услуга. В Башкирии выпущена банковская карта для мусульман // Российская газета. 2010. 10 сентября.

¹²¹ Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006. С. 20, 19.

начала XX вв.¹²² Особенности бизнеса мусульман этого периода являлась широкая благотворительность и раздача части получаемого дохода в виде милостыни (закят¹²³, саадака); передача вакфа (земельной собственности) в пользование мусульманской уммы; установка мусульманских купцов и предпринимателей на восприятие своей торговой и предпринимательской деятельности в качестве служения Аллаху через служение мусульманской общине посредством повышения ее благосостояния; создание мусульманских банков в Среднем Поволжье и Приуралье; развитие кредитных операций; исполнение мечетями роли экономического института¹²⁴. К началу революции 1917 г. была сформирована альтернативная, традиционная исламская модель образования, благодаря которой татары-мусульмане имели высокий уровень грамотности.

Сегодня развитие ИЭМ в России идет по вектору «снизу вверх». Такой вариант опрошенные нами эксперты считают наиболее удачным, в отличие от Казахстана, где пошли обратным путем – «сверху вниз». Там создали и приняли законодательную базу, организовали банки, продумали финансовые схемы. Ведутся активные дискуссии на страницах СМИ. Но пока дело не состоялось. Оказалось, что важна социальная база, понимание общества, прежде всего внедренность ислама в сознание людей. Позднее принятие ислама, поверхностные его корни в обществе и слабый уровень влияния на общественное сознание (точнее, они сосуществуют со многими доисламскими обычаями и традициями, которые имеют довольно устойчивый характер), слабая ритуальная практика и т. д. среди казахов являются тормозящими факторами развития ИЭМ в Казахстане. В России ситуация

¹²² Тагирова Н.Ф. Мусульманское предпринимательство на Средней Волге в начале XX века (постановка проблемы // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: Труды международной научной конференции (Самара, 11 – 13 сентября 2008 г.). Самара, 2008. С. 530.

¹²³ Сегодня для того, чтобы подсчитать религиозный налог (закят), мусульманину достаточно зайти в Интернет. С помощью закят-калькулятора можно подсчитать точный размер закята с полученного дохода. См.: Тысяча сомнительных динаров // Независимая газета. НГ религии. 2004. 18 августа.

¹²⁴ Кобзев А.В. Экономическая основа деятельности махаллей Симбирско-Ульяновского края в дореволюционное и советское время: преемственность и перемены // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 163 – 177.

складывается иначе. Растет число людей, считающих себя мусульманами, в том числе и активных (см. Главу III, § 2). Все большую роль играет ритуалообразующий фактор в структуре семейно-бытовой обрядности и гостевой культуре мусульман¹²⁵. Исследователи говорят о специфике культуры потребления современных татар¹²⁶. Появились самостоятельные экономические сегменты, направленные на реализацию физиологических и духовных потребностей мусульман. В таких секторах догматы ислама стали экономическим ресурсом для акторов.

Сегодня нижний уровень институционализации ИЭМ в России стал дополняться и другими участниками процесса. На макро-уровне понятие ИЭМ не входит в дискурс правящей российской и татарстанской элиты. ИЭМ инертно воспринимается с позиций необходимости укрепления экономических связей РФ с исламским миром. В этом плане экономические взаимоотношения России с мусульманскими странами строятся, прежде всего, в энергетической и военно-технической областях. В нефтегазовой сфере Россия и мусульманский мир являются скорее конкурентами, чем союзниками¹²⁷. Ключевым в выстраивании стратегий взаимодействия России с исламскими странами стало выступление В.В. Путина на саммите Организации Исламская Конференция (ОИК)¹²⁸ в малайзийской столице Куала-Лумпур в 2003 г. После этого Россия обратилась в ОИК с заявлением о статусе наблюдателя, который получила в 2005 г. Следующим шагом стало открытие постоянного представительства в г. Джидде (Саудовская Аравия), где расположена штаб-квартира ОИК. Возглавил представительство К.Ш. Исхаков, который свою основную задачу видит в наращивании взаимодействия в политике, экономике, культуре с 57 странами-участниками ОИК¹²⁹, развитии информационного поля внутри мусульманского сообщества¹³⁰. Восточное направление играет существенную роль в международной деятельности Татарста-

¹²⁵ Уразманова Р.К. Ислам... С. 374.

¹²⁶ Рычкова Н.В. Этнический ракурс потребительской социализации в семье // Этносоциология в России... С. 153 – 158.

¹²⁷ Малашенко А. Выстраивая отношения с мусульманским миром // Рабочие материалы Центра Карнеги. 2010. № 1. URL: http://carnegieendowment.org/files/Malashenko_workingpapers_2010.pdf (дата обращения: 7.06.2010).

¹²⁸ ОИК объединяет 55 мусульманских стран.

¹²⁹ «Во имя добра и согласия». Интервью с К. Исхаковым // Татарский мир – Деньясы. 2009. № 32 (6301).

¹³⁰ О Родине, банках и вере // Звезда Поволжья. 2010. 8 – 14 апреля.

на¹³¹. Относительно самостоятельное участие Татарстана в международных отношениях, и в первую очередь в сфере внешнеэкономических связей, определено двумя документами – Договором 1994 г. между Российской Федерацией и РТ и соглашением между Правительством РФ и РТ о разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей¹³². Экономические постулаты ИЭМ, и уже тем более их принятие, на государственном уровне не обсуждаются. Не очень активно ИЭМ обсуждает российская мусульманская элита.

Средний уровень институционализации ИЭМ в РФ охватывает организационные структуры, которые появились в последние 2 – 3 года. Их деятельность направлена на структуризацию экономической деятельности, выстраиваемой на основе канонов ислама. Прежде всего это сфера халяль-индустрии мясных продуктов. В России в этой части организованы специальные структуры, о которых речь будет вестись ниже. ДУМ России и Татарстана вводит ряд мер, направленных на контроль над сферой услуг для мусульман. Так, организацией паломнических туров и мусульманского отдыха занимается Центр «Идель-Хадж» при ДУМе РТ.

Другим примером среднего уровня институционализации ИЭМ в России являются образовательные проекты. Сегодня обучение ведется в двух направлениях – подготовка экономистов в зарубежных образовательных учреждениях (по грантам Исламского банка развития заинтересованные люди получают профессиональную подготовку в Малайзии, но таких специалистов в РФ пока единицы) и обучающе-пропагандистская работа преподавателей и энтузиастов среди широкой общественности, в том числе и среди студентов ВУЗов: религиозных (Российский исламский Университет) и светских – МГИМО (У) МИД РФ, Высшая школа экономики. Методами работы энтузиастов являются лекции, создание сайтов в сети Интернет, публикации. Особую активность проявляет Центр исламской экономики и финансов при Российском Исламском Университете (учредитель ИФК «Линова»). Центр был открыт в 2008 г., но уже успел получить заслуженную популярность. Сотрудники проводят семинары с участием бизнес-структур, зарубежных и отечественных специалистов в области ИЭМ, широкой общественности. Центр стремится реализовать

¹³¹ Акулов Т.Ю. Опыт международной деятельности Республики Татарстан // Внешнеэкономические связи. 2005. Т. 16. № 4. С. 45.

¹³² Фарушкин М.К. Субъекты федерации: сравнительное исследование. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 433 – 434.

две задачи: просветительскую – знакомство потенциальных участников ИЭМ с финансовыми, банковскими, страховыми продуктами – и создание сети профессионалов ИЭМ с последующим продвижением финансовых продуктов. Результаты реализации второй задачи получили свое отражение в ряде документов: Меморандуме о взаимопонимании между Российским Исламским Университетом и Куала-Лумпурской Бизнес-Школой, Меморандуме о взаимопонимании между Татарстаном, Малайзией и Катаром по созданию исламской финансовой консалтинговой компании, Меморандуме о взаимопонимании между Российским Центром исламской экономики и финансов и ООО страховой компанией «ALLIANZ РОСНО Жизнь» по вопросам обучения исламскому страхованию «Такафул» и др. Значительным событием стало проведение 25 – 26 июня 2009 г. в г. Казани Международного саммита исламского бизнеса и финансов, одним из главных организаторов которого выступил Центр исламской экономики и финансов¹³³. На 15 заседании российская компания «Линова» была принята в состав Верховного комитета международной организации IFSB (Совет по Исламским финансам и услугам)¹³⁴.

Наиболее масштабные процессы происходят на микро-уровне. Сегодня ИЭМ в массовом сознании приобрела объективацию в символическом значении «халяль»¹³⁵ и стала экономическим ресурсом для наиболее активных людей. Как показывают наши наблюдения, в России понятие «халяль» в массовом сознании и дискурсе религиозной элиты ассоциируется с нормами поведения, определенными видами трудовой деятельности, способами получения источников к существованию, принципами питания, одеждой, культурными символами и атрибутами – по сути, всем, что может иметь черты халяль, т. е. не противоречить нормам ислама. Это позволяет говорить о формировании в России халяль-рынка как специфической части россий-

ского исламского хозяйства¹³⁶. Она выстраивается вокруг двух групп: истинных мусульман и непрактикующих мусульман и немусульман. Экономическая составляющая халяль-рынка среди истинных мусульман выражается, прежде всего, в создании рынка мусульманской одежды. Сегодня открываются рестораны, кафе для мусульман, расширяется производство мусульманской одежды, увеличивается число специализированных магазинов, создаются специальные интернет-сайты, издаются журналы мод, проводятся показы моделей. Акторы этого рынка стилизуют внешнюю идентификацию мусульман. Эти явления фиксируются в разных регионах России¹³⁷. Другим явлением становится организация турфирмами и религиозными организациями отдыха для мусульман и паломнических туров по святым местам¹³⁸. Операторы мобильной связи рекламируют услуги для мусульман: чтение Аятов, SMS-сообщения о времени Намаза и т. д. Открываются стоматологические клиники, спортивные комплексы, организуются Олимпиады, предлагаются услуги мусульманского такси¹³⁹, создаются сайты для правоверных.

Вторая группа – непрактикующие мусульмане и немусульмане, являющиеся, наряду с истинными мусульманами, потребителями религиозной символики (амулеты – дуа, дога, подарочные варианты

¹³³ Более подробный отчет о работе саммита см.: *Никитин И.Ю.* Исламская модель // Звезда Поволжья. 2009. 9 – 15 июля.

¹³⁴ Успех исламских банков зависит от веры в них самих мусульман // Умма. 2009. № 8/12.

¹³⁵ Хал'аль (свободное, дозволенное). Разрешение; допускаемое действие, входящее в категорию фард (обязательное), мандуп (рекомендуемое), мубах (дозволенное) в противопоставлении запретным действиям (харам). См.: Ислам: Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прозорова. М.: Наука, 1991. С. 267, 252, 258, 167.

¹³⁶ Мы исходим из доказательств В.В. Радаева, которые вполне могут быть применены в нашем случае. Рынок может существовать с другими формами хозяйства; он выступает как продукт государственного и социального регулирования; он рассматривается как социально укорененная форма хозяйства, что означает его встроенность в сетевые, институциональные и социокультурные отношения, утвердившиеся в данном сообществе в определенный исторический период. См.: *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 24.

¹³⁷ Например, в Башкирии и в г. Уфе, Татарстане в г. Казани. См.: В стиле халяль. В массовое производство будут внедрены модели национальной одежды // Российская газета. 2009. 13 октября; Надо следовать качеству, а не моде // ТАРХАН. ВІZ. 2009. № 4 (4).

¹³⁸ Религиозный туризм во всем мире приобретает стремительную динамику. Около 300 млн. человек принимают участие в религиозных турах каждый год. Оборот религиозного туризма составляет \$18 млрд. См.: Религиозный туризм вернулся в большой бизнес // Наш мир. 2008. 11 сентября. К услугам мусульман представляются исламские отели. Число таких отелей составляет около 10% в мировом масштабе. Рост строительства составляет около 20%. Инвестиции в строительство гостиниц в ближайшие годы достигнут \$60 млрд. См.: Исламские отели становятся все популярнее // Там же.

¹³⁹ В такси толкуют Коран // Вечерняя Казань. 2009. 6 октября.

Корана и его отдельных Аятов, эмблемы мечетей, прежде всего мечети Кул-Шариф); религиозной литературы, косметической и гигиенической продукции, фармакологических препаратов под маркой «Хальяль»; ритуалообразующих компонентов (в мечетях за оговоренную оплату стало практиковаться проведение религиозных обрядов с последующей выдачей свидетельств о браке, имянаречении. Здесь же организуются застоля¹⁴⁰). Наиболее бурно ИЭМ на микро-уровне развивается через рынок мясных продуктов хальяль.

Как показали наши наблюдения, в производстве, продаже, рекламе, так же как и в потреблении, задействованы не только мусульмане (практикующие и непрактикующие), но и люди разной этнической принадлежности, исповедующие другие религии, равнодушные к ней. Для первой группы предпринимателей, организующих этот бизнес, – назовем ее умеренной – важно только одно требование – производство только хальяль-продуктов (одежда, питание, фармпрепараты, услуги, сайты). Другая группа помимо этого стремится соблюдать и другие требования и использовать необходимые атрибуты: на работу принимаются только мусульмане, совершающие пятикратный намаз, женщины-работники должны носить закрытую одежду, имеется специальная молельная комната, контроль осуществляется муллой, слушается хальяль-музыка и пр. Трудно не согласиться с О. Вендиной в том, что сегодня «багаж специфических этнических знаний может быть использован как дополнительный козырь в саморазвитии, карьерном росте или продвижении бизнеса..., этническая еда, одежда, манера поведения и прочее инструментализируются...»¹⁴¹. Как показывают наши исследования, если для группы умеренных предпринимателей хальяль становится скорее средством достижения социально-экономических целей, то для вторых она дополняется религиозными и этническими интересами (подробнее см. Главу V, § 2).

Исламизация экономической жизни – явление продуктивное для России. Внутренняя социальная составляющая этого позитива содержит несколько моментов. ИЭМ, с одной стороны, приводит к воспроизводству религиозной идентичности, способствует единению и по-

¹⁴⁰ Раньше религиозные обряды среди татар проводились только внутри семьи и в домашних условиях.

¹⁴¹ Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 13. М., 2008. С. 30 – 52.

зитивной мобилизации внутри российской мусульманской уммы. Этот процесс не только не противоречит национально-гражданской идее России, но и участвует в ее формировании. Наличие связи между такими составляющими, как «актуализированная идентичность и сопряженная с ней солидарность, соединенные с толерантной установкой и доверием власти» и «национально-гражданская идентичность», доказывают работы авторитетных российских этносоциологов.¹⁴² ИЭМ способна оптимизировать социально-экономическое самочувствие населения, способна помочь найти новые способы экономической адаптации, как мусульман, так и других народов. Продукты ИЭМ являются привлекательными для потребителей независимо от их религиозной ориентации. Так, например, в части такафула (страхование) «немусульман привлекают, прежде всего, более стабильные накопительные схемы, используемые исламскими страховщиками»¹⁴³.

Важно понимать и экономические последствия распространения ИЭМ в России. Они могут иметь как внешний, так и внутренний порядок. Сегодня ислам в мире приобретает черты экономического и технологического ресурса. Как показал кризис 2008 г., мировая финансовая система носит спекулятивный и неустойчивый характер. По мнению представителей религиозной элиты, причина произошедшего финансового кризиса кроется в потере духовных составляющих экономики и бизнеса¹⁴⁴. Поэтому наиболее дальновидные национальные и региональные элиты сегодня ищут и вырабатывают комплекс защитных мер, страхующих региональные и финансовые рынки от неуправляемых негативных тенденций в развитии мировой системы. Мусульманское сообщество создает такую альтернативу в виде ИЭМ. Ситуация складывается так, что, по мнению экспертов-экономистов, в скором будущем исламские банки потеснят позиции западных банковских структур в арабских странах. Можно также ожидать перетока на Восток колоссальных активов исламских стран, размещенных в западной финансовой системе (около \$1 триллиона)¹⁴⁵.

России очень важно включиться в этот процесс. Налаживание сотрудничества с исламскими финансовыми институтами, и прежде всего

¹⁴² Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. С. 12.

¹⁴³ Беккин Р.И. Указ. соч. С. 136.

¹⁴⁴ Рамиль хазрат Юныс. Всеми сообществу надо задуматься о духовной стороне экономики и бизнеса // ТАРХАН.BIZ. 2009. № 4 (4).

¹⁴⁵ Потапов А. Указ. соч. С. 29.

с Исламским банком развития, позволило бы открыть реальные перспективы для привлечения в Россию инвестиций и использования в интересах российской экономики финансовых возможностей банка, а также для продвижения – путем участия в проектах – российской экспортной продукции в мусульманских странах. Как известно, основными направлениями деятельности ИБР являются активное участие в реализации инфраструктуры на территории стран – членов ИБР, оказание им финансовой помощи в решении вопросов экономического и социального развития¹⁴⁶. Для российской мусульманской общины важна и та финансовая поддержка, которую оказывает ИБР. Перспективы развития ИЭМ в России зависят от двух условий. Во-первых, от наличия элит, заинтересованных в сохранении и процветании собственных культур. Во-вторых, от того, насколько сильны в мусульманском обществе те элементы, которые соответствуют новым условиям экономического развития. Часть мусульманского духовенства считает, что российские мусульмане еще «не созрели до того, чтобы зарабатывать деньги по Шариату»¹⁴⁷.

§ 4. Рынок мясных халяль-продуктов: символизация, акторы, дискурсы, стратегии

Пища – один из важнейших специфических элементов традиционной культуры. В основе пищи каждого народа лежат два определяющих фактора – исходные продукты и способы их обработки (способы приготовления кушаний). Среди татар-мусульман мясо крупного рогатого скота, баранина, птица, конина и субпродукты являлись одними из основных продуктов питания, а блюда из мяса отличались большим разнообразием. Естественной основой кулинарии татар в части мясных продуктов являлись принципы содержания скота, забоя и потребления мяса, основанные на канонических правилах ислама¹⁴⁸

¹⁴⁶ Об этом подробнее см.: Школяр Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁴⁷ Настоящий...

¹⁴⁸ В число исламских канонических правил, которые необходимо соблюдать при забое и обработке скота, входят: запрет на определенные виды мяса и субпродуктов (мертвечина, кровь, свинина, животное, забитое не с именем Бога, животное, убитое через удушение или другим животным; умершее в результате высокого напряжения, удара или падения, хищные животные и птицы); обязательное в процессе убоя скота намерение и проговаривание слов «бисмил-лях, аллаху акбар». Специальных канонических требований к оборудованию и хранению

и исламской культуре, адаптированной к местным условиям. В современных условиях среди российских мусульман в части потребления мясных изделий актуализировалось понятие «халяль» (свободное, дозволенное)¹⁴⁹. Сегодня на прилавках крупных супермаркетов, магазинов шаговой доступности, на продуктовых рынках, в мечетях продается мясная продукция под маркой «халяль».

Сфера торговли продуктами халяль, включая и мясные, – особенно интересный объект для исследования. Это связано с тем, что в конце XX в. в мусульманской среде именно здесь начались поистине фундаментальные и при этом достаточно быстрые сдвиги, касающиеся и структурных, и институциональных элементов рынка товаров и услуг для мусульман. По данным маркетинговой компании JWT MENA, всемирный халяль-рынок оценивается в 580 миллиардов долларов¹⁵⁰. По другим оценкам, рынок халяль-продукции, куда входят как продовольственные продукты, так и непродовольственные товары, оценивается примерно в 2,1 триллиона долларов США. Сегодня этот рынок обеспечивает 1,6 миллиарда мусульман планеты¹⁵¹. Наиболее крупные производители халяль-продуктов ежегодно встречаются в Малайзии на своем форуме. С постсоветских территорий приезжают на мероприятие делегации из Казахстана и Татарстана. Можно ожидать дальнейшее развитие халяль-рынка во всем мире. Председатель компании JWT MENA Рой Хаддад объясняет это тем, что «население мусульманских стран очень молодое. Жители Запада и

халяль-продуктов нет. См.: URL: <http://www.muslim.ru/1/cont/8/28/420.htm> (дата обращения: 25.01.2010).

¹⁴⁹ В Исламе исходным принципом для любых ситуаций является дозволенность. В части питания мусульманам допускается потреблять любые продукты, если только они не принадлежат к запрещенным – харам-продуктам. В ряде сур и аятов Корана рассказывается о ряде запретов: в еде (сура 2: аята 168–173; 5:3), на алкоголь (2:219; 5:90–91), на мясо зверя, заколотого не с именем Аллаха (6:118–121). Запреты прописаны и в хадисах Пророка Мухаммада, в частности хадисах имама ан-Навави. Суть текстов сводится к каноническим правилам, запрещающим мусульманину потреблять определенные виды мяса и субпродукты (мертвечина, кровь, свинина, животное, убитое через удушение или другим животным; умершее в результате высокого напряжения, удара или падения, хищные животные и птицы; животное, забитое не с именем Бога) и предполагающим обязательность в процессе убоя скота намерения и проговаривания слов «бисмил-лях, аллаху акбар».

¹⁵⁰ Маркетинг в сфере мусульманского рынка. URL: <http://www.halalpages.ru/guide/marcteting> (дата обращения: 20.06.2010).

¹⁵¹ Зеленые страницы Татарстана. Первый выпуск 2007. Казань, 2007. С. 9.

Китай становятся старше. Возможности появляются тогда, когда вы перестаете представлять себе этот рынок как монолитный. Этот рынок имеет очень большие перспективы для тех торговцев, которые захотят отнестись к нему серьезно»¹⁵².

Традиционной пище мусульман, и татар в частности, посвящено множество научной литературы. Так, в этнографических работах раскрываются особенности пищевых предпочтений, технологии приготовления мясных, мясотестяных, мясокрупяных кушаний у татар Поволжья и Урала XX в.¹⁵³ Сам термин «халяль» в этой литературе не используется, как и не подчеркиваются исламские основы питания. Это было связано с тем, что «халяль» было само собой разумеющимся явлением у татар, а понятие «халяль» не употреблялось и не дебатировалось в научном сообществе.

В последние годы понятием «халяль» обозначается не только питание, но, помимо этого, и множество сфер жизнедеятельности мусульман, и татар в частности. Термин «халяль» стал выполнять широкую символическую функцию. Как показывают наши наблюдения, в России это понятие в массовом сознании и дискурсе религиозной элиты ассоциируется с нормами поведения, определенными видами трудовой деятельности, способами получения источников к существованию, принципами питания, одеждой, культурными символами и атрибутами. Предпринимателями, потребителями, исламскими лидерами, журналистами термином «халяль» именуется все, что может иметь черты халяля, т. е. не противоречит нормам ислама. Если исходить из предложенного определения рынка В.В. Радаева, под которым исследователь понимает совокупность структурно связанных продавцов и покупателей определенного товара, чья деятельность регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля¹⁵⁴, то, на наш взгляд, можно говорить о формировании в России халяль-рынка. Ведущими участниками халяль-рынка являются:

1) производства (предприятия, цеха, кафе, рестораны, ателье), торговые сети, специализированные магазины, деятельность которых направлена на продажу: а) продуктов питания; б) косметической и гигие-

нической продукции, в) фармакологических препаратов; 4) мусульманской одежды, атрибутов;

2) мусульманские организации и туристические фирмы, которые организуют паломнические туры и отдых для мусульман в специальных отелях;

3) интернет-сайты и журналы, часть которых создается специально для правоверных, другая – рекламирует мусульманские товары и услуги;

4) операторы мобильной связи, рекламирующие услуги для мусульман – чтение Аятов, SMS-сообщения о времени Намаза и т. д.;

5) медицинские клиники, предлагающие услуги по нормам Ислама;

6) спортивные учреждения, организующие Олимпиады для мусульман.

Интересно отметить, что стали предлагаться услуги мусульманского такси – водителем является правоверный, по желанию клиента во время поездки можно прослушать запись чтения Аятов¹⁵⁵.

Халяль-рынок проявляет себя в разных уголках постсоветского пространства – например, в Казахстане¹⁵⁶, Башкортостане¹⁵⁷, Татарстане¹⁵⁸, Москве¹⁵⁹, Пензенской области и Республике Мордовия¹⁶⁰ и др.

Халяль-рынок уже начал привлекать внимание научного сообщества. Из известных нам работ следует отметить публикацию С.И. Аккиевой¹⁶¹, О. Вендиной, А. Малашенко¹⁶². Авторы фиксируют халяль как новое явление у современных мусульман. В работах подчеркиваются самые разнообразные проявления этого явления: магазинные продажи, сети общественного питания, особенности прове-

¹⁵⁵ В такси толкуют Коран // Вечерняя Казань. 2009. 6 октября.

¹⁵⁶ Религиозный туризм вернулся в большой бизнес // Наш мир. 2008. 11 сентября.

¹⁵⁷ В стиле халяль. В массовое производство будут внедрены модели национальной одежды // Российская газета. 2009. 13 октября.

¹⁵⁸ Надо следовать качеству, а не моде // ТАРХАН.BIZ. 2009. № 4 (4).

¹⁵⁹ Вендина О. Указ. соч.

¹⁶⁰ Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь / коллект. автор.; сост. и отв. редактор Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 328 – 329.

¹⁶¹ Аккиева С.И. Ислам и этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках // Этносоциология в России... С. 179.

¹⁶² Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001. С. 84, 101.

¹⁵² URL: [http:// www.halalpages.ru/guide/marceling/](http://www.halalpages.ru/guide/marceling/) (дата обращения: 12.03.2010).

¹⁵³ Мухамедова Р.Г. Пицца и домашняя утварь // Татары... С. 316 – 327.

¹⁵⁴ Радаев В.В. Указ. соч. С. 23.

дения светских мероприятий и оказания гуманитарной помощи. В последние годы стали появляться статьи в специализированных энциклопедических словарях¹⁶³. Результаты исследований освещаются в журнале «The Halal Journal»¹⁶⁴. Однако специального научного исследования халяль-рынка в России, включающего производство и продажу разнообразных товаров и услуг под маркой «Халяль», пожалуй, еще не предпринималось. Наша работа посвящена части халяль-рынка – рынку мясных халяль-продуктов. Материалы собраны в рамках проекта «ХР» – 2008 – 2010 гг.

Эволюция российского халяль-рынка. В традиционном быту татар халяль-рынок развивался внутри мусульманской уммы. У татар-мусульман Поволжья и Урала в конце XIX – начале XX вв. наблюдалось массовое потребление мяса и мясных изделий халяль из баранины, конины, говядины, птицы (куры, гуси, утки). Эта традиция сохранялась за счет проживания татар в сельской местности и производства мяса внутри семейных домохозяйств.

В советский период на рынке наблюдался спад производства и потребления мясных халяль-продуктов. Российские мусульмане оказались втянутыми в процесс производства и частичного потребления мясных продуктов, запрещенных исламом, – харам-продуктов: мяса животных, забитых не по мусульманской традиции, свинины и изделий, ее содержащих (колбас, сосисок и т. п.), и др. (прежде всего алкоголя). Между тем, как свидетельствуют экспедиционные наблюдения этнографов, ислам и питание, основанное на исламской традиции, в советский период среди татар-мусульман сохранили важную жизнеобеспечивающую и смыслообразующую роль, поддерживающую основу «татарскости»¹⁶⁵. В части питания, несмотря на атеистическую пропаганду, татары-мусульмане старались придерживаться традиционных норм. В сельской местности и в малых городах татары-мусульмане производили, распространяли «хорошее мясо» среди единомышленников и всех желающих. Забой скота осуществлялся по му-

¹⁶³ Сафиуллина Р.Р. Меселман терминология сүзлеге. Словарь мусульманской терминологии. Казань: Алма-Лит, 2006. С. 57, 113; Ислам в центрально-европейской части... С. 328 – 329.

¹⁶⁴ The Halal Journal. Business. Lifestyle. Trends. URL: <http://www.halaljournal.com> (дата обращения: 23.06.2010).

¹⁶⁵ Уразманова Р.К. Ислам и обрядовая система у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань: ФЭН, 2006. С. 676.

сульманским предписаниям – приглашался опытный и авторитетный резчик, соблюдались правила резки и обработки туши животного, знающий молитву мужчины произносил необходимые слова. При покупке мяса потребители-мусульмане руководствовались принципом – «*татар суйган ит*» (мясо животного, заколото татарин). Сохранялась традиция проведения семейных застолий во время мусульманских праздников, обрядов, связанных с жизненными циклами (никах, исем кушу, поминки), во время которых халяль-мясо являлось обязательным атрибутом.

С конца 1980-х по первые годы 2000-х гг. наблюдается ренессанс традиций питания татар-мусульман России. Этому процессу, на наш взгляд, способствовала реанимация религиозных чувств у верующих, что нашло свое отражение в росте религиозного сознания, стремлениях к исполнению религиозных обрядов и праздников, формировании соответствующего религиозного поведения и его символики. Мусульманские лидеры стали заявлять о необходимости соблюдения требований к «истинному мусульманину». На прилавках магазинов появляются первые продукты под маркой «Мусульманские» (не халяльные!). Производителями являлись частные предприниматели, которые, оперативно отреагировав на настроения потребителей, стали самостоятельно именовать свою продукцию. О том, насколько в таком производстве соблюдались нормы ислама, говорить очень затруднительно.

В начале 2000-х гг. на халяль-рынке появляются элементы управляемости. Возникают структуры, контролирующие сферу халяль-продуктов. Начинают работу первые, организованные вокруг мечетей, рынки специально откормленного для забоя скота во время праздника *Курбан-байрам*. Там же за оговоренную плату в специально отведенном месте на территориях, прилегающих к мечетям, обученные мужчины стали проводить обряд жертвоприношения. На первых порах обряд проводился в присутствии заказчика. В последние годы присутствие не обязательно, достаточно оплатить услугу. Стали практиковаться заказы через Интернет¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Некоторые мечети стали предлагать услугу совершения обряда жертвоприношения путем вхождения на страничку в Интернете. На сайте предлагается перечень услуг, например, выбор ритуального животного, места проведения обряда, видеозапись ритуала, которая отсылается заказчику. Услуга оплачивается через банк.

Участники халяль-рынка. Современный рынок мясных халяль-продуктов среди поволжских татар-мусульман подразделяется на три типа структур, это:

- внутрисемейная халяль – традиция производства в домашнем домохозяйстве для внутрисемейного повседневного потребления мяса и мясных продуктов, технологической основой которых являются каноны ислама;

- праздничная халяль: в дни празднования священного для мусульман праздника *Курбан-байрам* организуется продажа специально откормленного скота для совершения обряда жертвоприношения. Получает широкое распространение обряд жертвоприношения во время локальных праздников (*Кляу*), обетных жертвоприношений (*назер карбаны*);

- халяль-индустрия – массовое производство мяса и мясных изделий халяль.

Первый и второй типы структур относятся к так называемым «внемагазинным» формам торговли, третий – к магазинным. Различие между «магазинными» и «внемагазинными» формами достаточно условно. По крайней мере, оно проводится не по физическому виду торговой точки. Речь идет скорее о формах торговли и учета оборота. Хотя и здесь нужно говорить о некоторой доле условности. Халяль-индустрия, как мы это покажем ниже, – пока еще тоже слабо регулируемая и контролируемая сфера рынка этнических товаров и услуг, включая производство и продажу мясных продуктов халяль. Между тем сегодня халяль-индустрия стала ведущим участником, и она начинает играть все возрастающую роль на рынке мясных продуктов халяль.

Мясная халяль-индустрия включает в себя два типа структур. В первую очередь, это наиболее крупный игрок – мясоперерабатывающие заводы. Значительная часть халяль-индустрии в Поволжье поделена между ведущими участниками – ОАО «Казанский мясокомбинат», ЗАО «Йошкар-Олинский мясокомбинат», ООО «Челны-Бройлер», ОАО «Птицефабрика «Казанская», ОАО «Агрофирма «Ак-Барс-Пестрецы», ОАО «Шеморданский мясокомбинат», ОАО «Уфимский мясоконсервный комбинат». Развиваются многие десятки предприятий, вносящих элемент стихийности. Это предприятия малого и среднего бизнеса, которые выпускают мясные продукты и самостоятельно наделяют их маркой «Халяль».

Деловые стратегии участников халяль-индустрии различаются в зависимости от размеров предприятия. Представители малого и сред-

него бизнеса используют три стратегии. Первая модель – «консервативная», основывается на стремлении руководителей к закрытости производства – работниками могут быть только истинные мусульмане, ведущие образ жизни в соответствии с нормами Корана, забой скота проводится не только с соблюдением необходимых правил, но и с обязательным чтением молитвы муллой. Внутри цеха для чтения пятикратного намаза отведена специальная комната.

«– Мы не принимаем ни больную, ни вынужденную скотину, в цех не принимается, это строго.

– Берете только у татар или у всех?

– Только у татар, именно тех татар, которые живут по шариату, строго по шариату» (инт. №4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«Татарин должен быть, это уж такие жесткие требования. ... они стараются действительно закупать в татарских селах» (инт. № 1, муж., 57 лет, г. Пенза).

«Начали нашу продукцию возить люди-посредники.

– Эти посредники-татары, они мусульмане?

– Да, мусульмане.

– Русских нет?

– Наши, наши, чтоб только были мусульмане.

– Для Вас это важно?

– Для нас важно, чтобы были мусульмане, потому что хочется, чтобы зеркальность была» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Вторая стратегия – либеральная. При забое и обработке соблюдаются необходимые правила ислама. Однако присутствие муллы считается необязательным, кадровый состав работников и сети распространения продукции прозрачны.

«– Для Вас важно, когда Вы выбираете себе работников, какой они национальности, религии?

– Нет, это не важно, хоть русский, хоть кто. Нам лишь бы работал, как говорится. Они с удовольствием, как только мы открылись, по пять, по шесть лет у нас работают. Не увольняются, работают с удовольствием... Главное, чтобы непьющим был, жил правильно... Мы из Пензы по базам и по магазинам распространяем... У нас человек занимается, он сам из Казани, русский, Володя, в Пензе живет. Он женился на пензячке, жил здесь. И он поставляет нашу продукцию» (инт. № 2, жен., 45 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«– Кто поставляет Вам мясо?

– Поставляет население.

– Татары?

– И татары, и русские» (инт. № 2, жен., 45 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«– При забое читает (резчик – прим. авт.), и голова должна к восток, ... чтобы не пил, самое главное, спиртное не употребляет. Вот это главное. Молитву (пятикратный намаз – прим. авт.) читает – это нет, самое главное, спиртное – нет.

– А другие работники спиртное могут употреблять?

– Нет, нет, у нас «Халяль-аш», у нас не могут... Когда же много забивают, он (резчик – прим. авт.) берет своих друзей помогать. Он берет своих друзей, которые непьющие. Ни в коем случае» (инт. № 7, муж., 51 год, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«... русский, например, если привозит живьем (скотину – прим. авт.), русский, пожалуйста, здесь забиваем, берем. А так, чтобы забитые, это не берем» (инт. № 8, муж., 36 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«у меня и русские работали, и таджик, в общем, все национальности, все, и русские, они прямо в платках..

– Это они хотели или Вы просили?

– Ну, так чтоб без платка у нас за прилавком не стоять. «Халяль-аш» – это все-таки магазин халяльных продуктов, там ни сигарет, ни спиртного, ничего, халяль-продукция. Они сами, ну и требуется, чтобы за прилавком не стояли без платка» (инт. № 8, муж., 36 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«Я знаю, что они (резчики – прим. авт.) чистоплотные, хорошие мужчины. Исхак (резчик – прим. авт.) забивает при доме. Я знаю, что он надежный» (инт. № 2, жен., 45 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Третья модель – синтетическая. Декларируется необходимость строгого соблюдения норм ислама в производстве, в то же время сообщается о присутствии «других» элементов. Ниже приводится выдержка из интервью. Информатор рассказывает о том, что поставщиками для его производства скота и мяса являются только мусульмане. Чуть позже он же сообщает о том, что у него работает русский резчик.

«... татары мне по-мусульмански режут и возят ко мне.

– Это конкретные поставщики?

– Специальные поставщики – татары, режут по-мусульмански и готовое мясо мне возят» (инт. № 3, муж., 57 лет, с. Ср. Елюзань).

«Русские едят, шофер у меня русский, мясорезчик русский.

– Для Вас не важно, что он русский?.

– Для меня важно, чтобы был бы он человеком.

– Работал бы хорошо?

– Работал, чтобы не воровал... Аллага шөкер, бугенга кадр безнең текучести кадров нет»¹⁶⁷ (инт. № 3, муж., 57 лет, с. Ср. Елюзань).

Несмотря на разницу в принципах организации производства, все три стратегии малого и среднего бизнеса халяль-индустрии имеют целый ряд общих признаков: общая история и причины организации халяль-производства, ведение продаж в магазинах шаговой доступности, на продуктовых рынках и мечетях, основы формирования сетей, положительная динамика объемов производства и схожие рекламные шаги. Рассмотрим подробнее.

История и причины организации производства мясных продуктов халяль. Как показали наши интервью, главной причиной организации производства продуктов халяль для всех опрошенных нами респондентов стала сложная экономическая ситуация в российских регионах, и прежде всего на селе, сложившаяся в начале 1990-х гг. С 1966 г. это село было известно как совхоз-миллионер «Елюзанский». Совхоз зарабатывал стране валюту, поставляя сушеный репчатый лук на экспорт в Голландию и Германию. Все социальные объекты в селе строились за счет высоких доходов совхоза¹⁶⁸. В 1990-х гг. Экономическое положение хозяйства стало резко ухудшаться. Рентабельность производства стала низкой, возникли задержки зарплаты, на селе появилась безработица. В личных домохозяйствах за счет нерентабельности сократилось производство мяса, молока, овощей.

«В Елюзани люди остались без работы. Был крупный совхоз «Елюзань»... Сейчас у нас в Елюзани такая ситуация, сложная. Женщины вообще безработные, мужчины тоже процентов, наверно, пятнадцать всего работают, ситуация сложная. Сейчас люди, люди работают в Апастовском районе... (уезжают на заработки в Татар-

¹⁶⁷ Слава Аллаху, у нас нет текучести кадров.

¹⁶⁸ Марданов Р.Т., Китаева Н.Б. Средняя Елюзань: Страницы истории самого крупного татарского села России. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 190 – 209; Сагитова Л.В. Региональные и локальные аспекты ислама в Поволжье: социальные основания различий // Конфессиональный фактор... С. 125 – 162.

стан и другие регионы России – прим. авт.)... В Елюзани скота уже меньше стало. Стадо выгоняла мать в четыре утра, широкая улица, и сколько было там скота, еле-еле проходили. А сейчас, понимаете, скота такого количества нет. Также лошадей не стало. Мы и лошадей насли ранним утром. Птиц вообще мало стало, почему, я не знаю, не хотят» (инт. № 1, муж., 57 лет, г. Пенза).

Наряду с выращиванием лука, сезонной работой в других регионах, занятием извозом на личных грузовиках в селе стали появляться цеха по производству мясной продукции под маркой «халяль». При организации производств предприниматели использовали две стратегии. Одной группе предпринимателей пришлось начинать с «чистого листа». Они обращались за помощью в банки, к знакомым, случайным людям. Чаще такую стратегию использовали те, кто вернулся в село из города и утратил родственные связи. «Я замом по переработке в совхозе был. В то время был молочный цех, я заведовал, мороженый цех, молочный... потом объединили колбасный цех, меня назначили начальником этих цехов. У меня было, под моим руководством, восемь цехов по переработке.. Потом пошли времена, и я арендовал другое здание. Потом я выкупил это здание, бывшее здание столовой. Я начал здесь как-то уже делать всё более-менее оборудование. ...метража было мало. У нас был пристрой, один год мы пристроили в одну сторону там, в другой – в другую сторону. Потом мы расширили, оборудование новое более-менее покупали. И консервный цех также – пристрой и оборудование, пуск и наладка» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Другая группа предпринимателей стала привлекать в производство членов своей семьи, экономические капиталы родственников, социальные связи, накопленные близкими, и т. п. «Образование детям надо. Муж говорит: «Воспитывай двоих сыновей, так что никуда не пойдешь работать, будешь дома сидеть». Я говорю: «Надо магазин хоть открыть». Это ко мне пришла идея, а я уже устала таскать сумки. Деревня есть деревня, запасаются мешками. Думаю, и дома буду, и детей воспитывать, и в магазине работать. Мы открыли подвальное помещение, там открыли магазин.... И вот, потом, уж когда он купил это здание (здание для переработки мяса – прим. авт.), реконструировал его, сам чистил, проект он сам составлял, этот проект в Пензе сдал, как положено... В Каменку продавали наш проект... Потом я начала

помогать мужу, мы забивали, отправляли мясо, принимали, отправляли. ...а потом землю выделили, в общем, от года за год интереснее-интереснее... Мы переехали в это здание, купили кормоцех, бывший кормоцех. Были здесь одни стены, только одни стены, ни потолка, ничего. Он (муж – прим. автора) реконструировал это здание... Первоначально мы начали делать, работать по забою скота, поставка оптом мяса. ...это первая у нас в районе, это первая бойня, где можно было забивать скотину» (инт. № 2, жен., 45 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«Пять лет тому назад я открыл сперва пельмени татарские халяль, потом уже колбасы начали выпускать, мусульманский продукт.

– Почему вот к Вам пришла эта идея?

– А чем еще заняться, если себе работу не откроешь, здесь негде работать» (инт. № 1, муж., 57 лет, г. Пенза).

На наш взгляд, вторая стратегия реализовалась более успешно. Это связано с тем, что семья и ислам являются глубоко внедренными и сохранившимися ценностями елюзанцев, ставшими мощной экономической поддержкой в новых экономических условиях.

«Куда денешься? Допустим, я, наверно, по долгу службы вынужден был, должен это создавать, потому что семья большая. Одно время у меня в семье было 10 человек. Куда я должен был деться? Я должен был это сделать. Это, наверно, Аллах мне помог, что-то, где-то, чего-то подсказал, кто-то меня поставил на правильный путь, чтобы я прокормил свою семью. Их надо еще учить и...

– Одевать, обувать, кормить.

– Все, все, все, все. И тут родители, я же как последний сын должен остаться с родителями, я же живу с родителями. Это тоже строго. Хорошо у нас еще, что в это же время мы не только здесь рабочие места создаем, мы еще даем работу местному частному сектору, так как мы закупаем мясо, все-таки идет оборот, ... живыми деньгами. Понимаете, это высококачественная категория мяса, которую нам сдают, и оборот идет, и те, значит, обути, сыты, и мы еще куда-то поставляем» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Одним из важных условий становления и функционирования производств по выпуску продукции халяль являются сети. В этом качестве среди трех выделенных нами деловых стратегий чаще всего

Единственной рекламой, которую используют производители, являются эмблемы, которыми обозначается продукция (за исключением отдельных представителей консервативной модели, рекламную продукцию которых мы описали выше). Эмблемы придумывают сами предприниматели. В качестве символов берутся арабские буквы, изображения мечетей, полумесяца, звезд, татарские орнаменты. В некоторых случаях добавляется фирменный знак, сочетающий элемент фамилии предпринимателя и исламские мотивы. Встречаются изображения животных – лошадей, баранов, коров, птицы.

Следует отметить, что среди крупных игроков халяль-индустрии – мясоперерабатывающих предприятий, как и среди представителей малого и среднего бизнеса, производство мясных продуктов халяль стало одним из возможных способов выживания в рыночных условиях. В 1990-х гг. заводы в сложных экономических условиях были вынуждены предпринимать новые маркетинговые шаги. Та часть мясоперерабатывающих заводов, которые в начале 2000-х гг. освоили технологию производства продукции халяль, стали использовать «свежую» маркировку продукции и захватили потребителя, «остались на плаву» благодаря получению дополнительных доходов с этого производства. Стратегия мясоперерабатывающих предприятий основывается на либеральной модели. В процессе производства в силу объективных причин игроки не стремятся соблюсти все необходимые требования: работники подбираются по профессиональным качествам, крупные поставщики могут одновременно производить скот халяль и харам и т. п.¹⁷⁰ Нормы ислама присутствуют лишь на этапе забоя и обработки скота. Стратегия продажи продукции основывается на встраивании и позиционировании себя на сложившемся рынке пищевых продуктов. Продукцию крупных участников халяль-индустрии можно увидеть в крупных супермаркетах, в магазинах шаговой доступности, на продуктовых рынках. Зачастую в крупных супермаркетах халяль-продукция разложена в холодильниках с другими мясными изделиями и отделена от харам-продуктов перегородкой, реже – на отдельном прилавке. Иногда встречаются специальные ножи и разделочные доски, на которых разрезается продукция. Это один из способов привлечения покупателей. В магазинах шаговой доступности продукты халяль на прилавках разложены вперемежку с продуктами харам. На продовольственных рынках встречаются оба варианта. На рынках стали появляться специализированные отделы, где про-

¹⁷⁰ В исламе категорически запрещается соприкосновение мяса халяль и харам.

даются только халяль-продукты. Так организаторы пытаются одновременно решить и этнокультурные задачи. *«Одна из наших миссий – возвращение к нашим (татарским) истокам. Женщины, которые являются продавцами халяль-мяса на рынках..., вы заметите, что они одеты в национальный (татарский – прим. авт.) костюм»* (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань).

Формы интеграции участников халяль-рынка мясных продуктов.

Интеграция на халяль-рынке происходит среди крупных производителей, что приносит ее членам осязаемую выгоду. Объединительной основой являются специальные структуры, контролирующие и сертифицирующие производство халяльных продуктов. В РФ эту функцию взяли на себя две структуры – Совет муфтиев России и Духовное управление мусульман Республики Татарстан. Совет муфтиев России разработал и принял в ноябре 2003 г. «Положение о порядке организации производства, торговли, осуществления контроля над производством и торговлей продуктами, разрешенными к употреблению в пищу мусульманами», организовал Совет по контролю над производством и торговлей продукцией «Халяль»¹⁷¹.

Комитет стандарта «Халяль» при Духовном управлении мусульман Республики Татарстан начал свою работу в 2005 г. На первых порах Комитет стремился структурировать хаотичный рынок халяль-продуктов. *«Раньше мы сами искали партнеров, чтобы халяль ввести в производство. На сегодняшний день предприниматели сами понимают, что это выгодно, и теперь они сами к нам приходят»* (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань). Сегодня Комитет приобрел статус межрегионального интеграционного центра, объединяющего заинтересованных лиц. *«...когда я говорю о Казахстане, то наши коллеги два года назад приезжали к нам, мы им передали свою документацию, весь свой опыт. И они с нуля на основании нашего опыта, на основании наших разработок, документов создали у себя технический комитет халяль при индустрии торговли. ... На сегодняшний день Президент Назарбаев отметил как приоритетное направление для развития экономики в целом Казахстана... Мы в Казахстане два месяца назад подписали меморандум по сотрудничеству... Нашими сертификатами и нашими технологиями сегодня пользуются территории России, т. е. Самара, Ульяновск, Пенза, Нижний Новгород, Екатеринбург»* (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань). Согласно мемо-

¹⁷¹ URL: <http://www.muslim.ru/1/cont/8/28/492.htm> (дата обращения: 24.07.2010).

рандому о взаимном сотрудничестве в области стандартизации и сертификации продукции и услуг «Халяль», между Татарстаном, Казахстаном, Кыргызстаном решено организовать единый «Институт Халяль», в котором будет разработана учебная программа для специалистов в сфере халяль-индустрии¹⁷².

Комитетом разработаны и утверждены правила производства продукции по нормам Шариата. В Положениях определены требования как к сырью, используемому при производстве халяль-продуктов, так и к персоналу, производственным помещениям, транспортным средствам, инструменту, спецодежде, упаковке и маркировке, а также и требования к порядку освидетельствования на предмет соответствия продукта нормам Ислама. По инициативе Комитета и при поддержке Республиканского сертификационного методического центра «Тест-Татарстан» Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии 17 февраля 2009 г. зарегистрировало «Систему добровольной сертификации продукции и услуг на соответствие канонам Ислама – Систему Халяль (Halal)». Агентство зарегистрировало товарный знак, в связи чем все предприятия, выпускающие халяль-продукты, должны маркировать свою продукцию. Добровольная сертификация продукции позволяет официально признавать на государственном уровне в странах, входящих в Организацию Исламская Конференция, продукцию российских предприятий – от мяса до медикаментов.

Главной функцией Комитета стандарта «Халяль» при ДУМ Республики Татарстан является оценка степени соответствия продукции требованиям, предъявляемым к продуктам халяль. Осуществляется выдача свидетельства о постановке деятельности юридического лица на контроль, которое дает право на получение Сертификата соответствия Системе Сертификации Госстандарта России. Процедура получения данных документов возможна только при наличии Акта проверки производства на соответствие требованиям к продукции, маркированной «Халяль», Комитета, Акта о результатах анализа состояния производства по соблюдению требований норм Ислама, установленных «Правилами по производству и реализации продукции, маркированной «Халяль», и Протоколов идентификации. После прохождения формальных процедур Комитет предоставляет свой знак каче-

ства для производителя, который подтверждает доверительное отношение к его продукции со стороны мусульманского духовенства¹⁷³.

Другими функциями Комитета являются контроль над технологией производства, участие в сопровождении товаров, лоббировании интересов производителей на рынке. «Сегодня это – не просто Халяль, мы затрагиваем еще и вопрос качества... Мы участвуем в дегустации, в разработке маркировки, этикетки, цветовой гаммы, общении с населением, доводим до населения» (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань). Комитет ведет работу со средствами массовой информации, через которые рекламируется продукция халяль.

Доходы от сотрудничества предприятий с Комитетом поступают не только в семьи самих предпринимателей, но и в фонды различных общенациональных, религиозных организаций, мечетей, ДУМ.

Стратегией Комитета, как деловой ассоциации, является регулирование выхода халяль-продукции на рынок восточных сетей. Ведется работа по экспорту мясных, мучных, фармацевтических продуктов на рынки Востока и Азии.

Предприятия мелкого и среднего бизнеса халяль-индустрии работают самостоятельно и пока не включаются в объединяющие формы.

Взаимоотношения внутри групп, вовлеченных в рынок мясных продуктов халяль, обычно строятся на одинаковом понимании прав и обязанностей друг перед другом, а также на доверии, подкрепляемом жесткой дисциплиной.

«Есть четкое понимание важности этого вопроса (вопроса качества – прим. авт.)» (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань).

«У нас нет конкурентов, у нас есть коллеги» (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань).

Анализ конкурентной ситуации. Принципиальной характеристикой конкурентной ситуации выступает степень пересечения зон интересов различных типов участников рынков¹⁷⁴. С точки зрения объекта нашего исследовательского интереса здесь можно выделить два типа конкурентной ситуации: первая – между рынком пищевых продуктов в целом (с точки зрения ислама – харам-продуктов) и рынком халяль-продуктов, вторая – внутри халяль-индустрии.

Рынок пищевых продуктов и рынок продуктов халяль, развиваясь неравномерно, не составляют друг другу конкуренцию, поскольку

¹⁷² Брайловская С. Халяль изучают в институте // Российская газета. 2007. 26 октября.

¹⁷³ URL: <http://www.e-islam.ru/halal/sert/>; <http://www.e-islam.ru/halal/in1/> (дата обращения: 18.01. 2010).

¹⁷⁴ Радаев В.В. Указ. соч. С. 164.

каждый занимает свой сегмент. Халяль-рынок занял свою, особую рыночную нишу на российском рынке пищевых продуктов. Халяль-рынок ориентирован, прежде всего, на мусульманскую часть России. Потребление мясных продуктов халяль является основой формирования и поддержания исламской идентичности. Среди поволжских татар тесная сопряженность ислама и этнического самосознания, потребление продуктов халяль закрепляют «татарскость». В этой связи можно ожидать усиления в России позиций рынка халяль-продуктов. Серьезным преимуществом халяль-рынка является производство здоровых и натуральных продуктов.

«Мы делаем как положено, хорошая, вкусная продукция, качественная, натуральная. Детям кормишь – уже знаешь, что никаких нитритов ни капельки нет. Это натуральная продукция» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«... много русских берут мои колбасы, потому что знают, что мясо там» (инт. № 2, жен., 45 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Натуральность халяль-продуктов увеличивает их стоимость. Халяль-продукты, как правило, на 10 – 15% дороже харам-продуктов. Рынок пищевых продуктов выигрывает сегодня за счет того, что предприниматели пока сдерживают цены на свою продукцию. Вилка наиболее заметна среди крупных участников рынка пищевых продуктов. Мелкий и средний бизнес халяль-индустрии находит новые стратегические решения, удешевляющие производство: работает напрямую с потребителем (продажа ведется прямо в цехах) и продавцами, не легализует бизнес и т. п.

«... наша продукция мясо, натуральный продукт – мясо. Мясо, без соли работаем. Конечно, с нами конкурируют фирмы, которые работают, допустим, на каких-то других основах, с заменителями. Нам тяжело. ... У них дешевая, допустим, такая же полукопченая колбаса, у них такая цена, а у нас такая. Там может быть процентное отношение мясо столько-то, а у нас нет. Нам нельзя по Корану, по шариату нам нельзя» (инт. № 8, муж., 36 лет, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

«У нас есть магазин «Халяль» около мечети, да, около мечети. Там большинство покупателей русские оказываются, и как-то подешевле получается, понимаете, конина подешевле, там переработка подешевле получается, наверное, перекупщиков меньше» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Сегодня между отдельными сегментами халяль-рынка зародилась конкурентная ситуация. Внутридомовая халяль и праздничная халяль сохраняются за счет поддержания сетей в селах, малых и средних городах. Однако, в связи с нерентабельностью в современных экономических условиях, масштабы внутридомовой халяль резко падают, и можно ожидать ее полного исчезновения. На смену ей приходит халяль-индустрия, предоставляющая широкий ассортимент товаров и услуг. Праздничная халяль развивается более успешно, чем внутридомовая халяль. Этот сегмент рынка занял свою нишу, на которую никто из других участников не претендует. Как показывают наши наблюдения за праздником *Курбан-байрам*, состав продавцов и объемы продажи скота в последние годы практически не меняются. Оценить число проведенных обрядов жертвоприношения достаточно трудно. Можно ожидать как минимум сохранения праздничной халяль и за счет потребности современного населения в ритуальном сопровождении личной жизни.

Конкурентными преимуществами мелких и средних производителей и участников внутридомовой и праздничной халяль являются:

- более низкие цены, которые достигаются за счет сокращения производственных расходов;

- скот, идущий в производство, выращивается в единоличных хозяйствах, где уход и кормление лучше, чем в крупных хозяйствах, и, соответственно, вкусовые качества получаемой продукции лучше;

- надежность качества халяль, поскольку покупатель и производитель встречаются с глазу на глаз.

Конкурентные преимущества крупных игроков халяль-индустрии:

- они дают конкурентов (мелких и средних производителей и продавцов) экономическим капиталом, огромной финансовой мощью, большим опытом работы по производству мясных продуктов;

- характер и масштабы деятельности. Крупные игроки халяль-индустрии работают в торговых точках (супермаркетах, магазинах), удобных для покупателей (отсутствие очередей, возможность «пощупать» товар, положить покупки в тележки, предоставление скидок по карточкам, в определенное время и т. п.). Кроме того, крупные игроки халяль-индустрии привлекают к себе внимание ассортиментом;

- используется концепция контроля над рынком. В ее основе лежат высокие нормативные требования – действия в интересах потребителя и соблюдение формальных правил игры. Крупные произ-

водители халяль-продукции обратили на себя внимание за счет подключения к правилам, установленным ДУМ. Вся продукция проходит обязательную сертификацию. Документ вывешивается на сайтах производителей, иногда дубликат находится прямо возле продукции на прилавке. Это вызывает доверие у покупателей;

– используется административный капитал как ресурс конкуренции, объединяющий неэкономические средства для достижения экономических целей;

– осваиваются новые технологии продаж – передовые методы мерчендайзинга, связанного с расположением товаров на полках и их представлением покупателю.

Таким образом, преимущества крупных участников халяль-индустрии достаточно очевидны. Это не только более комфортные условия и лучшее обслуживание, но также предоставление гарантий того, что проданный товар сертифицирован, соответствует заявленному качеству. Мелкие и средние участники халяль-индустрии подобной услуги предоставить не могут. Можно ли их продукцию считать халяль? Как это определить?

Борьба за брэнд и товарный знак. Для начала нам необходимо разобраться с понятиями. Контрафактная продукция – это продукция, выпущенная с неправомерным использованием товарных фирменных знаков в целях введения потребителя в заблуждение. Имитация связана с копированием или стилевым заимствованием отдельных элементов товарных фирменных знаков. В отличие от контрафактной продукции, где товар напрямую выдается за оригинальную продукцию, в случае с имитацией скорее используются устойчивые ассоциации потребителей, связанные с какой-то известной торговой маркой. Речь идет не о грубом обмане потребителей. Потребитель вводится в заблуждение. Фальсифицированная продукция – это продукция, натуральный состав которой не соответствует ее названию или отклоняется от установленных к нему требований¹⁷⁵.

Контрафактная продукция на халяль-рынке имеет место на уровне массового производства мясных продуктов. Эксперты считают, что должно быть обязательное формальное соблюдение всех необходимых норм.

«... если кто-то хочет назвать свой продукт полностью халяльным или соответствующим халяльным требованиям, то, конеч-

¹⁷⁵ Там же. С. 267 – 268.

но, там методика, методы, способы выращивания, приготовления и т. д., продажи, выбора правильной продукции и т. д., все это должно быть, должно соответствовать требованиям» (инт. № 5, муж., 41 год, г. Казань).

Те производители, которые принимают эти условия, на основе соглашения с Комитетом стандарта «Халяль» при ДУМ РТ имеют право маркировать свою продукцию специальной эмблемой, получают сертификат соответствия продуктов требованиям «Халяль». В последнее время стали фиксироваться случаи, когда мелкие и средние производители, выпуская продукцию, самостоятельно обозначают ее специальной эмблемой Комитета, не имея на это юридических прав. Местами распространения поддельных товаров могут быть и крупные супермаркеты, и магазины шаговой доступности, и рынки открытой торговли. Наличие устойчивого спроса провоцирует рост поддельных товаров. Специальная эмблема «халяль» Комитета стандарта «Халяль» при ДУМ уже заняла свое место в сознании покупателей. Как известно, сильные и раскрученные торговые марки особенно охотно подделываются. Ущерб, наносимый контрафактной продукцией, складывается из потерь собственника торговой марки, бюджета производителей и мусульманской уммы и конечных потребителей. В целом наносится ущерб имиджу халяль-рынка.

Комитет пытается отслеживать эту ситуацию. Известны случаи судебных разбирательств. Однако халяль-рынок сегодня в целом – слабо контролируемая сфера. Это связано с тем, что нарушение прав потребителей в сфере потребления халяль-продуктов – процесс, который на момент исследования не попадает под статью административного или уголовного права. Имитацию в плане нарушения прав потребителя тоже надо еще доказать. Ситуация усиливается тем, что «российское законодательство... на этот счет (*имитации в плане нарушения прав потребителей – прим. авт.*)... весьма несовершенно, а судебные органы и широкая общественность не слишком готовы к тому, чтобы серьезно относиться к такого рода нарушениям»¹⁷⁶. Комитет проводит разъяснительную работу в СМИ и Интернете.

На уровне мелкого и среднего производства мясных халяль-продуктов о контрафактной продукции говорить не приходится. Производители, как мы отмечали выше, сами придумывают товарные фирменные знаки. Однако здесь чаще может производиться фальси-

¹⁷⁶ Там же. С. 268.

фицированная продукция. Покупатель не знает, насколько покупаемый товар действительно соответствует всем необходимым исламским нормам выбора, забоя и обработки скота. По мнению участников нашего исследования, соблюдение всех необходимых требований производства вменяется в моральную обязанность участникам производства.

«А за халяль словом отвечаешь перед Аллахом, там “туфты” нет. Ничего больше лишнего нет, чего там положено, делаешь» (инт. № 4, муж., 44 года, с. Ср. Елюзань Пензенской обл.).

Потребители мясных халяльных продуктов. О. Вединна на основе результатов исследования в г. Москве считает, что сегодня этничность визуализирована в виде знаков и символов и является лишь модой и средством самовыражения, самопрезентации. Исследовательница выделяет 4 формы публичного проявления этничности. Одно из них – укрепление фундамента этничности путем апелляции к религии. Такая реконструкция этничности трансформируется в фундаментализм, благодаря которому появляется возможность выделять истинных и случайных представителей группы. Сюда исследовательница относит и халяль-индустрию¹⁷⁷. Наше исследование показало, что проблема дифференциации участников халяль-рынка несколько шире, чем это представляет исследовательница. Действительно, можно выделить две аудитории потребителей мясных продуктов халяль – мусульмане и немусульмане. Мусульмане в данном случае – это группа людей, исповедующих ислам и исполняющих предписания Корана, в том числе в части питания. Представители этой аудитории считают, что истинный мусульманин может питаться только халяль-продуктами. Покупки чаще осуществляются в магазинах при мечетях, через родственные и дружеские связи. Немусульмане – все остальные, но не только те, кто равнодушен к религии или атеист. Халяль-продукты покупают люди независимо от религиозной, национальной принадлежности, убеждений и вкусов. Продавцы халяль-продуктов рассказывали нам о том, что часто товар покупают русские, чуваша, представители других народов. Многие из них являются постоянными покупателями. Для них, как нам удалось заметить, мотивацией для покупки мясных халяль-продуктов является их натуральность, вкусовые и гигиенические преимущества¹⁷⁸. Немусульманское сообщество покупает мясные ха-

ляль-продукты чаще в магазинах, где наряду с халяль продается харам, реже – в магазинах при мечетях.

Как нам удалось заметить, рынок мясных продуктов халяль влияет на формирование идентичностей не только религиозных, но и этнических, внутриэтнических («настоящие татары – мусульмане» – «ненастоящие») и даже социальных – сторонники здорового питания. Это свидетельствует о том, что в современных условиях люди выбирают из множества потенциальных благ те, которые позволяют им «наилучшим способом проявить себя» и выстроить отношения с желанными другими. Людей в продуктах халяль привлекает то, что потребление позволяет им проявлять свою идентичность, однако выбор остается относительно свободным от таких факторов, как национальная, религиозная, классовая или профессиональная принадлежность. Сегодня халяль стала ресурсом, при помощи которого люди конструируют свою идентичность и отношения с другими членами символического поля.

ВЫВОДЫ

1. Русский язык, в отличие от ситуации в постсоветских государствах, в Республике Татарстан играет приоритетную роль среди факторов этносоциальных процессов и остается основным языком межнационального общения. Татарский язык за годы этноязыковых реформ 1990 – 2000-х гг. приобрел качество социального ресурса лишь в том смысле, что он воспринимается как необходимость при осуществлении управленческого процесса – ведение документооборота, понимание татарской речи в случае контакта с татароязычной аудиторией, т. е. как сопроводительный компонент, но не как реальное условие, влияющее на социальную мобильность, занятость населения. В условиях крупного города – г. Казани – усиливается социальная значимость татарского языка в экономической сфере. В целом среди населения республики фиксируется достаточно лояльное восприятие

того, как правило, переработка и производство халяль-продуктов осуществляется на малых предприятиях, где выпуск продукции ограничен по объему. Реализация осуществляется без посредников и очень быстро, за счет хорошо отлаженных схем и близости точек (производство – специализированный магазин или отдел магазина, общепит). Все это позволяет сохранить свежесть и вкусовые качества продуктов. Поэтому продукция халяль стала внедряться даже в систему детского питания. В 2008 г. Департамент продовольствия г. Казани поставлял продукцию халяль в 28 школ и дошкольных учреждений города.

¹⁷⁷ Вединна О. Указ. соч. С. 30 – 52.

¹⁷⁸ При приготовлении мясных изделий халяль запрещается употреблять химические добавки, ароматизаторы, спиртосодержащие компоненты. Кроме

влияния татарского языка на социальные процессы. Это связано с тем, что проникновение татарского языка в сферу трудовых отношений в РТ подкрепляется гражданской идентичностью: ощущение «мы – татарстанцы» сопровождается пониманием этноязыковых потребностей татар со стороны русского населения. Сам капитал «владение татарским языком» весьма неравномерно распределен между различными группами татарстанского общества. И это важно учитывать для оптимизации межэтнических отношений. В целом, татарский язык дает некоторые психологические преимущества его обладателям: владеющие татарским языком демонстрируют более высокие оценки своего положения в обществе и удовлетворенности им. Им чаще стремятся овладеть «социально продвинутые» слои татарстанского общества.

2. Реформы национальной сферы привели к тому, что этническая принадлежность для некоторых членов этнических групп в Татарстане стала реальным ресурсом, на основе которого выстраиваются социальные биографии. В отдельных сегментах образования, культуре, науке, СМИ в течение последних 20 лет произошло образование отряда национальной интеллигенции, владеющей татарским языком и использующей его как ресурс при выборе профессии, трудоустройстве, выполнении профессиональных обязанностей. Как показал наш анализ, корпус учителей татарского языка и литературы формируется, прежде всего, за счет выходцев из сельской местности, хорошо владеющих татарским языком, лиц среднего возраста. Содержание труда для учителей татарского языка и литературы является первостепенной ценностью: трудовая мотивация основана на идеях национально-патриотизма и долга.

3. Появление «новых слоев» в социальной палитре республики сопровождается его адекватными оценками, как со стороны татар, так и русского населения. Об этом свидетельствует, в частности, высокий уровень симпатий учеников средних школ к учителям татарского языка (он выше, чем к преподавателям русского и иностранных языков). Активнее симпатизируют преподавателям русские дети, чем их сверстники-татары.

4. Перспективы функционирования этноориентированного слоя в РТ будут зависеть от ряда факторов – политического, экономического, социального и др. Наиболее острая ситуация складывается в условиях города, стимулирующего социальное расслоение и конкурентные отношения между социальными стратами. Конкурентоспособность оп-

ределяется не только степенью модернизованности этноориентированного слоя, но и тем, насколько его продукция может принести реальные социальные, экономические дивиденды целевой аудитории. В части национального образования это не только поднятие его статуса в обществе и включения в сценарий современной жизни, но и обретение им качества конкурентного преимущества не только для учителей татарского языка и литературы, но и выпускников средних школ при выстраивании личной карьеры.

5. Наш анализ показал важную роль религии среди факторов «культурного порядка», оказывающих влияние на экономические установки и представления. Экономическое поведение и экономические установки верующих (по самосознанию), традиционных (соблюдающих религиозные обряды и праздники, живущих по нормам Священных книг) представителей ислама и православия (идентифицирующих себя с одной из религий) характеризуются сложным, зачастую противоречивым восприятием экономической трансформации российского общества. С точки зрения социальной интеграции полиэтничной России важным является одинаковый жизненный путь и единая база жизненных ценностей верующих и неверующих, «традиционных» и «номинальных» верующих, представителей православия и ислама. Социальная судьба людей, считающих себя религиозными, оказалась схожей, в отличие от неверующих. Различия между неверующими, с одной стороны, и религиозными людьми, с другой, оказались более существенными, чем различия между исповедующими православие и ислам. Установки верующих людей более близкие, чем представителей одной и той же национальности.

Разные экономические установки представителей основных конфессий способны органично дополнять друг друга. Для экономического развития России важно и то, что доминирующее религиозное население способно выделить из своей среды гораздо большее число предпринимателей. Задача состоит в том, чтобы создать единую культуру предпринимательства и единые правила игры для реальных и потенциальных участников предпринимательского класса.

6. Глобализация, финансовый кризис 2008 г. и глубокие изменения в обществе привели к тому, что централизованные государства все менее отвечают требованиям экономического, социального и культурного развития. Мобильность и активность – как залог экономического успеха – продуктивнее осуществляются небольшими независимыми сообществами. По мнению экспертов-экономистов, наибольшие потери

от финансового кризиса понесли те компании и рынки, которые сильнее вовлечены в глобальную экономику¹⁷⁹. Сегодня преимущества приобретают те традиционные культуры и религии, которые умеют приспособить свою нормативную систему к новым условиям.

7. ИЭМ «набирает обороты» в разных уголках мира. Россия не исключение. ИЭМ как особый тип хозяйствования существовал у поволжских татар-мусульман в разные исторические периоды. Несмотря на общественные, социально-экономические трансформации, татарам удалось сохранить религиозную самобытность. В постсоветский период ИЭМ получила новый импульс для развития. Сегодня можно говорить о формировании халяль-рынка и координирующих его структурах как части российской ИЭМ.

8. Халяль-рынок – это совокупность структурно связанных продавцов и покупателей товаров и услуг, производимых с соблюдением норм ислама, который, в свою очередь, выступает движущей и организующей силой, принимаемой всеми участниками. Причинами актуализации халяль-рынка среди татар Поволжья являются относительно высокая сохранность исламских традиций в бытовой культуре, в том числе и в части питания, особенности этнической культуры¹⁸⁰.

9. Халяль-рынок не предполагает его обязательной монополизации в руках представителей исламского сообщества России или какого-то одного этноса. Сегодня в халяль-рынке задействованы представители разных народов и конфессий, как на уровне производства, так и на уровне потребления. Рынки этнических товаров и услуг могут продуктивно функционировать в полиэтничной среде, обеспечивая занятость населения и принося экономические и социальные дивиденды его участникам.

¹⁷⁹ Зубаревич Н. Региональная проекция кризиса // Pro et Contra. 2008. № 5 – 6 (43). С. 49.

¹⁸⁰ Исследовательница С.В. Рыжова на основе анализа результатов этнопсихологических замеров пришла к выводу о том, что групповой габитус у татар в большей степени, чем у русских, продуцирует и «понуждает» своих носителей (т. е. татар) к усилиям и активному расчету на свои силы, больше стимулирует к освоению разнообразных социально-экономических практик. Все социально-политические реалии последних десяти лет позволяют заключить, что русские – по сравнению с другими российскими «этничностями» – проявляют меньший потенциал к самоорганизации. См.: Рыжова С.В. Восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации этнических групп // Социальное неравенство... С. 243.

10. Особенностью российской ИЭМ и халяль-рынка как ее составляющей является то, что она не выступает как сугубо религиозная модель. Можно сказать, что постепенно ИЭМ превращается в России в социально-экономический ресурс, открытый для всеобщего использования. Пользование преимуществами исламских механизмов возможно для представителей любой традиции. «Морально-этические императивы, лежащие в основе мусульманских экономических теорий, являются если не общими, то понятными последователям всех традиционных религий»¹⁸¹. ИЭМ – это локальный порядок, оформляющий действия хозяйственных агентов в рамках определенного рыночного сегмента и опирающийся на связи с другими порядками. Она не предполагает коренной ломки уже сложившихся традиционных экономических моделей, представляя собой альтернативную модель. По этому поводу директор пражского Института диалога цивилизаций Т. Черниченко отметил, что «речь идет не о попытке «скрытой мусульманской экспансии», а лишь об истинном предназначении любой религии, как и любой справедливой системы, – служить людям»¹⁸².

¹⁸¹ Исламская экономика – немусульманам // Независимая газета. НГ религии. 2004. 21 июля.

¹⁸² Черниченко Т. Кризис мировых фондовых рынков через призму исламской экономики // Медина. 2009. № 1 (90).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда заканчивалась работа над книгой, в г. Москве в ГШ – ВШЭ проходил Международный симпозиум «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», посвященный памяти Сэмюэля П. Хантингтона. В основу докладов участников мероприятия (Л. Харрисон, П. Инглхарт, Е.Г. Ясин, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко и др.) легла культурно-центристская парадигма развития и прогресса человеческого общества. Выступающие доказывали, как культурные ценности и установки способны стимулировать прогресс или препятствовать ему. Находясь под впечатлением от услышанного, кинорежиссер А. Кончаловский в интервью «Российской газете» подчеркнул, что в России ищут причину своих бед где угодно, только не в себе, не в своей культуре. «Сдвиги в национальном сознании станут возможными, только если политические, интеллектуальные и общественные лидеры России поймут, что есть традиционные ценности, которые ее тормозят на пути к цивилизационному прогрессу... Я мечтаю, чтобы человечество научилось слушать шепот природы, сформировавшей национальные особенности разных народов и рас»¹.

Культурно-центристская парадигма – важный (и мы ее используем), но, на наш взгляд, не единственно приемлемый подход к пониманию развития российского общества. Глубокие трансформации в России на протяжении XX в. – революция 1917 г., сломавшая привычный образ жизни народов, советская идеология унификации культурных различий, ренессанс этничности в 1990-х гг. с огромной конструктивистской ролью национальных элит – ставят вопрос: насколько традиционные ценности современных россиян? Глобализация, с ее единым культурным и информационным пространством, миграцией, от которой нам не закрыться, заставляет нас искать новые варианты осмысления путей социально-экономического развития России. Важно учитывать и полиэтничный, поликонфессиональный состав населения нашей страны. У каждого народа есть самые разные образы желаемой России, этнические чувства и представления, реальные действия. Глокальности, о которых пишут известные обществоведы, проявляются и на постсоветском пространстве. На наш взгляд, понимание вектора развития современной России необходимо вести с учетом трех факторов: общемировых глобализационных тенденций, по-

лиэтнической и поликонфессиональной структуры населения нашей страны и адаптации культур этнических групп к новым для Российской Федерации социально-экономическим условиям. Важным, имеющим практическое значение, является изучение вопроса о том, как происходящие изменения в этносоциальном развитии народов влияют на межэтническую и социальную интеграцию российского общества. И этот ракурс стимулирует нас к новым исследованиям.

Мы не случайно говорим о множестве моделей глокальности в России. Наши материалы по Республике Татарстан, данные других исследователей свидетельствуют о том, что в стране формируются самые разные альтернативы глобализации. Однако разделение строится не столько по принципу «один народ – одна глокальность», сколько определяется этнорегионализмом – совпадением большинства социально-экономических позиций и установок среди народов, проживающих в рамках одной территориальной единицы. Сама кооперация этнических групп рассматривается нами как интегративный ресурс, стимулирующий экономическое развитие отдельного региона и страны в целом.

Несмотря на то, что в республике имеет место некоторая этносоциальная специфика адаптационных процессов, связанная с особенностями этнодемографических процессов, урбанизации, этнической стратификации, с некоторыми экономическими установками и традиционной культурой, в целом межэтническая интеграция в Татарстане, формирующаяся на локальной идеологеме – «мы – татарстанцы», способствует закреплению согласованной с этнокультурными особенностями экономической адаптации как татар, так и русских. На экономическом поле такая региональная идентичность органично дополняет формируемую российскую идентичность. Открытость и понимание этнокультурной специфики соседствующих этнических групп не создают препятствий для общероссийской солидаризации и экономического развития России. В свою очередь, «признание прав и интересов «других» и есть основа мультикультурного общества в стране... При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве»². Экономическое преуспевание России, стабильность и мировое признание нашей страны составляют единую базу интересов этнических групп, а разные модели глокальности расширяют матрицу ресурсных возможностей оптимизации и успешного развития экономики нашей страны в целом.

¹ Андрей Кончаловский: верить и думать // Российская газета. 2010. 7 июля.

² Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 366 – 367.

Работа паломнического центра
во время праздника Булгар-джисен.
г. Булгар РТ. 2010 г.
Фото автора.

Сотрудник паломнического центра.
г. Булгар РТ. 2010 г.
Фото автора.

Идель Хадж

Межрегиональный Паломнический Центр

Новые программы "Идель Хадж 2010"

Межрегиональный Паломнический Центр «Идель Хадж» предлагает вниманию мусульман новые программы совершения Хаджа. Каждая программа соответствует стандартам Совета по Хаджу, тщательно разработана и имеет традиционную для «Идель Хаджа» надежность и набор услуг:

- обучение паломников перед отправкой в Хадж
- наличие опытных руководителей
- обеспечение необходимой литературой
- набор паломника и комплект одежды
- трансфер внутри Саудовской Аравии
- экскурсия по Медине
- каждый паломник получает 10 л воды «Зам Зам» в подарок

Отличительная особенность наших программ - в их названиях. Каждой из них присвоено имя знаменитых исторических личностей, которые известны не только в Татарстане и России, но и во всем мире.

Программа	«Хадж Марджани» (Сурожани)	«Хадж Мул Шариф» (Шариф)	«Хадж Мул Шариф Пелек» (Пелек)	«Хадж Сулейман» (Сурожани)
Расстояние до мекки Харама	до 2,5 км	до 2 км	до 2,5 км	до 1 км
Продолжительность поездки	25 - 45 дней	25 - 45 дней	25 - 45 дней	14-18 дней
Мед. страховка	+	+	+	+
Первая медицинская помощь	+	+	+	+
Питание	—	—	+	+
Количество человек в номере	до 8	до 8	до 6	до 6
Санузел в номере	—	—	+	+
Санузел общий	+	+	—	—
Руководитель	+	+	+	+
Набор паломника	+	+	+	+
Комплект одежды	+	+	+	+
Набор литературы	+	+	+	+
Путеводитель на DVD	—	—	—	—
Трансфер	—	—	+	+
Экскурсия в Медине	+	+	+	+
Экскурсия в Мекке	+	+	+	+
Проповеди	+	+	+	+
Израил	—	—	—	—
Нурбале	—	—	—	—
Зам Зам 10 л в подарок	+	+	+	+

* экскурсия по Мекке организуется по желанию и за отдельную плату

Требования, предъявляемые к паломникам для совершения Хаджа:

- **Заграничный паспорт:**
 - Срок до окончания действия заграничного паспорта не менее 6 месяцев после возвращения с поездки
 - Отсутствие в заграничном паспорте виз Израиля
- **Справки:**
 - О состоянии здоровья от участкового врача
 - О наличии прививки против дифтерии (по месту жительства)
 - О наличии прививки против менингита (4х-компонентная вакцина)
- **Фотографии:**
 - 2 шт. - 3х4 - цветные на белом фоне, без уголков
 - Женщинам в платке, мужчинам без головного убора
 - 4 шт. - 3х4 - для отправляющихся в Хадж по туру "Марджани"
- Женщины в возрасте старше 45 лет сопровождаются мужчинами из числа ближайших родственников (мужем) не старше 25 лет
- Супругам необходимо иметь при себе свидетельство о браке (оригинал)
- Женщина, совершающая Хадж в сопровождении родственника, должна иметь документы, удостоверяющие родство
- Ксерокопии российского паспорта и 3-х фотографий

420 111, г. Казань, ул. Лобачевского, 6
(843) 236 03 10 www.idelhajj.ru

"Идель Хадж 2010"
Твоя дорога в Мекку

Рекламный плакат паломнического центра. г. Казань. 2010 г. Фото автора.

ХИКМЕТ TRAVEL
Приглашает

Вас совершить Хадж в Мекку и Медину
С 25 ноября по 25 декабря 2008 года
г. Алматы ул. М. Маметовой 4, уг. ул. Пушкина, офис 8 (возле центральной Мечети)
тел.: +7 (727) 385-81-25, 327-80-95, GSM: 8-701-714-37-18

Реклама туристической фирмы. г. Казань. 2009 г. Фото автора.

РАМИНА-ТУР
Туристическая компания
Совершите хадж снами!

Прямые рейсы, комфортные гостиницы, регулярный транспорт, хорошая кухня, осмотр достопримечательностей, медицинская помощь, книжки по хаджу, внимательные гиды, подарки

Предусмотрены скидки!
Мы постараемся создать для Вас все условия для спокойного совершения хаджа.
Пусть Ваш хадж будет принят Всемогущим Аллахом!

Наш адрес: г. Алматы, ул. Кабанбай батыра, 122, уг. ул. Желтоқсан, тел./факс: (727) 328-14-96, 272-46-67 GSM: +7701-799-3242, CDMA: +7700-460-3324

Реклама туристической фирмы. г. Казань. 2009 г. Фото автора.

Входные и межкомнатные двери
НАРОДНЫЕ ДВЕРИ
Оптом и в розницу
Вишневого, 59
299-42-18
Сәйкәтләр менә сәйкәтләр гәжә Мусулманнар

Торжества ХАЛЯЛЬ
Ресторан "Толкун" 8-9053-177-110
Салон мусульманской одежды

Хаят
В правдивый путь в приближенной политике, найдем для себя самый лучший в "Хаят" г. Казань, ул. Булаевский, Комитет Ч-ТУ, тел.: (843) 293-29-96

Далия
ТРЕБУЕТСЯ ПРОДАВЕЦ
ул. П. Колмуры, д. 14, 2 этаж
тел.: 8 (9516) 997 843

Муслима
Мы всегда будем рады видеть Вас по адресу: г. Казань, ул. Газовая, д. 14 (напротив РМУ)
Режим работы: Пн.-Пт. с 9-00 до 19-00, Сб.-Вс. с 10-00 до 18-00
тел.: (843) 265-33-00

БКК ОАО "Бурское кондитерское комбинат"
Хлеб-булочки и кондитерские изделия Халиль! Изготавливаем торты и "Чай-Чак" по Вашим заказам!
РТ, г. Казань, ул. Адоратского, 59
тел.: 8-800-200-688-4, 8-917-396-41-49 (отдел халиль) www.bkk.ru

Ларина
Первый мусульманский свадебный салон
Свадебные платья - индивидуальные пошив мусульманских народов
Помощь в организации торжеств
ул. Саид-Галеева, 6 тел.: 248-77-21

Барашки для Курбана, Гакийка, Назира, тел.: 8-9050-38-57-89

Женский фитнес клуб
Для вас: Тренажерный зал Аэробный зал
Сауна, фито-бар, полотенце, фен входит в стоимость абонемента
ул. Фучика, д.145А, тел. 275 75 96

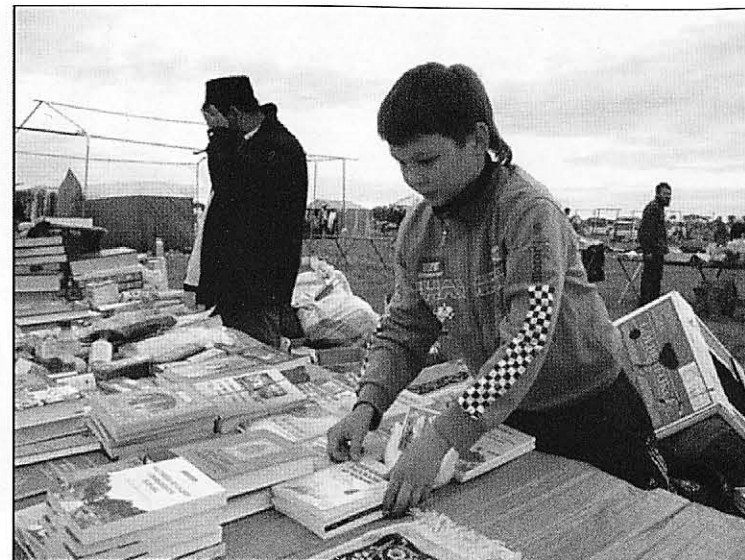
Бараны для Курбана, Акыйка, Назира т.258-15-59
Пицца домашняя халяль доставка тел.: 8-9053-190-250
Мясо говяжье халяль от 125 р./кг. Заявки по тел.: 8-962-55-66-798
Требуются резчики жертвенного скота тел.: 250-50-24

Реклама мусульманских товаров и услуг. г. Казань. 2010 г. Фото автора.

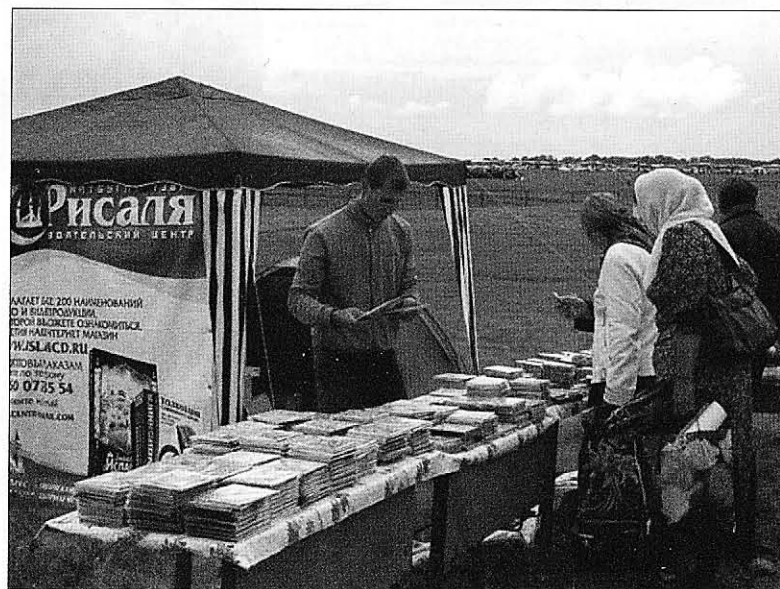

Торговые палатки по продаже мусульманских товаров во время праздника Булгар-джиен. г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Рекламный плакат издательского центра, выпускающего мусульманскую литературу.
г. Булгар РТ. 2010 г.
Фото автора.

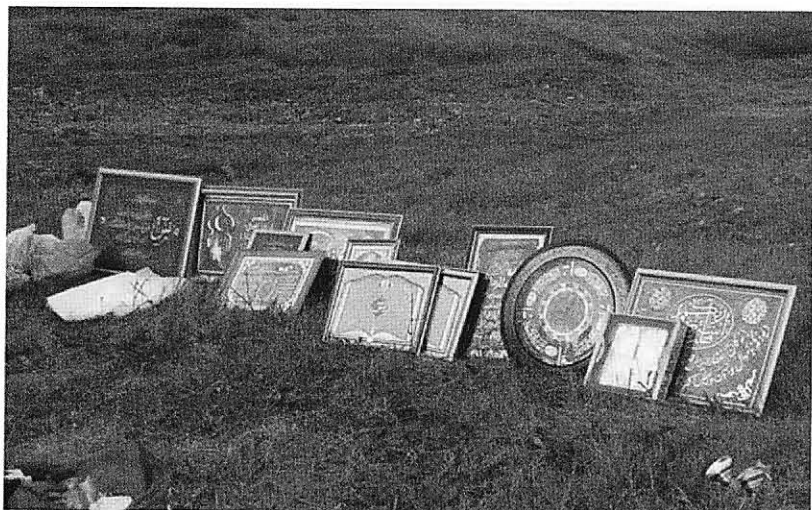
Продажа мусульманских книг во время праздника Булгар-джиен.
г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Сотрудник издательского центра, выпускающего мусульманскую литературу.
г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа сувенирной мусульманской продукции во время праздника Булгар-джиен.
г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа шамаилей во время праздника Булгар-джиен. г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа мусульманских атрибутов во время праздника Булгар-джиен. г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа мусульманских атрибутов во время праздника Булгар-джиен. г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа мусульманского чая во время праздника Булгар-джиен. г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

Продажа мусульманской обуви во время праздника Булгар-джиен.
г. Булгар РТ. 2010 г. Фото автора.

мусульманская одежда
«ГАЛИЯ»
очень большой выбор одежды на все случаи:

платья, костюмы для никаха;
теплая одежда из п/м трикотажа;
костюмы, юбки, теплые десики;
чаланы, шарфы, платки и мн. др.

с 1 по 31 марта
весенние скидки на
зимний ассортимент!

Адрес: 1175 Звезд, ул. П. Коммуны, 10, тел. 331-27-02

Реклама магазина мусульманской одежды.
г. Казань. 2009 г.
Фото автора.

ПРИ МЕЧЕТИ "БУЛГАР"
Магазин модной мусульманской одежды "АЛЬ-КАУСАР" предлагает большой выбор разнообразных нарядов для Никаха и торжественных случаев: платья, туники, брючные комплекты.

При покупке наряда
Свидетельство о никахе в подарок.

Адрес: г. Казань, ул. Мусина, д. 10, т. 8-917-890-10-60

Реклама магазина мусульманской одежды.
г. Казань. 2010 г. Фото автора.

В Священный месяц SMS-ISLAM

РАМАДААН

УВЕДОМЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ПОСТА
на ваших мобильных телефонах

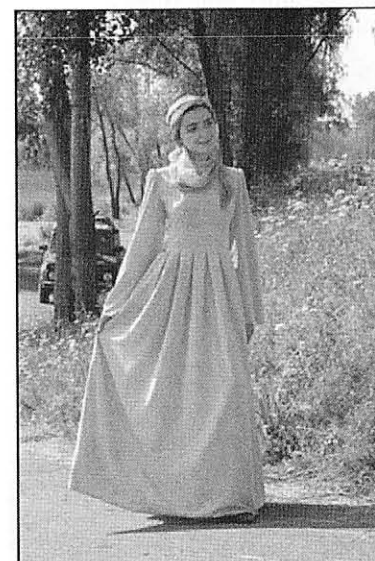
УСЛУГА ДОСТУПНА АБОНЕНТАМ ВСЕХ КОМБИНИРОВАННЫХ СЕТЕЙ

Стоимость подписки 150 руб. на 1 месяц.
Уважаемые абоненты, пожалуйста, будьте внимательны при наборе кодового слова, и отправляйте сообщение только один раз, в случае неправильного запроса услуга считается оказанной.

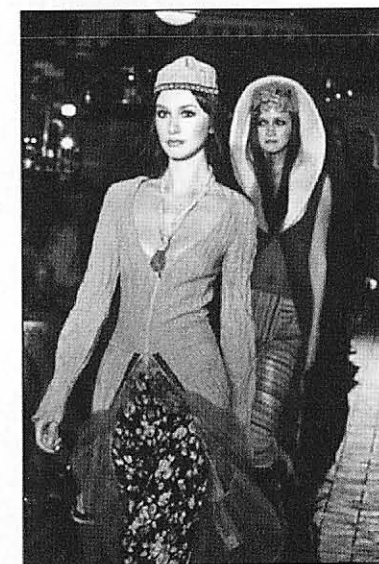
Отправьте сообщение со словом ISLAM на номер 8891

Техподдержка:
+7 702 136 14 20
727 2444 111, sms-islam@mail.ru

Реклама операторов сотовой связи услуг для мусульман. г. Казань. 2009 г. Фото автора.

Праздничный костюм современной мусульманки, изготовленный с использованием национальных традиций. Модельер Гульнара Кадырова.

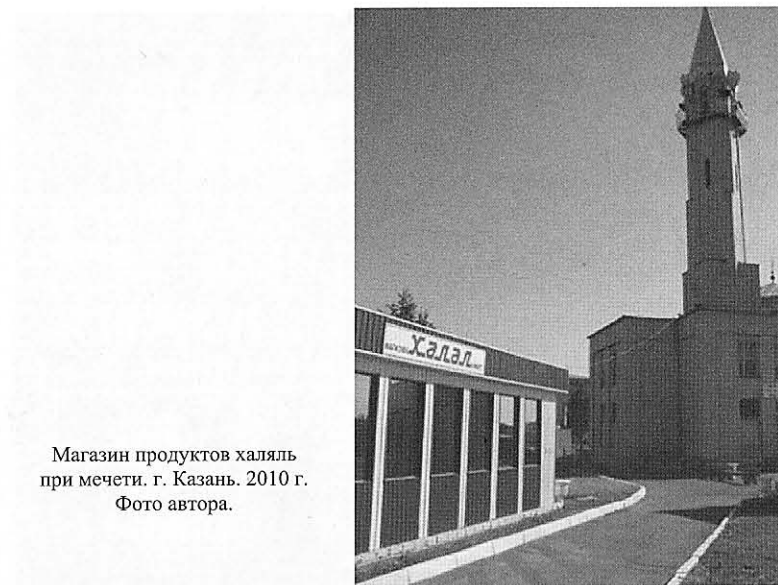
Из коллекции моделей Надежды Аюповой «Новые корни», посвященной 1000-летию Казани.

Медицинские препараты халяль. г. Казань. 2010 г. Фото автора.

Халяль-майонез.
г. Казань. 2010 г. Фото автора.

Магазин продуктов халяль
при мечети. г. Казань. 2010 г.
Фото автора.

Витрина с продукцией халяль на продуктовом рынке. г. Казань. 2010 г. Фото автора.

Кафе халяль-пищи. г. Казань. 2010 г. Фото автора.

Рекламный плакат мясной продукции халяль. с. Ср. Елюзань Пензенской обл. 2008 г.
Фото автора.

Рекламный календарь мясной продукции халяль. с. Ср. Елюзань Пензенской обл. 2008 г.
Фото автора.

Халаль-тушенка.
г. Казань. 2010 г. Фото автора.

Габдрахманова Гульнара Фаатовна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Редактор *Н.А. Холстина*
Компьютерная верстка *М.В. Улезко*

Дизайн обложки *Н.С. Корсаковой*

Подписано в печать 27.12.2010 г.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,5
Уч-изд. л. 15,9 Тираж 500 экз. Заказ № 91/10

Казанский университет

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. 233-73-59, 292-65-60

ISBN 978-5-98180-868-5

9 785981 808685 >